

Т. Б. АЛИСОВА

ОЧЕРКИ
СИНТАКСИСА
СОВРЕМЕННОГО
ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА

(СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ)

1971

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Часть I. Субъектно-предикатные отношения	
Введение	9
Глава I. Классификация простых предложений по их семантико-формальным признакам. Именные члены предложения и их функции	20
§ 1. Грамматическая форма простого предложения. Валентные свойства сказуемого и синтаксические позиции	22
§ 2. Внутренняя форма простого предложения. Элементарные семантические структуры и их дифференциальные признаки	32
§ 3. Именные члены простого предложения и их семантические функции	40
Глава II. Основные семантико-формальные классы и подклассы предикатов (субъектно-предикатных отношений)	56
§ 1. Модель нерасчлененного субъектно-предиката	57
§ 2. Модели абсолютных предикатов	58
§ 3. Модели предикатов локализации	68
§ 4. Модели предикатов неактивных нелокальных отношений	84
§ 5. Модели предикатов активных нелокальных отношений (каузативные модели)	98
Глава III. Семантико-коммуникативные и коммуникативные преобразования простого предложения	116
§ 1. Формы устранения конкретной информации о семантическом субъекте (неопределенно-субъектная трансформация)	116
§ 2. Залоговые трансформации	126
§ 3. Взаимосвязь между грамматической и коммуникативной структурой субъектно-предикатных отношений	139
Часть II. Дополнительные отношения модуса и диктума	
Введение	161
Глава I. Модальные отношения субъективной оценки и формы их выражения	175
§ 1. Конструкция эксплицитной модальности	175
§ 2. Преобразования конструкции эксплицитной модальности	183
§ 3. Вводные и модальные слова субъективной оценки	187
§ 4. Модальные глаголы <i>parere, potere, dovere</i>	191
§ 5. Синтаксические наклонения субъективной оценки	196
§ 6. Соотношение между модальными смыслами субъективной оценки и формами их выражения	206

Глава II. Коммуникативные модальные отношения и формы их выражения	207
§ 1. Синтаксические наклонения	207
§ 2. Вводные слова, передающие отношения, связанные с актом говорения	220
§ 3. Конструкция эксплицитной модальности (косвенной речи)	221
§ 4. Конструкция с прямой речью	227
§ 5. Конструкция несобственно-прямой речи	231
Часть III. Определительные отношения	
Введение	235
Глава I. Определения, выраженные прилагательными	237
Глава II. Определения, выраженные относительными предложениями	265
Заклучение	279
Источники и сокращения	285
Список цитированных работ	287

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Предисловие

1. Синхронное описание языка как системы взаимообусловленных элементов, находящееся в центре внимания современной лингвистики, достигло в области фонологии и морфологии высокой степени точности. Однако при каждой попытке анализа синтаксического строя какого-либо конкретного языка исследователь все еще сталкивается с расплывчатостью основных лингвистических понятий и терминов, таких, например, как «предложение», «простое предложение», «подлежащее», «грамматический субъект», не говоря уже о терминах, обозначающих смысловые категории — «субъект», «объект», «активность», «пассивность» и т. п.

Нечеткость лингвистической терминологии в области синтаксиса объясняется сложностью самого объекта изучения, где скрепляются такие явления, как система языка и ее реализация в речи, языковой знак и обозначаемая неязыковая ситуация, понятийное содержание высказывания и отношение к нему говорящего. Однако наиболее запутанным и, пожалуй, наиболее важным вопросом остается до сих пор проблема взаимоотношения внешней грамматической формы предложения и его содержания.

Формально-грамматическая структура предложения детально описана во всех языках на основании ее внешних признаков. Так, в итальянских грамматиках¹ предложение считается «простым», если оно содержит только одну глагольную форму, безразлично — личную или неличную. Поэтому предложения, включающие два или более однородных сказуемых (egli piangeva e rideva), предложения, содержащие личную форму глагола и деепричастный (причастный) оборот или инфинитивное дополнение (egli mi guardava ridendo, egli desidera venire, io credo di non sbagliare), а также сложноподчиненные и сложносочиненные предложения рассматриваются как сложные, называемые термином «periodo». В русской грамматической традиции предложения, содержащие личный глагол с инфинитивом или ряд однородных личных сказуемых с общими показателями лица, времени и наклонения, относятся к простым².

Оба изложенные выше определения простого предложения не

¹ S. Battaglia, V. Pernicone. La Grammatica italiana. Torino, 1960, pp. 462, 517.

² «Грамматика русского языка». т. II, ч. I. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 99.

безупречны. Так, если, следуя русской грамматической традиции, мы признаем простыми предложения с двумя однородными сказуемыми при условии совпадения у них показателей лица, наклонения и времени, то почему нужно считать сложными «сложноподчиненные» предложения, которые тоже отвечают этим требованиям («Я думаю, что я не ошибаюсь?»). Если же сам факт подчиненного положения одного из сказуемых включает в себе признак «сложности», то почему в таком случае предложения с глаголами мысли и воли, управляющие инфинитивом, не отнести к сложным, тем более, что личный глагол и инфинитив обозначают действия, относящиеся к разным временным планам («я предполагаю вернуться завтра»)?

Не более последовательной оказывается и итальянская традиционная классификация. Так, предложения с неличными формами глагола, подчиненными основному личному глаголу, признаются сложными на том основании, что инфинитив, причастие и деепричастие заключают в себе потенциальное предложение (*proposizione implicita*). В таком случае было бы логичным рассматривать как сложное всякое предложение, один из именных членов которого может быть развернут в личное предложение («он читает в постели», «он не пришел из-за болезни»). Тем не менее в итальянских (и русских) грамматиках такие предложения относятся к простым.

Произвольность и догматизм традиционных определений простого предложения, как, впрочем, и многих других синтаксических понятий, вытекают из чисто внешнего и поэтому случайного характера признаков, отобранных для классификации этих единиц.

Между тем форма языковых знаков не только «тесно связана» с их содержанием, но и составляет с ним органическое нерасторжимое единство. Смысл предложения и его элементов не аморфен и имеет свою структуру, которую можно было бы назвать внутренней.

Формально-грамматическая структура предложения и его внутренняя семантическая форма не находятся во взаимно однозначных отношениях. Преобразования внешней формы предложения зачастую не затрагивают его смысловой стороны («принесите книги», «я приказываю вам принести книги», «я требую, чтобы вы принесли книги»), и наоборот, внешне одинаковые предложения имеют разную семантическую структуру («он лежит в постели» и «он читает в постели»).

Таким образом, предложение, «простое» с точки зрения формально-грамматической, может быть семантически сложным, разложимым на две законченные по смыслу предикативные единицы («он читает в постели» = «он лежит в постели и читает»), а семантически «простое» предложение, не распадающееся на два законченные по смыслу предиката, может иметь форму «сложноподчиненного» предложения («я не уверен, что уеду завтра»).

Констатация объективного факта несовпадения формальной и

смысловой структуры предложения, а также реакция на чрезмерное увлечение «логической» интерпретацией синтаксических категорий привели многих лингвистов к мысли о том, что между грамматической (синтаксической) формой предложения и его «материальным» лексическим содержанием нет необходимой связи и что, следовательно, «описание языка, объединяющее высказывания, одинаковые по смыслу, но различные по форме, не имело бы никакой научной ценности»³. Эта точка зрения характерна не только для некоторых направлений так называемой структурной (в основном американской) лингвистики⁴, но и для многих описательных грамматик различных языков, классифицирующих синтаксические единицы на основании их внешних формальных признаков. Так, в академической «Грамматике русского языка» можно прочесть, что «конкретное содержание предложений не может быть предметом грамматического рассмотрения»⁵.

Действительно, индивидуальные лексические значения слов не имеют отношения к грамматике. Однако лексико-семантические подклассы слов, заполняющих синтаксические позиции предложения, неотделимы от его синтаксической структуры (ср. «ребенок смеется» — «книга продается»), так что вряд ли целесообразно исключать из области синтаксиса исследование взаимосвязи между смысловой и формально-грамматической структурой предложения и тем более отрицать наличие этой связи.

В настоящее время существует целый ряд работ, в которых при классификации синтаксических единиц (типов предложений, членов предложения) учитываются категориальные смыслы лексем (одушевленность — неодушевленность, абстрактность — конкретность)⁶. Наряду с традиционным понятием члена предложения в синтаксических исследованиях постепенно утверждается более дифференцированное и гибкое понятие «позиции», определяемое как место какой-либо одной части синтаксического целого, обусловленное ее отношением к другим частям. Толкование синтаксической структуры как определенной комбинации взаимно обусловленных позиций позволяет заметить функциональную, т. е. в конечном счете смысловую основу синтаксических единиц, в составе которых слова и их грамматические формы получают новые соотносительные значения⁷.

³ А. Martinet. Structures élémentaires de l'énoncé. «La linguistique synchronique». Paris, 1965, p. 197.

⁴ См. Ч. Фриз. Значение и лингвистический анализ. В кн.: «Новое в лингвистике». т. II. М., ИЛ, 1962, стр. 110; Н. Хомский. Синтаксические структуры. В кн.: «Новое в лингвистике», т. II, стр. 520, где утверждается, что грамматические формы могут иметь только грамматическое значение.

⁵ «Грамматика русского языка», стр. 65.

⁶ См., например, Т. П. Ломтев. Основы синтаксиса современного русского языка. М., Учпедгиз, 1958; А. А. Холодович. Опыт теории подклассов слов. ВЯ, 1960, № 1.

⁷ См. Т. П. Ломтев. Ук. соч., а также L. Antal. Word order and syntactic position. «Linguistics», 1964, No. 8.

2. Анализ синтаксической системы любого языка предполагает не только ее описание «изнутри», как множества связанных между собой формальных и смысловых структур, но и установление ее специфических черт по сравнению с системами других языков.

Для выяснения своеобразия языка, в нашем случае итальянского, не достаточно констатировать наличие (или отсутствие) в его синтаксической системе форм, отсутствующих (или присутствующих) в другом языке, тем более что большинство синтаксических единиц совпадает во всех европейских языках.

Как показали исследования последнего времени, «межъязыковая идиоматичность» проявляется также и в том, какую из синонимичных форм, существующих в системах сопоставляемых языков, избирает каждый из них для выражения данного смысла или для обозначения данной ситуации⁸. Это значит, что в ряду синтаксических синонимов существуют формы частотные и формы более редкие, применимые лишь в определенных условиях.

Тенденция языка к преимущественному употреблению одного из возможных способов обозначения ситуации проявляется в конкретных речевых актах и яснее всего обнаруживается при сопоставлении переводов. Это не значит, однако, что частотные характеристики синтаксических структур относятся только к сфере речевого узуса («нормы речи») и не имеют отношения к системе языка и к ее строению. Чем чаще употребляется конструкция, тем шире ее функциональный диапазон, тем более «центральным» оказывается ее положение в системе.

Так, например, основным средством выражения неопределенности (обобщенности) субъекта высказывания в итальянском является возвратная форма сказуемого (которая может быть образована даже от возвратно-непереходных глаголов: *ci si accorge*). Во французском возвратная форма в этой функции встречается гораздо реже, в связи с наличием в системе языка конструкции с неопределенно-личным местоимением «*on*».

Таким образом, показатель частотности различных элементов системы, который мы можем извлечь только из данных ее реализации в речи, является не просто количественным показателем речевой избирательности, а качественным признаком самой системы, не менее важным, чем отсутствие или присутствие какого-либо элемента. Более того, только подсчет сравнительной частотности употребления синонимичных форм позволяет установить первичную форму выражения для данного смысла, а подсчет сравнительной частотности различных значений данной формы — ее первичную, основную функцию в системе языка.

⁸ См. В. Г. Гак. Категории процесса. В кн.: В. Г. Гак, Е. Б. Ройзенблит. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., «Высшая школа», 1965; В. Г. Гак. Беседы о французском слове. М., «Международные отношения», 1966, а также R. Michéa. Les structures. «Etudes de linguistique appliquée», 1963, n° 2.

3. Как известно, представление о языке как об органической и единой системе складывается на основе сознательного или бессознательного анализа множества речевых актов («текстов»). Каждый из устных или письменных «текстов» содержит стилистически нейтральные элементы, общие всем другим речевым проявлениям данного языка, и стилистически отмеченные элементы, свойственные только определенной части «текстов».

Так, в синтаксической системе общенационального итальянского языка существуют конструкции, бытующие преимущественно в устной (письменной) сфере общения и появляющиеся в письменной (устной) речи как своего рода внутриязыковые заимствования. Кроме того, многие конструкции, употребительные в просторечно-разговорном (в Италии всегда диалектально окрашенном) языке, не допускаются литературной нормой и рассматриваются как «неправильные» в словарях и грамматиках. В свою очередь письменная форма литературного языка изобилует «книжными» конструкциями, неуместными в разговорном (и устном литературном) языке, т. е. не соответствующими его нормам. Наконец, существуют синтаксические формы, «видоизмененные под влиянием чувств»⁹ и не употребительные в высказываниях, лишенных аффекта или эмпазы.

Синтаксические варианты, принадлежащие к разным функциональным стилям и сферам языка, в различных комбинациях и пропорциях содержатся во всех текстах, так что при описании синтаксической системы приходится учитывать не только одноплановые стилистически нейтральные единицы, но и формы, имеющие ограниченную область употребления. При этом особый интерес для исследования представляют разговорно-просторечные отклонения от нормы, в которых общие тенденции развития языков и специфические тенденции, заложенные в системе данного языка, проявляются наиболее отчетливо.

Намеченные выше вопросы — взаимоотношение внутренней и внешней формы языкового знака, синонимия и полисемия, литературная норма и ее нарушения, а также специфика итальянского языка по сравнению с другими европейскими языками (в основном, с русским и с французским) — будут составлять основную проблематику настоящей работы, посвященной описанию простой предикативной конструкции («простого предложения») современного итальянского языка.

В первой части работы будут рассмотрены субъектно-предикатные отношения, т. е. семантико-формальная структура простого предложения и его членов.

Во второй части рассматриваются дополнительные отношения между модальным («субъективным») и денотативным («объективным») смыслом предложения и формы выражения этих отношений.

⁹ «Грамматика русского языка», стр. 84.

Последняя часть содержит описание определительных отношений.

Формально-грамматические признаки «предложения» как синтаксической единицы, отличной от «высказывания» или «фразы», в работе не уточняются. «Простое предложение» рассматривается как интонационно законченная единица, содержащая одну простую предикативную конструкцию. Определение последней дается в первой главе первой части.

В работе приняты следующие сокращения: N — существительное; N₁ — подлежащее; N₂ — прямое дополнение; N₃ — косвенное («дательное») дополнение; N₄ — дополнение агента или причины; N₅ — обстоятельство места. N_{ан.} — одушевленное предметное понятие; N_{нан.} — неодушевленное предметное понятие; V — личная форма глагола; Vi — непереходный глагол; Vt — переходный глагол; inf. — инфинитив; p. II — причастие второе; p. ger. — предлог; adj. — прилагательное; * — форма, не употребляющаяся в языке.

Часть I

СУБЪЕКТНО-ПРЕДИКАТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Субъектно-предикатные отношения образуют основную единицу речи — высказывание и основную синтаксическую единицу языка — предложение. Общими признаками высказывания и предложения, отличающими их от слова и словосочетания, являются 1) обязательная специфическая интонация законченности, 2) абсолютная позиция, т. е. свойство не являться частью никакой большей единицы, 3) обязательная соотнесенность субъекта и предиката, т. е. наличие двух элементов¹, связанных предикативными отношениями.

Термины «субъект» и «предикат» приложимы к трем различным планам, сосуществующим в любом высказывании — к плану семантическому, непосредственно соотнесенному с внеязыковой ситуацией, к плану коммуникативному, возникающему в процессе речевого акта, и к плану грамматическому, где смысловым категориям первых двух планов более или менее регулярно соответствуют специальные грамматические формы. Таким образом, грамматические формы субъекта и предиката основаны на семантическом и коммуникативном содержании, которое не только в школьных грамматиках, но и в работах многих лингвистов фигурирует как достаточное определение этих форм. Так, А. Мартине² дает следующее толкование главных членов предложения: «...один из них, обычно обозначающий предмет или явление, на котором со-

¹ См. Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., ИЛ, 1955, § 155: «Во всех формах высказывания тема (A) и повод (Z), определяемое (t) и определяющее (t') находятся в отношении взаимозависимости, дополнительности, взаимного обусловливания. Нельзя представить себе высказывание, не сказав и не подумав, по поводу чего оно было сделано».

² А. Мартине. Основы общей лингвистики. Сб. «Новое в лингвистике», т. III. М., ИЛ, 1963, стр. 478.

средоточивается внимание, называется предикатом, другой же, называемый субъектом, обозначает активного или пассивного участника событий». Семантико-коммуникативную («логическую») дефиницию подлежащего находим также у А. И. Смирницкого³: «Субъект — это тот предмет мысли, по отношению к которому мыслится, определяется и выделяется предикат. Субъект в предложении находит выражение в подлежащем. Следовательно, подлежащее представляет собой слово или сочетание слов, которым обозначается субъект». Вместе с тем сам А. И. Смирницкий подчеркивает, что «между членением на подлежащее и сказуемое, с одной стороны, и на то, о чем говорится и то, что говорится, с другой», нет регулярных соответствий, так же, впрочем, как между подлежащим и реальным производителем действия. Совершенно очевидно, что относительная независимость грамматического, семантического и коммуникативного членений предложения делает необходимым раздельное определение элементов предложения для всех трех планов.

Семантические субъект и предикат предварительно можно определить как понятие о предмете и понятие о его признаке, который может быть также отношением к другим предметам. Семантические типы отношений между субъектом и предикатом сводятся к смысловым типам признаков, выделяемых у предметных понятий.

В лингвистической литературе пока еще не существует общепринятой семантической классификации предикатов, основанной на точно определенном количестве их дифференциальных смысловых компонентов.

Тем не менее некоторые из этих компонентов издавна известны и самоочевидны. Так, односоставные и двусоставные предложения («моноремы» и «диремы») противопоставлены по признаку недискретности—дискретности выражения понятий о субъекте и предикате. В свою очередь противопоставление двусоставных предложений с одним именным членом — подлежащим двусоставным предложениям, содержащим два или более именных члена, основано на таких общих признаках сказуемого, как абсолютность и относительность.

Следует, однако, подчеркнуть, что субстанция и ее проявление совсем не обязательно должны быть обозначены предикативным сочетанием слов и что при изменении формы выражения семантические отношения признака к предмету (или предметам, если признак не абсолютен) могут оставаться инвариантными: «человек продает книги» — «продавец книг». Поэтому термины «субъект» и «предикат» в применении к семантическому плану не предполагают никакого «предикативного» содержания, и различия между предложением (этот человек старый) и словосочетанием

³ А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., ИЛ, 1957, § 72, 73, стр. 108—111.

(старый человек) здесь нейтрализованы. Кроме того, семантическая структура предложения совсем не обязательно двучленна, так как предикат может выражать не только абсолютный признак одного предметного понятия — «он плачет», но и относительный признак, связывающий два или три предметных понятия — «он его видит», «он ему показывает книгу».

Двучленные отношения между элементами высказывания устанавливаются самим речевым актом, в котором сообщается «что-то по поводу чего-то». Отправная точка высказывания («данное», «тема») является коммуникативным субъектом, а то новое, что сообщается относительно темы, выступает в качестве коммуникативного предиката («рема»). Тема высказывания, данная во внеязыковой ситуации или в контексте, не всегда имеет словесное выражение. В частности, назывные предложения содержат только коммуникативный предикат («Ночь, улица, фонарь, аптека»).

Предметное понятие, функционирующее как тема, обычно (но не обязательно) получает грамматическую форму подлежащего.

С семантической стороны высказывания его коммуникативное членение непосредственно не связано, хотя при переносе функции «темы» с одного предметного понятия на другое может измениться как семантическая, так и грамматическая структура предложения: Ср. «Он дал мне книги» — «Я получил книги» — «Книги были получены» (см. IV главу этой части).

Тема и рема связаны между собой предикативными отношениями.

Сами предикативные отношения обычно определяются как «отнесение содержания высказывания к действительности»⁴. Приблизительно в том же смысле употребляется у Ш. Балли термин «актуализация», с той лишь разницей, что «актуализированными» оказываются отдельные слова в составе высказывания⁵, тогда как свойство предикативности принято приписывать высказыванию в целом.

Вместе с тем «функция актуализации (добавим, и предикативности) заключается в переводе языка в речь»⁶, не существующую без субъекта речевой деятельности. Поэтому «действительность», к которой относится высказывание (и не только его понятийное содержание, а весь языковой знак в целом⁷), включает наряду

⁴ См. В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения. Сб. «Вопросы грамматического строя». М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 404, а также А. И. Смирницкий. Ук. соч., стр. 102.

⁵ Ш. Балли. Ук. соч., § 110, 112, стр. 87—88: «Актуализировать понятие значит отождествить его с реальным представлением говорящего... «Актуализация понятий заключается, таким образом, в соотношении их с действительностью».

⁶ Там же, § 119, стр. 93.

⁷ E. Coseriu. Determinación y Entorno. Dos problemas de una linguística del hablar. «Romanistisches Jahrbuch». Hamburg, 1955—1956, Bd. VII, p. 35.

с денотатом также и самого говорящего и его признак — «говoreние».

Если соотнесение слова или группы слов с объективным денотатом уточняет и конкретизирует выражаемые словами понятия, отношение слов к говорящему их лицу имеет несколько иной характер: слова как элементы системы языка превращаются в средство коммуникации и приобретают новый признак «сказанных слов», отнесенных самим актом речи к какому-либо объективному предмету. Таким образом, предикативность основана прежде всего на «вмешательстве говорящего» в отношение между предметом и его признаком⁸ и имеет определенное «субъективное» содержание.

Это дополнительное предикативное содержание, приобретаемое словами, функционирующими как высказывание, складывается из трех видов зависимости, которые устанавливаются между субъектом и предикатом высказывания, с одной стороны, и субъектом и предикатом акта коммуникации, с другой⁹ (оба субъекта совпадают в высказываниях о «самом себе»). Для предметного понятия (обычно «темы») эта зависимость проявляется в соотнесении с лицом говорящего по общим признакам «предметности» и «субъектности» и противопоставление ему по признакам «не говорящий, а собеседник» (второе лицо), «не участник коммуникации, а предмет речи». Для понятия о признаке (реме) — это соотнесение с такими характеристиками речевого акта, как временная определенность «сейчас», противопоставленная другим временным характеристикам, и субъективная оценка содержания высказывания. Все эти дополнительные предикативные смыслы выражаются, как известно, или формой интонации или грамматически, в формальных показателях лица, времени и наклонения личного глагола¹⁰. Ни одно из трех предикативных значений не влияет на семантику субъектно-предикатных отношений и в свою очередь не зависит от семантических типов этих отношений. Так, по поводу модального значения А. М. Пешковский¹¹ замечает: «...что бы мы ни сказали, мы высказываем это либо повествовательно, либо вопросительно, либо восклицательно. Как ни важна для нас разница между этими тремя видами речи, она все-таки не материальна, а формальна. Скажем ли мы «Он здесь» или «Он здесь?» или «Он здесь!», материал нашей мысли останется один и

⁸ С. Карцевский определяет высказывание как «un syntagme prédicatif, c'est-à-dire qu'à l'encontre de tous les autres syntagmes, l'attribution du (t') au (t) s'y fait par l'intervention de la personne parlante d'une manière explicite». (Sur la phonologie de la phrase. TCLP, 1931, n° 4, p. 189).

⁹ О формах выражения этой зависимости см.: R. Jakobson. Les embrayeurs, les catégories verbales et le verbe russe. «Essais de linguistique générale». Paris, 1963, pp. 181—183.

¹⁰ См. определение компонентов предикативности в «Грамматике русского языка», т. II, ч. I. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 79.

¹¹ См. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., Учпедгиз, 1936, стр. 69.

тот же: представление о «нем» и о месте, где он находится. Меняется только отношение наше к данной мысли».

Все три предикативные категории определяются Пешковским как «субъективно-объективные», поскольку в отличие от «объективных» синтаксических категорий (например, залога) они обозначают «отношение самого говорящего к тем отношениям, которые он устанавливает между словами»¹².

Вместе с тем отношение говорящего к высказыванию является признаком самого говорящего и может быть представлено не только имплицитно в грамматических формах предложения, но и эксплицитно в виде автономной глагольной лексемы, ср. «принеси книгу!» — «я *требую*, чтобы ты принес книгу».

Таким образом, смысловой субстрат высказывания (предложения), в отличие от непредикативного сочетания понятий о субстанции и о ее признаке, всегда содержит в явной или скрытой форме два субъектно-предикатных комплекса: субъект и предикат акта коммуникации («модус») и субъект и предикат высказывания («диктум») ¹³.

Дополнительные отношения между модусом и диктумом, т. е. модальные отношения (см. вторую часть настоящей работы), несмотря на их обязательное наличие в любом предложении, не отражают зависимости между субъектом и предикатом внутри каждого из этих комплексов. То же самое можно сказать и о временных характеристиках предложения ¹⁴.

В отличие от предикативных категорий модальности и времени предикативная категория лица, будучи «субъективно-объективной», как и две первые, выступает одновременно и как чисто «объективная» ¹⁵, так как с ее помощью осуществляется связь между субъектом и предикатом высказывания. Не изменяя семантики субъектно-предикатных отношений, категория лица определяет их как предикативные, т. е. установленные в данном акте коммуникации. (Сочетание с личным местоимением любого слова всегда предикативно, ср. «красивый дом» и «красивый он».) Поэтому формы выражения лица играют основную роль в определении субъекта и предиката предложения как грамматических единиц.

Грамматические субъект и предикат образуют основу наиболее распространенной грамматической модели предложения и должны иметь какие-то специфические формальные характеристики. Помимо грамматических показателей предикативности (лицо, время, наклонение) существенным формальным признаком субъектно-предикатной синтагмы, отличающей ее от непредикативного словосочетания, является, как известно, то, что ее части

¹² А. М. Пешковский. Ук. соч., стр. 108—109.

¹³ Ш. Балли. Ук. соч., § 28, стр. 44.

¹⁴ См. И. И. Мещанинов. Глагол. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 75.

¹⁵ См. А. М. Пешковский. Ук. соч., стр. 108.

связаны отношением взаимоопределяемости (обязательной дополнителности), исключающем сведение целого, т. е. предложения, к одной из частей. Так, если в сочетании «скучная книга» определяемое может существовать без определения, то в предложении «эта книга скучная» зависимость между элементами оказывается двусторонней и ни один из главных членов не может представить все предложение.

Этому утверждению как будто противоречит тот факт, что личная форма глагола является «грамматическим минимумом» предложения и, следовательно, выступает как ведущий («конституирующий») член предикативного сочетания. На основании этого наблюдения Е. Курилович¹⁶ видит формальное отличие непредикативной синтагмы от предикативной в том, что «конституирующим членом словосочетания является определяемый член, а конституирующим членом предложения — определяющий, т. е. сказуемое». И дальше: «Словосочетание выполняет ту же синтаксическую функцию, что и определяемый член. Предложение выполняет ту же синтаксическую функцию, что и его сказуемое (личный глагол)... Безличные предложения являются предложениями с функциональной и формальной точки зрения». Исходя из тех же предпосылок, Л. Теньер¹⁷ считает подлежащее «таким же дополнением сказуемого, как и все прочие», а его позицию — зависимой от валентных свойств глагола. Неоднократно подвергавшаяся не всегда убедительной критике, эта точка зрения по сей день находит многочисленных сторонников¹⁸, и ее жизнеспособность объясняется тем, что личной форме глагола (грамматическому предикату) действительно свойственно независимое от подлежащего употребление, а позиция подлежащего действительно управляется глагольной лексемой или ее грамматической формой, подобно позициям дополнений (ср. «он смеется» — «ему смешно»; «он сказал» — «говорят»).

Однако нетрудно заметить, что во всех случаях, где позиция подлежащего исключена или просто не замещена («вижу, знаю»), сказуемое сохраняет грамматический показатель субъекта. Таким образом, наличие формы грамматического субъекта оказывается обязательным в любом формально-грамматическом предложении и не зависит от семантического класса глагола. В свою очередь личная форма глагола только потому и является закрепленным в системе языка, т. е. грамматическим, предикатом, что в ее составе присутствует грамматический показатель субъекта. В тех случаях, когда флексия оказывается недостаточно выразительной, ее

¹⁶ См. Е. Курилович. Основные структуры языка: словосочетание и предложение. В кн.: «Очерки по лингвистике». М., ИЛ, 1962, стр. 55, 56.

¹⁷ L. Tesnière. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959, p. 109.

¹⁸ См., например, Б. А. Абрамов. Синтаксические потенции глагола. «Филологические науки», 1966, № 3, стр. 37—38, а также Н. Д. Арутюнова. О синтаксической сочетаемости слов в испанском языке. «Филологические науки», 1962, № 2, стр. 33, где мы находим утверждение, что глаголы определенных семантических классов управляют субъектной валентностью.

роль, как известно, выполняют личные субъектные местоимения, которые во всех европейских языках сохраняют падежное противопоставление форм субъекта и объекта. Следовательно, грамматический предикат определяется как синтетическая или аналитическая форма, включающая грамматический показатель субъекта и лексему, обозначающую его признак. В этом сочетании независимым «конституирующим» членом выступает грамматический показатель субъекта, т. е. личное местоимение или личное окончание, так как «оно не может выступать в зависимой позиции и, наоборот, всегда открывает позицию, а лексема глагола занимает позицию при личном окончании»¹⁹.

Как же соотносятся «неуправляемая» позиция грамматического субъекта и «управляемая» позиция подлежащего²⁰ и имеем ли мы основание рассматривать их как две разные синтаксические позиции?

Формой выражения грамматического субъекта являются, как известно, личные окончания глагола и (или) субъектные местоимения. Существительные, занимающие позицию субъектных местоимений, также имеют форму грамматического субъекта, так как идентичность позиции есть показатель идентичности синтаксической формы. Содержательной стороной формы грамматического субъекта является включение данного понятия в один парадигматический ряд с формой, обозначающей лицо «говорящего», т. е. субъекта *rag excellence*, и установление с ним определенных значимых противопоставлений на основе общей функции субъектности. Субъект «я» обладает признаками пространственной и временной определенности, конкретности, личности, и участия в коммуникации; все прочие члены «субъектной» парадигмы могут быть лишены одного, двух или всех этих компонентов и сохранять только самый общий признак субъектности и, имплицитно, соотносительности с говорящим.

Лексическое заполнение позиции грамматического субъекта имеет целый ряд ограничений, зависящих от семантико-коммуникативных отношений между субъектом и предикатом, а иногда только от нормативных идиоматизмов каждого языка. Так, позиция грамматического субъекта исключает компонент личности, конкретности (дискретности) и вообще любой семантической конкретизации при семантической нерасчлененности субъекта и предиката, например: *piove, il pleut, es regnet*, хотя в русском языке как раз позиция субъекта получает здесь конкретную лексическую нагрузку — «дождь идет». Иногда позиция грамматического

¹⁹ С. Каролак. Проблема синтагматической позиции элементов языка. «Филологические науки», 1962, № 2, стр. 21.

²⁰ Для различения этих понятий русская грамматическая терминология имеет преимущество перед западноевропейской, где грамматический субъект с обобщенным («чисто грамматическим») содержанием часто называется «формально-грамматическим». Поскольку всякое грамматическое явление формально, такое определение не содержит никакой спецификации.

субъекта замещается показателем нейтральности лица при недостоверности сведений о производителе действия: *on dit, man sagt*.

Наконец, во всех европейских языках существуют предикативные лексемы (более или менее многочисленные в зависимости от общей структуры каждого языка), которые не допускают субъектных показателей первого и второго лица или вообще исключают любую лексическую конкретизацию в позиции грамматического субъекта, зато предполагают эту конкретизацию в позиции косвенного дополнения: «мне это удастся», «мне скучно», *mi dispiace, mi pare, il me semble, it seems to me*.

Если за максимально конкретизированный грамматический субъект принять местоимение «я», а за предельно пустой французское безличное *il* (немецкое *es*) или итальянское и русское окончание 3 л. ед. ч. безличных глаголов, то промежуток между ними будет заполнен рядом более или менее конкретизованных позиций. Поскольку конкретизованная позиция субъекта является наиболее распространенной и для большинства конструкций первичной, за ней следует сохранить традиционное название позиции подлежащего, устранение которой не должно приравниваться к устранению позиции грамматического субъекта вообще.

Таким образом, ответ на вопрос о идентичности или различии позиций грамматического субъекта и подлежащего может быть сформулирован так: подлежащее всегда занимает позицию грамматического субъекта, но не всякий грамматический субъект может быть лексически конкретизован и степень его конкретизации управляется лексемой или грамматической формой сказуемого.

За предложениями, содержащими позицию подлежащего, в русской грамматике закрепилось название личных. Однако признак «личности» полностью представлен только в тех случаях, если лексема глагола способна сочетаться с субъектными показателями всех трех лиц (что предполагает также и ее широкую сочетаемость с различными существительными в позиции подлежащего). Когда лексема глагола сочетается только с показателями третьего лица и при этом допускает лексическую конкретизацию позиции субъекта, возникают «одноличные» подлежащие предложения²¹, с ограниченным кругом лексем, способных замещать позицию подлежащего. Граница между одноличными и безличными (т. е. безподлежащими) предложениями неустойчива, поскольку они часто выступают как позиционные или свободные варианты (ср. «голова трещит — в голове трещит»²², «сердце щемит — на сердце щемит», «мне нужно работать — мне нужна работа», ит. *mi piacciono i dolci — mi piace mangiare i dolci, mi occorre lavare — mi occorrono soldi*).

Подлежащие предложения называют также двусоставными, в отличие от односоставных, где понятия о предмете и его при-

²¹ См. А. М. Пешковский. Ук. соч., стр. 333.

²² Там же, стр. 320.

наке выражены совместно. Однако хотя личные предложения всегда двусоставны, признак безличности и признак двусоставности друг друга не исключают, как это видно на примерах с так называемым дательным предикативным падежом (мне жаль, *mi dispiace*).

Проблема дательного (винительного) предикативного принадлежит к числу «проклятых вопросов» теории грамматики. Эта форма не укладывается в стандартную схему «номинативного» предложения²³, где позиция грамматического субъекта и позиция его лексической конкретизации или совпадают (при нулевом показателе лица в флексии глагола: *je parle, tu parles, mon père parle*) или дублируют друг друга (я говорю, ты говоришь, отец говорит). Дательный предикативный, в отличие от родительного предикативного²⁴, не является комбинаторным вариантом именительного падежа, так как не занимает позиции грамматического субъекта и не может рассматриваться как подлежащее.

Поскольку за грамматическое выражение субъекта высказывания в европейских языках принимается формальный признак совпадения позиции субъекта с позицией, занимаемой именительным падежом личного местоимения первого лица («Я-позиция»), дательный падеж субъекта с этой точки зрения нельзя рассматривать как грамматический субъект (т. е. как форму выражения предикативных отношений), тем более, что при дательном падеже субъекта глагольное сказуемое может иметь собственное грамматическое подлежащее: «Мне нравятся груши». Вместе с тем предикативный характер отношений между «мне» и «нравятся», основанный на семантико-коммуникативных связях этих двух слов, имеет четкую просодическую форму выражения, в точности соответствующую интонации «номинативных» предложений: «Иван /любит груши» — «Ивану/нравятся груши», так что с коммуникативной и семантической точки зрения оба предложения эквивалентны.

Кроме того, не следует забывать, что «Я-позиция» принята за формальный эталон грамматического субъекта только исходя из частотности подобного оформления семантического и (или) коммуникативного субъекта в европейских языках. Само по себе содержание предикативности (соотнесение с субъектом акта коммуникации и установление с ним парадигматической связи) вовсе не обязательно предполагает именительный падеж местоимения «я»

²³ Karin Pontoppidan-Sjövall. Categories of content and form in language. A study of the personal and impersonal constructions in Russian. Uppsala, 1968; М. М. Гухман. Конструкции с дательным — винительным лица и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков. В кн.: «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов». Л., «Наука», 1967.

²⁴ Ср. «На столе лежали книги — на столе лежало несколько книг», ит. *Il lavoro c'è — Di lavoro se n'è*, где родительный падеж в русском и соответствующая предложная конструкция в итальянском обусловлены значением паритивности (неопределенности) субъекта.

за точку отсчета. Те же отношения к первому лицу и изменение предложения по лицам может происходить и в дательном падеже: «мне нравится, тебе нравится, ему нравится», т. е. за пределами личного глагола. Тогда личное окончание глагола «мне нравится что-то» определяется как показатель грамматического субъекта с точки зрения номинативной позиции субъекта, в то время как лексема глагола предполагает соотнесение с субъектом в позиции косвенного дополнения, где и осуществляется «синтаксическое сопряжение» глагола по лицам. Наконец, серийный характер конструкции с дательным предикативным и ее продуктивность в некоторых языках, например, в русском, немецком, испанском и итальянском, сообщает ей статус стандартной модели, правда, менее частотной, чем «номинативная».

Вместе с тем разобщенность позиции грамматического субъекта и позиции лексической конкретизации семантико-коммуникативного субъекта, или вообще исключение последней позиции из конструкции, не влияют на форму выражения предикативности, которая у одноличных и безличных глаголов, так же как у трехличных лексем, представлена личным окончанием (*mi dispiace, piúve, egli ride*).

Итак, грамматической формой предиката является личный глагол²⁵, который символизирует в системе языка готовую минимальную модель высказывания, т. е. минимальное предложение, состоящее из субъектного показателя и глагольной лексемы. Хотя оба элемента минимального предложения взаимно обусловлены, ведущим является все же грамматический показатель субъекта, устанавливающий парадигматическую значимость всей словоформы.

В отличие от позиции грамматического субъекта, позиция лексической конкретизации семантического субъекта зависит от лексемы и формы глагола. Эта позиция может просто отсутствовать (*piove*), может не совпадать с позицией грамматического субъекта (*mi piace*), может дублировать позицию грамматического субъекта (*egli ride*) и, наконец, может быть эксплицитно исключена при неопределенно-субъектной трансформации (*si ride*) или превращена в позицию дополнения агента при пассивной трансформации (*è stato fatto da lui*).

Отсюда следует, что положение Теньера о принципиальном равноправии «субъекта» и других «дополнений» оказывается справедливым только в том случае, если речь идет о семантических «актантах», т. е. о так называемых психологических («реальных», «логических») субъекте, объекте и т. п., оформление которых связано с изменениями глагольной лексемы. Если же имеются в виду грамматические актаны, т. е. именные члены предложения, приравнивание подлежащего к другим дополнениям нецелесооб-

²⁵ В русском языке грамматический признак предикативности имеют также лексемы «категории состояния».

разно, поскольку эта позиция, несмотря на зависимость ее лексического заполнения от лексемы глагола, всегда совпадает с позицией грамматического субъекта и образует с глаголом предикативное сочетание. Эту особенность подлежащего тем более важно подчеркнуть, что при утрате предикативной связи с глаголом оно легко приобретает функциональные и формальные признаки дополнения²⁶. В свою очередь дательный (винительный) предикативный при одноличных (безличных) глаголах также нельзя рассматривать как обыкновенное дополнение, хотя его предикативные связи со сказуемым грамматически не выражены (отсутствует согласование в лице).

²⁶ См. ниже главу о коммуникативных функциях членов предложения.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ИХ СЕМАНТИКО-ФОРМАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ. ИМЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ИХ ФУНКЦИИ

Помимо общих формально-смысловых признаков, отличающих сочетание субъекта с предикатом, т. е. предложение, от не-предикативных словосочетаний, существуют формально-смысловые признаки, отличающие одни типы предложения от других.

Традиционная грамматика устанавливает два ряда противопоставленных друг другу форм: ряд, различающийся «по степени личности» (личные, одноличные¹, неопределенно-личные, безличные), и ряд, различающийся по «составу» (односоставные и двусоставные)². Эти термины, прочно вошедшие в обиход, достаточно однозначны и общепонятны, так что нет смысла от них отказываться. Однако классификация, лежащая в их основе, имеет тот недостаток, что формальные признаки не соответствуют содержательным противопоставлениям и объединяют явления семантически разнородные, а разъединяют однородные. Так, «безличными» оказываются в равной мере преобразования личных, например «запрещается», «запрещено», «è proibito», модель с дательным и винительным предикативными: «мне страшно», «меня тошнит», *mir ist bang*, *es hungert mich*, ит. *mi è necessario*, *mi sorprende che...* и предложения с нерасчлененным субъекто-предикатом: «морсит», *piove*, *es regnet*, *è tardi*; наоборот, однородные единицы, например, позиционные варианты одной и той же конструкции, попадают в разные классы: «мне нужно уехать» — безличное предложение, а «мне нужны деньги» — личное. В свою очередь применение терминов «односоставность» и «двусоставность» только по отношению к наличию или отсутствию позиции подлежащего

¹ Термин «одноличный» (*unipersonale*) обычно применяется для обозначения типа глагольных лексем, а не типа предложений.

² О типах предложений, выделяемых по модальным признакам, см. часть II.

представляется неоправданным, так как лексема глагола управляет не только лексическим заполнением позиции подлежащего, но и позициями дополнений. Пример тому — конструкции с дательным предикативным, которые «двусоставны» в случае «мне жарко», но «трехсоставны» в случае «мне нравятся груши». Ничто не препятствует также рассматривать предложение типа «отец дал сыну книгу» как четырехсоставное, т. е. содержащее четыре самостоятельные лексемы, одна из которых, а именно глагол, указывает на характер связи между остальными тремя. Совершенно очевидно, что классификация по формальным признакам оправдана только тогда, когда каждой формальной оппозиции соответствует содержательное противопоставление, так как различие формы, не поддержанное изменением смысла или отмечающее несущественные смысловые сдвиги, указывает лишь на варианты плана выражения («синонимы», полные или частичные, свободно заменяющие друг друга, или обусловленные окружением).

Очевидно, обоснование для противопоставления формальных типов предложения следует искать в различии смысловых отношений между главными элементами предложения.

Субъект характеризуется предикатом как активный или не активный, как не связанный в своих признаках с другими «актантами» или как взаимодействующий с другими предметными понятиями. Таким образом, смысл предиката отражает различные семантические функции субъекта и всех связанных с ним понятий, определяя субъект то как носителя абсолютного признака, то как производителя действия, то как предмет локализации и т. п. и соответственно все прочие предметные понятия — как локализатор, как производимый объект, изменяемый объект, перемещаемый объект и т. п.

Подобно всем элементам знакового уровня, форма предложения и его членов не находится в однозначном отношении со своим содержанием. Общеизвестно, например, что переходные и непереходные глаголы (в традиционном понимании этих терминов) не отражают никакой четкой смысловой дифференциации предикатов (так, любой абсолютный предикат может быть построен по переходной модели: «он прыгнул — он сделал прыжок», *egli saltò — egli fece un salto*), а за грамматической формой подлежащего может скрываться любая семантическая функция (классическим примером несовпадения формы и функции является пассивная конструкция, где подлежащее соответствует семантическому объекту). Не менее известно также и то, что асимметрия языкового знака делает необходимым раздельное описание структуры плана выражения и структуры плана содержания³. Поэтому возникает необходимость чисто формальных определений «означающей» стороны знака (*signifiant*), которые для синтаксических структур да-

³ См. по этому поводу интересную статью Н. Д. Арутюновой «О значимых единицах языка». В кн.: «Исследования по общей теории грамматики». М., «Наука», 1968, особенно стр. 93—101.

ются в терминах позиций и замен, окружений знака и его преобразований. Между тем необходимость в чисто формальных критериях для идентификации знаков вовсе не исключает «обращения к значению» и параллельного «содержательного» определения формальных единиц. Более того, только учет содержательной, функциональной стороны знака позволяет определить «направление» трансформаций, установить системные отношения между различными формами выражения одного и того же основного (инвариантного) значения и выяснить природу многозначности (омонимии)⁴. Таким образом, раздельное описание структуры плана выражения и плана содержания следует рассматривать лишь как предварительный технический прием, за которым должен следовать анализ взаимодействия единиц обоих планов. Отправной точкой такого анализа является «определение для данной формы первичной (т. е. главной) и вторичных функций, для данной же функции — первичной (главной) и вторичных форм»⁵. Так, например, форма переходного предиката первична для обозначения активного действия, направленного на объект (он схватил мяч), и вторична по отношению к абсолютному предикату (он заболел — он схватил болезнь). Форма подлежащего первична для понятия, обозначающего активного производителя действия, и вторична для локализатора, объекта действия, инструмента действия и т. п. Естественно, что вопрос о первичности и вторичности синтаксической формы (функции) для каждой конкретной единицы может быть объективно решен только при ее соотнесении с первичными и вторичными формами (функциями) всех прочих единиц того же плана. Такое соотношение можно было бы графически изобразить так же, как это делает Курилович для отдельных слов, т. е. расположить типы функций по вертикали и формальные типы по горизонтали. Однако прежде чем строить эту сетку, необходимо точно определить сами синтаксические единицы плана выражения и плана содержания. Поскольку здесь нас интересует только простое предложение, посмотрим теперь, что, собственно, следует понимать под его внешней (грамматической) и его внутренней (семантической) структурой.

§ 1. ГРАММАТИЧЕСКАЯ ФОРМА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ. ВАЛЕНТНЫЕ СВОЙСТВА СКАЗУЕМОГО И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ

Формальной синтаксической единицей, отмечающей различия в семантике ситуации, является предикативная конструкция или «структура», где слова с их лексическими и грамматическими свойствами вступают во взаимодействие и образуют сложный язы-

⁴ См. Е. Курилович. Заметки о значении слова. В кн.: «Очерки по лингвистике». М., ИЛ, 1962, стр. 250.

⁵ Там же.

ковой знак, форма и содержание которого не сводится к простой сумме форм и значений составных частей. Хотя лексемы и морфемы (свободные или связанные), а также модели непредикативных словосочетаний, входящие в конструкцию, являются элементами ее формы, сама форма конструкции сообщает им новые соотносительные, т. е. синтаксические, характеристики, которые не вытекают из их «абсолютных» свойств⁶. Поэтому такие чисто морфологические признаки глагола, как возвратная форма в отличие от невозвратной или непосредственная переходность в отличие от опосредствованной⁷ («требующей» предлога), не могут служить препятствием для определения синтаксических конструкций как идентичных (при условии принадлежности глагола к одному семантическому подклассу, например, я боюсь чего? надеюсь на что?, жду чего, жалею ли о чем?). Точно так же словосочетание «существительное+прилагательное» только в составе предложения определяется то как синтаксически эквивалентное существительному (при отношениях характеристики: «я купил свежее молоко»), то как не сводимое к синтаксической позиции ведущего члена и распадающееся на две синтаксические позиции (при отношениях спецификации: «у него длинный нос»). Словосочетание глагола с дополнением, включенное в предикативную конструкцию, вообще не может рассматриваться как «распространение» глагола, синтаксически сводимое к ведущему члену, так как дополнение, не в меньшей мере чем подлежащее, определяет синтаксический тип конструкции, изменяющийся при устранении или добавлении позиции любого из именных членов (например, предложения «он много ест» и «он ест яблоко» представляют собой различные синтаксические конструкции). Синтаксическая природа дополнений как членов предложения проявляется также в их способности занимать позицию подлежащего при залоговых преобразованиях первоначальной конструкции. Таким образом, внешняя синтаксическая форма конструкции складывается из позиций именных членов, группирующихся вокруг ее предикативного ядра — личной формы глагола.

Исходя из ведущей роли личного глагола в структуре предложения, многие исследователи полагают, что количество и форма именных членов («актантов») задается (управляется) лексико-

⁶ V. Brøndal. Essai de linguistique générale. Copenhague, 1943, p. 9: «Il faut bien remarquer que fonction morphologique ou sens fixe d'une forme grammaticale ne se confond nullement avec fonction syntaxique ou rôle joué dans une phrase». Автономность синтаксической формы по отношению к ее лексико-морфологическому наполнению есть частный случай общего «закона определения части целым», согласно которому, как отмечает Т. Слама Казаку, «chaque composant reçoit une certaine valeur, un certain rang hiérarchique, qui n'est jamais inhérent au composant lui-même d'une manière absolue, mais qui n'est accordé que dans l'ensemble respectif» (Т. Slama Cazacu. Langage et contexte. Mouton. 's — Gravenhage, 1961, p. 101).

⁷ Термины А. М. Пешковского. Русский синтаксис в научном освещении. М., Учпедгиз, 1938, стр. 271.

грамматическими свойствами глагольной лексемы⁸, которая в большей или меньшей степени «требуется» дополнений в зависимости от степени своей семантической полноты. Как известно, традиционное понятие переходности — непереходности глагола еще Пешковским и Сешэ было интерпретировано не формально, а функционально, как наличие или отсутствие необходимой связи между глаголом и его дополнением⁹. Поскольку наличие и отсутствие связи представляют собой крайние случаи, иногда говорят о градациях «переходности» и даже устанавливают строго количественные критерии для разграничения сильноуправляемых и слабо управляемых позиций¹⁰.

Устойчивая связь между дополнением (в широком смысле) и глаголом вводит в состав его лексического значения обязательный семантический компонент отношения к данному дополнению, называемый обычно «валентностью».

Чем более отчетливо представлена в лексеме глагола идея отношения к дополнению, тем более «переходным» оказывается сам глагол и тем менее он нуждается в добавочных средствах выражения этой связи¹¹. Поэтому предлоги, включенные в синтагму с сильным управлением, функционально не нагружены¹² и, как всякий избыточный элемент, навязанный нормой языка, идиоматичны (ср. входить в комнату — *to enter the room*). Наоборот, отношение, не предусмотренное лексемой глагола, выражено значимым, но не управляемым предлогом, поскольку, в отличие от обязательного элемента, «он несет информацию, которая не явствует из остальных элементов предложения»¹³. Обычно не зависящее от лексемы глагола отношение обозначается конкретным предлогом, тогда как многозначные предлоги (например, *it, a, di, in*) управляемы и избыточны. Существуют, однако, и промежуточные случаи, например, при глаголах локальных отношений, где лексема гла-

⁸ L. Tesnière. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959, p. 106; А. А. Холодович. Опыт теории подклассов слов. ВЯ, 1960, № 1, стр. 38; Т. П. Ломтев. Описание структуры предложения на основе его функционального представления. «Slavia», 1965, № 3, стр. 424.

⁹ А. М. Пешковский. Ук. соч., стр. 269 и 271: «Под «сильным» управлением мы понимаем такую зависимость существительного или предлога с существительным от глагола, при которой между данным падежом или данным предлогом с данным падежом, с одной стороны, и словарной или грамматической стороной глагола, с другой стороны, есть необходимая связь... Переходными мы называем глаголы, способные в той или иной мере к сильному управлению, а непереходными — неспособные к нему (жить, умирать, расти, чихать, кашлять, потеть)». См. также А. Sechehaye. *Essai sur la structure logique de la phrase*. Paris, 1950, p. 81, где переходность (*transitivité*) определяется как «l'incomplétude de l'idée principale».

¹⁰ См. Ю. Д. Апресян. О сильном и слабом управлении. ВЯ, 1964, № 3.

¹¹ А. Sechehaye. *Op. cit.*, p. 81.

¹² Е. Курилович рассматривает все управляемые падежи как функционально (синтаксически) идентичные винительному («Проблема классификации падежей». В кн.: «Очерки по лингвистике». М., ИЛ, 1962, стр. 188).

¹³ Б. А. Успенский. Принципы структурной типологии. Изд-во МГУ, 1962, стр. 22, прим. 4.

гола включает лишь общую идею отношения к локальному дополнению, тогда как предлоги конкретизируют и уточняют это отношение, являясь одновременно и значимыми и управляемыми: «находиться в комнате, за ширмой, под кроватью» и т. п.

Валентности глагола открывают ряд позиций, между которыми существует строгая иерархия, установленная «силой управления». Так, именной член, обозначающий местонахождение, необходим для смысловой и структурной законченности предиката только при глаголах, предполагающих установление отношений статической локализации (*Il gatto si trova in cucina*). При глаголах, предполагающих отношение направленного движения, дополнение местонахождения теряет «свое центральное положение среди определителей глагола» и попадает «на периферию глагольной группы»¹⁴ (он прыгает на стол в кухне, *il gatto salta sulla tavola in cucina*).

Те позиции именных членов, которые как бы «предсказаны» валентными свойствами глагольной лексемы, обычно рассматриваются как обязательные и центральные для данного типа конструкции. Позиции, не заданные смыслом предикативного «ядра», признаются факультативными и периферийными. Так, например, во фразах «Он находится в ресторане» и «Он обедает в ресторане» *Egli è nel ristorante — Egli mangia al ristorante* позиция обстоятельства места принадлежит в первом случае к обязательному составу предиката, во втором случае к его периферии. Периферийные позиции, в отличие от обязательных, как правило, не учитываются при формальной классификации элементарных предикативных структур, так как могут присоединяться к любому предложению и, следовательно, не специфичны для какого-либо определенного типа конструкций (ср. он пообедал в ресторане, он учинил дебош в ресторане, ему нравится работать в ресторане и т. п.).

На основании валентных свойств предикативной лексемы Л. Теньер, а вслед за ним и многие другие исследователи выделяют следующие чисто-формальные элементарные конструкции: авалентные (не имеющие конкретизованных именных позиций — *piove, es regnet, il pleut*), моновалентные (имеющие позицию подлежащего *io lavoro, egli viene*), бивалентные (*io vedo, faccio una cosa, io sto, io vado a casa*), тривалентные (*io gli do, dico una cosa, io metto una cosa in, su, sotto, dietro un'altra cosa*), тетравалентные (*io gli faccio dare dalla madre una mela*). Согласно Теньеру, позиции, существенные для структурной характеристики конструкции, замещаются «актантами», периферийные же позиции — «сир-константами».

Вместе с тем было замечено, что далеко не все обязательные позиции, существенные для формальной и смысловой целостности предикативной конструкции, зависят от валентностей глагольной

¹⁴ Е. Курилович. Проблема классификации падежей. В кн.: «Очерки по лингвистике», стр. 188.

лексемы, как например, в предложениях «Он намылил мне лицо», «у него умерла собака», *gli è morto il cane, N mi insaponò il viso*, где смысловые отношения принадлежности между дополнением и подлежащим или между косвенным и прямым дополнением устанавливаются независимо от значения глагола. Этот факт побудил некоторых исследователей рассматривать подобные позиции как типично «предложенческие» в отличие от позиций, заданных глагольной лексемой и относящихся к промежуточному лексико-синтаксическому уровню словосочетаний¹⁵. Само по себе справедливое, это разграничение не представляется, однако, существенным для определения формально-грамматических типов предикативных структур, так как лексические валентности, как явление словаря, отражают лишь наиболее частотные комбинации данной лексемы, точно так же как морфологическая парадигма глагольных форм содержит лишь «самое отвлеченное и обобщенное значение» и «практически отвлекается от наиболее привычных, частых случаев их синтаксического употребления»¹⁶. В составе предложения как морфологические, так и лексические элементы языковой системы уточняют и конкретизируют свои возможности, обнаруживая подвижность знака по отношению к означаемому и зависимость формы и значения части от структуры целого.

Представление о личном глаголе, как об абсолютном структурном центре предложения, задающем количество, форму и семантическую функцию именных актантов, оказывается слишком упрощенным также и потому, что оно не отражает двусторонней зависимости между предикатом и его окружением.

Так, для целого ряда глаголов (количество их возрастает по мере увеличения степени «аналитичности» языка) значения «переходные» и значения «непереходные» вообще не закреплены за глагольной лексемой и определяются лишь в конкретном предложении, в зависимости от присутствия или отсутствия прямого дополнения: *la carta brucia — egli brucia la carta; egli studia molto — egli studia lingue straniere* (ср. в русском: «бумага горит — он жжет бумагу», «он много занимается — он учит иностранные языки»).

Более того, количество и характер валентностей глагола определяется не только фактом наличия той или иной позиции в предложении, но зависит также и от ее лексического наполнения. Так, значение и синтаксические связи глагола «писать» различны во фразах «он пишет письмо» и «он пишет рассказы»: в первой глагол предполагает позицию «адресата», во второй эта позиция не существенна и поэтому периферийна (ее периферийность отме-

¹⁵ См. Н. Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. ВЯ, 1964, № 6, стр. 77 и далее.

¹⁶ Н. Ю. Шведова. Парадигматика простого предложения в современном русском языке. В кн.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., «Наука», 1967, стр. 12.

чается более значимым предлогом «для», *per* — «он пишет рассказы для детей», *scrive racconti per bambini*).

Поскольку сема валентности в составе глагольной лексемы относительна и исчезает или появляется вместе с именными актантами конструкции, возможность устранения какой-либо позиции отнюдь не является признаком ее периферийности. Так, во фразе «он несет чемодан на станцию» позиция обстоятельства места необходима и «сильно управляема» соответствующей валентностью глагола, тогда как во фразе «он несет самый тяжелый чемодан» валентность, направленная на обстоятельство места, погашена как несущественная в связи с переносом семантического акцента на специфицирующее определение «самый тяжелый».

Таким образом, термин «управление» следует, очевидно, понимать как отношение взаимной обусловленности между различными позициями элементов предложения. В свою очередь свойством «одноместности» («одновалентности»), «двухместности» и т. п. обладают только *предикаты* в широком смысле слова, т. е. предикативные конструкции, а не глагольные лексемы, данные в словаре.

От лексического заполнения именных позиций зависит «сила управления», т. е. степень семантико-формальной слитности частей конструкции.

Так, наиболее частотные глаголы общего значения — «быть», «стоять», «иметь», «делать», «давать», «брать» и т. п. — *essere, stare, avere, fare, dare, prendere* в сочетании с конкретным существительным в позиции обстоятельства места или дополнения передают локальные или объектные отношения между двумя (или более) предметными понятиями и входят в двухместные или трехместные конструкции. Если же в именной позиции обстоятельства или дополнения появляется абстрактное существительное, глагол десемантизируется (т. е. теряет свои конкретные семы) и, превращаясь в грамматический показатель предикативности при абстрактном имени качества или действия, образует с последним один член предложения — аналитическое сказуемое (аналитический эквивалент простой глагольной лексемы¹⁷): *rise=fece una risata; dubita=è in dubbio; teme=ha paura; si ammalò=prese una malattia; si stizzì=gli venne la stizza*¹⁸. Формальными признаками слияния глагола и дополнения в один член предложения являются невозможность превращения именного элемента в подлежащее («он схватил болезнь» — *«болезнь была схвачена им») и устранение целого ряда позиций, связанных с данными глаголами в их

¹⁷ О текучести границ между морфолого-аналитическими и синтактико-аналитическими формами см. В. М. Жирмунский. Об аналитических конструкциях. В кн.: «Аналитические конструкции в языках различных типов». М.—Л., «Наука», 1965.

¹⁸ См. А. П. Мордвилко. Глагольно-именные описательные выражения как особый тип устойчивых словосочетаний. «РЯ в школе», 1961, № 4; Е. М. Вольф. О синонимии глаголов и устойчивых сочетаний. «Иностранные языки в школе», 1957, № 3.

свободном употреблении («он схватил кошку *обеими руками за хвост*, чтобы она не убежала» и т. п.)

К формальной характеристике предикативной конструкции относится также и степень обязательности заполнения ее именных позиций.

Существуют позиции, незаполнение которых (т. е. эллипсис именного члена) приводит к нарушению смысловой и формальной законченности конструкции (например, «охватил страх», *venne un grigio paura*) или к ее переходу в другой семантический класс (например, «он ему всыпал», *egli gli ha dato*). В последнем случае незамещение позиции эквивалентно ее устранению, которое в русском языке чаще, чем в итальянском, отмечается заменой глагольной лексемы («он ему насыпал соли в суп» — «он ему *всыпал*», «собака кусает кошку» — собака *кусается*», ит. «il cane morde il gatto — il cane morde»).

Существуют также такие именные актанты, присутствие или отсутствие которых не влияет на смысловую и формальную законченность конструкции, несмотря на то, что позиция их является обязательной. Такова позиция подлежащего, позиция дополнения агента или позиция обстоятельства места, которая обычно остается не замещенной при обозначении движения к месту пребывания говорящего или протагониста: (к нам) пришел Андрей, (*Da poi*) è venuto Andrea.

Обязательность незамещенной позиции, т. е. ее идеальное присутствие в составе конструкции, доказывается наличием соответствующей валентности в значении глагола, устанавливающего отношение между двумя предметными понятиями, одно из которых очевидно из контекста. Устранение этой *обязательной, но не обязательно замещенной* позиции приводит к тем же результатам, что и устранение позиций обязательного замещения. Так, погашение валентности отношения к локализатору у глаголов движения превращает их в предикаты абсолютного признака, который может получать только факультативные уточнения в виде «способа совершения действия» (ср. «Он идет на станцию» — «Он идет медленно», *Egli va alla stazione — Egli va lentamente*).

Как показывают приведенные примеры, «сила управления» не может быть измерена ни количеством случаев устранения данной позиции, ни количеством случаев ее незамещения. В качестве критерия периферийности позиции недостаточно четким оказывается также упомянутый выше признак отсутствия необходимой связи между глаголом и его дополнением.

Действительно, любой элемент предикативной конструкции, безразлично, простой или сложной, функционально связан с каким-либо другим ее элементом и вряд ли возможно обнаружить такой член предложения, который был бы «непредсказуемым» и «неуправляемым». Так, полностью «моновалентны», очевидно, только предикаты абсолютного признака, не ограниченного во времени. Семантический компонент ограниченности во времени,

связанный с видовыми оттенками начала и конца, уже в той или иной мере предполагает пространственную, причинную или объектную конкретизацию и вводит в состав семантики предиката соответствующие валентности, которые открывают более или менее обязательно заполняемые позиции: «он красный — он покраснел от злости», *è rosso — diventò rosso dalla bizza*; «я его вижу — я его увидел в саду», *lo vedo — l'ho visto in giardino*; «он это понимает — он это понял уже давно», *lo capisce — l'aveva capito da un pezzo*; «он много читает — он прочел эту книгу»¹⁹, *legge molto — ha letto questo libro*.

Выше было сказано, что обязательные позиции существенны для определения формальных границ конструкции, периферийные же позиции вообще не должны учитываться при формальной классификации элементарных предикативных структур, как не способные характеризовать одну конструкцию в отличие от другой. Однако противопоставление предикатов статических (не ограниченных во времени) и не открывающих обстоятельственных позиций, предикатам динамическим (ограниченным во времени), имеющим большую вероятность распространения обстоятельствами причины и места, показывает, что приведенное выше определение не точно. Еще более убедительным доказательством сущности периферийных позиций для различения типов конструкций, элементы которых связаны обязательной («сильной») связью, может служить пример объектных структур, где возможность или невозможность появления факультативного «обстоятельства цели» служит формальным показателем семантического противопоставления предикатов активного воздействия на объект и предикатов неактивного контакта с объектом: «он рубит дерево для чего?» но — «он видит дерево».

Определение периферийных позиций как «семантических», т. е. непосредственно и однозначно связанных с семантической функцией (именем которой и называются эти позиции: «обстоятельство цели, причины, места, времени»), а обязательных, центральных позиций как «грамматических», способных соотноситься с разнообразными семантическими функциями и поэтому «не определенных с точки зрения семантики»²⁰, также не следует понимать абсолютно. Дело в том, что «грамматические позиции», непосредственно связанные со значением глагольной лексемы, вовсе не «изофункциональны», как полагает Курилович, так как количество семантических функций, покрываемых той или иной обязательной позицией, различно. Чем меньше функций имеет синтаксическая форма (позиция), тем более она «семантически», так что признак «семантической» не противопоставляет *все* обязательные позиции

¹⁹ S. Karcevski. L'idée du procès dans la langue russe, CFS, 1956, n° 14, p. 25, где указывается, что перфектная форма не допускает абсолютного употребления переходных глаголов.

²⁰ Е. Курилович. Проблема классификации падежей. В кн.: «Очерки по лингвистике», стр. 183—188.

периферийным. Степень грамматизации обязательных позиций будет уточнена ниже. Здесь же необходимо выяснить специфику периферийных позиций в структуре предложения.

Интерпретация слабоуправляемых позиций, как не имеющих прочной связи ни с каким определенным словом²¹, может создать впечатление, что эти позиции аморфны и не являются членами грамматической конструкции. Между тем порядок слов, на который указывает Пешковский как на основной вид связи факультативных членов, служит достаточным формальным признаком смысловой дифференциации структур с периферийными позициями: ср. «еще мальчиком я знал этого человека» и «я знал этого человека мальчиком». Совершенно очевидно, что фразы, содержащие периферийные позиции, также представляют собой «конструкции», только более сложные, чем структуры, основанные на отношениях сильной связи.

Из предыдущих определений явствует, что периферийные позиции всегда «семантически» и что замещение их факультативно. Однако оба эти признака могут принадлежать также и обязательным позициям.

Очевидно, основное различие между периферийными и обязательными (в том числе и не обязательно замещенными) позициями следует искать в характере их связи с предикатом. Первые, как замечает Пешковский, «выражают не внутреннюю связь, а простое сопровождение действия или состояния одного субъекта таким же действием или состоянием другого»²² (добавим, или того же самого субъекта, например, «он пришел печальный»). Это «простое» совмещение (т. е. локальное и временное совпадение) двух признаков одного или разных субъектов может быть осложнено так называемыми «логическими» отношениями причинной, целевой или последовательной связи, которая обычно объединяет два самостоятельных предложения. Другими словами, конструкции с периферийными позициями представляют собой результат конденсации²³ двух предикатов, один из которых сохраняет первоначальную форму и значение, а другой теряет самостоятельные показатели предикативности (интонацию и грамматические формы лица, времени и наклонения), но всегда может быть развернут в полную предикативную конструкцию, сохраняющую с первой те же «логические» отношения причины, уступительности, цели, предшествования или одновременности.

Таким образом, к обязательному признаку «семантической» периферийных позиций добавляется их способность быть замещенными развернутыми предложениями цели, причины и т. п., и только при наличии этих двух признаков позиция может рассматриваться как периферийная, а конструкция, ее содержащая, как сложная. С этой точки зрения позиция дополнения агента при пас-

²¹ См. А. М. Пешковский. Ук. соч., стр. 270.

²² Там же.

²³ См. Ш. Балли. Ук. соч., § 152, стр. 112.

сиве, в отличие от позиции причины, должна быть отнесена к обязательным, но не обязательно заполняемым, так как хотя она и «семантически», ее развертка в отдельную предикативную конструкцию невозможна. В то же время дополнительные предложения при глаголах *dicendi*, *putandi*, *sentiendi*, *voluntatis* занимают по отношению к предикату модуса²⁴ не периферийную, а обязательную позицию, не имеющую никаких «логико-семантических» характеристик. Следует учесть, однако, и переходные случаи, например при глаголах аффекта, где дополнение (или дополнительное предложение) может интерпретироваться как обстоятельство причины: я рад, огорчен, что (потому что) он приехал — *sono contento, ad-dolorato che (perché) sia (è) arrivato*.

Конструкция, не содержащая периферийных позиций, является простой. Это определение относится только к внешней грамматической форме конструкции и не касается ее семантической структуры. Так, семантический акт причины (или инструмента действия) может быть оформлен как подлежащее, например, «Ваша игра привела меня в восторг». Несмотря на то что в данном случае между подлежащим и сказуемым возникает семантически значимая причинная связь, позволяющая преобразовать подобного рода «простые» предложения в сложные, позиция подлежащего здесь непосредственно не замещается развернутым предложением, не может быть устранена без нарушения правильности и осмысленности конструкции, и, следовательно, не может рассматриваться как периферийная.

Простая конструкция содержит только один предикат, обычно связывающий все именные члены конструкции (исключение составляют имена, обозначающие предметные понятия, связанные между собой обязательными отношениями «принадлежности»). Как особый вариант инфинитив и придаточное дополнительное, так как их позиция не совпадает с позицией дополнения. Все позиции простой конструкции обязательны, хотя некоторые из них могут быть не замещены (например, позиция подлежащего, дополнения агента, обстоятельства места). Всякая конструкция, один из членов которой может быть замещен личным глагольным предикатом, связанным с предикатом данной конструкции необязательными (не дополнительными) отношениями, является сложной. Простая конструкция может образовывать простое предложение или входить в состав сложного. Этим она отличается от простого предложения, которое не входит в состав большего целого, т. е. всегда занимает абсолютную позицию.

²⁴ Субъект и предикат модуса (говорящий и его отношение к предмету речи) и субъект и предикат диктума (предмет речи и его признак) сосуществуют в любом высказывании, так что их раздельное выражение в виде «главного» и «придаточного» предложений не делает высказывание более «сложным», а лишь представляет в аналитической (эксплицитной) форме их взаимосвязь. См. Ш. Балли. Ук. соч., § 32, 33, стр. 46, 47.

§ 2. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ. ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ И ИХ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Функцией простых конструкций («простых предложений») является обозначение элементарных семантических ситуаций, которые определяются как наиболее общие типы координации понятий, лежащие в основе всех синтаксических структур языка²⁵.

Эти предшествующие языковому выражению стандартные ассоциации понятий, с одной стороны, отражают и интерпретируют внеязыковое объективное «положение вещей», с другой же стороны, сами отражаются и объективируются в простейших («ядерных») синтаксических структурах, перечень которых должен явиться одновременно описанием и перечислением семантических ситуаций²⁶. Вся проблема сводится таким образом к тому, какие единицы следует признать прообразами простейших семантических структур и по каким признакам они должны быть отобраны. Первым общим признаком будет, очевидно, их высокая частотность в наиболее элементарных и спонтанных речевых проявлениях. Путем эксперимента (подсчета частотности моделей в разговорной речи детей, во фразах, построенных из заданных слов и т. п.) было установлено²⁷, что во французском языке заметно преобладают пять структур, которые получили название ядерных: безличное предложение — *V imp.*, личные предложения с именным сказуемым — *Se+est+adj (subst.)*, *N₁+est+adj (subst.)*, личные предложения с глагольным непереходным сказуемым *N₁ Vi (+prep+ +N)* и, наконец, личные предложения с переходным сказуемым и обязательно одушевленным подлежащим — *N₁ap.+Vt+N₂* (по-скольку переходная модель с неодушевленным подлежащим является уже результатом переноса формально-синтаксической схемы за пределы ее первоначальной семантической сферы и встречается преимущественно в литературно обработанной речи).

Даже без предварительных исследований можно а priori сказать, что те же пять структур будут наиболее частотными во всех европейских языках. Вместе с тем семантические ситуации, лежащие в основе этих структур, имеют не столько обобщенный, сколько диффузный характер, так как выделение каких-либо четких смысловых признаков, противопоставляющих безличные структу-

²⁵ См. В. Г. Гак. Проблемы лексико-грамматической организации предложения. Докт. дисс., гл. II, § 2. М., 1967.

²⁶ Так, даже Н. Хомский, несмотря на свой отказ от семантической интерпретации «грамматических механизмов», указывает на то, что ядерные структуры могут быть использованы как «исходные элементы содержания предложения». См. «Синтаксические структуры». В кн.: «Новое в лингвистике», т. II. М., ИЛ, 1962, стр. 520.

²⁷ См. В. Г. Гак. Проблемы лексико-грамматической организации предложения, ч. II, раздел 3, гл. XIV и J. Dubois et L. Irigaray. Approche expérimentale des problèmes intéressant la production de la phrase noyau et ses constituants immédiats. «Langages», 1966, n° 3.

ры личным, а непереходные переходным (даже в их первичных функциях) практически невозможно. (Ср. синонимы «я люблю» — «мне нравится», «магазин помещается в первом этаже» — «магазин занимает первый этаж»). Для того чтобы синтаксической единице (или ее составной части) можно было приписать какое-либо определенное значение, необходимо рассматривать ее как «конструкцию», т. е. как лексико-грамматическое единство, в котором учитывается не только формальная модель, но и лексико-семантический подкласс заполняющих ее слов²⁸. Для именных членов семантические составляющие конкретности — абстрактности, одушевленности — неодушевленности, закрепленные за лексемой существительных, выделяются без труда. Что касается категориальных компонентов глагола — сказуемого, к которым в основном сводится семантическая структура конструкции, их определение затруднено тем обстоятельством, что состав их меняется в зависимости от окружения. Констатация этого факта позволила предположить²⁹, что общие синтаксически релевантные глагольные подклассы (и их дифференциальные семантические признаки) можно установить, опираясь на дистрибутивные формулы, в которых учитываются также семантические подклассы существительных.

Действительно, очень часто глаголы, сходные по значению, имеют одинаковое лексико-синтаксическое окружение, и в процессе развития языка можно наблюдать, как уравниваются формально-синтаксические свойства семантически близких глагольных лексем (например, подключение глагола *insegnare* к модели типа *di-*: *insegnare la grammatica ai ragazzi* в отличие от латинского *docere pueros grammaticam*) или как изменяется значение слова, попадающего в «чужое» окружение (например, глагол *soffiare* «дуть» в модели типа *prendere* получает значение «украсть»: *gli ha soffiato il portafogli dalla tasca*). Вместе с тем нередко также случаи расхождения формул сочетаемости у глаголов с общими смысловыми признаками (ср. русс. «давать кому-то что-то», но «брать у кого-то что-то», хотя в итальянском соответствующие лексемы имеют общую модель: *dare, prendere una cosa a qualcuno*) или случаи объединения разнородных единиц под одной формальной «крышей» (ср. «обменять платок на веревку» — «повесить платок на веревку», *sostituire una cosa con un'altra* — *condire una cosa con un'altra*).

Фиксированное окружение непригодно в качестве отправной точки для классификации предикатов еще по той причине, что в конструкции семантическая нагрузка может распределяться по-разному между глагольным сказуемым и именными актантами, как, например, во фразах *il contadino torna a casa* — *il contadino*

²⁸ См. Т. П. Ломтев. Природа синтаксических явлений. «Филологические науки», 1961, № 3, стр. 29.

²⁹ См. Ю. Д. Апресян. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля. «Лексикографический сборник», 1962, № 5.

rincasa, la madre mette il vestito al bambino — la madre veste il bambino, где одна и та же координация понятий получает то более синтетическое, то более аналитическое языковое отображение.

Как известно, внутриязыковой «перевод» синтетического знака при помощи цепочки знаков, где каждому или почти каждому семантическому компоненту соответствует отдельное слово, представляет собой более простое толкование данного смысла³⁰. Очевидно, для того чтобы получить предикативные лексемы, значение которых будет отражать лишь наиболее общие семантические типы субъектно-предикатных отношений (соотношений между предметными понятиями), необходимо максимально «освободить» сказуемое от конкретных сем. Право на подобный прием дает нам сам язык, способный или представить комбинацию сем в лексеме в виде сочетания отдельных слов или вообще устранить из сообщения конкретные семы, очевидные из внелингвистической ситуации. Естественно, что при замене конкретных (синтетических) лексем их аналитическими эквивалентами или словами-заместителями, глаголы, в которых реализуются наиболее общие (категориальные) значения, будут повторяться. Известно, что максимальная частотность слова в речевой цепи (независимо от характера текста) является безошибочным показателем строевой (т. е. формообразующей) функции данного слова в системе языка³¹.

В итальянском языке, как и в других европейских языках, в роли таких строевых глаголов, значение которых образует семантическую («внутреннюю») форму предикативной конструкции, выступают глаголы *essere* (stare), *avere* и *fare*³², которые в словаре Каппуччини—Мильборини не случайно определяются как «фундамент языка»³³.

Несмотря на обобщенный характер своего значения, эти глаголы все же непосредственно не соответствуют трем семантическим классам предикатов, так как подобно любой другой лексеме, они семантически неустойчивы и состав их сем меняется в зависимости от окружения. Естественно, что свое парадигматическое значение глаголы *essere*, *avere* и *fare* будут иметь только в пер-

³⁰ См. Б. А. Успенский. Принципы структурной типологии. Изд-во МГУ, 1962, стр. 37.

³¹ G. Gougenheim, A. Sauvageot. L'élaboration du français fondamental. Paris, 1964, p. 144: «Cette fréquence forte et stable correspond à des automatismes qui constituent la forme ou le cadre du langage. Les mots concrets (et à l'occasion, les noms propres) en sont le contenu».

³² Как показали исследования Гугенема и Соважо (цит. выше), в речевой цепи глаголы *être* и *avoir* занимают первое и второе место на шкале частотности (за ними следуют предлог *de*, местоимение *je*, глагол *faire* и другие строевые слова). Характерно, что те же места принадлежат этим глаголам также в старофранцузских и латинских текстах, см. G. Gougenheim. Recherches sur la fréquence et la disponibilité. «Statistique et analyse linguistique». (Colloque de Strasbourg). Paris, 1966, p. 58.

³³ G. Capuccini, B. Migliorini. Vocabolario della lingua italiana, 1961, p. 513 (*essere*). Примеры, взятые из этого словаря, помечены сокращением С.—М.

вичных окружениях, т. е. там, где они противопоставлены друг другу по максимальному количеству дифференциальных признаков. Поэтому при анализе системных значений строевых глаголов не должны учитываться их употребления в составе морфолого-аналитических и синтактико-аналитических форм сказуемого (*è venuto*, *ha dormito*, *è in possesso*, *ha paura*, *fa un salto*, *fa il coraggio*). Кроме того, к вторичным окружениям для *avere* и *fare* должны быть отнесены неодушевленные подлежащие, а для глагола *fare* — также и отсутствие прямого дополнения (*fare a pugni*, *fare alla lotta*).

В первичных условиях своего употребления глаголы *essere*, *avere* и *fare* соответствуют трем общим семантическим классам субъектно-предикатных отношений — присущности, соотносительности и каузации, которые выделяются Шарлем Балли в «Общей лингвистике» (стр. 121—125). Так, глагол *être* Балли считает выразителем категориального значения, общего всем предикатам присущности (т. е. абсолютного признака): *marcher* = *être en marche*, *boire* (*habituellement*) = *être un buveur* и т. п.; сочетания *être* + *prep.* + *N* и *avoir* + *N* Балли рассматривает как два формальные варианта парадигмы предикатов соотношения, а глагол *faire* ставит во главе парадигмы предикатов каузации, разбивающейся на три подкласса: каузацию бытия (*faire* + *être* = *créer*), каузацию абсолютного признака (*faire* + *être* *blanc* = *blanchir*) и каузацию соотношения в двух его вариантах (*faire avoir* = *donner*, *faire être dans*, *sur* + *N* = *mettre*). Предикаты присущности имеют моновалентную структуру, так как характеризуют семантический субъект в его абсолютном проявлении; соотносительные предикаты бивалентны, так же как и предикаты каузации бытия или каузации абсолютного признака; предикаты каузации соотношения тривалентны и, наконец, употребительные в романских языках предикаты двойной каузации соотношения тетравалентны. Каждая из этих структур имеет свой строевой глагол, отражающий данную координацию понятий в наиболее общем виде, так что в число «фундаментальных» глаголов, возглавляющих парадигматические ряды предикатов (и тем самым простых конструкций в целом), следует включать также глаголы *dare* и *mettere*³⁴.

Фундаментальный глагол, получая свое системное значение только в первичном окружении, тесно связан с этим окружением как формально, так и семантически. Формальная слитность проявляется в сохранении формально-синтаксических связей глагола при изменении его значения под влиянием различного лексического наполнения именных позиций, что позволяет говорить о переносном употреблении (т. е. продуктивности) всей конструкции в целом как единого знака (*egli fa un burattino* — *egli fa un salto*). Се-

³⁴ Само собой разумеется, что ограничение количества «строевых» глаголов чисто условно. Любой другой глагол каждой парадигмы, достаточно частотный и обобщенный, может рассматриваться как «строевой», как, например, в парадигме *essere* глаголы *stare*, *divenire*, *rimanere*.

мантическая слитность строевого глагола и его первичного окружения проявляется в том, что свойственный данной семантической структуре характер связи между понятиями, количество этих понятий и их взаимообусловленные функции остаются инвариантными, несмотря на изменение внешней синтаксической модели и ее лексического наполнения. Так, внутренняя семантическая структура внешне одновалентного и как бы «абсолютного» предиката *egli rincasa* указывает на его принадлежность к предикатам локального соотношения: *egli torna a casa*; точно так же внутренняя структура конструкции *la madre veste il bambino* позволяет отнести ее к трехвалентным предикатам типа *mettere*, а не к двухвалентным типа *fare*; наоборот, предикат *egli fa il coraggio* — «он строит из себя храбреца» по своей семантической структуре относится к типу абсолютных одновалентных и т. п.

Принимая за основу структурно-семантическую классификацию простых конструкций (предложений), изложенную у Балли, мы позволим себе, ради полноты описания, внести в нее три уточнения.

1. Абсолютные предикаты целесообразно разделить на два класса по признаку расчлененности — нерасчлененности (синкретичности) представления о субъекте и о его признаке. В том случае, если понятие о признаке семантически не противопоставлено понятию о субстанции, возникает семантически авалентная структура, первичной формой выражения которой является авалентная модель (*piove, nevica, è tardi*). Семантически диффузный субъекто-предикат, обозначающий главным образом явления природы, время, погоду, может скрываться за внешне моновалентными («личными») моделями, например, «дождь моросит», «ветер дует», «снег идет», *es regnet, il pleut*, где его можно легко обнаружить благодаря семантической «пустоте» или семантической избыточности одного из членов конструкции (в слове «моросит» уже содержится понятие «дождь», а в слове «дует» понятие «ветер»).

2. Предикаты соотношения (назовем их просто относительными), можно разделить по признаку конкретно-локального контакта и не конкретно-локального, т. е. социального, морального, физиологического и другого, свойственного только одушевленному субъекту контакта.

3. Все абсолютные и относительные предикаты делятся внутри своих парадигматических рядов еще по двум основаниям. Первое из них — признак неограниченности во времени (статичности) — ограниченности во времени (динамичности); статичные предикаты не отвечают на вопрос «когда?», как, например, в таких фразах, как «дом высокий» или «у него есть дом», «он владеет домом», в отличие от динамических предикатов, открывающих свободное «место» для временных уточнителей. Второе основание — признак активности — неактивности, по которому делятся только предикаты, соотношенные с одушевленным субъектом (при неодушевленном субъекте это противопоставление нерелевантно). Ак-

тивные предикаты отвечают одновременно на два вопроса «зачем?» и «что делает?», в отличие от неактивных предикатов, делающих подобные вопросы неуместными, как, например, во фразах: «он видит собаку», «он живет на улице Горького». Другими словами, семантический компонент активности интерпретируется как целе-направленное (т. е. зависимое от воли и намерения) усилие лица.

Наличие только элемента «воли» или только элемента «усилия» недостаточно для причисления предиката к группе активных. Так, «я хочу есть» или «мне не спится» не отвечают на два контрольные вопроса, в отличие от фразы «я сплю», которую, несмотря на внешнюю нелогичность подобного решения, следует причислить к активной группе. Присутствие компонента активности открывает, как уже указывалось, факультативную позицию обстоятельства цели. По признаку активности — неактивности различаются динамичные локальные предикаты типа *Andrea andò in casa* и *Andrea andò in terra* или в русском варианте «Андрей пошел к врачу» и «Андрей пошел ко дну». Динамичные предикаты нелокального («объектного») контакта, противопоставленные по этому признаку, образуют группы предикатов восприятия, психической реакции и модальной оценки, с одной стороны, и предикатов каузации со всеми их вариантами, с другой («он видит, понимает, предполагает что-то» — «он строит красит, кладет, дает что-то»). Таким образом, общее количество дифференциальных семантических компонентов, из которых складывается фундаментальная семантическая структура предикатов и по которым предикаты противопоставлены друг другу, по-видимому, исчерпывается следующим списком:

- 1) нерасчлененность — расчлененность понятий о субстанции и о ее признаке;
- 2) абсолютность — относительность;
- 3) статичность — динамичность;
- 4) активность — неактивность;
- 5) локальность — нелокальность контакта.

Из комбинации этих дифференциальных признаков образуются следующие семантические типы предикатов (семантических ситуаций), которые можно рассматривать как «простые» на основании их соотношенности с предикатами «простых» конструкций:

1. (a) предикат абсолютный статический: N_1 è rosso, N_1 è ingegnere, N_1 è rotto; Он красный; Он инженер; Он сломан.
2. (b) предикат абсолютный динамический неактивный: N_1 diventa rosso, arrossisce, N_1 si ammala. Он покраснел; Он заболевает.
3. (c) предикат абсолютный динамический активный: N_1 an-lavora, mangia, si alza. Он работает, ест, встает.
4. (d) предикат относительный локальный статический (отношение местонахождения): N_1 è in cucina; Il monte sov-

rasta la pianura. Снег лежит на земле; Снег покрывает землю.

5. (e) предикат относительный локальный динамический не-активный (непроизвольное направленное движение): N_1 cade in terra. Он падает на землю.
6. (f) предикат относительный локальный динамический активный (произвольное направленное движение): N_1 an. va a casa, N_1 raggiunge la mèta. Он идет в театр; Он достиг вершины.
7. (g) предикат относительный нелокальный статический (отношения принадлежности, необходимости): N_1 an. ha un figlio; a N_3 an. mangia un figlio. У него есть сын; Ему не хватает одного сына.
8. (h) предикат относительный нелокальный динамический неактивный (отношения восприятия): N_1 an. ha visto una cosa; a N_3 an. viene in mente una cosa. Он видит, понимает что-либо; Ему кажется что-либо.
9. (i) предикат относительный нелокальный динамический активный (отношение «каузации бытия», т. е. отношение агента-производителя к производимому объекту): N_1 an. fa un burattino; N_1 scrive un libro; Он шьет костюм; Она варит обед.

Объединение в одном предложении двух признаков одного и того же субъекта образует «сложную» конструкцию, где один из предикатов занимает периферийную позицию (например: N_1 an. mangia in cucina).

Однако сочетание двух признаков двух разных предметных понятий — субъекта и объекта (N_1 и N_2) — могут образовывать «простую» семантическую структуру, когда значение сочетания этих признаков не равно сумме смыслов каждого из них взятого отдельно и поэтому не может быть выражено согласно норме данного языка в виде сочетания двух автономных предикатов, связанных «логическими» отношениями (исключение составляют каузативные предикаты с обстоятельством причины в позиции подлежащего). Сплетение признаков субъекта и объекта образуют в итальянском языке следующие «простые» семантико-грамматические структуры, которые можно присоединить к первым девяти:

10. ($g_1 + a_2$) — gli duole la testa, ha mal di testa, ha le spalle larghe; у него болит голова; у него широкие плечи;
11. ($g_1 + b_2$) — gli è morto il padre; у него умер отец;
12. ($g_1 + e_2$) — l'acqua gli entrò in bocca; вода ему попала в рот;
13. ($h_1 + a_2$, b_2 , c_2 , $d_2...$) — lo vede stanco, lo vede venire, lo vede in cucina, lo crede stupido, lo crede in Africa; он видит его уставшим, он его считает умершим;
14. ($i_1 + a_2$) — lo fa, rende bianco; lo fa, elegge presidente; lo rompe; он его белит, красит; он его делает председателем;

15. ($i_1 + b_2$) — lo alza, lo brucia; он его поднимает;
16. ($i_1 + c_2$) — lo fa lavorare, lo fa alzare; он его заставляет работать;
17. ($i_1 + b_2$) — lo mette, porta, posa, transporta in, su, a qualche posto; он его кладет на, в, под..;
18. ($i_1 + d_2 + g_2$) — glielo mette in bocca; он ему это засунул в рот;
19. ($i_1 + e_2$) — lo fa cascare in terra; он его повалил на землю;
20. ($i_1 + f_2$) — lo fa venire in casa; он его приглашает к себе.
21. ($i_1 + g_2$) — gli fa avere, gli dà, gli prende una cosa, lo fornisce di qualche cosa; он ему дает что-то; он у него отнимает что-то; он его лишает чего-то.
22. ($i_1 + h_2$) — gli fa sapere, gli dice, gli domanda qualche cosa; он ему сообщает что-то, он у него спрашивает что-то.
23. ($i_1 + i_2$) — gli fa fare un abito; он ему заказывает пальто.
24. ($i_1 + i_2 + g_3$, h_3) — gli fa dare, dire una cosa da qualcuno.

Дифференциальные семантические признаки и их комбинации, образующие «простые» семантические структуры, имеют, скорее всего, универсальный характер и могут служить в качестве инвариантов при сопоставлении языков. Напротив, формы выражения смысловых структур не только не совпадают в разных языках, но и варьируются внутри одного языка.

Однако было бы ошибочным предполагать, что множественность форм выражения одного содержания доказывает произвольность их связи со смыслом и безграничность трансформационных возможностей языка. Каждая семантическая структура имеет свои неповторимые формальные характеристики, а каждая форма предназначена для определенного круга функций.

Анализ частотности совмещения формальных и смысловых структур «простых» предложений данного языка позволяет установить первичные («прямые») и вторичные («переносные») значения формально-грамматических моделей и соответственно первичные формы и менее частотные варианты выражения смыслов.

Как справедливо замечает Е. Курилович, определение системной значимости (класса) любой лексической или синтаксической формы возможно только на основании ее сопоставления с другими формами того же уровня в их первичных функциях³⁵. Только в этих условиях формы несут максимальную семантическую нагрузку³⁶ и получают свою индивидуальную семантическую характеристику в терминах дифференциальных признаков, которые можно рассматривать как основные и наиболее существенные.

Следовательно, классификация простых предложений (предикатов), опирающаяся одновременно и на семантические и на формально-грамматические различия, возможна только для первич-

³⁵ J. Kurylowicz. La notion de l'isomorphisme. TCLC, vol. V, 1949, p. 56.

³⁶ О «правиле максимального различия», при помощи которого можно определить первичные формы для данных функций и наоборот, см. Е. Курилович. Заметки о значении слова. В кн.: «Очерки по лингвистике», стр. 249.

ных форм выражения данных семантических структур (т. е. для форм в их первичных функциях), где каждая конструкция противопоставлена всем прочим по одному или нескольким основным дифференциальным признакам, перечисленным выше.

Так, три различные по внутренней и по внешней форме конструкции — «он спит», «он идет в кино», «он пишет письмо», или N_1 dorme, N_1 va al cinema, N_1 scrive una lettera — принадлежат к разным семантико-формальным классам предикатов.

Для вторичных форм выражения элементарных семантических структур, где их основной смысл осложнен дополнительными, более частными смыслами (например, модально-видовыми или аффективными) определение класса предложения возможно только на основании его внутренней формы, которая в конечном счете оказывается решающей для его интерпретации. Так, только исходя из семантической структуры конструкций «он погрузился в сон», *egli ha fatto una dormita* мы относим их к классу предикатов абсолютного признака и рассматриваем как частичные синонимы конструкций «он спит», «*egli dorme*».

Различие между первичными и вторичными формами одной семантической структуры не всегда бывает четким, так как конкуренция синонимов возможна также и среди первичных форм. В этом случае одна семантическая структура представлена в системе и противопоставлена другим структурам набором своих первичных моделей. Так, в общем классе относительных нелокальных предикатов неактивные предикаты отличаются от активных тем, что имеют две первичные модели — трехличную переходную и одноличную непереходную, тогда как первичные модели активных предикатов могут быть только переходными («Он имеет дом — у него есть дом», *Egli ha una casa — gli manca una casa*, но только: Он строит дом — *Egli fa una casa*).

Описание семантико-формальных типов простых предикативных конструкций на конкретном материале итальянского языка позволит нам уточнить целый ряд положений, изложенных здесь лишь в общих чертах. Однако прежде чем перейти к этому описанию, необходимо определить взаимоотношения между формой и смыслом именных членов предложения.

§ 3. ИМЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ИХ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

Определение подлежащего, прямого дополнения, косвенного дополнения и т. п. через их смысл, принятое в школьных грамматиках всех языков, обычно рассматривается как пример «ненаучного» подхода к явлениям языка. Действительно, дефиницию подлежащего как формы, обозначающей производителя какого-либо действия или носителя какого-либо состояния (качества), трудно признать исчерпывающей. Однако стремление к раскрытию содер-

жательной природы грамматических форм отнюдь не противоречит целям научного исследования, задачей которого является уточнение взаимоотношений между формально-грамматическими единицами и их содержанием.

Признание относительной независимости плана выражения от плана содержания позволило выделить параллельно с формальными единицами — подлежащим и дополнением не всегда совпадающие с ними смысловые единицы — субъект и объект. Вместе с тем термины «субъект» и «объект», как справедливо замечает Р. Лаган³⁷, вряд ли обладают большей степенью точности, чем, например, такое понятие, как «стиль». Расплывчатость понятий «субъекта» и «объекта» вытекает из самого способа их выделения, большей частью чисто интуитивного, апеллирующего к «здравому смыслу» или к реальному положению вещей³⁸. Добавление к словам «субъект», «объект» прилагательных «реальный» или «психологический» («логический»), подчеркивающее их отличие от соответствующих грамматических категорий, не вносит, к сожалению, ясности в определение самих понятий. (Так, исходя из «объективной реальности», т. е. денотата, или из «психолого-логических» предпосылок, вряд ли возможно установить, какое из двух существительных следует считать реальным или психологическим «субъектом» в такой фразе, как «у нее родился сын».)

Поскольку смысловая структура предложения относится прежде всего к явлениям языка, а не к фактам психическим, общественным или физическим, ее элементы могут быть определены как единицы семантического плана только через их соотношение с планом формально-языкового выражения³⁹. Одним из наиболее объективных методов, позволяющих установить взаимодействие этих двух планов, является путь лингвистического эксперимента⁴⁰, позволяющий определить «семантический субъект» как наиболее вероятное (частотное) подлежащее в ситуации, где даны два или более связанных между собой предметных понятия. Для подсчета частотности совмещения формы и функции избирается текст, отражающий наиболее спонтанные речевые реакции в наиболее частотных жизненных ситуациях и поэтому содержащий основные, наиболее распространенные языковые формы и стандартные ассоциации понятий. Тем же способом может быть определен не только семантический субъект, т. е. первичная функция подлежащего, но и первичные и вторичные функции всех прочих чле-

³⁷ R. Lagane. Problèmes de définition. Le sujet. «Langue française», 1969, n° 1, p. 58.

³⁸ См. по этому поводу М. Gross. Remarques sur la notion d'objet direct en français. «Langue française», 1969, n° 1, p. 63.

³⁹ Внеязыковое определение семантических актантов дается в кн.: А. Greimas. Sémantique structurale. Paris, 1966, p. 172, где на основании аналогий с наиболее частотными «жизненными ситуациями» выделяются три пары понятийных категорий: субъект — объект, отправитель — получатель, содействующий — противодействующий.

⁴⁰ J. Dubois et L. Irigaray. Op. cit.

нов предложения. Таким образом, семантические категории отождествляются с первичными, сразу же «приходящими на ум» значениями грамматических членов предложения, что на первый взгляд делает излишним громоздкий эксперимент. Вместе с тем существование у одного и того же члена предложения нескольких первичных функций, позволяющих выделить внутри семантического субъекта или объекта две или более подкатегорий, для которых первичная форма выражения будет общей, а вторичные менее частотные формы будут различны⁴¹, предостерегает нас против слишком легкого решения занимающего нас вопроса. Очевидно, более точным критерием для выделения каждой семантической функции будет сумма всех ее возможных оформлений, а для характеристики функционального диапазона формы — учет всех ее значений.

«Точность» определения семантических категорий субъекта, объекта и т. п., достижимая только через их соотнесение с определенным кругом форм, принципиально исключает универсальный характер этих понятий⁴², так что результаты, полученные при подсчете совмещений форм и функций на материале разных языков, не будут полностью совпадать. Даже в родственных языках, где сами семантические классы и подклассы субъекта, объекта и т. п. скорее всего окажутся идентичными благодаря общности формально-синтаксических единиц, расхождение в частотности того или иного совмещения форм и функций будет достаточно ощутимым показателем типологических различий языковых систем.

Для установления количественных соотношений между формами и функциями именных членов простого предложения в итальянском языке за текст — эталон был принят сборник сочинений учеников четвертого и пятого класса известной экспериментальной школы Сан Джерсолэ под Флоренцией, где применялись методы «естественного обучения». Сочинения детей на темы повседневной жизни («Работы в поле», «Посещение фабрики», «Автогонки», «В булочной», «В парикмахерской», «В больнице», «Кража», «Драка», и т. п.) учителем не исправлялись и были изданы как документ спонтанного детского творчества. Нет необходимости доказывать, что эта книга⁴³ является также ценным лингвистическим документом, отражающим с достаточной полнотой наиболее употребительные синтаксические конструкции, лежащие в основе итальянского языка.

⁴¹ См. по этому поводу Е. В. Чешко. К вопросу о падежных корреляциях. ВЯ, 1960, № 2, стр. 54.

⁴² Так, например, определение семантического субъекта как понятия о производителе действия, направленного на какой-либо предмет, и носителе абсолютного действия (качества) не приложимо к языкам с эргативной конструкцией, где объект действия и предмет — носитель абсолютного признака оформлены одним падежом и, очевидно, объединены общим смыслом «неактивного предметного понятия».

⁴³ I Quaderni di San Gersolè, a cura di Maria Maltoni. Prefazione di Italo Calvino. Ed. Einaudi. Torino, 1963, p. 208 (в дальнейшем сокращенно — San.).

Текст был разбит на «простые предложения», т. е. предикативные конструкции, члены которых соединены обязательной синтаксической связью (устранение позиции любого из элементов вызывает или переосмысление конструкции или делает ее грамматически и семантически незаконченной). Таким путем были получены: авалентные конструкции, лишенные именных позиций (N_0), одновалентные (одноместные) конструкции, содержащие одну позицию — только подлежащего (N_1), только прямого дополнения (N_2), только косвенного дополнения (N_3), только обстоятельства места (N_5), двухвалентные (двухместные) конструкции, содержащие две позиции — подлежащего и прямого дополнения ($N_1 N_2$), подлежащего и косвенного дополнения ($N_1 N_3$), подлежащего и дополнения агента или причины ($N_1 N_4$), подлежащего и обстоятельства места ($N_1 N_5$) и т. п. Максимальное количество «мест» или «позиций» содержат четырехвалентные конструкции ($N_1 N_2 N_3 N_5$).

Именные члены предложения грамматически определяются через форму местоименных («строющих») слов, замещающих именные позиции.

Подлежащее N_1 занимает позицию личных субъектных местоимений — *io, tu, egli*⁴⁴, которая дублирует позицию личных окончаний глагола — сказуемого. Прямое дополнение N_2 занимает позицию личных объектных местоимений без предлога (или с предлогом *di*) — *me, te, lui, (di me, di te, di lui)*, которая дублирует позицию приглагольных местоименных частиц винительного падежа — *mi, ti, lo, ne*⁴⁵. Косвенное дополнение N_3 занимает позицию личного объектного местоимения, вводимого предлогом «а» — *a me, a te, a lui*, которая дублирует позицию приглагольной местоименной частицы дательного падежа — *gli*. Дополнение агента N_4 занимает позицию личного объектного местоимения, вводимого предлогом «да» — *da me, da te, da lui*. Обстоятельство места N_5 занимает позицию наречий места — *qui, là, di qui, di là, dove, di dove*. Разграничение между частичными омонимами — «*da me*» — обстоятельством места и «*da me*» — дополнением агента устанавливалось на основании неспособности последнего быть замещенным наречием места.

Одушевленность, неодушевленность или абстрактность актантов специально отмечались в тех случаях, когда различие этих семантических подклассов существительных предопределяло формальные (грамматические) различия между членами предложения. Так, например, при появлении в позиции дополнения агента N_4 неодушевленного предметного существительного дополнение агента — (и сама его позиция) преобразуется в дополнение ору-

⁴⁴ О различии позиций подлежащего в трехличных и в одноличных конструкциях см. ч. I, гл. III, § 3.

⁴⁵ О различии позиций прямого дополнения, выраженного существительным, и прямого дополнения, выраженного инфинитивом или придаточным дополнителем, см. ч. II, введение.

для действия, а при абстрактном существительном та же позиция (и сам член предложения) становится обстоятельством причины. Абстрактные существительные действия или качества, образующие вместе с десемантизированным личным глаголом аналитический эквивалент простых сказуемых (N_1 salta= N_1 fa un salto, N_1 si vergogna= A N_3 resta vergogna, N_1 si arrabbia, è arrabbiato= N_1 è in collera), рассматривались как один член предложения — сказуемое, независимо от формальной синтаксической позиции этих существительных. Дополнение, присоединяемое к глаголу предлогом *di*, рассматривалось для простоты как вариант прямого дополнения (N_2), исходя из следующих соответствий: N_1 vede una cosa — N_1 si accorge di una cosa; N_1 possiede una cosa — N_1 si impossessa di una cosa; N_1 ama una persona — N_1 si innamora di una persona etc.

В конструкциях с различным количеством «мест» для каждого из грамматических актантов (членов предложения) были обнаружены следующие смыслы с соответствующими частотными характеристиками (на 100 страниц текста):

0. ЗНАЧЕНИЯ N_0

Конструкция без именных позиций.

(a). N_0 соответствует отсутствию дискретного понятия о субъекте: *era tardi* (San. 89), *piove* (San. 28), *si fa buio* (San. 28) — 15 примеров.

(b). N_0 соответствует устраненному из высказывания лицу — носителю неактивного модального отношения: *bisogna scappare* (San. 20) или производителю активного абсолютного действия: *se mai si piange come piangevo io* (San. 146) — 35 примеров.

1. ЗНАЧЕНИЯ N_1

1. Одноместная конструкция.

(a). N_1 an. — лицо, совершающее абсолютное активное действие: *Loro ridevano* (San. 41); *Sergio si rizzò* (San. 151) — 390 примеров.

(b). N_1 inan. — предмет, носитель абсолютного динамического признака: *Il petrolio prese fuoco* (San. 27); *Poi, bollì il paiolo della ricotta*. (San. 72) — 8 примеров.

(c). N_1 an. — лицо, носитель психической реакции или модальной оценки (связанной с каким-либо объектом или причиной, очевидными из контекста): *vedrai come si impauriscono* (San. 60); *La mia zia era invelenita* (San. 31) — 65 примеров.

(d). N_1 an. inan. — лицо или предмет, на которые направлено активное действие другого лица, устраненного из сообщения: *Si presero due canne e si misero in forma di croce* (San. 135); *I conigli si acciappano domani* (San. 138); *I ladri prima o poi ven-*

gono scoperti (San. 141); *E la trappola fu caricata* (San. 175) — 110 примеров.

(e). N_1 an. inan. — лицо или предмет, на которые направлено восприятие какого-либо лица, устраненного из сообщения: *Si videro quei due grulli ritti sul cassetto*. (San. 118); *Al tocco si sentirono motociclette, camions, autoblindate*. (San. 19) — 70 примеров.

(f). N_1 an. inan. — лицо или предмет, носитель абсолютного статического признака: *Il fosso era largo* (San. 37), *Lui è cattivo* (San. 36) — 100 примеров.

2. Двухместная конструкция.

(a). N_1 an. — лицо, совершающее активное действие, направленное на другое лицо или предмет: *Non ti ammazza mica Salvino*. (San. 147). *Il vitello mi guardò fisso*. (San. 18); *Nando non ascoltava nessuno*. (San. 150) ⁴⁶ — 600 примеров.

(b). N_1 inan. — инструмент активного действия, направленное на лицо или предмет: *C'erano certe macchine che sputavano rotoli di fili di seta* (San. 64); *Le forbici tagliano i capelli*. (San. 144) — 8 примеров.

(c). N_1 an. — лицо или одушевленное существо, на которое активно воздействует другое лицо или олицетворенный инструмент: *Gim. era stato preso da qualche cacciatore e portato a caccia lassù* (San. 110); *Non è preso dagli spiriti, ma dal diavolo*. (San. 190); *La capra veniva fermata dalla fune* (San. 187) — 3 примера.

(d). N_1 an. — лицо или одушевленное существо, носитель неактивных отношений обладания или восприятия: *Avevo due cugine* (San. 156); *Vidi anche la mia mamma* (San. 51) — 460 примеров.

(e). N_1 inan. — объект обладания при предикатах, обозначающих недостаток, остаток — (Alla bambola) *le mancava tutto il capo e le eran rimasti tre o quattro capelli soli* (San. 99) — 8 примеров.

(f). N_1 inan., an. — объект обладания, которому приписан какой-либо абсолютный статический или динамический признак: *Mi dolevano le braccia* (San. 25); *Gli gonfiò la lingua* (San. 112). *A questo contadino di sotto il cane gli è morto* (San. 29) — 28 примеров.

(g). N_1 an. — лицо, носитель психической реакции или модальной оценки, вызванной каким-либо объектом (причиной): *Ma io credevo che...* (San. 14); *Se ne è pentito di certo*. (San. 12); *Mario... vuole bene al suo cane* (San. 13); *Avevo paura di tagliarmi* (San. 26) — 85 примеров.

(h). N_1 inan. an. — объект (причина) психической реакции или модальной оценки: *tu m'intimidisci* (San. 148) *Il latte mi piaceva, ma la minestra no* (San. 40) — 6 примеров.

(i). N_1 an. — лицо, находящееся в отношениях статического

⁴⁶ Глаголы *ascoltare* и *guardare* в отличие от *vedere* и *sentire* относятся к «активным» предикатам согласно указанным выше критериям.

или динамического локального контакта с другим лицом или предметом: Il Carotino andò in terra (San. 145); Sono andato, in casa mia (San. 12); C'è Nanni e noi si va tutti da lui (San. 150); Noi si era in una cantina (San. 18) — 680 примеров.

(k). N_1 inan. — предмет, локализованный по отношению к другому предмету; первый предмет, как правило, меньший по размеру и легко перемещаемый, второй («локализатор») — обычно неподвижный и большего размера: Lì in quella fabbrica ci sono dieci stanze... e in ogni stanza c'è un uomo. (San. 64) — 100 примеров.

(l). N_1 inan. — предмет — «локализатор»: Il ciliegio... aveva poche ciliege (San. 88); Ogni macchina aveva una donna (San. 64); Quella stanza si empì di gente (San. 45) — 10 примеров.

(m). N_1 inan. — перемещаемый предмет при устраненном агенте действия: Tre o quattro giornali... si mettono in bottega. (San. 144); Si passa una matita bagnata sul taglio (San. 143) — 10 примеров.

(n). N_1 abstr. — причина действия или состояния лица: Questo... ci venne a noia (San. 156); Era la morte, era il veleno che le faceva fare quel lavoro (San. 60) — 8 примеров.

3. Трехместная конструкция.

(a). N_1 ap. — лицо, вызывающее («каузирующее») отношения принадлежности, т. е. «дающий» или «отнимающий» («отправитель», как назван этот актант А. Греймасом): La mia mamma mi dà dei soldi (San. 181); Se mi fate l'elemosina. (San. 128) — 35 примеров.

(b). N_1 ap. — лицо, каузирующее локальные отношения, т. е. «кладущий», «посылающий» и т. п.: Il babbo ha messo le reti a tutte le finestre (San. 172); Mamma, mandami a vedere le maschere! (San. 182) — 320 примеров.

(c). N_1 ap. — лицо, каузирующее отношения восприятия информации, т. е. «говорящий»: Noi gli si raccontò tutto il fatto (San. 13); Ma il suo babbo gli fa: «Dammi». (San. 13) — 300 примеров.

(d). N_1 ap. — лицо, воздействующее на какую-либо часть другого лица, животного или предмета (активное отношение каузации, скрещенное с неактивным отношением принадлежности): Gli avrà insaponato mille volte la bocca. (San. 150); Il cane tiene Leo per un orecchio. (San. 13); E se lo coglievi in un occhio? (San. 12) — 25 примеров.

(e). N_1 ap. — лицо, «обладатель» какой-либо части тела или одежды, в свою очередь обладающей каким-либо отличительным свойством или предметом: Ci aveva uno sbrano nel collo (San. 28); Aveva due buchi nel groppone (San. 54) — 8 примеров.

(f). N_1 ap. — лицо, «получатель» или «адресат», т. е. носитель каузированных отношений обладания или восприятия: (Io) lo serpi da un mio compagno (San. 201); и с незамещенной позицией

агента действия: E tutti quei ragazzi ricevevano un'annaffiata coi fiocchi (San. 181) — 2 примера.

(g). N_1 inan. — объект обладания (часть одежды или тела какого-либо лица), выступающий также как предмет локализации: Gli eran rimaste le gambe e il corpo dall'altra parte (San. 119); Il dito mi entrò nel razzo (San. 26); Il berretto mi va in cisterna (San. 55) — 10 примеров.

(h). N_1 inan. — инструмент в роли агента, устанавливающего отношения локализации: L'automobile mi portò all'uscio di casa (San. 50) — 1 пример.

(i). N_1 abstr. — причина, вызывающая активное или неактивное действие лица: E quella la spia che mi fa conoscere che l'avevano preso (San. 111); Questo gli è quello che mi fa guadagnare la giornata (San. 127) — 2 примера.

4. Четырехместная конструкция.

(a). N_1 ap. — агент действия, устанавливающего отношения локализации между двумя предметами, один из которых является частью третьего предмета или лица: Cominciò a infilargli il pennello in bocca (San. 153); Lo misi in vetta a un salcio (San. 27); иногда агент совпадает с лицом — обладателем части тела или одежды: (Io) mi carico il corbello sulle spalle (San. 23) — 20 примеров.

(b). N_1 ap. — лицо, вызывающее действие «говорения» или «давания» со стороны другого лица, причем адресатом этого действия является первое лицо, т. е. «просящий», «заказчик», «спрашивающий»: O ragazzi, mi fo fare la barba da Silvano (San. 147); Tutti andavano a farsi dare una sigaretta da lei (San. 64); или с незамещенной позицией каузированного агента: Il cane non se lo fece ripetere due volte (San. 13); Io mi feci dare un quaderno (San. 132) — 12 примеров.

II. ЗНАЧЕНИЯ N_2 .

1. Одноместная конструкция.

(a). N_2 inan. — объект активного или неактивного действия при устраненном лице — агенте или обладателе — Lo zuccherò e il caffè si aveva in una sporta (San. 87). Quando se ne sarà riscattati tre o quattro chili (San. 37) — 6 примеров. (В «Тетрадах Сан Джерсолэ» подобные примеры встречаются редко и действительное согласуется, как правило, со сказуемым в лице, роде и числе, выступая как формальное подлежащее, см. примеры к значениям N_1 , 1 (d), 1 (e)).

(b). N_2 — ситуация, выраженная дополнительным придаточным предложением или инфинитивом, выступающая как объект при глаголах dicendi, putandi, sentiendi, voluntatis, affectuum при устраненном лице, производителе действия или носителе состояния: bisogna subito portarli via (San. 144).

2. Двухместная конструкция.

(a). N_2 an., inan. — лицо или предмет, на которые направлено активное действие лица — агента (или олицетворенного инструмента), т. е. «порождаемый» или «изменяемый» объект. См. примеры к значениям N_1 2 (a), 2 (b).

(b). N_2 an., inan. — лицо или предмет, объект обладания или восприятия, см. примеры к N_1 2 (d).

(c). N_2 an., inan., abstr. — объект (причина) психической реакции или модальной оценки. См. примеры к N_1 2 (g).

(d). N_2 an. — лицо, носитель психической реакции или модальной оценки: Tu m'intimorisci (San. 148). В «Тетрадах» встретился только один случай подобного значения N_2 , так как обычной формой для этой функции являются N_1 или N_3 . В литературной норме итальянского языка субъект психической реакции получает форму N_2 при глаголах *impraurire*, *meravigliare*, *galleggiare*, *interessare* (хотя при последнем N_2 конкурирует с N_3 : *Il buon andamento delle ferrovie interessa tutti i cittadini* — Questo interessa a tutti. C. — M.).

(e). N_2 an., inan. — лицо, предмет локализации, см. примеры к N_1 2(1).

(f). N_2 inan., an. — «локализатор», т. е. предмет, обычно большой и неподвижный, с которым другой, обычно меньший и подвижный предмет (или лицо) устанавливает пространственные отношения: Noi si saltò il fosso. (San. 37); Io, Vinicio e Franco si salì il muro (San. 30); I tedeschi circondarono il paesotto. (San. 19); Mentre attraversava la boscaglia (San. 19) — 10 примеров.

(g). N_2 an. — производитель каузированного (и поэтому уже более не активного) абсолютного действия⁴⁷: Il Dottore ha detto che mi fa alzare oggi e andar via domani (San. 50); Noi si faceva ridere tutti (San. 180) — 6 примеров.

3. Трехместная конструкция.

(a). N_2 an., inan., abstr. — перемещаемый предмет или лицо, сообщаемая мысль. См. примеры к N_1 3(a), 3(b), 3(c).

(b). N_2 inan. — предмет, локализованный по отношению к какой-либо части тела или одежды лица «обладателя». См. примеры к N_1 3(e).

(c). N_2 inan. — объект активного действия, находящийся в отношениях принадлежности (части к целому) с каким-либо лицом или предметом. См. примеры к N_1 3(d).

(d). N_2 an. — лицо, испытывающее активное воздействие со стороны другого лица через посредство какой-либо своей части. См. примеры к N_1 3(d).

(e). N_2 an. — производитель несамостоятельного (каузированного) действия локализации: (Il cane) la fece passare a un cento

⁴⁷ Каузированное действие лица неактивно, так как семантический компонент целенаправленности (зачем?) заменяется компонентом причины (почему?).

metri da Novaro (San. 111). Un rumore mi ha fatto sobbalzare dalla seggiola (San. 185) — 8 примеров.

(f). N_2 an. — «получатель» какого-либо предмета или информации. Таких примеров в «Тетрадах» нет, однако в литературном языке существует несколько глаголов, при которых этот семантический актант выражен прямым дополнением, см. словарь Carrusini — Migliorini, глаголы *fornire*, *privare*, *derubare*, *informare*.

4. Четырехместная конструкция.

N_2 inan. — перемещаемый объект, см. примеры к N_1 4(a).

III. ЗНАЧЕНИЯ N_3

1. Одноместная конструкция

(a). N_3 an. — лицо, носитель психической реакции, модальной оценки или производитель непроизвольного действия: A noi ci scappò da ridere. (San. 83). Gli toccava aspettar troppo (San. 151). Ma a uno come voi resta vergogna (San. 15) — 5 примеров.

2. Двухместная конструкция.

(a). N_3 an. — лицо, «неудовлетворенный или удовлетворенный обладатель» (которому не хватает чего-либо, у которого остается что-либо): (A noi) ce ne mancava quattro. (San. 20); mi ci vorrebbe un libro. (San. 13). См. также примеры к N_1 2(e), а также mi basta una cosa.

(b). N_3 an. — лицо, «обладатель» какой-либо части тела, предмета или одушевленного существа, которым приписывается какой-либо абсолютный признак. Una gamba gli sanguinava. (San. 54). См. примеры к N_1 2 (f).

(c). N_3 an. — лицо, носитель психической реакции, модальной оценки или производитель непроизвольного действия: Che gli successe al Santini di Sant'Andrea? (San. 140); Il latte mi piaceva, ma la minestra no. (San. 40); E una cosa curiosa e da prima non riesce a nessuno. (San. 144); Ora mi tocca camparlo di farinate. (San. 14); Gli è passata la voglia di mangiare i polli. (San. 108); Feci paura al mio babbo. (San. 158) — 25 примеров, включая примеры к N_1 2(h).

(d). N_3 an., inan. — объект (причина) психической реакции: (Mario) vuole bene al suo cane. (San. 13) — 3 примера (с глаголами *voler bene* и *affezionarsi*).

(e). N_3 an., inan. — лицо или предмет, испытывающий активное воздействие со стороны агента: (I tedeschi) diedero fuoco al paesotto. (San. 19); Miliani gli tirò una spinta. (San. 145); ...senò la mamma mi dà (San. 156) — 18 примеров. Подобное оформление объекта активного действия возможно только при аналитических предикатах с глаголом *dare* и его синонимами или при употреблении глагола *dare* в значении «бить».

(f). N_3 — лицо, носитель восприятия. В «Тетрадах» приме-

ров нет. Подобное оформление возможно только при глаголах *apparire* в значении «являться» (о сверхъестественных существах), *giungere* в значении «доноситься» и при аналитическом сказуемом *dare nell'occhio: mi dette nell'occhio il manubrio del segnale d'allarme* (Gian. 92) — «мне попала на глаза ручка сигнала тревоги».

3. Трехместная конструкция.

(a). N_3 ап. — лицо — каузированный «обладатель» или «зритель», т. е. «получатель» или «слушатель». См. примеры к N_1 , 3(a), 3(c).

(b). N_3 ап. — лицо — каузированный агент действия: *Il lascio lo faccio fare al mio babbo* (San. 62); *(La statua di Gesù bambino) la fece baciare a tutti* (San. 195) — 4 примера.

(c). N_3 ап. — лицо — «обладатель» какой-либо части тела, находящейся в локальных отношениях с каким-либо предметом. См. примеры к N_1 3(g).

(d). N_3 ап. — лицо — «обладатель» какой-либо части тела, предмета или одушевленного существа, которые оказываются объектом активного действия другого лица: *Vigliacchi, vu'm' avete morto (=ucciso) il mio figliuolo!* (San. 46); *Ti voglio levare tutti i denti* (San. 146). — 20 примеров, включая примеры к N_1 3(d).

В ситуациях, где отношения обладания между двумя предметами не обязательны («желательны»), они сближаются с отношениями «интереса», «цели», а лицо — «обладатель» превращается в «заинтересованное лицо». В этом случае позиция N_3 ап. оказывается факультативной: *O bravo, mi hai trovato sette uova!* (San. 24)⁴⁸. Интересно, что по мере уменьшения семантической обязательности N_3 ап. возрастает экспрессивная нагрузка этой формы. Полная утрата формой N_3 ап. денотативной функции превращает ее в чистый «эмоциональный усилитель» (обычно только во втором лице единственного числа), как в следующей фразе (речь идет о драке двух собак): *Ma un canaccio di quella forza se lo rimette sotto, te lo acchiappa alla gola e te lo strozza!* (San. 13), где «te» не соотносится ни с каким определенным лицом (ср. русск. «Вот тебе и раз!»).

(e). N_3 ап. — лицо — «обладатель» какого-либо предмета, являющегося одновременно объектом восприятия другого лица: *Quando mi ha visto quella marca, mi ha detto...* (San. 12) — 2 примера.

4. Четырехместная конструкция.

(a). N_3 ап. — лицо — «обладатель», подвергающийся воздействию со стороны агента. См. примеры к N_1 , 4(a).

⁴⁸ При подсчетах функций N_3 подобные примеры не учитывались, как не содержащие отношений обязательной связи предиката с косвенным дополнением. По той же причине семантическая функция «заинтересованного лица» исключена из списка значений членов «простого предложения».

Функции формы N_3 , более однородные, чем функции N_1 и N_2 , подводятся под одно общее значение «неактивного лица».

IV. ЗНАЧЕНИЯ N_4 .

1. Двухместная конструкция.

(a). N_4 ап. — лицо — агент действия: *Gim... era stato preso da qualche cacciatore.* (San. 110) — 3 примера.

(b). N_4 inan. — инструмент действия: *la capra veniva fermata dalla fune.* (San. 187) — 1 пример.

(c). N_4 abstr. — причина какого-либо абсолютного действия: *Piansi anche dalla rabbia.* (San. 127); *Io cascavo dal sonno.* (San. 127) — 15 примеров.

(d). N_4 ап. — лицо — «носитель восприятия». В «Тетрадах» таких примеров нет. Следует отметить также редкость подобного оформления неактивного лица вообще.

2. Трехместная конструкция.

(a). N_4 ап. — каузированный агент действия: *O ragazzi, mi fo far la barba da Silvano, andate a far suonare un doppio a morte dal prete perché mi scanna.* (San. 147) — 3 примера. (Ср. оформление того же семантического актанта как N_3 , 3(b)).

V. ЗНАЧЕНИЯ N_5 .

Обстоятельство места во всех ситуациях всегда обозначает локализатор, внутри которого выделяются такие смысловые разновидности, как место пребывания, место отправления, место назначения, место «пересечения», место «окружения» и т. п.

Следует отметить различия в оформлении локализатора в зависимости от того, является он лицом или предметом. Локализатор — лицо, метонимически представляющее местопребывание лица, отмечается характерным для итальянского языка предлогом *da*: *Io andai lì da Andrea e gli dissi...* (San. 152), *Un giorno vennero da noi una cinquantina di tedeschi.* (San. 19).

Для итальянского языка типичен также «расчлененный» локализатор — лицо, выраженный личным местоимением дательного (реже винительного) падежа, помещающегося перед глаголом — сказуемым, за которым следуют наречия — послелоги, образующие с глаголом тесное смысловое и синтаксическое единство: *A me mi venne incontro il montone per cozzare* (San. 20); *il maiale gli girava intorno* (San. 33); *se ci vede ci dà dietro* (San. 36); *gli salta addosso e lo mette sotto* (San. 13). Своеобразие этой конструкции нарушается, если вместо личного местоимения появляется любое другое слово: *Lui salta addosso a chiunque* (San. 13).

В общем виде частотность совмещения именных членов «простых предложений» с их функциями, а также перечень самих функ-

ций, можно изобразить в следующей схеме, где три знака «плюс» соответствуют максимальной частотности, два знака «плюс» — средней, один «плюс» — минимальной частотности, один «плюс» в скобках обозначает возможные в итальянском языке, но отсутствующие в тексте совмещения, знак «минус» — невозможные совмещения (см. схему на стр. 53—54).

Итак, каждой семантической функции предметных понятий соответствует несколько форм выражения, и почти каждая форма имеет несколько функций. В основе различного оформления одной и той же семантической категории и соответственно многозначности членов предложения лежат следующие факторы:

1. Продуктивность почти всех формально-грамматических структур, «притягивающих» смежные смыслы. Например, инструмент или причина действия получают по аналогии форму агента — N_1 или N_4 , хотя первичной формой для первого является в итальянском языке сочетание «предлог *con* + N », а для второй — развернутое предложение причины.

2. Перемещение коммуникативных функций «темы» и «ремы» с одного предметного понятия на другое и связанное с этим устранение лица — субъекта из сообщения. Отсюда — замена первичной формы выражения объекта действия — N_2 на вторичную — N_1 и т. п.

3. Возможность различного распределения семантической нагрузки между членами предложения при сохранении смысловой идентичности формально различных конструкций⁴⁹. Например, глагольная лексема может подключать значение предлога (*mettere dentro*=*riempire*), значение самого актанта (*mettere un vestito*=*vestire*), или наоборот, исключать конкретные семы из своего состава (*saltare*=*fare un salto*, *colpire*=*dare un colpo*).

4. Неустойчивость границ между семантическими категориями, которые под влиянием своих «соседей» по ситуации получают различные смысловые оттенки. Так, агент действия, превращаясь в «каузированный агент», занимает промежуточное положение между неактивным актантом (N_3) и агентом (N_4). Субъект и объект психической реакции, в равной степени «неактивные», имеют одинаковый набор форм (N_1 , N_2 , N_3) и различаются лишь частотностью того или иного оформления.

Вместе с тем текучесть смысла и продуктивность форм имеют пределы, поставленные необходимостью формально дифференцировать семантические единицы, с одной стороны, и ассоциировать формы с ограниченным количеством смыслов, с другой.

Исходя из приведенной схемы мы можем формально определить семантический субъект вообще как такое понятие в данной семантической ситуации (ассоциации понятий), для которого наиболее частотной или единственно возможной формой выражения

⁴⁹ См. А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. О семантическом синтезе. «Проблемы кибернетики», 1967, вып. XIX, а также В. Г. Гак. Проблемы лексико-грамматической организации предложения, гл. IV.

Функции	Формы					Примеры
	N_1	N_2	N_3	N_4	N_5	
Лицо или предмет, носитель абсолютного признака	+++	—	—	—	—	N_1 ride, dorme, è malato. N_1 bolle, brucia, è grande
Лицо или предмет локализации	+++	+	—	—	—	La madre va in cucina. La macchina è nella stanza. Ogni stanza ha una macchina. Le foglie coprono la terra
Локализатор	+	+	—	—	++	
Лицо — «обладатель»	+++	—	+	—	—	N_1 ha N_2 . A N_3 manca, resta N_1 . A N_3 apparve un mostro. N_1 vede, sente N_2 . N_1 è sfato visto da N_4 . Si sente, si vede N_1
Лицо — носитель отношений восприятия	+++	—	(+)	(+)	—	
Объект обладания и восприятия	+++	+++	—	—	—	
Лицо — носитель психической реакции или модальной оценки	+++	+	++	—	—	N_1 teme, ama N_2 . A N_3 pare, piace, succede, riesce, fa paura N_1 . N_1 impaurisce N_2 . N_1 crede, vuole bene, ubbidisce a N_3 .
Объект (причина) психической реакции	+	+++	+	—	—	
Лицо — производитель активного действия над объектом	+++	—	—	+	—	N_1 fa N_2 . N_1 dà, dice N_2 a N_3 . N_1 è stato fatto da N_4 . N_1 dà fuoco, dà un colpo a N_3
Производимый, изменяемый, перемещаемый объект	+++	+++	+	—	—	

Функции	Формы					Примеры
	N ₁	N ₂	N ₃	N ₄	N ₅	
Лицо — «получатель» предмета или информации	+	(+)	++	—	—	N ₁ lo ricevè, lo seppe da N ₄ . N ₁ informa, fornisce, priva N ₂ di qualche cosa. N ₁ dà, dice N ₂ a N ₃
Лицо — производитель каузированного действия	(+)	++	+	+	—	N ₁ è sfato costretto di fare N ₂ . N ₁ fa alzare N ₂ . N ₁ fa andare, manda N ₂ a N ₆ . N ₁ fa fare N ₂ a N ₃ (=da N ₄)
Причина действия	+	+	—	+	—	Un rumore mi ha fatto sobbalzare dalla seggiola. Piansi anche dalla rabbia
Инструмент действия	+	—	—	+	—	L'automobile mi portò a casa. La capra veniva fermata dalla fune. Torno a casa con l'autobus

будет подлежащее. В итальянском языке (и, по-видимому, в других европейских языках) внутри общей категории субъекта по формальным признакам выделяются шесть семантико-грамматических типов: 1) субъект — лицо или предмет, носитель абсолютно-го статического или динамического признака, для которого форма подлежащего является единственной; 2) субъект — лицо, носитель психической реакции или непроизвольного действия, который может быть подлежащим, прямым дополнением и косвенным дополнением; 3) субъект — лицо, носитель отношений обладания, имеющий формы подлежащего или косвенного дополнения; 4) субъект — лицо, носитель отношений восприятия, который, помимо подлежащего, способен изредка оформляться как косвенное дополнение и как дополнение агента; 5) субъект — лицо или предмет, локализованный по отношению к другому предмету, получающий, помимо подлежащего, также форму прямого дополнения при подлежащем — локализаторе; 6) субъект — производитель активного действия, направленного на объект, который, помимо подлежащего, способен получать форму дополнения агента (чаще, чем субъект восприятия). Соответственным образом могут быть определены и другие семантические функции.

В свою очередь формы именных членов предложения имеют различную степень «грамматизации» или «десемантизации». Наиболее однозначным и непродуктивным является обстоятельство места, далее следует дополнение агента, потом — косвенное дополнение, специализировавшееся как форма, соотношенная с неактивным лицом. Прямое дополнение способно оформлять любой семантический акт, кроме активного производителя действия и носителя отношений обладания и восприятия. Наконец, подлежащее — форма универсальная и семантически не прозрачная, хотя, подобно любому другому члену предложения, она может получить семантическую характеристику на основании своих первичных функций.

ОСНОВНЫЕ СЕМАНТИКО-ФОРМАЛЬНЫЕ КЛАССЫ И ПОДКЛАССЫ ПРЕДИКАТОВ (субъектно-предикатных отношений)

Классификация предикатов по их основным семантическим признакам, перечисленным выше, предполагает обязательное формальное противопоставление выделяемых классов и подклассов. В связи с асимметрией отношений означающей и означаемой стороны языковых единиц для каждой формальной модели устанавливаются ее первичные и вторичные значения, а каждая семантическая структура получает свою формальную характеристику через набор первичных и вторичных форм. Совмещение первичных форм с первичными функциями дает исходные («базисные») семантико-формальные структуры, противопоставленные друг другу не только по форме, но и по основным семантическим компонентам.

Базисная структура, с одной стороны, является своего рода языковым слепком внутренней понятийной формы и поэтому возглавляет семантическую парадигму, состоящую из разнообразных конструкций, смысловая структура которых обязательно включает все компоненты базисной единицы. С другой стороны, базисная модель, состоящая из строевого глагола и обязательных именных позиций с их формальными показателями — предлогами (падежами), обладает способностью оформлять «чужие» семантические структуры.

Эта продуктивность модели может проявляться в двух направлениях. При первом типе продуктивности модель изменяет «чужой» смысл, устраняя из него те компоненты, которые не соответствуют ее собственной семантической структуре. Так, базисная модель абсолютного статического признака $N_1 \in N$, оформляя признак относительный и динамический, например, «он продает книги», преобразует его в статический и абсолютный: «Он — продавец книг», т. е. выступает как средство перевода данной се-

мантической структуры в другой семантико-формальный класс. При втором типе продуктивности происходит прямо противоположный процесс: модель теряет основные семантические компоненты, свойственные ей в первичной функции и, подключаясь к «чужой» семантической парадигме, используется как средство выражения дополнительных смысловых оттенков: «он схватил мяч» — «он схватил болезнь». Здесь выбор вторичной формы — («он схватил болезнь» вместо «он заболел») приводит уже не к семантической трансформации, т. е. к переходу в другой семантический класс, а к семантической модуляции внутри одного общего класса. При использовании «чужой» модели как средства семантической модуляции происходит не только переосмысление этой модели, но и ее формальное видоизменение: строевой глагол десемантизируется, теряет часть своих валентностей (ср. «он схватил мяч одной рукой», но только «он схватил болезнь») и образует с именным членом грамматизованное (продуктивное) или лексикализованное (непродуктивное) устойчивое сочетание, т. е. по существу, аналитический эквивалент лексемы или словоформы.

Изменение первичной формы выражения данной семантической структуры может отмечать:

а) сдвиги в составе основных пяти пар категориальных семантических компонентов (классов), что соответствует семантической трансформации;

б) сдвиги в составе более частных (видовых или модальных) классов, что соответствует семантической модуляции.

в) сдвиги, непосредственно не связанные с изменениями элементарной семантической структуры конструкции, а обусловленные или устранением конкретной информации о субъекте или переносом коммуникативной функции «темы» высказывания с одного актанта на другой. Эти трансформации мы будем называть семантико-коммуникативными и чисто коммуникативными.

С учетом этих предварительных замечаний рассмотрим теперь в порядке возрастания их формальной и смысловой сложности базисные предикативные модели итальянского языка, соответствующие в своей первичной функции основным смысловым типам субъектно-предикатных отношений. Описание каждой модели будет включать ее семантико-формальную характеристику в ее первичной функции и перечень вторичных функций модели, связанных только с семантическими трансформациями и модуляциями. Трансформации, обусловленные семантико-коммуникативными и коммуникативными факторами, будут рассмотрены в следующей главе.

§ 1. МОДЕЛЬ НЕРАСЧЛЕНЕННОГО СУБЪЕКТО-ПРЕДИКАТА

Модель имеет два варианта — синтетический и аналитический. Синтетическая модель представляет собой глагол 3 л. ед. ч., не имеющий других именных позиций, кроме факультативных об-

стоятельств времени и места. Парадигматический ряд модели включает считаемое количество лексем, относящихся к узкой понятийной сфере явлений природы — *piove, nevica, tuona, lampeggia* есс. В отличие от русского языка, где безличная модель 3 л. ед. ч. служит средством семантической трансформации личных предложений в безличные (ср. тургеневское «стучит!»)¹, в итальянском эта модель непродуктивна и не имеет вторичных функций, хотя сама лексема может иметь переносные личные употребления: *Quanti malanni mi son piovuti addosso!* (С. — М., *piovere*).

Аналитическая модель, состоящая из именного члена и строевых глаголов *essere* или *fare* (*farsi* для динамических предикатов), в первичной функции также обозначает время, погоду и явления природы: *è tardi, fa bel tempo, si fa notte*. Во вторичной функции эта модель служит для преобразования расчлененных личных субъектно-предикатных структур в нерасчлененные безличные. Именной член в этом случае всегда выражен существительным качества или действия, обозначающем предикат, тогда как семантический субъект или вовсе не указан или включен в синтаксическую группу существительного в виде определения: *C'era un profumo singolare in quella camera, un profumo di cosa viva, un profumo di donna e di donna elegante* (Verga). При подобных трансформациях строевой глагол часто опускается и образуется номинативное предложение повествовательного или вопросительного типа: *Si sentivano i suoi passi sul palco. A un tratto, uno strillo* (Cicognani) или *Anselmo aspettava. Il suono del campanello. Possibile?* (Cicognani)². Синкретическое представление субъекта и предиката, обусловленное неопределенной множественностью и неизвестностью производителя действия или намеренным выдвиганием на первый план понятия о качестве или действии, смыкается с формами устранения информации о дискретном субъекте, которые имеют сходные смысловые предпосылки: «говорится», «говорят», «известно», *si dice, dicono, è detto, è noto, è possibile*, есс. (см. следующую главу).

§ 2. МОДЕЛИ АБСОЛЮТНЫХ ПРЕДИКАТОВ

Базисная конструкция, возглавляющая эту парадигму, состоит из одной обязательной позиции N_1 и наиболее общей глагольной лексемы, обозначающей сам факт существования (*essere*).

¹ А. М. Пешковский («Русский синтаксис в научном освещении». М., Учпедгиз, 1938, стр. 320), приводя другую фразу из Тургенева: «Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи», — замечает, что при подобных трансформациях, не затрагивающих вещественного значения глагола, «особенно рельефно выступает внутренняя сторона безличности, безличность как категория грамматического мышления».

² Все три примера взяты из книги G. Herczeg. *Lo stile nominale in italiano*. Firenze, 1967, pp. 19, 87, 88, где указывается на широкое использование этой конструкции в языке современной художественной литературы.

Все прочие предикаты этого класса представляют факт бытия обогащенным различными его частными проявлениями, и обозначают обычные присущие предмету свойства и функции.

Модель абсолютного признака имеет два формальные варианта — аналитический, с именным сказуемым, и синтетический, с глагольным сказуемым. Именные предикаты противопоставлены друг другу по морфологическим классам именного члена и по характеру глагола-связки. Глагольные предикаты по форме делятся на невозвратные и возвратные.

Внутри общего класса абсолютных предикатов выделяются следующие семантические подклассы: статические предикаты постоянного признака (N_1 è un medico, N_1 è grande), статические предикаты временного признака, т. е. состояния (N_1 è rotto, N_1 è malato, N_1 giace), динамические предикаты с неодушевленным или одушевленным субъектом (N_1 brucia), динамические предикаты только с одушевленным субъектом, которые делятся на неактивные (N_1 argossisce) и активные (N_1 ride).

Формальные различия, естественно, и в этом случае не находят в однозначных отношениях со смысловым членением: одно и то же содержание может быть выражено по-разному и почти каждая форма имеет несколько значений. Тем не менее почти каждый подкласс имеет свою базисную модель или отличается от других подклассов определенным набором конкурирующих форм.

1. Модель статического постоянного признака N_1 è N (Adj) представляет собой именное сказуемое, где строевой глагол носит название связки (*copula*). Может создаться впечатление, что этот глагол связывает два самостоятельных именных актанта — подлежащее и именной член, который таким образом как бы приравнивается к подлежащему и дополнениям³. Такая точка зрения справедлива только по отношению к предложениям идентификации, где глагол «быть» соответствует знаку равенства, и каждое из существительных может выступать как подлежащее в зависимости от коммуникативных акцентов и порядка слов: *Dante è l'autore della Divina Commedia*. Во всех прочих случаях именной член сказуемого, обозначающий не конкретное предметное понятие, а понятие о классе предметов, т. е. признак или совокупность признаков (N_1 è un uomo, N_1 è una persona intelligente, N_1 è intelligente), образует с глаголом-связкой один член предложения, где общие категориальные семы признака и его более частные семантические компоненты выражены раздельно.

Модель N_1 è N обладает неограниченной продуктивностью первого типа, т. е. способностью представлять любой признак как абсолютный, статический и постоянный. В этих вторичных образованиях именная часть выражена всегда именем деятеля с воз-

³ См. В. Н. Ярцева. Исторический синтаксис английского языка. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 64—77, где содержится критика подобной интерпретации связочного глагола и анализ взаимоотношений между элементами именного сказуемого.

можными определениями (трансформами дополнений): *Egli vende libri — Egli è un venditore di libri*. Применение этой конструкции по отношению к однократному действию или временному состоянию связано с дополнительными стилистическими оттенками (эмфатичность, архаичность, канцелярский стиль), как например, во фразе: *Mi disse, con modi un po' misteriosi, di essere latore di un messaggio* (Levi, *Le parole*, 28). (Ср. в русском языке: «он — податель прошения», «он — мой утешитель» и т. п.)

2. Наиболее распространенная модель статического временно-го признака (состояния) имеет вид N_1 è p II, где грамматическая форма именного члена указывает на временный характер признака, связанного с каким-либо законченным динамическим процессом. Помимо причастий в именной части сказуемого могут появляться прилагательные временно-го признака — *è stanco, è malato, è sporco, è fermo, è guasto, è pieno, è vuoto, è asciutto* и т. п. — большая часть которых образована от глагольных корней⁴, а также сочетания абстрактных существительных с предлогом, синонимичные простым прилагательным и причастиям: *è sano=è in buona salute, è inopportuno=è fuori luogo, è sincero=è in buona fede* и т. п.

Существенной формальной чертой предикатов состояния, по которой они противопоставлены предикатам постоянного признака, является возможность свободного варьирования строевых глаголов *essere* и *stare*. Как известно, в испанском языке это чередование регулярно отмечает семантическое противопоставление предикатов постоянного признака (*es enfermo*) предикатам состояния (*está enfermo*)⁵. В итальянском языке *essere* и *stare* внутри общей модели состояния противопоставлены как нейтральный и подчеркнутый варианты (см. С.—М., *stare*): *è scritto così* — «это написано так», но: *così sta scritto* «вот так здесь написано»; или: *il treno è fermo* — «поезд стоит», где обозначен сам факт данного состояния, тогда как во фразе: *Stai fermo tutto il giorno, se no, se ti muovi è facile che ti si riapra la ferita* (San. 48) специально выделяется сема ограниченности во времени, и состояние сближается по смыслу с динамическим процессом. Пространственная определенность состояния подчеркивается местоименной формой глагола — *starsene*: *è solo — sta solo tutto il giorno — se ne sta tutto solo* («он стоит себе один-одинешенек».)

Глагол *stare*, более нагруженный семантически, менее грам-

⁴ В староитальянском подобные прилагательные («краткие причастия») конкурировали с полными причастиями даже в составе аналитических времен глагола. Реликты этой конкуренции встречаются до сих пор в тосканских говорах, и, в частности, в «Тетрадах Сан Джерсолэ»: *t'ha porto (=portato) la lepre* (San. 32).

⁵ Противопоставление предиката состояния «*está abierto*» пассивной форме «*es abierto*» в речи практически не реализуется, так как последняя форма заменяется возвратным пассивом *se abre*. См. S. Gili y Gaya. *Curso superior de sintaxis española*. México, 1943, cap. IX, § 102. О глаголах *essere*, *ser* и *estar* см. Peral Ribeiro. *Essere, sedere e stare nas linguas românicas*. «*Bol. de filologia*». Lisboa, 1958, t. 17, fasc. 1—2, pp. 147—176.

матизован, чем *essere*, и образует с отдельными прилагательными устойчивые сочетания, выпадающие из систематических противопоставлений *stare* и *essere*, например, *essere attento* «быть внимательным» — *stare attento* «быть осторожным»; *essere comodo* «быть удобным» — *star comodo* «быть как у себя дома, располагаться»; *essere buono* «быть добрым» — *star buono* «вести себя хорошо, не шалить»; *essere fresco* «быть свежим» — *star fresco* «оказаться в глупом или трудном положении».

Появление строевых глаголов *divenire* или *rimanere* вместо *essere* или *stare* изменяет семантическую структуру модели, придавая ей значение динамического процесса с ингрессивно — результативным оттенком: N_1 diventò rosso=arossi; diventò pallido=impallidì. Сочетаемость *rimanere* имеет целый ряд лексических ограничений: в именной части сказуемого могут находиться только причастия и прилагательные, обозначающие положение в пространстве — *rimase fermo, rimaneva seduto* — или психическую реакцию восхищения, удивления, разочарования — *rimase incantato, deluso*, и с тем же значением в устойчивых сочетаниях: *rimase male, rimase con un pugno di mosche, rimase a bocca aperta* и просто *rimase* в значении «удивился»: *Figuratevi come rimase quel buon vecchio di Maestro Ciliegia!* (Collodi, 4).

3. Наиболее распространенная модель абсолютного динамического признака как при одушевленном, так и при неодушевленном субъекте содержит простой глагольный предикат. Вместе с тем противопоставление простого глагольного сказуемого аналитическому именному с глаголами «*essere*» или «*stare*» не всегда соответствует смысловой оппозиции между статическим и динамическим признаком⁶. Так, существует целый ряд глаголов, синонимичных сочетанию *essere* с причастием: *siede=è seduto; giace=è corricato, è sdraiato; pende=è appeso; brilla, brucia=è acceso*. Те же соответствия можно обнаружить и при сравнении двух языков: «лампа горит» — *la lampada è accesa*, «пальто висит» — *il cappotto è appeso*, «он стоит» — *egli è in piedi*.

Подавляющее большинство простых глагольных сказуемых обозначают все же динамический процесс, т. е. признак не только временный, неустойчивый и необязательный для данного предмета, но и предполагающий более отчетливые временные границы начала и конца.

Семантическое противопоставление абсолютных динамических предикатов, представляющих процесс как функцию предмета, предикатам относительным, где эта функция осложняется дополнительными семами различных видов связи между предметными по-

⁶ Это смысловое различие в свою очередь неустойчиво. См. B. Delbrück. *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*. Strassburg. 1897, t. 2, p. 424: «...muss man freilich bedenken, dass von der Handlung über den Vorgang zum Zustand eine kontinuierliche Linie führt... So ist es manchmal schwer den Vorgang vom Zustand zu scheiden».

нениями, не имеет в европейских языках единообразных морфологических показателей в системе форм глагола.

Основу абсолютных динамических предикатов составляют непроизводные глагольные лексемы, обозначающие процессы и преобразования внутри самого субъекта: *morire*, *pascere*, *dormire*, *ridere*, *piangere* и т. п. Эти глаголы закреплены за абсолютной моделью и не способны выступать в другом окружении без специальных показателей семантико-синтаксической трансформации. (О переходных трансформах непереходных глаголов см. «Каузативные модели»). Поэтому абсолютное значение предиката при подобных лексемах выражено дважды: самим глаголом, однозначно предсказывающем свое окружение, и синтаксической моделью $N_1 V$.

Очень редко в современном итальянском языке и несколько чаще в русском категория абсолютного признака отмечается трижды: лексемой глагола, не имеющей переходных аналогов, возвратной частицей *si* («ся») и самой моделью. В этом случае возвратная форма или является единственно возможной для данной лексемы («смеяться», «оставаться», *pentirsi*)⁷ или противопоставлена невозвратной по видовому признаку (*sedersi*—*sedere*). Кроме того, обе непереходные формы могут соотноситься как свободные варианты (*avanzare*—*avanzarsi*, *dileguare*—*dileguarsi*, *arepare*—*areparsi*), как нейтральный и экспрессивно-эмоциональный вариант (*morire*—*morirsi*, *morirsi*—*morirsi*) или как нейтральный и функционально-стилистический вариант (*sbagliare*—*sbagliarsi*, разг.; *ammalarsi*—*ammalare*, арх., поэт)⁸.

Внутри модели абсолютных динамических предикатов возвратная форма обычна для глаголов, невозвратный аналог которых закреплен за относительными моделями нелокального контакта и имеет лексико-синтаксическую характеристику «переходной формы»: *alzarsi*—*alzare*, *fermarsi*—*fermare*, *rompersi*—*rompere*, *voltarsi*—*voltare* и т. п. Количество пар, противопоставленных в этом ряду по форме и по категориальному признаку абсолютности — относительности, настолько велико, что частица *si* осмысливается как специфический, хотя и не обязательный морфологический показатель глаголов, закрепленных за абсолютной моделью. Категориальное значение абсолютности при возвратных глаголах, образованных от переходных лексем, опять оказывается выраженным дважды: самой моделью $N_1 V$ и возвратной частицей *si*. Вместе с тем, несмотря на регулярность формально-смыслового противопоставления пар типа *alzarsi*—*alzare*, частица *si* не может рассматриваться как средство трансформации относительных предикатов

⁷ См. W. Wartburg—P. Zumthor. *Précis de syntaxe du français contemporain*. Bern, 1947, § 24: «...il s'agit de locutions verbales dont les éléments, dans l'usage moderne, ne peuvent plus s'analyser».

⁸ См. об аналогичных функциях частицы *se* в испанском языке в статье L. Contreras. *Significados y funciones del «se»*. «Zeitschrift für rom. Phil.», 1966, Bd. 82 Hf 3/4.

катов в абсолютные, так как вовсе не каждый возвратный глагол, имеющий переходный аналог, специализируется в условиях абсолютной модели. Так, например, глаголы *dirigersi*, *attaccarsi*, *trovarsi* и др. входят в двухместную парадигму предикатов локализации, а глаголы *meravigliarsi*, *indignarsi*, *innamorarsi*, *offendersi*, *apnoiarsi*, предполагающие позицию объекта — причины, принадлежат к классу предикатов неактивного нелокального контакта и являются косвенно-переходными. Таким образом, преобразование переходного глагола в возвратный придает лексеме лишь *формальный* признак непереходности, не связанный с какой-либо определенной и обязательной смысловой характеристикой. Многие формально непереходные возвратные глаголы естественно оказываются «абсолютными» по значению, так как смысловой базой непереходности является понятие о процессе, протекающем в сфере субъекта независимо от его связей с другими предметными понятиями. Даже если эта связь объективно существует и недвусмысленно подсказывается контекстом, возвратный глагол представляет действие как «самопротекающее»: *Allora si passa una matita bagnata sul taglio e il sangue si ferma* (San. 143); *Quando si dà una stratetina più forte, la molla si rompe* (San. 145).

Ж. Дюбуа⁹, условно принимая за исходную конструкцию двухвалентный предикат $N_1 Vt N_2$, рассматривает все формы предиката абсолютного признака, в том числе и возвратные, как виды «пассивной трансформации». Не касаясь спорного (и на наш взгляд схоластического) вопроса о количестве «базисных» предположений и о возможности их сведения к одной «ядерной» структуре (*phrase noyau ou phrase canonique*), отметим здесь лишь нецелесообразность отождествления абсолютных предикатов, для которых модель $N_1 Vi$ первична, а глагол Vi (возвратный или невозвратный) обозначает самопротекающий процесс, с трансформами относительных предикатов, где возвратная или пассивная форма глагола является показателем устранения конкретной информации о семантическом субъекте (т. е., говоря словами Дюбуа, «отмечает нулевую реализацию позиции субъекта»)¹⁰.

Различие между этими структурами, и соответственно между двумя функциями частицы *si*, очевидно из приведенных выше фраз, первая часть которых содержит неопределенно-личный трансформ относительных предикатов (*si passa una matita, si dà una stratetina*), тогда как во второй части находятся абсолютные предикаты с возвратной глагольной лексемой, образованной от невозвратного каузатива (*il sangue si ferma, la molla si rompe*). Производный характер лексемы не может, естественно, служить доказательством трансформированности («вторичности») самой конструкции абсолютного предиката по отношению к его семантике.

⁹ J. Dubois. *Grammaire structurale du français*. Le verbe. Paris, 1968, pp. 18, 125.

¹⁰ J. Dubois. *Op. cit.*, p. 125: «La phrase passive est d'abord issue d'une transformation de la phrase noyau active dont le syntagme sujet est égal à zéro».

Таким образом, частица *si* как показатель неопределенно-личной (или залоговой) трансформации и как морфологическая отметка непереходного (абсолютного) употребления лексемы имеет две различные функции — словоизменительную и словообразовательную. Как словоизменительная морфема, возвратная частица *si* не влияет на лексическое значение невозвратного глагола и не переводит его в другой семантический класс. Она несет чисто грамматическую нагрузку, является единственным показателем данного смысла и поэтому никогда не может быть опущена. Напротив, в качестве словообразовательного форманта частица *si* служит для производства формально-непереходных глаголов, часть которых, как мы видели, принадлежит к лексемам, обозначающим абсолютный признак. При этом возвратная форма глагола противопоставлена невозвратной переходной не только по категориальному значению семантического класса (абсолютность — относительность), но и по другим, не всегда единообразным семантическим составляющим. Так, если в паре *alzarsi—alzare* оба глагола сочетаются с одушевленным субъектом, то глагол *compersi* отличается от *compre* своей «семантической избирательностью»¹¹ по отношению к лексическому заполнению позиции подлежащего.

Частица *si* как показатель непереходности, в отличие от грамматической морфемы *si*, дублирует смысловую нагрузку «абсолютности», отмеченную самой синтаксической моделью. Избыточность *si* в этих условиях доказывается существованием в итальянском языке, как и в других романских языках, целой группы «симметричных» глаголов¹², способных выступать в относительных и в абсолютных моделях и соответственно в различных лексических значениях, не изменяя своей формы: *io finisco la lezione — la lezione finisce*. В литературной норме итальянского языка широко употребительны такие симметричные глаголы, как *finire, cominciare, continuare, passare, cambiare, aumentare, diminuire, bruciare, girare, invecchiare, ingrassare, dimagrire* и т. п. Этот ряд постоянно пополняется, несмотря на протесты пуристов, порицающих такие употребления глаголов без частицы *si*, как: «*Le lane verdi al sole stingono, a zero grado l'acqua solidifica, i fichi maturi cominciano a screpolare, una nave dirige verso una sua meta, gli idroplani staccano dall'acqua, un tassi ferma davanti a noi*»¹³ и т. п.

Как известно, в английском языке почти каждый глагол является симметричным, так что его переходное или непереходное значение определяется чисто синтаксически¹⁴. В итальянском, благодаря аналогическому воздействию возвратной формы, наблю-

¹¹ См. Б. А. Абрамов. О понятии семантической избирательности слов. В кн.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., «Наука», 1969, стр. 5.

¹² R. Lagane. Les verbes symétriques: économie morpho-syntaxique et différenciation sémantique. «Cahiers de lexicologie», 1967, vol. X, n° 1, pp. 21—30.

¹³ E. Milano. Un po' di confusione nei generi del verbo. «Lingua nostra», 1943, n. 5, fasc. 3—4, p. 68.

¹⁴ См. В. Н. Ярцева. Ук. соч., стр. 62.

дается и обратный процесс: непереходные невозвратные глаголы получают морфологический показатель непереходности — частицу *si*. Так, в цитированной статье Милано отвергаются как недопустимые в литературном языке следующие формы: *avanzarsi, dileguarsi, precipitarsi, arenarsi, urtarsi, sbagliarsi*. Характерно, что уже в словаре Каппучини—Мильборини (1961) все эти слова приводятся как свободные варианты простых глаголов (за исключением *sbagliarsi*, который сопровождается пометой *pop bene*). Борьба двух противоположных тенденций — стремления к упрощению абсолютной конструкции и стремления к избыточности, гарантирующей однозначность понимания слова, представляет собой один из активных процессов, направление которого можно определить только после диахронического исследования этого явления. Для синхронного плана существенно уточнить контекстуальные условия, благоприятствующие или препятствующие устранению (или наоборот, появлению) морфологического знака непереходности у глаголов абсолютной модели.

В итальянском, так же как и во французском, непереходное и переходное значение симметричных глаголов никогда не реализуется при одном и том же подлежащем¹⁵. Так, глаголы, обозначающие физический процесс, могут иметь невозвратную форму в литературном языке или утрачивать частицу *si* в «некультурной» речи только при неодушевленном подлежащем. Ср.: *io brucio la carta — la carta brucia*. И наоборот, непереходные глаголы психических или физиологических процессов, не имеющие частицы *si*, возможны только при подлежащем одушевленном: *Il pane mi ingrassa (= fa ingrassare), no lei vuole ingrassare*. В том случае, если симметричный глагол, обозначающий физический процесс, сохраняет одушевленное подлежащее при непереходном употреблении, он сразу же теряет свою «симметричность» и приобретает морфологический показатель непереходности. Таким образом, у «полусимметричных» глаголов возвратная и невозвратная форма непереходных вариантов лексемы позиционно обусловлены, т. е. имеют различную семантическую избирательность: *Io giro la macchina — la macchina gira, no: io mi giro*. Это ограничение в сочетаемости непереходных невозвратных форм исключает возможность интерпретации невозвратного переходного глагола как непереходного в случае речевого эллипсиса дополнения: *Arrivati a Strada il camioncino non si fermò* («не остановился») и *io dissi fra me «O dove si va?» Si arrivò più in là un quattrocento metri e Giulio fermò* («остановил») *alla casa di un contadino (San. 139)*. В этом примере непереходное значение глагола *fermare* получает морфему непереходности *si* даже при неодушевленном подлежащем, в соответствии с требованиями литературной нормы. Тот же самый глагол может, однако, употребляться в разговорной речи и без частицы *si*: *poi si venne a prendere il tram che fermava lì*

¹⁵ A. Blinkenberg. Le problème de la transitivité en français moderne. København, 1960, p. 118.

accanto alla casa di mia sorella (San. 65). Все же различие между возвратной и невозвратной формой здесь не сводится к простому чередованию нормативного и просторечного варианта. Дело в том, что тенденция к устранению *si* в самой разговорной речи возникает прежде всего при абсолютных предикатах не единичного, а обычного повторяющегося действия, сближающегося семантически со статическим постоянным признаком: *il tram si fermò — il tram ferma lì accanto* (т. е. «там находится остановка трамвая»), *la bottega si chiuse, si aprì alle 8 — i negozi aprono, chiudono alle 8*.

Итак, глагольная лексема в модели $N_1 Vi$ может быть лексически непереходной (*muore*), морфологически непереходной (*si alza*) и синтаксически непереходной, т. е. симметричной (*gira*). Тип непереходной лексемы не влияет на определение модели $N_1 Vi$ как первичной или вторичной (трансформированной) по отношению к смысловой структуре абсолютного динамического предиката.

Действительно, если под «семантико-формальной трансформацией» мы будем понимать формально отмеченный переход какой-либо семантической структуры из одного класса предикатов в другой, при условии, что погашение одного из категориальных смысловых компонентов и добавление другого не вызывает изменений в материальном, наиболее конкретном смысловом составе предиката, соотношение между такими парами конструкций, как $N_1 an. muore — N_1 an. uccide N_2 an., N_1 an. si alza — N_1 an. alza N_2 inan., N_1 inan. gira — N_1 an. gira N_2 inan.$, не отвечает этому условию, так как оппозиция по категориальным компонентам абсолютности — относительности между членами каждой пары осложнена сдвигами конкретных сем. Кроме того, трансформация предполагает неполное погашение смысловых компонентов исходной структуры в структуре производной (например: $N_1 vende libri — N_1 è un venditore di libri$), что позволяет говорить об определенной направленности трансформаций. Однако приведенные выше пары конструкций не содержат никаких данных, позволяющих утверждать, что первые члены пар являются трансформами вторых (или наоборот).

Очевидно, перед нами два различные семантические класса предикатов в их первичных формах выражения, и хотя один из них — $N_1 Vi$ — семантически более простой, а другой — $N_1 an. Vt N_2$ — более сложный, ничто не обязывает нас устанавливать между ними отношения трансформации.

Сказанное выше вовсе не означает, что указанные модели лишены продуктивности и не могут трансформировать «чужие» семантические структуры. Так, интересующая нас здесь модель абсолютного динамического предиката $N_1 Vi$ обладает способностью представлять относительные предикаты в виде абсолютных путем устранения определенности информации о семантическом объекте или о локализаторе. При этом позиция объекта или локализатора не исключается, как при «симметричных» глаголах в их непереходном значении (*il tram ferma lì*), и не остается незамеченной,

как при речевом эллипсисе (*Giulio fermò*), а подключается к семантеме глагола в наиболее общем и неопределенном смысле.

Поглощение глаголом объектной или обстоятельственной позиции приводит иногда к образованию непереходных одновалентных лексем, синонимичных двухвалентным глаголам по конкретному лексическому значению и противопоставленных последним по общему признаку «определенности—неопределенности» отношения к объекту или обстоятельству¹⁶: *fare qualche cosa—agire, lavorare; dire qualche cosa—parlare; andare da qualche parte — camminare*. Точнее, отношения к объекту у непереходных глаголов типа *parlare* не неопределенные, а нерасчлененные и диффузные, подобные отношениям субъекта и предиката в безличной модели типа *piove*.

В русском языке для выражения семантической трансформации относительных предикатов в абсолютные с диффузным объектом или обстоятельством существуют, как известно, специальные морфемы. В группе глаголов движения различие между движением — функцией и движением — отношением передается внутренней флексией корня: «летать—лететь», «ходить—идти», «плавать—плыть»¹⁷. При некоторых глаголах нелокальных отношений значение действия как обычной функции и устранение дискретности объекта передается частицей «ся»: «Собака кусает кошку — собака кусается», «он меня ругает и бьет — он ругается и дерется», «коза бодает ребенка — коза бодается» и т. п. Другие двухвалентные глаголы, лишенные этих морфем, приобретают значение действия как функции с диффузным объектом в результате незамещения позиции дополнения, так что абсолютная трансформация по форме совпадает с речевым эллипсисом дополнения: «он ест яблоко — он ест». В итальянском языке, где морфологические показатели абсолютного преобразования относительных предикатов с диффузным объектом или обстоятельством вообще отсутствуют (ср. «собака кусается» — *il cane morde; l'uccello vola — «птица летит» или «летает»*), существуют лишь две возможности для передачи этого значения: замена лексемы (*andare — camminare, dire—parlare*) и устранение дополнения или обстоятельства. Так, глаголы, закрепленные за относительной моделью, где они сочетаются с прямым дополнением, в абсолютной модели становятся синтаксически непереходными, не изменяя своего лексического значения: *Si mise a mangiare anche lui* (San. 17); *La gallina comincia a cantare* (San. 23). Ж. Дюбуа, рассматривая эту форму как «нулевую реализацию позиции дополнения»¹⁸, не предусматрива-

¹⁶ G. Gougenheim. *Verbes déterminés et verbes indéterminés en français. «Le français moderne», 1961, n° 3, pp. 162—167.*

¹⁷ При глаголах типа «плавать», «ходить», позиция обстоятельства места не исключается, а является факультативной. См. J. Veurens. *Mouvement de déplacement et mouvement de fonction. «Bulletin de la société de linguistique de Paris», 1966, t. 61, fasc. 1.*

¹⁸ См. J. Dubois. *Essai sur certaines propriétés des phrases non achevées en français. «Bulletin de la société de linguistique de Paris», 1966, t. 61, fasc. 1, p. 116.*

ет почему-то возможности аналогичной трансформации для двухвалентных предикатов локальных отношений. Между тем устранение позиции обстоятельства места и ее «растворение» в глаголе встречается даже чаще, чем безобъектное употребление переходных лексем. Так, например, глагол *andare*, обычно «управляющий» обстоятельством места, способен обозначать действие как функцию, уподобляясь глаголу *camminare*: *Quel rospo, a sentirsi toccare... cominciò ad andare. Voi sapete come vanno i rospi, vanno a saltelloni* (San. 62).

Нечеткость формальной границы между абсолютной трансформацией относительного предиката и речевым эллипсисом дополнения (обстоятельства) основана, очевидно, на их функциональной близости. Абсолютное значение формы выступает на первый план только при наличии в предложении обстоятельств образа действия, которые подчеркивают содержательную сторону самого процесса и тем самым делают несущественной его направленность: *i rospi vanno a saltelloni*, или *Avete detto proprio bene* (San. 15)¹⁹, где отсутствие прямого дополнения уже не может рассматриваться как эллипсис (ср. русский перевод последней фразы: «Вы очень удачно выразились»)²⁰.

Невозвратные глаголы абсолютной парадигмы, как лексически, так и синтаксически непереходные (*dormire, mangiare* и т. п.), могут иметь форму видовой семантической модуляции, построенную по образцу каузативных предикатов: *lui ha fatto una dormita, una mangiata* (см. «каузативная модель»).

§ 3. МОДЕЛИ ПРЕДИКАТОВ ЛОКАЛИЗАЦИИ

Наиболее распространенной формой выражения локальных отношений является модель $N_1 Vi$ *прер.* N_5 , где непереходный глагол пребывания (*essere, stare, rimanere, trovarsi*) или движения (*andare, venire, tornare* и т. п.) обозначает характер действия и его общую направленность (валентность, предсказывающую позицию обстоятельства места), предлог содержит уточнение локальных отношений, а лексема конкретного²¹ существительного в позиции N_5 в свою очередь влияет на значение предлога и часто предопределяет его выбор. (Ср. различные значения предлога «в»: «Ходи в дверь!» (Чехов) и «входи в комнату» и различие самих предлогов: «садиться на стул, на кровать», но «садиться в кресло»). Иногда лексическое наполнение позиции N_5 приводит к из-

¹⁹ Интересны фразеологические варианты наречий «хорошо», «плохо», «сильно», подчеркивающие абсолютное значение глагольных лексем: *picchiar sodo, mangiar sodo, bere grosso, sputar tondo, tagliar corto, tener duro* и т. п. См. В. Migliorini. *Saggi sulla lingua del novecento*. Firenze, 1963, p. 268.

²⁰ A. Blinkenberg (op. cit., p. 198: «...le complément de modalité (т. е. обстоятельство образа действия) exclut la notion d'objet»).

²¹ При замещении позиций N_1 и N_5 абстрактными существительными модель переосмысливается и выступает во вторичной функции.

менению значения самого глагола: «А Фома пошел на дно» или *il Carotino andò in terra* (San. 145), где семантика обстоятельства места исключает интерпретацию предиката как активного²².

Позиция обстоятельства места фактически представляет собой три различные позиции — места отправления, места назначения и места пребывания. Первые две обязательны для динамических предикатов локализации: *Uscii dalla stanza ombrosa nella luce abbagliante del mattino* (Levi. Cristo, 41), хотя одна из позиций в большинстве случаев остается незамещенной. Позиция места пребывания для динамических предикатов является периферийной и часто представляет собой или предмет, по отношению к которому локализуется другой предмет, выступающий как «место назначения»: *Arrivai al muretto della Fossa del Bersagliere, sulla piazza* (Levi. Cristo, 50), или является местом (протяженной поверхностью), на котором совершается направленное действие локализации: *Mi avviai per la stessa strada a sinistra... verso le prime case del paese* (Levi. Cristo. 44). Поращение семы направленности у предикатов динамической локализации лишает их обеих центральных позиций (места пребывания и места назначения) и сближает их с динамическими предикатами абсолютного признака²³, для которых позиция обстоятельства места не обязательна. Поэтому конструкции типа N_1 *va, cammina, salta, corre per la strada* принадлежат к «пограничным» структурам, где позиция обстоятельства места определяется как средняя между центральной и периферийной.

У предикатов статической локализации существует, по-видимому, только одна позиция места пребывания, вторую же локальную позицию следует рассматривать как периферийную: *La padrona stava alla cassa in negozio* (Cassola. Bube. 137).

Следует также отметить, что одну и ту же обстоятельственную позицию может занимать несколько синтаксически однородных существительных: *Non so se vengo dalla collina o dalla valle, dai boschi o da una casa di balconi* (Pavese, Luna, 9); *si viveva sulla strada, per le rive, nelle aie* (Pavese, Luna, 14).

Два последние примера иллюстрируют одну существенную структурную особенность предикатов локализации в итальянском (и других романских языках): оттенки отношения N_1 к N_5 , обусловленные лексическим наполнением позиции обстоятельства места, отмечаются изменением предлога только для «места назначения» и «места пребывания», тогда как обстоятельство места отправления вводится недифференцированным предлогом *da*, оттен-

²² О дифференциальных признаках локальных отношений см. Н. В. Косек. К вопросу о лексической сочетаемости. ВЯ, 1966, № 1; а также G. Gougenheim. *L'espace à deux dimension et l'espace à trois dimensions en français moderne*. «Journal de Psychologie», 1949, t. 42, pp. 35—52.

²³ См. В. Г. Гак. Беседы о французском слове. М., «Международные отношения», 1966, стр. 156.

ки значения которого передаются в русском или латинском такими предложениями, как «с», «из», «от», *de, ex, ab* ²⁴.

Еще одна особенность конструкции локальных отношений, общая для итальянского и французского и отличающая эти языки от испанского, заключается, как известно, в том, что предлоги и наречия, обозначающие отношения к месту пребывания и месту назначения, в итальянском не достаточно четко дифференцированы: *Dove va? — Adonde va usted? Dove siamo? — Donde estamos?* (Pirandello, 89—84 и 80—77) ²⁵.

Хотя в итальянском предлог «а» является типичным оформителем позиции «места назначения» (ср. *Giovanni si reca all'uscita di sinistra — va a la puerta de la izquierda*. Pir. 137—123. *Alcuni si avvieranno ai loro camerini — Unos se van a sus camerinos*. Pir. 30—42) и противопоставлен предлогу *in*, вводящему обычно позицию местопребывания (*N₁ va a teatro — Quando ci sarà il pubblico in teatro!* Pir. 81; *andò al cimitero*. Cassola, Bube, 140 — *Ora la salma di Sante riposava nel cimitero del paese*, *ibid.* 129), во многих случаях испанскому предлогу «а», регулярно подчеркивающему отношение направленного движения, в итальянском соответствует «*in*» и даже «*su*» или «*da*»: *Per rientrare nel palcoscenico — para entrar de nuevo al escenario* (Pir. 100—93) ²⁶; *Il capocomico... risalendo sul palcoscenico — sube al escenario* (Pir. 88—84); *Sgombrino, signori! Ecco si mettano da questa parte — Fuera de escena, señores, ponganse a esta parte* (Pir. 71—71).

Исторические «причины» одинакового оформления позиций места пребывания и места назначения в итальянском (формальное совпадение позиций *in*+Accusativus и *in*+Ablativus в результате исчезновения падежной флексии) по существу являются следствием недостаточной функциональной нагруженности этих форм, так как различие между статическим или динамическим отношением к локализатору всегда выражено в глагольной лексеме и не нуждается в добавочных формальных показателях. Недаром большинство предлогов (или комбинаций падежа с предлогом) в латинском и романских языках способны оформлять как обстоятельство места пребывания, так и обстоятельства места назначения или отправления ²⁷. Наконец, само противопоставление движе-

²⁴ О распространении предлога *de* за счет *ex* и *ab* см. Е. А. Реферовская. Развитие предложных конструкций в латинском языке позднего периода. М.—Л., «Наука», 1964, там же и библиография по данному вопросу.

²⁵ Примеры испано-итальянских соответствий и расхождений взяты из двух драм Пиранделло, переведенных на испанский язык: «*Sei personaggi in cerca d'autore*»; «*Enrico IV*». Milano, 1948; La Habana, 1964.

²⁶ Предлог «а» в этом примере — латино-американизм, так как в испанской литературной норме глагол *entrar* требует предлога *en*. О распространении предлога «а» в модели динамической локализации см. S. Gili y Gaya. *Op. cit.*, cap. XVIII, § 191.

²⁷ См. A. Ernout et F. Thomas. *Syntaxe latine*. Paris, 1964, p. 68: *accidere ad terram — adesse ad portam; a signo Vortumni venire*. Cic., Ver. I. 154 (p. 80) — *ab ea parte urbes sunt*. Mela, 3, 80, (E. De Felice. *Contributo alla storia della preposizione da*. «*Studi di Filologia italiana*», v. XII, estratto, p. 24,

ния и пребывания в пространстве нейтрализуется при обозначении законченного процесса, так что предлоги, обычно появляющиеся после глаголов движения, например «а», легко соединяются с глаголами статической локализации: *Noi si saltò il fosso e si fu alle querce* (San. 37), т. е. «мы добрались до дубов, оказались возле дубов».

Вместе с тем избыточность формальных показателей статичности—динамичности в позиции обстоятельства не означает, что степень их обязательности и регулярности в том или ином языке безразлична для структуры содержания. Если в испанском глаголы движения регулярно требуют предлога «а», который вытесняет «*en*» из его последних прибежищ, вроде «*entrar en*», а в итальянском большинство глаголов движения допускают любой предлог, то в первом языке семантический акцент, падающий на компонент движения, нередко погашает «геометрические» уточнения локальных отношений, которые, напротив, детализируются и акцентируются во втором языке.

Наконец, взаимное расположение двух предметов может исключать или, наоборот, предполагать их соприкосновение. В первом случае отношения локализации точно обозначены так называемым конкретным предлогом, на смысл которого не влияет семантика глагольной и именной лексем. Подобные предлоги по форме близки к наречиям: *sotto, sopra, dietro, davanti, intorno, vicino, lontano*; они автономны семантически, сочетаются с любым конкретным именем и любым глаголом движения или пребывания и легко преобразуются в глаголы, выражающие те же отношения. При этой трансформации естественно утрачиваются конкретные характеристики, сопровождающие процесс локализации (*N correva, andava, scendeva, saliva... dietro M—N seguiva M*), и поэтому глагол, выражающий чистое отношение, подобно предлогу, присоединяет зависимое существительное непосредственно, образуя прямопереходную модель. (Иногда возможны оба варианта, прямопереходный и косвенно-переходный: *avvicinarsi a qualcuno, accostarsi a qualcuno — avvicinare, accostare qualcuno, allontanarsi da qualcuno — abbandonare qualcuno*.) Локальные отношения, не предполагающие обязательного контакта предметов, обладают еще одной особенностью: оба предметные понятия здесь обычно семантически равноправны, так что определить семантический субъект независимо от его грамматического выражения не представляется возможным (*N sta dietro M=M sta davanti a N*).

Гораздо сложнее обстоит дело в тех пространственных ситуациях, где предметы приходят в соприкосновение. В этом случае предмет локализации (субъект) противопоставлен, как правило, локализатору по признакам размера и способности к перемещению. Поскольку в центре внимания оказывается возможный кон-

где приводятся также примеры трех возможных оформлений позиции места пребывания в латинском языке: *ab* + Ablativus, *ad* + Accusativus, *in* + Ablativus).

такт двух предметов, меньшего — подвижного и большего, обычно неподвижного, для содержания пространственных отношений становится существенной форма локализатора и ее «геометрические» элементы.

При субъекте N_1 принимаемом за целостное понятие и за точку отсчета, локализатор N_5 может быть условно и приблизительно разделен на собственно-пространственные понятия (дом, стол, кровать, площадь, гора, город) и несобственно-пространственные понятия, обозначающие место или средство совершения какого-либо действия (праздник, цех, кино)²⁸. У собственно-пространственного локализатора выделяются как области контакта такие характеристики, как внутренний объем или вместимость, и внешний объем и его элементы: высота (вертикальность), длина и ширина (поверхность, протяженность). Кроме того, локализатор может быть понятием, соотношенным с предметом в целом. Наконец, существенным дифференциальным признаком не только локализатора, но и субъекта локализации оказывается иногда также одушевленность — неодушевленность.

Таким образом, отношения между двумя предметами вытекают прежде всего из свойств самих предметов и их обычных связей. Уточнение и эксплицитное выражение этих связей содержится в глаголе и в предлоге, которые зачастую дублируют друг друга, как например, во фразах N_1 sale sull'albero, N_1 entra nella stanza (дважды выражены отношения «вверх» и «внутри»). Однако семантика отношения в обоих случаях задана семами «вертикальности» и «вмещаемости» двух локализаторов, так что выбор предлога управляется не только глаголом, но и значением существительного. Воздействие лексем глагола и существительного на значение предлога и на его выбор в моделях «контактной» локализации делает предлоги семантически неавтономными и многозначными, а зачастую избыточными и десемантизированными. Тем не менее, как справедливо замечает Гугенэм²⁹, ни один из этих предлогов (a, da, su, in, per) нельзя назвать «пустым», так как в наиболее частотных первичных условиях они служат формальными показателями содержательных различий внутри моделей локализации.

1. Модель с предлогом per наиболее однородная семантически, обозначает отношение к протяженной поверхности и обычно включает глагол, повторяющий то же отношение: Uno gira per mare e per terra... (Pavese, Luna, 12); Intanto giro per le scale e le stan-

²⁸ Эта семантическая классификация относится не к именным лексемам, данным вне сообщения, а к их осмыслению в конкретных фразах.

²⁹ G. Gougenheim. Y a-t-il des prépositions vides en français? «Le français moderne», 1959, n° 1. Трудно согласиться, однако, с утверждением (стр. 6), что все предлоги обладают инвариантным значением (valeur intrinsèque), независимым от их окружения. Более целесообразно было бы вслед за Куриловичем выделять их семантически обособленные первичные значения и вторичные значения, ведущие к десемантизации.

ze (Calvino, 240); Il vento scorreva leggermente per il pendio. (Cassola, Bube, 86); иногда глагол нейтрален и все значение отношения сосредоточено в предлоге и в лексеме локализатора: Di lì a un po' andiamo già per la mulattiera (Calvino, 240); Diceva che aveva voglia di uscire per la strada a sparare con il suo revolver (Ginsburg, Tutti, 89); Un vitello che saltava per la stalla (San. 17). При исключении семы протяженности у существительного, отношение принимает оттенок «движения сквозь»: Mio fratello prende per il cancello della vigna (Calvino, 241); Escono per l'uscio a sinistra (Pirand. 219).

После partire предлог per полностью утрачивает собственное значение и образует с глаголом изолированное лексикализованное сочетание.

При глаголах пребывания модель обозначает то же отношение к протяженной поверхности, только с оттенком «повсюду»: C'era però un'altra aria per la casa (Rea, 45). Этот оттенок принимает переносный смысл при субъекте — лице: Pregava che mettessero alla finestra un fazzoletto nero legato a un bastone se c'era Emilio Sbrancagna per casa. (Ginsb. Tutti, 89). Отношение к протяженной поверхности может быть выражено также «конкретным» предлогом attraverso (или глаголом attraversare): La prima attrice correrà attraverso il corridoio (Pirand. 32) (ср. испанский перевод: corre por el pasillo Pirand. 43).

2. Модель с предлогом da обозначает отношение удаления от локализатора, не зависящее от его геометрических характеристик. Частные семы глагола движения также не влияют на значение отношения, так как любой глагол движения может иметь позицию места отправления: Ero scappato dal letto (Gian. 6); Esco dal nascondiglio (Gian. 6). Quando tornai da scuola (San. 17). Il vento che saliva dai burroni (Levi, Cristo, 41), Salto giù dalla seggiola (San. 152). Если локализатором является такой предмет, как «дверь», предлоги «da» и «per» выступают как свободные варианты: Intanto dalla porta del palcoscenico cominceranno a venire gli attori (Pirand. 30). (ср. испанский перевод: Entre tanto, por la puerta del escenario van llegando actores (Pirand. 42)).

Нейтрализация значения «удаления» у предлога da возникает при существительных, обозначающих стороны предмета³⁰ (ср. аналогичное изменение значения латинских предлогов «ex» и «ab» — ex omni parte, ab ea parte и русского предлога «с» — «со всех сторон», «с одной стороны и с другой стороны»). Lei entrerà e uscirà da questa parte (Pirand. 34) — Usted entra y sale por allí (Pirand. 44); Gli attori andranno a sedere da un lato (Pirand. 33) — se sientan a un lado (Pirand. 43). И с более отвлеченным локализатором «точка зрения»: Mettendoci da questo punto di vista, possiamo distinguere una derivazione immediata, una derivazione suffissale,

³⁰ См. по этому поводу E. Poppe. Studi sui significati di «da» «Studi di filologia italiana», 1963, vol. XXI, pp. 265—387.

una derivazione prefissale (B. Migliorini, цит. по работе Эриха Поппе, стр. 289). (Буквальный русский перевод подчеркнутой части фразы: «Становясь с этой точки зрения»). Особенно часто сочетание *da* со словом *parte* обозначает место, расположенное поблизости от какого-либо известного строения или дома одного из участников беседы: *Che un uomo simile stia dalle nostre parti...* (Sciascia, 24) — «Чтобы подобный человек жил в наших краях». Отсюда путем эллипсиса слова «*parte*» образуются сочетания, обозначающие приблизительное место пребывания (жительства): *stanno, abitano dalle parti di Porta Romana* — *stanno, abitano da Porta Romana, da S. Maria Novella* и т. п. Это значение «неточности места», отмеченное предлогом «*da*» в строго ограниченном словесном окружении, снимается при замене «*da*» предлогами «*a*» и «*in*», обозначающими точное место пребывания (жительства): *abitano a Porta Romana, stanno in S. Maria Novella*.

Очевидно, под влиянием сочетаний, где «*da*» означает «возле», и сочетаний со словами типа «дверь», где «*da*» приобретает значение «через», за сочетанием ***passare da*** закрепилось значение «быть проездом», «заехать», «зайти к»: *Passa da casa mia, mi raccomando* (Cassola, Bube, 86). Модели, где «*da*» обозначает отношение к приблизительному месту пребывания, имеют ограниченное лексическое наполнение и малопродуктивны в современном итальянском языке.

Наконец, предлог «*da*», выступает как позиционный вариант предлогов «*a*» и «*in*» в моделях, обозначающих движение или пребывание по отношению к локализатору, представляющему собой помещение (дом, лавка, магазин), принадлежащее какому-либо лицу и метонимически обозначенное именем (или личным местоимением) владельца³¹. В отличие от описанной выше нейтрализации значения «удаления» здесь происходит полное переосмысление предлога «*da*», и уже не под воздействием двух-трех разрозненных лексем (*parte, porta, passare*), а в связи с условиями построения модели в целом: при одушевленном существительном предлог «*da*» может оформлять только обстоятельство места пребывания или назначения, тогда как при выражении отношения удаления от места нахождения какого-либо лица предлог *da* сочетается непосредственно только с неодушевленными существительными: *io vengo da te, no io vengo da casa tua*. Избирательность в сочетаемости с подклассом одушевленных и неодушевленных существительных как средство дифференциации категориальных значений глаголов и предлогов — явление весьма распространенное (ср. симметричные глаголы) и свойственное не только итальянскому языку. Специфически «итальянским» является использование одного и того же предлога для выражения противоположно направленных локальных отношений, которые отчетливо противопоставлены друг

³¹ Когда существительное лица в позиции обстоятельства места употребляется не метонимически, а в своем прямом значении, после глаголов движения сохраняется предлог «*a*»: *Si avvicinerà alla Madre* (Pirand. 39).

другу в системе языка. Интересно, что тенденция к избыточному подчеркиванию одушевленности — неодушевленности актанта, типичная для многих языков и проявляющаяся в различных именных позициях (ср. «я вижу стол — я вижу человека», «я иду к парикмахеру — я иду в парикмахерскую»), в итальянском языке привела к позиционно обусловленной синонимии форм, антонимичных в одинаковом словесном окружении: *io vado da lui* = *io vado a casa sua*; *io vengo alla stazione* — *io vengo dalla stazione*.

3. Модель с предлогом *su* обозначает отношение к поверхности, которое в зависимости от значения глагола может быть статическим или динамическим, направленным горизонтально или вертикально (вверх или вниз): *ritornavano sulla terrazza* (Ginsb., Tutti, 53); *Uscirono sul terrazzo* (Rea, 31); *Alcuni contadini si arrampicarono sul suo tetto* (Levi, Cristo, 47); *Il capocomico... risale sul palcoscenico* (Pirand. 88). (Ср. испанский перевод, где предлог подчеркивает сему направленного движения: *sube al escenario*, Pirand. 84); *Stava tutto il giorno sdraiata sul letto* (Ginsb., Tutti, 25); *Giustino stava sulla piazza del paese* (ibid., 58).

Однако формальная и смысловая близость предлога *su* — «на» и наречия *su* — «наверху, наверх» и противопоставление предлога *su* более конкретному предлогу *sotto* «под» позволяют определить наиболее характерный для предлога *su* набор смысловых компонентов, т. е. его первичную функцию, как отношение к верхней поверхности или к поверхности, расположенной выше обычного (или предшествующего) места нахождения субъекта локализации. Отсюда — обязательное появление «*su*» после глаголов типа *salire, arrampicarsi* и перед существительными типа *tetto, albero*. При существительных, обозначающих предметы, расположенные выше обычного места пребывания субъекта, но обладающие семой вместиимости, например, *autobus, treno, aereo*, предлог *su* теряет значение отношения к поверхности и конкурирует с предлогом *in*: *C'erano anche donne sull'autobus, ...risalire sull'autobus* (Sciascia, 10—11); *sull'autobus c'era un milite* (ibid. 15). Но: *Sedeva in carrozza* (Ginsb., Tutti, 11); *Bube era in corriera con me* (Cassola, Bube 75); *Così si videro salire in automobile una mattina* (Ginsb., Tutti, 33). Направление вверх и отношение к вместиимости могут быть оба выражены формально: первое наречием *su*, второе предлогом *in*: *Salirono su nella stanza del padre* (Ginsb., Tutti., 25); *Sono scappato su in camera* (Gian., 18). Наконец, при существительных, которые по своей семантике исключают отношение к «верху» и к «поверхности» (например, «дверь») или обозначают несобственно-пространственные понятия типа «праздник», смысловые компоненты предлога «*su*» нейтрализуются и предлог приобретает значение приблизительного отношения к месту, подобно предлогу *da* при словах *parte, lato*: *In quel momento comparisce la Caterina sulla porta* (Gian. 12); *Sull'uscio stava l'Arciprete* (Levi, Cristo, 41); *Essi arrivavano sulla festa* (Pavese, Luna, 17); *andavano sulle feste dei paesi intorno* (ibid. 12). Как и всякий язы-

ковой знак, используемый в нетипичной для него функции³², предлог *su* оказывается здесь как бы случайным и логически не оправданным, т. е. идиоматичным.

Впрочем, идиоматизм синтаксической модели, связанный с лексическими ограничениями, не исключает ее продуктивности³³. Конструкция с предлогом *su*, обозначающая неопределенность отношения, находит себе широкое применение за пределами предикатов локализации, например, при обозначении возраста: *Era vato tutti... sui diciotto anni* (Moravia, Расс. rom p. 327). Идиоматичность предлога *su* («на») в этом случае очевидна из сопоставления с аналогичной русской конструкцией, где используется предлог «под»: «ему лет под пятьдесят».

4. Модель с предлогом *in* обозначает отношение к «вместимости» места пребывания или места назначения и регулярно включает существительные, обозначающие какое-либо закрытое или открытое помещение (*stanza, casa, nido, giardino, cortile*) и материальную или социальную среду, способную поглощать предмет (*aria, acqua, fiume, società, famiglia*).

Поскольку различие между динамическим проникновением внутрь и статическим пребыванием внутри выражается в модели $N_1 Vi in N_5$ только глагольной лексемой — *si andò nella stalla* (San. 17); *noi si era in una cantina* (ibid. 18); *è vero che nel torrente ci sta una serpe?* (Cassola, 133); *ero contento di essere cascato nel fiume* (Gian. 5), предлог *in* нейтрален по отношению к компонентам покоя и движения, семантически не связан с глаголом (исключение составляют глаголы *entrare* и *penetrare*, повторяющие значение предлога) и образует с существительным тесное смысловое единство, основанное на повторе семы «вместимости».

Однако, поскольку большинство мест пребывания или назначения обладают более или менее подчеркнутой семой «вместимости», предлог *in* сочетается с очень широким кругом существительных, обозначающих предметы самых разнообразных очертаний. Широта сочетаемости и высокая частотность в свою очередь создают условия для десемантизации и генерализации предлога «*in*», который зачастую применяется вместо более «конкретных» предлогов «*a*», «*su*», «*per*», как нейтральный знак, не отмечающий ни различий между движением и пребыванием, ни геометрических характеристик локализатора: *Erano andati tutti nel campo* (San. 21); *rientrare nel palcoscenico* (Pir. 100); *Voleva scendere nella strada* (Rea. 32); *La signora Maria correva nella strada con una paletta a raccogliere il letame* (Ginsb., Tutti. 10); *...passare nella*

³² О необязательности отношений знака к денотату в условиях переносных употреблений знака см. В. Г. Гак. Проблемы лексико-грамматической организации предложения, т. I, гл. I. М., 1967.

³³ См. по этому поводу статьи Н. Ю. Шведовой «О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи». ВЯ, 1958, № 2 и «Проблема лексических ограничений как одна из проблем изучения истории синтаксиса». ВЯ, 1960, № 6.

porticina bassa (Levi. Cristo. 51) (ср. французский перевод) последней фразы: *passer par la petite porte basse* (ibid., p. 50).

Все же, несмотря на обобщенность своего значения, предлог «*in*» в сочетании с существительным, имеющим эксплицитный знак актуализации — артикль, выражает, как правило, отношение к локализаторам — вместилищам и не может свободно замещать предлоги *a, su, per*, обусловленные другими семантическими составляющими глагола или имени. Так, если можно сказать *Stava in quella poltrona* (Ginsb. Tutti, 86), «он сидел в этом кресле» — то замена слова «кресло» словами «стул», «скамейка», «стол» и пр., в которых доминирует сема «плоской поверхности», вызывает в итальянском (как и в русском) замену предлога *in* («в») предлогом *su* («на»).

Точно так же появление предлога «*in*» «вместо «*a*» после глаголов движения возможно лишь при подчеркивании непосредственного контакта с вместилищем: *Ma gli uccellini ora vanno al nido* (San. 24) — *E quella gallina era già ritornata nel nido* (San. 23).

Большинство из этих ограничений снимается в сочетании предлога «*in*» с конкретным существительным без артикля, где происходит дальнейшая десемантизация предлога, превращающегося в грамматический показатель адвербиализации существительного.

Форма *in+art.+N* эквивалентна форме *in+N* и замещается последней в том случае, если существительное обозначает понятие «помещения», соотнесенного с лицом говорящего или протагониста, и допускает в позиции определения притяжательное или указательное местоимение, эксплицитно указывающее на эту связь: *Lei era andata in camera sua* (Cassola. Bube 113); — *andò in camera* (ibid. 47); *Non voleva restare più neppure un'ora in quel tristo paese* (Ginsb., Tutti. 67) — *Quando tornai la prima volta in paese* (Pavese, Luna, 10).

Как известно, артикль и местоимения являются знаками актуализации существительного. Устранение этих знаков при сохранении их содержания делает актуализацию имплицитной³⁴ и, в приведенных выше сочетаниях «*in+N*», способствует сближению их с наречиями места, которые также содержат имплицитный деиктический элемент (*qui=in questo posto; in camera=nella mia camera, in questa camera*).

Превращение сочетания *in+N* в аналитический эквивалент наречий отмечается также и тем, что существительное лишается своих «активных валентностей»³⁵ (т. е. определительных позиций), приобретая таким образом синтаксические свойства наречия (нельзя сказать: *Entro in bella camera*).

При адвербиальной трансформации оказываются несущест-

³⁴ См. Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., ИЛ, 1955, § 22, стр. 95 и далее.

³⁵ О понятии активной и пассивной валентности слова см. Б. А. Абрамов. Синтаксические потенции глагола. «Филологические науки», 1966, № 3.

венными также частные «геометрические» семы существительных и сема движения у глагола, так что предлог, повторяющий эти семы — «а», «su», «per» — замещается нейтральным предлогом «in»: *Giustino stava sulla piazza del paese* (Ginsb. Tutti. 38) — *E si trovi qua in piazza dopo colazione* (Levi. Cristo. 46). Семантическая эквивалентность аналитического наречия «in piazza» сочетанию «sulla piazza» подтверждается также французским переводом последней фразы — «*Et trouvez-vous ici, sur la place*» (Levi. 47).

Сопоставление переводов с итальянского на французский и наоборот показывает также, что в итальянском этот тип трансформации высоко продуктивен, во французском же почти вовсе отсутствует: *In chiesa ci vengono i ragazzi per giocare* — *Les garçons viennent à l'église pour jouer* (Levi. Cristo. 41—43); *Mi condusse in salotto — elle me conduisit au salon* (Levi. Cristo. 53—52); *entro in camera, vado a casa — j'entre dans la chambre, je vais à la maison*. Как этого и следовало ожидать, существительные, способные выступать в сочетании с «in» без артикля, не теряя при этом соотнесенности с определенным предметным понятием, относятся к кругу обычных мест пребывания, единственных для говорящего (или протагониста), с которыми он связан в своей частной и общественной жизни. Это прежде всего город или деревня, где он обычно живет (*Ippolito stava in città.*, Ginsb. Tutti, 63; *quando torpago in città.* Ginsb., Tutti 69), церковь, где он молится или не молится (*In chiesa ci vengono i ragazzi per giocare.* Levi, Cristo, 41), магазин или лавка, которые ему принадлежат или регулярно посещаются: *Quando entro in bottega...* (San. 149); *Stava... in negozio* (Cassola, Bube, 137); *si va in cooperativa* (San. 14). Это место его работы (*va in ufficio*), полиция (*correva in questura*, Ginsb., Tutti 85), трактир (*erano in trattoria*, Cassola Bude, 194), библиотека (*va, sta in biblioteca*), больница (*fare una capatina in ospedale*. Cassola, 168) и, наконец, его собственный дом (*resto in casa tutto il giorno*. Rea, 45, *sono andato in casa mia* San. 12) и все обязательные части этого дома и его окружения: *Mamma scese in cantina* (Ginsb., Tutti, 71); *scese in cucina* (Cassola, Bube, 9); *mi condusse in salotto* (Levi, Cristo, 53); *il gallo del Nesi ch'è in terrazza* (Pratol. Cron. 9); *la sera veniva in cortile* (Pavese, Luna. 16); *usciva in giardino* (Ginsb., Tutti, 26).

Итак, до тех пор пока сочетание *in+N* без артикля сохраняет связь с лицом — протагонистом, или говорящим, а тем самым также и соотнесенность с конкретным единичным предметом, оно, подобно наречию места, эквивалентно сочетанию *prep+art.+N*: *Certe volte stava delle ore in salotto* (Ginsb., Tutti, 38) = *gli disse di salire con lui nel salotto* (ibid. 39); *restare soli nel salotto* (ibid. 37); *erano tutti insieme in sala da pranzo* (ibid. 76) = *andava a sedersi nella sala da pranzo* (ibid. 41); *usciva in giardino* (ibid. 26) = *E le parve di vederlo uscire nel giardino* (ibid. 27) и т. п.

Утрата связи с говорящим или протагонистом у существитель-

ного без артикля в сочетании с предлогом *in* (и с предлогом «а», см. ниже) исключает возможность эквивалентного преобразования конструкции типа *in piazza=su questa piazza, in questa piazza* и, следовательно, указывает на устранение соотнесенности существительного с определенным предметом. При этом значение пространственного отношения, общее для парадигмы предикатов локализации, осложняется, а иногда и вообще отступает на второй план, благодаря переосмыслению связи между глаголом и обстоятельством.

Если наречия места, или, как их называет Греймас³⁶ «топологические слова» (*qui, là, dentro, sopra, sotto, fuori, via, su, giù, accanto, dappertutto, altrove, da nessuna parte, in nessuna parte, ci, vi, ne*), сродни местоимениям и состоят из трех элементов: сема, выражающая отношение, деиктический элемент и конкретная сема (*qui=in questo posto*), то наречия всех прочих классов содержат только два элемента: сему отношения и конкретную сему³⁷. Первые занимают в предложении центральную синтаксическую позицию именного члена предложения, так как указывают на конкретный предметный актанта семантической ситуации. Вторые, напротив, с конкретным предметом не соотнесены и содержат качественную характеристику действия. Соответственно наречные трансформы первого типа (*io entro in casa, in giardino, vado in ufficio, in facoltà*) пополняют список топологических слов с деиктическим компонентом, тогда как сочетания, утратившие этот компонент, в большей или меньшей степени теряют также свою синтаксическую позицию именного актанта, превращаясь в качественное определение самого действия или способа его совершения. Так, *sto in prigione, vado in sanatorio, vado in campagna, in montagna* (так же, как *sto, vado a letto, al mare*) обозначают не столько движение к предмету или пребывание на, в, около предмета, сколько дополнительные оттенки, связанные с этим пребыванием, например, «быть наказанным», «отдыхать», «лечиться» и т. п. Точно так же сочетание *in automobile* в отличие от *sull'automobile* обозначает «средство передвижения»: *Colasberna viaggiava in autobus...* *Sull'autobus c'era un milite* (Sciascia, 15). В этих случаях модель локальных отношений, сохраняя свою внешнюю структуру, семантически тяготеет к абсолютным предикатам.

5. Модель с предлогом а обозначает в своей первичной функции динамическое локальное отношение, направленное на какой-либо предмет, взятый в целом, как определенная точка в пространстве. Таким образом, форма «*a+art.+N*» парадигматически противопоставлена в одной и той же позиции места назначения формам *su+art.+N* и *in+art.+N* на основании отсутствия —

³⁶ A. Greimas. Les Topologiques: essai de définition d'une classe de lexèmes. «Cahiers de lexicologie», 1964, vol. IV, n° 1, pp. 17—28.

³⁷ Там же, стр. 19. Топологические слова кроме наречий места включают также и наречия времени.

присутствия грамматически подчеркнутых семантических составляющих «плоскости» и «объемности» локализатора.

Между формой *a+art.+N₅* и формой *da+art.+N₅* в их первичных функциях существует синтагматический контраст, основанный на противоположной направленности обозначаемых отношений. Это противопоставление может быть нейтрализовано только при изолированных лексемах типа *lato*: **Dall'altra parte** della strada = **All'altro capo** della tavola c'era la signora (Ginsb. Tutti, 28), и при глаголах, обозначающих движение без определенной направленности (*passare*) или направленность без движения (*pendere*): *dalla finestra pendeva una fune* C.—M. *al ramo era appesa una fune*; ср. по-русски: «свисать с ветки, висеть на ветке».

Все глаголы направленного движения предполагают обе позиции — места отправления с предлогом «*da*» и места назначения обычно с предлогом «*a*». Направление к предмету в целом обозначается также «конкретными» предлогами *verso* или *vicino a*, не предполагающими контакта: *il mio babbo andò verso di lui* (San. 17); *Allora io andai vicino a lui* (San. 18), где отсутствие контакта подчеркнуто. Предлог «*a*» скорее всего нейтрален по отношению к понятию «контакта»: мы его встречаем регулярно после глаголов *avvicinarsi*, *avviarsi*, *recarsi*, где он дублирует основную сему глагола, после глагола *arrivare*, подчеркивающего контакт (*quando arriva a un certo punto*, San. 16), и после глагола *andare*: *va alla cassetta delle paste* (San. 15); *il padre ci andava ogni giorno al paese* (Ginsb. Tutti, 19).

В отличие от предлога *in* предлог «*a*» тесно связан с глаголом, при котором он дублирует сему направленного движения, и не зависит от семантики существительного, которое может быть соотносено с любым предметом любой формы.

Обозначая движение к предмету вообще, независимо от его формы, предлог «*a*» легко оформляет также неопределенно-пространственные локализаторы — *è dovuto scappare all'estero* (Cassola, Bube, 172) — и несобственно-пространственные понятия. Последние представляют собой место совершения какого-либо действия: *Giulia andava ora al liceo pubblico* (Ginsb. 74); *vado anche alla posta* (Gian. 7); *Cominciò a recarsi al mercato* (Rea, 52); *non aveva voglia di andare quel giorno alla fabbrica* (Ginsb. 78); *Alle cinque il padre si alzava e andava alla segheria* (Rea, 30), а также *andare a scuola*, *a teatro*, *al cinema*.

При глаголах статической локализации у предлога «*a*» теряется компонент направленности и выделяются значения неполноты контакта или приблизительности отношения к локализатору, которые в динамической модели были второстепенными и не всегда обязательными: *La padrona stava alla cassa in negozio* (Cassola, Bube, 137); *uno dei comici potrà sedere al pianoforte* (Pirand. 30); *stava seduto al balcone della sua classe* (Levi, Cristo, 45). И то же значение при несобственно-пространственных понятиях: *la zia rimase alla festa da ballo* (Gian. 13); *avrebbe dovuto essere allo*

studio a lavorare da un pezzo (Ginsb. Tutti, 78); *il padre doveva essere al purgatorio, a pentirsi delle cose cattive* (ibid. 27).

В отличие от сочетания *in+N* без артикля, служащего средством образования аналитических наречий места с деиктическим компонентом (*andare, stare alla propria facoltà* = *andare, stare in facoltà*), сочетание *a+N* без артикля лишено продуктивности в этой сфере. Исключение составляют два существительных, *casa* и *terra*, которые в сочетании с «*a*» и с другими предлогами не требуют артикля и указывают на конкретное пространственное понятие, соотносённое с протагонистом: *La trovò dietro casa* (Cassola. Bube, 48); *Passa da casa mia* (ibid. 86); *il padre girava per casa in mutande* (ibid. 79). Различие между «*a casa*» и «*in casa*» в значительной степени стерто, хотя «*a*» чаще связан с глаголами движения, «*in*» с глаголами пребывания: *Dove vai? — A casa* (Cassola, ibid. 79); *si venne a casa* (San. 15) *mio fratello... torna a casa più spesso di me* (Calvino, 239), но здесь в связи с перемещением акцента на «проникновение внутрь» появляется также и предлог «*in*»: *tutti quelli che venivano in casa* (Ginsb. Tutti, 90); *sono andato in casa mia* (San. 12), *allora entriamo in casa tutt'e due* (Calvino, 239). После глагола *restare* возможны оба предлога: *restare sempre in casa* (Rea, 46); *da quel giorno il padre restò a casa* (ibid. 46). При существительном *terra* чередование предлогов *a*, *in*, *per* после одного и того же глагола отмечает различные оттенки контакта: *cadere a terra* — стоя на земле, упасть; *cadere in terra* — упасть с высоты; *cadere per terra* — упасть с силой, покатиться по земле. Восстановление самостоятельного (не деиктического) предметного значения у слова *terra* происходит в сочетании с предлогом *su*, при котором *terra* получает значение «планета Земля»: *La Luna non cadrà mai sulla Terra*.

Конкретные существительные с предлогом «*a*» без артикля гораздо чаще, чем с предлогом «*in*», утрачивают соотносённость с определенным предметным актантом и, превращаясь в обстоятельство образа действия, в большей или меньшей степени сливаются с глаголом: *Il giorno dopo Enzo Rena rimase a letto* (Ginsb. Tutti, 66), — в отличие от: *Il padre stava tutto vestito sul letto* (ibid. 25); *Bube e il padre erano rimasti a tavola* (ibid. 19); *deve stare a posto* (ibid. 114).

Чем более отвлеченным (переносным) является значение глагола и значение существительного в этих сочетаниях, тем более слитной по своей внутренней форме оказывается конструкция. Так, предикаты типа *N₁ va a galla*, *va a fondo*, *va a monte*, *va a spasso* по своей смысловой структуре сближаются с абсолютными.

Формальные модели предикатов локализации с предлогами «*in*» и «*a*» выступают как продуктивное (хотя и недостаточно регулярное и грамматизованное) средство образования аналитических эквивалентов простых предикатов абсолютного признака в случае замещения позиции *N₅* абстрактным существительным: *andare a servizio*; *andare a male*, *a vuoto*; *andare in fumo*, *in pol-*

vere, in pezzi, in visibilio; essere in crisi, in fiamme, in imbarazzo, in difficoltà e т. п.

Таким образом, внешняя форма предикатов локализации используется как средство семантической модуляции предикатов абсолютного признака. Однако в отличие от моделей абсолютных статических (N_1 è N) и динамических (N_1 *Vi*) предикатов модели предикатов локализации не способны навязывать другим классам предикатов свою семантическую структуру.

6. **Замещение позиции N_5 деиктическим наречием места** в большинстве европейских языков не ведет к переосмыслению модели: (он вошел в комнату — он вошел сюда, он залез на крышу — он залез наверх; он спустился на землю — он спустился вниз). В итальянском языке модель регулярно сохраняет самостоятельную позицию обстоятельства места только при самых общих указателях места — *qua, qui, là, lì, costà, costì, (Oliviero, sta' costì. San. 21, si mette lì ai panini. San. 14, io andai là. San. 152)* и при сложных наречиях, первым элементом которых выступают *là* или *qua*: *io andai laggiù a vedere (San. 23)*. Наречия, ведущим значением которых является направленность — *avanti, su, giù, fuori, via*, имеют тенденцию, подобно локальным наречиям — послеставкам в германских языках³⁸, сливаться с глаголом семантически, вплоть до образования новых лексических единиц. Постепенное превращение наречий в локальные послеставки и, наконец, в чисто формальные элементы глагольной лексемы можно показать на следующих примерах.

Наречие *avanti*: *L'uscio di fondo si aprirà e verrà avanti di pochi passi Madama Pace (Pirand. 79); La prima Attrice si farà avanti (Pirand. 77) — La primera Arctriz se adelanta (ibid.); Non può stare che un personaggio venga, così, troppo avanti (Pirand. 96) — No se puede consentir que un personaje sobresalga así (ibid.)*. Как видно из испанских переводов, в последних двух примерах перед нами уже не два элемента синтаксической модели — глагол и обстоятельство места, а один сложный глагол, обозначающий абсолютное действие. Семантическое слияние послеставки с глаголом достигает наивысшей степени там, где она теряет свое локальное значение, как в последнем примере.

Наречие *fuori*: *La sera veniva fuori con una scopa e scopava tutto il giardino (Ginsb. 26); La signora Maria veniva fuori dal bagno (ibid. 10); Forse potrà venir fuori veramente qualcosa di straordinario (Pirand. 67) — Quien sabe si no saldrà algo extraordinario (ibid.)*. То же соотношение «глагол+наречие» в итальянском и «простой глагол» в испанском: *gli Attori e il Capocomico schizzeranno via dal palcoscenico (Pirand. 80) — El Director y los Actores huyen del escenario a la sala (ibid.)*.

Наречие *su*: *la cuoca e Giovanni sono corsi su tutti spaventati*

³⁸ См. А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., ИЛ, 1957, стр. 92; Ш. Балли. Ук. соч., § 580, стр. 381.

(Gian. 8); **Salirono su** nella stanza del padre (Ginsb. Tutti, 25); Emanuele saltò su spaventato (ibid. 79); **Io venni su** con le ragazze, ci rubavamo la polenta, Angiolina la maggiore aveva un anno più di me (Pavese, Luna, 10), т. е. «я вырос вместе с девочками».

Наречие *giù*: Caterina era andata giù un momento a prendermi un bicchiere di acqua (Gian. 8); Spararono e lui si buttò giù come morto (San. 19); (Di queste case) ne va giù qualcuna tutti gli anni (Levi, Cristo, 43) — ср. французский перевод: *Il en tombe quelques-unes chaque année (ibid. 45)*.

7. **Модель презентации**. Особое место в ряду моделей, оформляющих локальные отношения, занимают конструкции презентации, обозначающие отношения наличия и его динамические варианты — исчезновение и появление. В этой модели основным строевым глаголом выступает *esserci*, который следует рассматривать как самостоятельную лексему, обозначающую «обращенное» отношение места нахождения при обстоятельстве места в роли коммуникативного субъекта: *In prigione c'erano le cimici (Ginsb. Tutti, 77); In Cooperativa c'era molta gente (San. 14); Qui ci dev'essere un uovo (San. 23)*.

Коммуникативные функции подлежащего и других грамматических актантов будут рассмотрены в следующем разделе. Здесь же необходимо указать на структурно-семантические особенности предикатов, объединенных общим значением презентации. Прежде всего отметим, что статические отношения наличия и динамические отношения исчезновения или появления выражаются только глаголами, поскольку позиция обстоятельства места, обозначающего известное из контекста понятие («тему»), не требует обязательного замещения, и оформляющие ее предлоги не управляют глагольной лексемой. Кроме того, глаголы, специализировавшиеся в модели презентации — *esserci, venire, apparire, arrivare*, — как правило, ориентированы на место нахождения участников коммуникации, которое является известной в данной ситуации темой сообщения: *Un giorno vennero da noi una cinquantina di tedeschi (San. 19); Словесное выражение этой темы часто отсутствует, так что глаголы презентации (иногда вместе с обстоятельством времени) открывают сообщение: Ieri sera venne il fattore con il suo cane (San. 13); verso le otto arrivò Romano (San. 153); sabato sera venne Andrea (San. 151)*.

Незамещение позиции обстоятельства места не ведет в этом случае к абсолютной трансформации предиката, как у глаголов локализации типа *andare, volare, sedersi, coricarsi*, где «нулевая реализация обстоятельства места» затушевывает относительную валентность в значении глагола и переносит семантический акцент на материальную сторону самого процесса, представленного абсолютно (*Come vanno i gospi?*). Глаголы презентации, основным значением которых является соотнесение нового предмета с данной локальной ситуацией, никогда не утрачивают компонента

относительности, который у глагола *esserci* формально выражен частицей *ci* в составе лексемы. Основной глагол модели динамической презентации — *venire* содержит сему ориентированности на место нахождения говорящего, слушающего или протагониста, по которой глагол *venire* противопоставляется в одинаковом синтаксическом окружении глаголу *andare*, лишенному этой семы:

io vengo da te	io vengo con te
tu vieni da me	tu vieni con me
lui viene da noi	lui viene con noi
io vado da lui	io vado con lui
noi andiamo da loro	noi andiamo con loro.

Или: La mattina si alzarono alle cinque e andarono nel bosco (San. 110) и через несколько строчек Il cane venne fuori ad annusare. Il contadino lo chiappò e venne nel bosco a portarlo a Novaro. (Новаро — протагонист рассказа, «лес» — место его пребывания в этот момент).

Предикаты презентации отличаются от предикатов локализации еще одной структурной тенденцией: их грамматический и семантический субъект обычно обозначает коммуникативно новое предметное понятие (рему), которое лишь в редких ситуациях оказывается первым или вторым лицом (один случай на 200 страниц текста «Тетрадей Сан Джерсолэ»: Di qua c'è io, p. II). Поэтому в отличие от моделей локализации, допускающих в позиции подлежащего все три лица с одинаковой частотностью, модели презентации создают условия для возникновения одноличных глаголов, или одноличных значений у личных глаголов. Так, при коммуникативном субъекте (теме), соответствующем месту пребывания первого и (или) второго лица, семантический субъект, оформленный как подлежащее, может быть только третьим лицом: (Da poi) ieri sera venne il fattore con il suo cane (San. 13).

Как только позиция подлежащего оказывается замещенной неодушевленным и тем более абстрактным существительным, при всех предикатах, кроме *esserci*, происходит семантическая и чисто формальная перестройка модели: выражение отношения глагола к теме — лицу, первому, второму или третьему, становится обязательным, позиция локализатора N_5 преобразуется в позицию лица — получателя, обладателя, носителя эмоции, — N_3 и вся модель начинает обозначать нелокальные неактивные отношения: а N_3 manca N_1 .

§ 4. МОДЕЛИ ПРЕДИКАТОВ НЕАКТИВНЫХ НЕЛОКАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Как нам подсказывает схема взаимоотношений семантических и грамматических актантов, в итальянском языке существует три разновидности неактивного субъекта — субъект обладатель, субъект

носитель физиологического восприятия и субъект носитель психической реакции или модальной оценки. Поскольку эти семантические типы субъекта формально отличаются друг от друга набором синтаксических позиций, следует ожидать, что предикаты, приписываемые субъектам их различительные характеристики, тоже должны отличаться друг от друга по форме. Эта дифференциация проявляется прежде всего в сочетаемости с дополнением: у предикатов обладания дополнение может быть только конкретным существительным (при абстрактном существительном модель оформляет предикат абсолютного признака: N_1 ha freddo, ha fame); у предикатов восприятия дополнение может быть конкретным существительным, придаточным предложением, инфинитивом с аккузативом, у предикатов психической реакции и модальной оценки дополнение может быть только придаточным предложением, инфинитивом или обобщенным существительным (местоимением). Кроме того, каждый из трех типов предиката неактивного контакта имеет собственный инвентарь моделей, со своими строевыми глаголами.

1. Модель отношений принадлежности (приобретения, утраты) может быть непереходной одноличной (N_3 Vi N_1) и переходной (N_1 Vt N_2).

Непереходная одноличная модель предиката принадлежности, столь характерная для русского языка — «у меня есть книга», — основана на конструкции наличия (ср. «Козел жил у бабушки» — предикат локализации, «жил-был у бабушки серенький козлик» — предикат наличия и принадлежности). Обязательная соотнесенность с темой — лицом N_3 у глаголов пребывания и движения включает в состав их значения семы отношений, свойственных только человеку, и устраняет конкретно-пространственные семантические компоненты: da me è venuto un amico — a me è venuta una lettera. При этом происходит также перенос семантической функции субъекта с подлежащего, обозначающего обычно неодушевленный предмет, на косвенное дополнение — лицо, обозначающее обладателя, получателя: Non abbiamo fatto cento passi che ci arriva una gragnuola di ghiaio nel collo (Calvino, 240); Non ci resta che le lettere anonime e le corruzioni in Prefettura (Levi, Cristo, 28) gli è andato via tutti i bottoni (San. 151).

Предикат принадлежности в непереходной модели обычно переплетается с предикатом абсолютного признака, который иногда включает семы появления или исчезновения: gli è nato un figlio; gli è morta la madre, gli dovevano le braccia и т. п.

Наконец, за моделью N_3 Vi N_1 закреплены два одноличные глагола с общей семой принадлежности: bastare и mancare³⁹, хотя последний может превращаться в трехличный при абстрактных

³⁹ Интересно, что те же глаголы или один из них одноличны (безличны) и в других романских (и не только романских) языках: исп. me falta, фр. il me faut, ит. me manque, нем. mir fehlt, русск. «мне не хватает, мне достаточно».

объектах обладания, образуя аналитический предикат абсолютно-го признака: egli manca di coraggio, di giudizio ecc.

Оформление субъекта — лица в виде подлежащего, согласованного со сказуемым в лице (роде и числе) и занимающего при нем «Я — позицию», представляет собой, как известно, наиболее распространенный способ построения предложения в индоевропейских языках. Воздействие трехличной номинативной модели на одноличные (безличные) конструкции с семантическим субъектом — лицом в дательном или винительном падеже, приводит в ходе исторического развития некоторых языков или к грамматической переориентации глагольной лексемы или к вытеснению непереходной модели со строевым глаголом наличия моделью переходной со строевым глаголом обладания, как например, это произошло с латинской конструкцией *mihi est aliquid*, уже в ранней латыни уступившей место форме *habeo aliquid*⁴⁰. В общезыковом плане «давление» номинативной модели не столь очевидно, так как одноличная конструкция в некоторых языках не только не идет на убыль, но и обладает высокой степенью продуктивности, как например, в русском. Ее общая семантическая сфера — неактивность лица — субъекта — в разной степени и в каждом языке по-разному оказывается проницаемой для трехличной номинативной модели. В итальянском языке при предикатах, обозначающих отношения принадлежности, одноличная конструкция встречается сравнительно редко, в связи с высокой частотностью строевого глагола *avere*.

Переходная модель предиката принадлежности $N_1 V t N_2$ со строевыми глаголами *avere*, *ricevere*, *perdere* отличается от непереходной модели $N_2 V i N_1$ изменением соотношения между формой и семантической функцией именных членов предложения, т. е. своим залоговым значением⁴¹. Оформление семантического субъекта — «обладателя» как подлежащего и замена непереходного глагола пространственных отношений или абсолютного признака переходным глаголом, основным и единственным значением которого является отношение обладания (приобретения и утраты для динамических предикатов⁴²), отражает «антропоцентрическую» точку зрения на ситуацию неактивного контакта двух предметных понятий, одно из которых — лицо, другое же может быть как лицом, так и предметом. При замещении позиции подлежащего неодушевленным существительным конструкция, естественно, теряет значение обладания, связанное с субъектом — лицом, и превращается в синоним непереходной конструкции наличия: ср. *sul*

⁴⁰ E. Benveniste. «Etre» et «avoir» dans leurs fonctions linguistiques. «Problèmes de linguistique générale». Paris, 1966, p. 197.

⁴¹ Э. Бенвенист (ук. соч.) рассматривает глагол «être à» как лексический пассив по отношению к глаголу «avoir»: *ce livre est à moi — j'ai un livre*.

⁴² О семантической близости отношений наличия (появления, исчезновения) и обладания (приобретения, утраты) и о трансформации непереходных структур в переходные и наоборот см. В. Г. Гак. Беседы о французском слове, стр. 296—309.

ciliegio ci sono poche ciliege = *il ciliegio ha poche ciliege* или *in ogni stanza c'è un uomo*. (San. 64) — *ogni macchina aveva una donna* (San. 64). Благодаря абстрактности своего смысла, сводящегося к отношению контакта лица и предмета, т. е. к значению предлогов «in» и «a», глагол *avere* обладает той же степенью семантической неполноты, что и предлоги⁴³, и не способен к абсолютному употреблению. Тем же свойством обязательной транзитивности наделены и прочие глаголы, специализировавшиеся в модели обладания: *ricevere*, *perdere*, *trovare* и примыкающие к ним глаголы — эквиваленты других предлогов: *lasciare*, *abbandonare*, *precedere*, *seguire*, *contenere*, *occupare*, *separare*.

Обозначая просто контакт, глагол *avere* (реже *perdere*) с существительными, обозначающими части тела, указывающими «место» контакта, образует аналитические эквиваленты других, более конкретных глаголов неактивных отношений обладания, восприятия, психической реакции: *avere in mano* — *tenere*; *avere sott'occhio*, *non perdere d'occhio* — *vedere*, *osservare*; *perder di vista* — *non vedere più*; *avere in mente*, *in vista*, *a mente*, *in testa* — *pensare*, *ricordare*; *avere a cuore* — *preoccuparsi*. Та же модель, но только с абстрактным существительным в формально обстоятельстве собственной позиции служит для образования аналитических глаголов психической реакции: *avere a noia* — *annoiarsi*, *avere a vile*, *a schifo*, *in dispregio* — *disprezzare*; *avere in onore* — *stimare*, *avere in odio* — *odiare* и т. п.

В той же сфере психофизиологических характеристик лица модель N_1 ha N_2 abstr.⁴⁴ выступает как форма выражения абсолютных статических предикатов состояния (=временного признака), конкурируя в этой функции с моделью N_1 è p II: *ha paura* = *è impaurito*, *ha rabbia* = *è aggrabiato*.

Для психофизиологических состояний, не имеющих причастной формы для своего обозначения, форма N_1 ha N_2 abstr. является единственной. В этом случае противопоставление моделей N_1 ha N_2 abstr. и N_1 è adj., где абстрактное существительное и прилагательное образованы от одного корня, отмечает видовое различие между признаком временным и признаком постоянным: *ha pazienza* — *è paziente*; *ha vergogna* — *è vergognoso*, *ha freddo* — *è freddoloso*, *ha coraggio* — *è coraggioso*, *ha fortuna* — *è fortunato*, *ha fame* — *è affamato*, *ha forza* — *è forte*.

В связи с особенностями своей смысловой структуры аналитическое сказуемое *ha* + N_2 abstr. встречается чаще, чем аналитическое сказуемое *è* + adj. в перфективных временах — *Anche allora ebbe fortuna* (San. 19); *Tu hai avuto coraggio, se ero io non me la facevo fare* (San. 151), — где «состояние» приобретает более

⁴³ Глагол *avere* трансформируется в предлоги (*a*, *in*, *con*, *di*) без семантических потерь. См. A. Sechehaye. Essai sur la structure logique de la phrase. Paris, 1950, p. 84.

⁴⁴ G. Herczeg. La costruzione *avere* + *sostantivo astratto* in sostituzione di un verbo. «Lingua Nostra», 1960, vol. 21, fasc. 1.

четкие временные границы, т. е. становится признаком динамическим (*ebbi paura = mi impaurii*).

Кроме того, обозначая признак временный или динамический и тем самым так или иначе обусловленный наличием других элементов в реальной ситуации, модель N_1 ha N_2 abstr. оказывается открытой для всякого рода уточнителей — дополнений и определений — указывающих на внешние связи признака и зачастую лишаящие его абсолютности.

Наличие позиции дополнения или определения у большинства аналитических предикатов типа N_1 ha N_2 abstr. отмечается появлением перед существительным определенного или неопределенного артикля⁴⁵: *non aveva il coraggio di morderlo* (San. 33); *ha avuto la pazienza di sentirlo* (C.—M.); *aveva addosso una rabbia da non si dire* (San. 30); *ma io avevo una tremarella!* (San. 148); *è un cane che ha la forza d'un leone* (San. 12).

Если распространителем модели N_1 ha N_2 abstr. является инфинитивное дополнение, как в первых двух примерах, предикат психической реакции (аффекта) из абсолютного превращается в относительный («модальный», см. часть II гл. I). Таким образом, модель N_1 ha N_2 abstr. di inf. является средством выражения не только временности, но и относительности признака, который моделью N_1 è adj. представлен как постоянный и абсолютный: N_1 è imprudente — N_1 ha l'imprudenza di farlo; N_1 non è forte — N_1 non ha la forza di rizzarsi in piedi.

Если распространителем абстрактного существительного в модели N_1 ha N_2 abstr. выступает определение, выраженное существительным с предлогом «di», предикативная конструкция N_1 ha N_2 abstr. di N является преобразованием сравнительных оборотов: N_1 ha la forza d'un leone — è forte come un leone; *Il villaggio non ha a prima vista l'aspetto severo e terribile di tutti gli altri paesi di qui* (Levi. Cristo. 13) — *non sembra così severo e terribile come tutti gli altri paesi*. Наконец, модель N_1 ha N_2 Adj. может передавать устойчивые отношения принадлежности части к целому в комбинации с абсолютной характеристикой этой части: *ha la testa dura, ha le spalle larghe, ha un naso lungo* и т. п. Здесь позиция определения является обязательной, поскольку она содержит основную смысловую нагрузку предиката (без определения подобные фразы не несут никакой информации). Перенос семантического акцента с отношений контакта двух предметов (самоочевидного в этой ситуации) на качественную характеристику одного из них сближает эти конструкции со статическими предикатами абсолютного признака, модель которых легко оформляет то же содержание: *ha il naso lungo — il suo naso è lungo; ha le spalle larghe — le sue spalle sono larghe* (в ограниченных лексически

⁴⁵ Об отсутствии артикля как показателе слитности («недисcretности») сочетания см. Ю. С. Степанов. Французская стилистика. М., «Высшая школа», 1956, стр. 148, а также его статью L'article français: structure d'éléments différentiels. «Beiträge zur rom. Phil», 1964, Hft. I.

случаях возможна интерверсия⁴⁶ определения и определяемого: *è largo di spalle, duro di testa*).

Значение абсолютного признака в чистом виде у конструкции N_1 ha N_2 Adj. возникает при замещении позиции N_2 обобщенным существительным типа *carattere, aria, aspetto*, указывающим лишь на психическую (внутреннюю) или физическую (внешнюю) отнесенность характеристики лица: N_1 ha un *carattere forte* — N_1 è forte di *carattere*.

Итак, переходная конструкция с глаголом *avere* выступает во вторичных функциях при оформлении: 1) относительного предиката психической реакции: N_1 ha in odio N_2 ; N_1 ha voglia di N_2 ; N_1 ha l'imprudenza di farlo; 2) абсолютного предиката психического или физиологического состояния: N_1 ha fame, N_1 ha vergogna; 3) абсолютного предиката постоянного признака в комбинации с отношением обязательной принадлежности части (тела) к целому: N_1 aveva gli occhi luccicanti.

В имперфективных временах конструкция N_1 ha N_2 abstr. и ее расширенные варианты с дополнениями или определениями обозначают психическое или физиологическое состояние, т. е. признак хотя и временный, но статический. В перфективных временах те же конструкции представляют этот признак как динамический. Для подчеркивания динамических аспектов исчезновения или возникновения признака вместо прямопереходной модели принадлежности в итальянском языке обычно употребляется ее непереходный одноличный вариант со строевым глаголом *venire*: *Del resto le era venuto in odio Racine...* (Ginsb. Tutti, 69); *gli andava via la voglia di vivere* (ibid. 81); *e a pensare a quei pranzi gli veniva così fame che...* (ibid. 74); *perciò mi è venuta l'idea di scappare in campagna* (Gian. 8); *diceva che a un tratto gli era venuta fuori l'anima d'una vecchia signora* (Ginsb. Tutti, 52); *Adesso da quando era diventato amico di Emanuele gli eran venuti degli occhi luccicanti e inquieti* (ibid. 38).

2. Наиболее типичная модель предикатов восприятия основана на переходных глаголах *vedere* и *sentire*. Непереходная одноличная модель, не продуктивная в этой семантической сфере, возможна только при глаголе *apparire* «являться», «привидеться» (о сверхъестественных существах) и при глаголе *giungere* в значении «доноситься» (о звуке): *Le apparve un angelo* (C.—M.); *Dice che gli è apparso in sogno un mostro* (C.—M.); *Dall'uscio mi giungeva un suono di voci femminili* (Levi. Cristo, 40).

В модели N_1 vede N_2 позиция дополнения может быть замещена конкретным существительным (местоимением в винительном падеже), одновременно инфинитивом и существительным (местоимением в винительном падеже), а также придаточным дополнительным.

При дополнении — существительном конструкция с глагола-

⁴⁶ См. Ш. Балли. Ук. соч., § 194.

ми *vedere* и *sentire* ничем не примечательна. Можно лишь отметить, что глагол *sentire* совместим только с существительным, обозначающим звук или предмет его производящий. Взаимоотношения между глаголом *vedere* (*sentire*) и дополнением, выраженным придаточным предложением, целесообразнее рассматривать в связи с другими глаголами — *dicendi, putandi, affectuum, voluntatis* — способными вводить дополнительные придаточные.

Наибольший теоретический и практический интерес представляет анализ моделей предикатов восприятия (*sentienti*) с двойным дополнением — инфинитивом и существительным, который принято называть оборотом *accusativus cum infinitivo*. Термин «оборот» обычно употребляется по отношению к неличным глагольным формам, сохраняющим в предложении признаки относительной (зависимой) предикативности и усложняющим предложение, в которое они включены. Вопрос о границах между семантически (и формально) сложным и семантически (и формально) простым предложением был нами чисто условно решен в терминах факультативности или обязательности синтаксической позиции, занимаемой тем или иным элементом предложения. С этой точки зрения оборот «аккузатив с инфинитивом» после глаголов восприятия или каузации не делает предложение сложным, так как его позиция обязательна (в отличие от инфинитивных, причастных и деепричастных оборотов с обстоятельственным значением времени, причины, условия и т. п.).

Неясным остается, однако, содержание термина «аккузатив с инфинитивом», который часто применяется для обозначения разнородных явлений. Прежде всего, так называется классический латинский оборот, элементы которого не управляются по отдельности лексемой личного глагола *sentienti* (*dicendi, putandi*), а организуются как замкнутая модель двух взаимообусловленных форм: *audio Valerium Martialem decessisse* (Plin. Ep. 3, 21, 1) — «я слышу, что умер Марциал». Как известно, эта конструкция в современных романских языках не сохранилась. Дополнение в виде инфинитива и его семантического субъекта — аккузатива в итальянском (во французском и в испанском) возможно лишь при непосредственной зависимости позиций каждого элемента от личного глагола и их синтаксической независимости друг от друга.

Романский инфинитив с «аккузативом» — семантическим субъектом имеет две разновидности: он входит в конструкцию при глаголах восприятия (*vedo entrare Mario*) и в конструкцию при глаголах каузации (*faccio entrare Mario*). Несмотря на внешнее сходство, эти обороты отличаются друг от друга формально и функционально. 1) При глаголах *vedere, sentire* субъект инфинитива может иметь только форму прямого дополнения, тогда как при глаголах *fare, lasciare* он может быть оформлен как N_2, N_3 и N_4 в зависимости от семантического класса инфинитива. 2) После *vedere, sentire* инфинитив может быть преобразован в дополнительное придаточное со сказуемым в индикативе, после *fare* по-

добная трансформация невозможна. 3) Личный глагол восприятия и инфинитив не связаны обязательным контактным положением. Субъект инфинитива может не только следовать за инфинитивом, но и предшествовать ему, отражая самостоятельную коммуникативную нагрузку оборота, независимую от глагола *vedere* (*sentire*): *Ho visto scappare una gallina* (San. 23, субъект инфинитива является частью ремы) и *Non ho visto questo autobus partire, che ci fosse un solo posto vuoto* (Sciascia, II, субъект инфинитива — известное из контекста понятие). Глагол *fare* всегда находится в непосредственном контакте с инфинитивом. 4) Глагол *vedere* (*sentire*) не изменяет своего значения при замене дополнения — существительного дополнением — инфинитивом с субъектом в «аккузативе» или без него (*vedo Mario, vedo entrare Mario, si misero lì a veder suonare* — San. 129). Глагол *fare* при дополнении — конкретном существительном обозначает непосредственное порождение или изменение объекта (*la gallina fa le uova, il contadino fa l'erba, il parrucchiere fa la barba*), тогда как при дополнении — инфинитиве он теряет конкретную сему «непосредственно материального воздействия», сохраняя лишь категориальное значение каузативного отношения. Поэтому *fare*+инфинитив представляет собой один член предложения — сказуемое, в составе которого *fare* служит грамматическим показателем каузативности⁴⁷, а инфинитив, содержащий конкретные семы сказуемого, уже не имеет синтаксической функции свободного дополнения. Таким образом, из двух конструкций только одна, зависящая от глаголов чувственного восприятия, может рассматриваться как особая форма двойного дополнения N_2 — «инфинитива и аккузатива», отличающаяся от латинского «инфинитива с аккузативом» грамматической зависимостью формы прямого дополнения имени от семантемы личного глагола.

Каждая из частей двойного дополнения может отсутствовать как семантически несущественная. Устраняется инфинитив, если речь идет о восприятии предмета в целом: *prima non si vide nulla, poi si vide un vitello*. (San. 17), устраняется существительное; если субъект действия неизвестен или не назван как очевидный из ситуации: — *in quel mentre io sentii pesticiare in casa* (San. 22); *si sente belare, ci si volta e si vede che...* (San. 84); *stai attento, ora tu vedi rubare un panino* (San. 15); *Non voglio vedere sgozzare il Nanni* (San. 148). В последних двух примерах с устраненным субъектом инфинитива форма прямого дополнения имени управляется уже не личным глаголом, а инфинитивом.

Несмотря на то что при личном глаголе восприятия инфинитив и существительное — субъект инфинитива (или существительное без инфинитива) являются прямыми дополнениями, их синтак-

⁴⁷ По определению Е. А. Реферовской — побудительного залога. См. Е. А. Реферовская. Разрушение конструкции *accusativus cum infinitivo* в ранне-средневековой латыни. В кн.: «Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков». М., «Наука», 1966, стр. 309.

сические позиции не тождественны. Инфинитив имеет тенденцию помещаться непосредственно после личного глагола. Так, при сплошном анализе трех текстов, близких к разговорной речи⁴⁸, на 86 случаев контакта *vedere* (*sentire*) с инфинитивом приходится лишь четыре случая их разделения обстоятельственными словами или субъектом «аккузативом». Три из них принадлежат к типичным образчикам «книжного» стиля, например: *nel girare gli occhi all'intorno vide fra mezzo al verde cupo degli alberi biancheggiare in lontananza una casina candida come la neve* (Pin. 54). Один пример был найден в «Тетрадах»: — *appena la gatta vede il topino correre da qua a là* (San. 16), где отражается коммуникативная «данность» субъекта (*il topino*). Однако даже в случае известности субъекта более частотной оказывается его постанова после инфинитива: *si vede che davanti a noi c'è una pecora... Quando noi si vide passare giù la pecora...* (San. 84—85).

Фиксация контактного положения глагола восприятия и инфинитива, независимо от коммуникативной функции семантического субъекта инфинитива, указывает на то, что между этими двумя элементами устанавливается более тесная синтаксическая связь, чем между именным дополнением и личным глаголом. Характер этой связи в известной степени уподобляется отношениям между служебным и полнозначным элементом, так как глагол *vedere* (*sentire*) при инфинитиве выполняет грамматическую функцию показателя залоговой трансформации, отмечая перенос формы подлежащего на лицо говорящего или протагониста, которое как бы подключается в качестве наблюдателя к описываемой объективной ситуации. Таким образом, при помощи глагола *vedere* (*sentire*) предикат любого класса преобразуется в предикат восприятия. При этой трансформации сказуемое исходной предикативной конструкции, сохраняя полностью свою семантическую структуру и все объектные связи, теряет показатель независимой предикативности — личное окончание и сбрасывает с глаголом восприятия двойное глагольное сказуемое: *Di fatti Pinocchio vide apparire sulla strada, indovinate chi?* (Pin. 69); *Il treno si fermò e sentii gridare il nome del paese al quale ero diretto* (Gian. 22); *Verso le tre ho sentito venir su per le scale Caterina che mi portava la merenda* (Gian. 8).

Поскольку говорящий или протагонист всегда присутствует в любой описываемой ситуации, его эксплицитное выражение в форме подлежащего часто оказывается избыточным и используется как чисто формальный прием для замены непереходных конструкций переходными. Этот прием особенно характерен для языков с преобладающим прямым порядком слов, например для французского, где русским непереходным конструкциям с инверсией подлежащего — ремы часто соответствуют прямопереходные конструк-

⁴⁸ I Quaderni di San Gersolè, cit.; Collodi. Le avventure di Pinocchio. Milano, 1955 (Pin.); L. Bertelli. Il giornalino di Gian Burrasca. Firenze, 1937 (Gian).

ции с глаголами восприятия⁴⁹. То же соответствие, но с меньшей степенью регулярности можно отметить и при сопоставлении французского с итальянским: *Après avoir couru de cascade en cascade on les voit tomber dans le Doubs* (Stendh. 5) — *Questi, dopo aver corso di cascata in cascata si precipitano nel Doubs* (Stendh. 12); реже наблюдается обратное соответствие: *Le silence le plus singulier s'établissait entre eux dès qu'ils étaient seuls* (Stendh. 42) — *Sentivano uno strano silenzio stabilirsi fra loro appena erano soli* (Stendh. 52).

Залоговая функция грамматической и одновременно семантической переориентации предиката на лицо говорящего или протагониста у глаголов *vedere* и *sentire* наиболее отчетливо проявляется при совпадении лица — семантического объекта инфинитива, выраженного аккузативом личного (возвратного) местоимения с лицом — подлежащим предложения (*mi sentii scuotere* — «я почувствовал, что меня кто-то толкает» — или просто: «меня кто-то толкнул»), см. подробнее в разделе о залоге.

3. Модели предикатов психической реакции и субъективной оценки. Предикаты психических признаков лица занимают в языке особое место. Прежде всего необходимо отметить, что они эксплицитно выражают субъективное («модальное») отношение говорящего (или протагониста) к объективной реальности, отраженной в сознании в виде определенной ассоциации понятий. Поэтому семантическим объектом предикатов этой группы является не отдельное предметное понятие, а целая семантическая ситуация, первичным выражением которой выступает зависимая субъектно-предикатная структура: «я знаю, что он придет; я хочу, чтобы он пришел; я хочу прийти» (исключение составляют несколько глаголов аффекта — «любить», «ненавидеть», «бояться», допускающих конкретно-предметное дополнение).

Другой особенностью предикатов этой группы является разнообразие их моделей, как первичных (*io penso che, mi pare che, io sono sicuro che, mi sorprende che*), так и вторичных, построенных по образцам предикатов локализации или принадлежности (*io dubito che=sono in dubbio, mi viene un dubbio, ho un dubbio*).

Это богатство форм, передающих различные модально-видовые оттенки психических реакций, лишний раз свидетельствует о том центральном положении, которое занимает психическая сфера лица — субъекта коммуникации (и, по аналогии, протагониста) в системе языка.

Среди всех возможных моделей, оформляющих предикаты субъективных реакций, наиболее характерной, хотя и не самой частотной, является одноличная конструкция *N₃ Vi N₁*, эксплицитно отмечающая независимость признака от сознательной воли субъекта.

Как мы уже видели, предикаты абсолютного признака или

⁴⁹ См. В. Г. Г а к. Беседы о французском слове, стр. 293—296.

локализации в итальянском языке вообще не допускают одноличной модели. В группе предикатов принадлежности, где используются обе модели, одноличная конструкция, закрепленная за единичными лексемами достатка — недостатка (*mancare, restare, bastare*), не противопоставлена более распространенной трехличной конструкции по какому-либо общему семантическому признаку.

Напротив, в группе предикатов психической сферы, где противопоставление по признакам осознанности — непроизвольности реакции лица оказывается существенным, одноличная модель противопоставляется трехличной не только чисто-формально, но и функционально.

В области «бесконтрольных» психических реакций одноличная непереходная модель употребляется во всех европейских языках (ср. *mi pare, il me semble, it seems to me, mir scheint, мне кажется*), однако не во всех языках противопоставление по компонентам зависимости — независимости от сознательной воли лица регулярно поддерживается оппозицией синтаксических моделей N_1 Vt N_2 и N_3 Vi N_1 . В русском языке, где существует особый морфологический класс лексем «категории состояния», специализировавшийся в безлично-одноличной модели, «непроизвольность» отмечена синтаксически с наибольшей степенью регулярности, и не только при психических, но и при физиологических характеристиках лица (ср. «мне холодно, мне жарко» — *ho freddo, ho caldo*). Во французском и в английском количество глагольных лексем одноличного типа сведено до минимума. Расхождения между языками в этой области, по-видимому, связаны с неодинаковыми возможностями инверсии грамматического подлежащего, так как для одноличных моделей «обратный» порядок слов является экспрессивно нейтральной и, следовательно, наиболее частотной формой (ср. «мне необходимы доказательства — доказательства мне необходимы», *ci vogliono prove — prove ci vogliono*)⁵⁰. Поэтому в языках с превалирующим прямым порядком слов, как, например, во французском, одноличная модель малопродуктивна и находится на периферии системы языка.

Итальянский язык с его свободным порядком слов, подобно испанскому, использует одноличную модель для оформления большинства предикатов психической реакции, содержащих компонент непроизвольности. По сравнению с трехличной моделью N_1 Vt N_2 , которая не исключает этого смысла, модель N_3 Vi N_1 семантически более ограничена («отмечена»), и поэтому более выразительна (ср. *ho avuto una gran paura — mi è venuta una gran paura*).

В грамматической традиции принято выделять три семантические группы признаков, относящихся к психической сфере: предикаты суждения (*verba putandi*), предикаты аффекта (*verba affectuum*) и предикаты воли (*verba voluntatis*).

⁵⁰ По этому вопросу см. ниже раздел о взаимоотношениях между грамматической и коммуникативной структурой субъектно-предикатных отношений.

Это разделение оправдано также и с формальной точки зрения, так как каждая группа включает индивидуальную комбинацию синтаксических моделей. Эти модели могут быть: (а) трехличными с прямопереходным глаголом, требующим оформления лица — субъекта как подлежащего, (б) трехличными с косвенно-переходным возвратным глаголом, и лицом — субъектом в форме подлежащего, (в) трехличными с прямопереходным каузативным глаголом, требующим оформления лица — субъекта в форме прямого дополнения и имеющим косвеннопереходный «обратный» синоним в возвратной форме, ориентированный на субъект — подлежащее, и, наконец, (г) одноличными, с непереходной глагольной лексемой, требующей выражения лица — субъекта в виде косвенного дополнения.

В группе глаголов суждения большинство лексем входит в модель (а): *credo, penso, so, capisco, dubito, suppongo che...* Несколько глаголов-синонимов относится к типу (б): *mi immagino, mi figuro, mi rappresento*, тип (в) отсутствует, и только два глагола-синонима *parere* и *sembrare* образуют одноличную (безличную) модель.

В группе глаголов аффекта в модель типа (а) входит очень немного лексем, предполагающих конкретно-предметный объект: *amare, odiare* и их синонимы *adorare, detestare*, тип (б) отсутствует, большинство же лексем распределяется между типом (в): *questo mi meraviglia — io mi meraviglio di questo, questo mi scandalizza — io mi scandalizzo di questo* и типом (г): *mi piace, mi dispiace, mi duole, mi rincresce che...* и их аналитические эквиваленты: *mi è grato, mi è di peso, mi è di conforto, mi è indifferente, mi è caro (mi è caro qui ringraziare l'amico editore Livio Garzanti. Levi, Le parole, 13; usare questa o quella medicina gli è indifferente. Levi. Cristo, 21).*

Группа глаголов воли, где противопоставление лексем по семантическим компонентам произвольности — непроизвольности представлено наиболее четко, содержит две смысловые подгруппы: лексем, обозначающие собственную сознательную волю лица, и лексем, обозначающие «чужую волю», обращенную на лицо — субъект, т. е. необходимость с ее различными градациями (возможность, допустимость, долженствование). Для оформления этих признаков используются две модели — тип (а) и тип (г). Тип (а) включает лексем обеих подгрупп с их ведущими строевыми глаголами *volere, dovere, potere*, тип (г) — только лексем второй подгруппы. Это простые одноличные лексем *bisognare, volerci, occorrere, toccare*, которые, не различаясь по значению, дополняют друг друга в различных окружениях. Так, глагол «bisogna» включает позицию N_3 , а в позиции N_1 (точнее N_2)⁵¹ допускает только инфинитив или придаточное предложение: *bisogna scappa-*

⁵¹ Вопрос о характере синтаксической позиции инфинитива и придаточного предложения после безличных (одноличных) глаголов уточняется во второй части работы.

re (San. 20); bisogna che ti faccia star bene (San. 34) глагол «ci vuole», напротив, открывает не обязательно замещаемую позицию N_3 , но в позиции N_1 допускает только существительное: ci vuole coraggio e sangue freddo (San. 149); a raccontare ogni cosa mi ci vorrebbe un libro (San. 13); глагол «toccare» в отличие от всех своих позиционных синонимов имеет не обязательно замещаемую позицию $N_1=N_2$: ci toccò mutarci (San. 82) и обязательно замещаемую позицию N_3 — Oggi tocca a te (San. 140); наконец, глагол «occorrere» имеет не обязательно замещаемую позицию N_3 и обязательно замещаемую позицию $N_1=N_2$, допускающую любое на-полнение: mi occorrono cento lire; occorreva far presto (C.—M.). В одноличную модель включаются также аналитические единицы essere+Adj., обозначающие необходимость — возможность (и близкие к ним понятия трудности — легкости): non mi è lecito restare ancora all'aperto (Levi, Cristo, 24); Non ci sarà necessario fermarci troppo a lungo a giustificare... (Migliorini, 1).

При этом позиции N_3 и N_1 могут быть не замещены: **era impossibile arrabbiarsi** (Gattop. 23); mi misi a mangiar panini gravi-di per distrarmi, **ma non mi fu possibile** (Gian. 17); si provò e si riprovò, **ma fu inutile** (San. 18).

Кроме трех рассмотренных выше семантических групп, к предикатам психической сферы примыкает еще одна небольшая группа, где компонент «непроизвольности» выступает в качестве основного смыслового элемента лексем, которые почти все закреплены за одноличной моделью. Это — глаголы со значением неожиданности, внезапности, случайности, удачи — неудачи — succedere, avvenire, accadere, capitare, riuscire и глаголы venire и andare в значении «удаваться»: Lo sai che gli successe al Santini? (San. 140); è una cosa curiosa e da prima non riesce a nessuno (San. 144); Se la ricotta mi viene ve la do volentieri... Che vi è venuta la ricotta? (San. 71); Ho provato a sonar quel pezzo, ma non mi viene (C.—M.); Com'è andata? (C.—M.). (Ср. аналогичное переосмысление русских глаголов движения в одноличной модели: «у меня не выходит», «мне не везет».)

Этот семантический тип предикатов, представленный всего лишь несколькими глаголами, обладает способностью преобразовывать предикаты любого семантического класса, сообщая им свой ведущий семантический компонент. В том случае, если исходный предикат активен (имеет позицию обстоятельства цели и отвечает на вопрос «зачем?»), присоединение смыслового признака «случайности—непроизвольности» погашает компонент активности и приводит к семантической трансформации предиката. В качестве грамматических показателей этой трансформации используются не только специализированные глаголы «случайности» или «удачи», но и некоторые десемантизированные глаголы движения:

In questi ultimi tempi... mi era avvenuto di scrivere molti articoli e saggi. (Levi, Le parole, II); a quella bambina non le riusciva più di ritrovarla (San. 84); diceva che non le andava di scherzare

perché aveva troppi guai (Ginsb., Tutti. 70); gli venne anche un po'da ridere (ibid. 73); a noi ci scappò da ridere (San. 83); gli scappò detto, gli venne detto che... (C.—M.); а также устойчивое сочетание viene fatto: se mi vien fatto d'incontrarlo=se mi riesce di incontrarlo (C.—M.).

Если исходный предикат не активен, подключение модально-видовой семы «непроизвольности» («неожиданности», «случайности») вызывает не трансформацию, а модуляцию предиката, так как его основная семантическая структура не меняется.

Для подобной модуляции предикатов психической сферы используется, как уже было сказано выше, одноличная модель $aN_3 Vi N_1$ abstr., где абстрактное существительное обозначает мысль, аффект или волю: gli è passata la voglia di mangiare i polli (San. 108); gli è andata via la voglia di andare a caccia (San. 109); gli è venuta (scappata, sfuggita, saltata) un'idea (un pensiero, un dubbio, un sospetto); gli è venuto (saltato) il capriccio, (il grillo, il ticchio, la voglia) di fare questa cosa (в словаре C.—M. эти примеры приводятся с пояснением: «di moti o desideri improvvisi e strani»).

Ту же функцию имеет фразеологизованная конструкция $N_3 Vi N_5 N_1$ с обстоятельственной позицией N_5 , замещенной конкретными существительными testa, mente, cervello; bocca, lingua, occhio; mano, которые обозначают не предмет, а связанный с ним признак — «мысль», «речь», «восприятие», «обладание»: venire in mente; entrare in testa, in mente, in cervello — «sinonimi di intendere, capire» (C.—M.); mi cadde sott'occhio un avviso (C.—M.); gli cadde un sospetto nell'animo (C.—M.); ora gli capita in mente questa bell'idea; mi capitò nelle mani una sua lettera (C.—M.); lo sapevo e ora mi è uscito di mente (C.—M.); che non t'esca una parola di bocca! (C.—M.); il bicchiere gli uscì di mano e si fece in mille pezzi (C.—M.); dice quel che gli viene sulla lingua (C.—M.).

Некоторые предикаты «непроизвольности» могут быть оформлены по трехличной модели. Например, синонимом (non) mi viene, (non) mi riesce является (non) ce la faccio (farcela — нечленяемая простая лексема). Однако в большинстве случаев установление соответствия между семантическим и грамматическим субъектом и согласование последнего в лице, роде и числе со сказуемым отмечается не заменой глагольной лексемы, а изменением ее дистрибуции, т. е. самой модели предложения: gli scappò detto, gli venne da dire, gli uscì di bocca — egli venne a dire, uscì a dire, scappò a dire, saltò fuori a dire; gli montò la collera — egli montò in collera; gli riuscì di fare — egli riuscì a fare.

Модально-видовой глагол «непроизвольности» (неожиданности, непредусмотренности, случайности, удачи — неудачи) является, таким образом, формальным показателем этой категориальной семы, независимо от формы синтаксической конструкции, которая может быть не только одноличной, но и трехличной. Вместе с тем

при отсутствии модально-видовой лексемы «непроизвольности» одноличная модель выступает как единственное средство выражения этого семантического компонента, сопровождающего не только одноличные глаголы, вроде *bastare*, *ragere*, *dolere*, или устойчивые одноличные значения трехличных лексем, вроде *venire* (= *giuscire*), но и вообще все непереходные глаголы, попавшие в синтаксические условия одноличной модели, как например: *Il caffè gli si versò sui calzoni* (Ginsb., Tutti, 22); *gli cadde la cartella di mano* (Sciascia, 9).

§ 5. МОДЕЛИ ПРЕДИКАТОВ АКТИВНЫХ НЕЛОКАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (КАУЗАТИВНЫЕ МОДЕЛИ)

Предикаты каузации, подобно предикатам неактивного относительного признака, связаны обычно с субъектом — лицом, но в отличие от последних в своей исходной (не преобразованной) форме требуют обязательного оформления семантического субъекта в виде подлежащего, т. е. не имеют одноличных моделей.

По сравнению с предыдущими классами, предикаты каузации имеют более сложную семантическую структуру, обозначающую «причинение» или «вызывание» какого-либо абсолютного или относительного признака со стороны активного субъекта. Субъект — лицо в каузативных моделях выступает не только как активный, т. е. совершающий намеренное целенаправленное усилие («работу»), но и как вызывающий — прямо или косвенно — определенные изменения в признаках объекта. При прямом, обычно материальном (физическом) воздействии, предполагающем непосредственный контакт двух или трех предметов, субъект может рассматриваться как производитель признака (N_1 accende la lampadina e la mette sulla tavola), при косвенном воздействии, обычно не материальном и не обязательно непосредственном, субъект — лицо является инициатором действия или неактивного признака объекта (N_1 fece venire i suoi amici, N_1 fa paura a N_3 , N_1 intimorisce N_2). Глагольная лексема, для которой значение материального контакта первично, может во вторичных значениях характеризовать не производителя, а инициатора признака (например, N_1 ha gettato gli avanzi in un secchio — Hitler ha gettato l'esercito tedesco in un'avventura che costerà al popolo tedesco fiumi di sangue. P. Togliatti, *Discorsi agli italiani*, Mosca, 1943, p. 3).

Добавление классемы каузации к различным семантическим типам предикатов отмечается формально подключением еще одной синтаксической позиции и изменением валентности глагольной лексемы. Одновалентные структуры становятся двухвалентными (N_1 muore — M_1 uccide, fa morire N_2), двухвалентные — трехвалентными (N_1 vede M_2 — P_1 mostra, fa vedere M_2 a N_3), трехвалент-

ные четырехвалентными⁵², причем форма подлежащего переносится на новый «активный» субъект, а бывший субъект получает форму дополнения N_2 или косвенного дополнения N_3 или дополнения агента N_4 .

Следует, однако, отметить, что количество валентностей каузативной лексемы и соответственно количество именных позиций в конструкции непосредственно не связано с семантическим членением внутри общего класса каузативных предикатов. Так, например, трехместные конструкции могут принадлежать к трем различным подклассам, в зависимости от семантического типа каузированного признака (N_1 mette la lampadina sulla tavola, N_1 dà un osso al cane, N_1 fa fare il laccio a suo padre).

Противопоставление каузативных структур некаузативным структурам со сходным конкретно-лексическим значением отмечается также следующими изменениями форм сказуемого:

1. Некаузативный и каузативный предикаты выражены двумя разнокоренными глаголами с одинаковыми морфологическими признаками (простые, невозвратные) и разными синтаксическими свойствами (одновалентные — двухвалентные, двухвалентные — трехвалентные): *vedere*—*mostrare*, *avere*—*dare*, *stare*—*mettere*. Количество подобных пар не может быть точно установлено, так как члены каждой пары различаются не только по категориальному значению некаузативности—каузативности, но и по своим конкретным семантическим составляющим. Так, это «материальное» различие, слабо осязаемое в перечисленных трех примерах, более отчетливо представлено в таких случаях, как *morire*—*uccidere*, *sapere*—*insegnare*, *venire*—*chiamare*, *cadere*—*buttare* и т. п.

2. Некаузативный и каузативный предикаты выражены двумя однокоренными единицами, причем каузативное значение закреплено за простым глаголом, а некаузативное за возвратным (для динамического типа предикатов) и за формой именного сказуемого $\dot{e}+p$ II (для статического типа предикатов): *rompere*—*rompersi*, *essere rotto*; *meravigliare*—*meravigliarsi*, *essere meravigliato*. (Каузативные глаголы с возвратной частицей, имеющей собственно-возвратное или взаимно-возвратное значение, не участвуют в этом противопоставлении).

3. Некаузативный и каузативный предикаты выражены: первый — простым или возвратным (непереходным или переходным) глаголом или именной формой сказуемого *stare* (*diventare*) + *adj.*, а второй — аналитической формой двойного глагольного сказуемого: *piangere* — *far piangere*, *morire* — *far morire*, *vedere* — *far vedere*, *meravigliarsi* — *far meravigliare*, *alzarsi* — *far alzare*; *stare bene* — *far stare bene*.

Так же образуются каузативы от простых каузативных глаго-

⁵² L. Tesnière. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959, pp. 259—272; A. Malblanc. *Stylistique comparée du français et de l'allemand*. Paris, 1961, p. 90.

лов: *accendere la luce — far accendere la luce, mangiare un uovo — far mangiare un uovo.*

4. Некаузативный и каузативный предикаты выражены одной и той же «симметричной» глагольной лексемой с одинаковыми морфологическими признаками и разными синтаксическими свойствами: *Le carte bruciano — N₁ brucia le carte.*

Очень часто одной некаузативной форме сказуемого соответствуют две каузативные формы — простая и аналитическая.

Все каузативы, как простые, так и аналитические, предполагают в своей первичной, не преобразованной форме позицию прямого дополнения, т. е. являются прямопереходными.

1. **Модель предикатов каузации бытия (порождения объекта)** опирается на глагол *fare* и содержит две именные позиции N_1 и N_2 , которые в первичной функции этой модели замещены существительными, соотнесенными с конкретными предметными понятиями (определенными или неопределенными). В позиции сказуемого здесь могут выступать только простые глаголы — *creare, partorire, costruire, scrivere* и т. п., представляющие собой «позиционные варианты» общего глагола *fare*, в которых делается упор на средства совершения действия⁵³ и на характер его объекта: *N₁ ha fatto (costruito) una casa; N₁ ha fatto (dipinto) un bel quadro; N₁ ha fatto (scritto) un libro, una lettera; N₁ ha fatto (scavato) un buco; N₁ ha fatto (cucito) un vestito etc.* Из этой серии выпадают фразеологизованные употребления *fare* при конкретном объекте, входящие в подклассы каузации абсолютного признака (*far l'erba*), каузации отношения принадлежности или локализации (*fare la barba a qualcuno; fare la testa a qualcuno = scerz. «decapitare» C.—M.*) и в класс неактивных предикатов наличия или принадлежности: *quanti abitanti fa quel paese? (C.—M.), N₁ ha fatto un'eredità.*

В своей вторичной функции модель предикатов каузации бытия с ее строевым глаголом *fare — N₁ fa N₂* — служит продуктивным средством образования аналитических сказуемых абсолютно-го признака, которые в зависимости от лексического наполнения и оформления N_2 могут иметь следующие семантико-формальные варианты:

а) Конструкция $N_1 \text{ an} + \text{fa} + \text{il (la)} N_2 \text{ an.}$ обозначает род деятельности лица: *c'è un uomo che di mestiere fa il meccanico (San. 64); era a fare il soldato (San. 19); i fascisti fecero la spia ai tedeschi (San. 19).* Эта вторичная форма выражения абсолютного предиката квалификации противопоставлена первичной (*è un meccanico, è una spia*) по признаку активности, т. е. сознательно выполняемой функции;

б) конструкция $N_1 \text{ an} + \text{fa} + \text{предлог da} + \text{существительное без артикля, обозначающее род деятельности.}$ Противопоставлена первой как временный признак постоянному: *fare da guida — fare la guida, fare da interprete — fare l'interprete;*

⁵³ См. Ш. Балли. Ук. соч., § 171, стр. 125.

в) конструкция $N_1 \text{ an} + \text{fa} + \text{определенный артикль} + \text{качественное прилагательное или любое конкретное существительное в родовом значении.}$ Обозначает качественную характеристику лица: *il gatto cominciò a fare il cieco, come prima (Pin. 42); Non fare lo scemo (San. 149); Oliviero chiuse gli scuri e incominciò a fare il gatto (San. 22).* Противопоставлена первичной форме (*è un gatto, è cieco*) как активная имитация данного признака реальной принадлежности к данному классу понятий (*fa il bambino — è un bambino*). Формальное совпадение этой формы с конструкцией первого типа (*fa il meccanico*) делает иногда неясными также их семантические границы: *Nando smise di fare il buffone (San. 151); Ora ti farò vedere la mia abilità nel fare il barbiere e il professore chirurgo (San. 149).* Только контекст позволяет установить, что речь здесь идет не о действительной профессиональной принадлежности лица, а о имитации этой профессии;

г) конструкция $N_1 \text{ an} + \text{fa} + \text{неопределенный артикль} + \text{абстрактное существительное действия.}$ Противопоставлена простому глагольному предикату по признаку кратности (однократности при единственном числе существительного, многократности при множественном числе существительного): *volare — fare un volo, saltare — fare due salti.* Видовое значение кратности, как правило, осложнено дополнительным оттенком интенсивности действия, который отличает эти формы от простых терминативных глаголов в перфектных временах: *saltò — fece un salto, strillò — fece uno strillo.* Отсюда частое употребление аналитического эквивалента в эмоционально окрашенных контекстах: *Oliviero diventò come la sera e fece uno strillo (San. 22).* Экспрессивная нагрузка конструкции вовлекает в ее состав целый ряд более «выразительных» синонимов глагола *fare*: *il pezzo di legno dette uno scossone (Pin. 8); il vitello tirò uno strattone (San. 17); il topo spicca un salto (San. 17)* и т. п., которые полностью теряют свое первоначальное лексическое значение в этих условиях.

Наиболее существенным формальным показателем продуктивности модели $N_1 \text{ fa un } N_2 \text{ abstr.}$ является специализированный суффикс $\sim \text{ata} (\sim \text{ita})$, образующий отглагольные существительные со значением однократного (многократного) действия. Характерно, что только небольшое количество подобных существительных, как например, *passaggiata, andata, venuta*, имеют свободную сочетаемость и в той или иной степени семантически обособлены от глагольной лексики. Большинство же образований на $\sim \text{ata} (\sim \text{ita})$ возможны только в составе рассматриваемой конструкции: *Qui, in campagna, facciamo certe dormite! A quelle curve la bicicletta faceva certe strisciate! (San. 28); si fece una risata (San. 22); Fece una bella mangiata e bevuta lì nel bosco e ripartì (Favole it. 416).*

2. **Модель предикатов каузации абсолютного признака** имеет две именные позиции: $N_1 \text{ Vt } N_2$. Отличительной чертой этой модели является то, что она включает почти все существующие в языке симметричные глаголы, лишенные морфологических показателей

каузативности: cominciare, finire, continuare, aumentare, diminuire, crescere, bruciare, girare etc; la sveglia **girava** e marcava sempre i minuti (San. 36) — io ero a **girare la macchina** (San. 36). Каузативное значение симметричного глагола определяется, во-первых, наличием прямого дополнения и, во-вторых, лексическими ограничениями в сочетаемости с подлежащим и дополнением. Так, у большинства симметричных каузативов подлежащее может быть только одушевленным, а дополнение только неодушевленным, несколько каузативов. (invecchiare, ringiovanire, dimagrire, ingrassare), наоборот, предполагают неодушевленное подлежащее и требуют одушевленного дополнения («L'occhio del padrone ingrassa il cavallo», proverb. С.—М.). При абсолютных значениях этих глаголов действует прямопротивоположное ограничение: большинство лексем допускает только неодушевленное подлежащее и несколько лексем типа *invecchiare* связаны с подлежащим одушевленным.

Другой характерной особенностью рассматриваемой модели является то, что в позиции сказуемого выступает большое количество простых каузативных глаголов, имеющих возвратный некаузативный аналог: *gornere, pulire, lavare, caricare, alzare, fermare, guastare, coricare, svegliare* и т. п.

Простую (не аналитическую) форму могут иметь некоторые каузативы, противопоставленные некаузативной форме именного сказуемого со строевым глаголом *divenire* + прилагательное цвета или размера: *divenire sudicio — far divenire sudicio = insudiciare* (*imbiancare, allungare, allargare, accorciare*).

Наконец, модель допускает также и аналитическую форму двойного сказуемого. Эта форма является единственно возможной для каузативов, некаузативный аналог которых имеет простую глагольную форму, закрепленную за абсолютной моделью: *Non lo fate patir tanto!* (San. 34), а также для большинства каузативов, образованных от именного сказуемого со строевыми глаголами *stare* и *divenire* (*diventare*): *bisogna ch'è ti faccia stare bene* (San. 34); *lo faremo star meglio* (San. 27); *O ch'è sarà che la fa diventare rossa?* (San. 126); («книжным» синонимом *far diventare* + Adj. выступает глагол *rendere* + Adj., где позицию прилагательного — предикатива занимают обычно латинизмы с суффиксами ~*abile, ~ibile*).

Однако продуктивность аналитической формы образования каузативов этим не ограничивается. Аналитический каузатив образуется практически от любой некаузативной лексемы абсолютного признака — симметричной, несимметричной и даже возвратной, так что наряду с *uccidere* мы находим *far morire*, рядом с *bruciare le carte — far bruciare le carte*, рядом с *alzare qualcuno — far alzare qualcuno* и т. п.

Как видно из последнего примера, возвратный инфинитив в сочетании с глаголом *fare* теряет свой показатель непереходности — частицу *si*. Теньер и Дюбуа, обратившие внимание на аналогичное явление во французском языке — *les enfants se cou-*

chent — la mère fait coucher (se coucher) les enfants — объясняют его функциональной несовместимостью формантов «*si*» и «*fare*», первый из которых служит морфологическим средством образования непереходных аналогов от переходных каузативов (*coricare, alzare — coricarsi, alzarsi*), тогда как второй образует переходные каузативы от непереходных глаголов (*far bollire, far alzar (si)*).

За внешней стройностью этой структурной схемы скрывается, однако, излишнее упрощение фактов языка, приводящее к неточной интерпретации любого сочетания «*fare* + инфинитив» как аналитического эквивалента простых каузативных лексем. Между тем противопоставление *coucher les enfants — faire coucher les enfants, coricare i bambini — far coricare i bambini* показывает, что аналитическая и «синтетическая» формы не равнозначны и что, несмотря на утрату частицы *si*, инфинитив возвратного глагола в сочетании с *fare* не теряет своей непереходности, т. е. сохраняет значение признака, ограниченного сферой субъекта, который является его реальным производителем или носителем.

Более детальный анализ сочетаний «*fare* + инфинитив», принадлежащих к подклассу предикатов каузации абсолютного признака, позволяет заметить, что их формально-смысловая структура не однородна и зависит от лексического значения инфинитива и семантики существительных, замещающих обе именные позиции.

Если *N₁* обозначает лицо, а *N₂* — неодушевленный предмет, сочетание *fare* с непереходным инфинитивом обозначает материальное активное действие, изменяющее свой объект: *N₁ fa saltare un ponte, N₁ fa bollire il riso*.

В составе этой конструкции непереходный глагол теряет значение абсолютного признака, имеющего собственный субъект, и образует полный семантический эквивалент простых каузативов. Смысловая слитность *fare* с инфинитивом проявляется формально, во-первых, в том, что аналитическая форма иногда свободно чередуется с простым «симметричным» каузативом, как например, у глагола *bollire*: *N₁ ha già bollito il riso, cioè, ha fatto bollire* (С.—М.), и, во-вторых, в том, что инфинитив не может быть преобразован в придаточное предложение.

Если *N₁* и *N₂* — одушевленные существительные, то сочетание инфинитива с глаголом *fare* обозначает косвенное воздействие одного лица на другое, и аналитическая форма противопоставлена близкой по смыслу «синтетической» как опосредствованная и непосредственная каузация абсолютного признака. Поэтому тип *fare morire* в отличие от типа *uccidere* употребляется в контекстах, где сам субъект не совершает материального акта, а лишь подготавливает его своими предшествующими действиями: *Ci hanno messo un po' di polpette avvelenate per far morire i cani* (San. 29); *Quel burattino farà morire di crepacuore il suo povero babbo* (Pin. 61); *Suono anche per far ballare voialtri* (San. 128); *Cominciai a farla camminare più che poteva* (San. 157); *Giannino, mi farai ammalare* (Gian. 6).

В зависимости от контекста степень контакта N_1 и N_2 и характер косвенного воздействия субъекта на лицо — «объект» может меняться. Очень часто каузация, выраженная глаголом *fare*, представляет собой волеизъявление (приказ) инициатора действия. Семантическое различие между действием, совершенным самим субъектом над объектом (*alzare*), и действием приказанным (*far alzare*) и их отношение к абсолютному действию (*alzarsi*) четко вырисовываются в следующем примере из «Тетрадей». Один из «авторов» рассказывает, как его готовили к операции аппендицита: «*mi scopro, mi alzano e mi mettono un pezzo di legno sotto perché rimanessi a pancia all'aria*»; после операции врач ему говорит: «*Te, tu ti alzi ora e domani vai via*»; мальчик сообщает об этом медсестре: «*il Dottore ha detto che mi fa alzare oggi*» и потом жалуется врачу на медсестру: «*Ma la suora non mi ha mica fatto alzare ieri*» (San. 49) («Мне сестра не разрешила встать вчера»).

В предикатах косвенной каузации инфинитив сохраняет свою непереходность и отнесенность к собственному субъекту, обозначенному N_2 . Семантические функции именных членов конструкций N_1 an. alza N_2 an. и N_1 an fa alzare N_2 an. также не одинаковы. В первой прямое дополнение соответствует семантическому объекту, во второй — каузированному носителю абсолютного признака. Подлежащее в первом случае — производитель действия, во втором — инициатор действия, производимого другим актантом.

Семантическая функция инициатора по своему содержанию смыкается с причиной действия, так что в значении аналитической формы косвенной каузации не происходит существенных сдвигов при подлежащем неодушевленном или абстрактном, обозначающем причину: *Sai che cos'è che ti fa crescere?* (Gian. 25); *L'imbroglione non fece ridere nessuno* (Gian. 17); *Queste parole fecero piangere tutti i burattini* (Pin. 39); *Qui a Napoli i vostri carri armati, i vostri cannoni, le vostre macchine fanno sorridere* (Malap., La pelle, p. 54). Все же, при замещении позиции подлежащего семантическим актантом причасти глагол *fare* теряет свою активность и функция семантического субъекта конструкции сохраняется за формальным дополнением: *la stanchezza non mi fece prender sonno* (Gian. 24) = *io non presi sonno per via della stanchezza* (perché ero stanco).

Напротив, лицо — инициатор действия является не только формальным подлежащим, но и семантическим субъектом, несмотря на сохранение актантом N_2 «субъектной» семантической функции по отношению к инфинитиву. Образуется своего рода двухсубъектная структура, с независимым субъектом — подлежащим и зависимым (каузированным) субъектом — дополнением, каждый из которых имеет свой предикат. Относительная смысловая самостоятельность элементов аналитического сказуемого косвенной каузации (при любом лексическом наполнении позиции подлежащего) проявляется формально в том, что инфинитив может быть трансформирован в придаточное предложение: *Queste parole fe-*

cero piangere tutti i burattini — *Queste parole fecero sì che tutti i burattini piangessero*. Это преобразование, громоздкое и малоупотребительное, бытует главным образом в письменной речи, в случае усложнения предиката многочисленными обстоятельственными и объектными позициями: *L'attenzione quasi esclusiva accordata alla lingua quale strumento letterario ha fatto sì che nel passato parlando di storia della lingua ci si riferisse principalmente allo stile degli scrittori* (Migliorini, premessa).

Как отмечает словарь С.—М. (стр. 529), без частицы *sì* этот оборот встречается в просторечии: *Se il diavolo fa che l'incontri!*

Таким образом, аналитическое сказуемое опосредствованной каузации отличается от внешне идентичного аналитического сказуемого непосредственной каузации (N_1 fa bruciare N_2) тем, что оно не является эквивалентом простого глагольного сказуемого (N_1 brucia N_2), а представляет собой двойное сказуемое, каждый член которого имеет свой семантический субъект: N_1 fa venire N_2 . Хотя этот тип двойного сказуемого обладает большей степенью слитности элементов, чем двойное сказуемое конструкции N_1 vede venire N_2 , обе формы сходны в том отношении, что личный глагол при инфинитиве выступает в качестве грамматического показателя трансформации предикатов в другой семантический класс и отмечает перенос формы подлежащего с одного именного актанта на другой.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что каузативная трансформация какого-либо предиката имеет место лишь в структурах косвенной каузации, где к исходному предикату добавляется лишь отвлеченная классема каузации, не изменяющая его лексического (материального) значения. Следует отметить также, что форма двойного сказуемого косвенной каузации *fare+inf.*, являясь грамматической моделью трансформации предикатов в класс каузативов, имеет неограниченную продуктивность, тогда как аналитическая форма простого сказуемого прямой каузации *fare+inf.*, являясь фактически средством аналитического словообразования, не продуктивна и закреплена за считанными лексическими единицами (*far saltare, far bruciare, far bollire*).

Все отмеченные выше особенности аналитических форм косвенной и прямой каузации сохраняются и в других семантических подклассах.

3. Модель предикатов каузации локальных отношений опирается на глагол *mettere* и содержит обычно три именные позиции. При смысловой неполноте существительного в позиции N_5 , предполагающего отношения обязательной принадлежности, конструкция становится четырехместной: N_1 lo mise nel cassetto — N_1 glielo mise in bocca. При некоторых лексемах позиция обстоятельства места может быть не замещена.

Предикат выражен как простыми лексемами типа *mettere, portare, levare, togliere, introdurre, cacciare, gettare, mandare*, так и аналитическими каузативами, обозначающими обычно отношения

косвенной каузации: *Bisogna farlo venire con le buone* (San. 17); *Io piglio una capna e lo (il rospo) fo allontanare dal buco* (San. 25).

Значение прямого материального воздействия на объект аналитическая форма имеет чаще всего с инфинитивами неактивной локализации или с неодушевленным существительным в позиции N_2 : N_1 lo fece andare, cadere a terra, N_1 lo fece precipitare (=precipitò) nella voragine; N_1 fa rientrare (=rientra) la macchina nella gimessa. Значение конкретной каузации, сближая аналитические формы с простыми, способствует образованию простых «симметричных» каузативов, полностью синонимичных аналитическим.

Наконец, в состав предикатов каузации локальных отношений входят несколько симметричных глаголов — *precipitare*, *avanzare*, *colare*, *arpicciare*, *attaccare*, каузативные и локально-непереходные значения которых связаны с определенными лексическими ограничениями (см. словарь С.—М.). Образование симметричных каузативов локализации от непереходных невозвратных глаголов движения происходит не только в рамках литературной нормы, но и за ее пределами. Э. Милано в цитированной выше статье порицает «неправильное» переходное употребление глагола *rientrare* (*gli aviatori rientrano nelle rimesse i loro apparecchi*). У Итало Кальвино мы находим глагол *uscire* в значении *tirar fuori*: *Mio fratello terminò con un gran gesto, dopo la frutta: uscì un pacchetto e offrì una sigaretta all'ospite* (Calvino, 260). Парадигму каузированной локализации возглавляет глагол *mettere*, который в своих вторичных функциях используется:

1) для выражения отношений наличия — принадлежности в ограниченной сфере, касающейся появления какой-либо части живого организма: *l'uccello mette le ali*, *l'albero mette le foglie*, *il bambino mette i denti* (с устранением позиции N_5) и 2) для оформления предикатов каузации психической реакции (с заменой позиции N_5 на N_3 : N_1 gli mise addosso una gran paura, см. ниже).

4. Модель предикатов каузации отношений наличия (появления — исчезновения) содержит каузативы, образованные от одноклических предикатов, которые объединяют неактивное отношение наличия или принадлежности с абсолютным неактивным динамическим признаком одного из актантов (обычно неодушевленного).

Каузативы этого типа имеют только аналитическую форму: *Un poliziotto gli ha fatto cadere l'arma a terra* (L'Unità, 3 nov. 1968, p. 12); *feci cascare il latte al mio babbo* (San. 154); *Io la prima volta (quando gli facevo la barba) gli feci tutto il viso rosso* (San. 148), т. е. «Я ему ободрал все лицо».

Наиболее частотный аналитический каузатив этой модели — *far venire* (*Le farò venire dalla campagna un fiasco di Chianti*) используется во вторичной функции для образования предикатов каузации психической реакции (см. ниже).

5. Модель предикатов каузации отношений принадлежности имеет три именные позиции. В парадигму, возглавляемую глаголом *dare*, входят многочисленные простые глаголы, предполагаю-

щие непосредственный контакт между дающим и берущим — *prendere*, *rendere*, *regalare*, *vendere*, *comprare*, *rubare*, *togliere*, *prestare* или опосредствованные отношения между отправителем и получателем — *procurare*, *mandare*, *spedire*, *fornire*.

Наиболее употребительное аналитическое сказуемое, входящее в эту модель, — *far avere* — обозначает опосредствованные отношения каузации (*Le farò avere questo libro* — «Я вам достану эту книгу», «У вас будет эта книга»).

Вторичные функции модели и ее ведущих глаголов *dare* и *prendere*:

1) оформление предикатов абсолютного признака — N_1 prende sonno, prende la fuga, prende una malattia, prende fuoco (с устранением позиции N_3) или N_1 dà nello stravagante, dà nel pedante (с устранением позиции N_2 и с превращением позиции N_3 в N_5); 2) оформление каузативов абсолютного признака с дополнительным оттенком интенсивности и кратности действия (с сохранением трех синтаксических позиций). Позицию прямого дополнения в этом случае замещает абстрактное существительное действия, обычно с суффиксом *~ata*: *Tieni questo rasoio nuovo e dallo a Romano che gli dia una affilatina*. *Io diedi il rasoio a Romano che lo affilò* (San. 147); *Date una spolverata a quei panni* (С.—М.); *Voleva dargli una buona tiratina d'orecchi* (Pin.) и т. п. Близость формы и функции этих конструкций к аналитическим абсолютным предикатам кратного интенсивного действия (*fare una dormita*) вызывает иногда замену строевого глагола *dare* на *fare*: *Mi ha fatto una sgridata, mi ha fatto (dato) una lavata di capo* (С.—М.).

Место глагола *dare* могут занимать его более экспрессивные синонимы: *Il cane gli affibbiò un morso nel corpo* (San. 13); *Miliani gli tirò una spinta* (San. 145).

Абстрактные существительные с суффиксом *~ata*, продуктивным лишь в пределах этой модели, образуются не только от глагольных, но и от именных корней. В последнем случае исходное существительное обозначает часть тела или предмет, которым наносится удар: *Ci affibbiarono due pedate e via* (San. 20); *Mi dette una occhiataccia e andò via* (San. 27); *diede una capata (zuccata) in uno spigolo* (С.—М.); *gli diede una bastonata, una frustata, gli diede una manata protettiva sulla spalla*.

При замещении глагола *dare* наречием *giù*, получающим предикативную функцию, образуется экспрессивный вариант конструкции: *Si mise in posa, attaccò il rasoio a una basetta e giù una rasoiata da vetta alla gota fino in fondo* (San. 150); *e giù legnate, e giù botte da orbi*.

6. Модель предикатов каузации отношений восприятия включает трехвалентные глаголы *mostrare*, *indicare* и аналитические формы: *far vedere* (синоним *mostrare*) и *far sentire*, предполагающие непосредственный контакт субъекта действия и «зрителя» или «слушателя».

7. Модели предикатов каузации психической реакции.

а) Модель предикатов каузации знания включает так называемые *verba dicendi*, т. е. общий глагол непосредственной каузации *dire* и его семантически осложненные синонимы — *chiedere* (*dire+volere sapere* или *dire+volere avere*), *domandare*, *rispondere*, *promettere* (*dire ad alcuno il proprio volere di dargli o di fargli cosa gradita o utile* (С.—М.)). Каузация суждения (мысли, знания) не предполагает обязательного контакта между отправителем и получателем информации и не всегда связана с конкретным актом говорения. Значение косвенной каузации может быть выражено целым рядом простых лексем, которые имеют, как правило, аналитический синоним: *comunicare*, *informare* (*far sapere*) *insegnare* (*far imparare*), *insospettire* (*mettere in sospetto*), *impensierire* (*mettere in pensiero*).

Аналитические формы все без исключения обозначают косвенную каузацию. Они образуются по трем моделям:

1) от трехличных простых глаголов, путем сочетания с *fare*: *far sapere*, *far capire*,

2) от трехличных аналитических предикатов *essere+N₅ abstr.* — (*io sono in dubbio, in pensiero*) путем замены строевого глагола *essere* на *mettere*: *Questo mi mette in sospetto, in dubbio, in pensiero*.

3) от одноличного предиката «непроизвольного» действия — *mi viene un dubbio, un sospetto, un pensiero* — *Questo mi fa venire un dubbio, un sospetto, un pensiero*.

б) Первичная модель предикатов каузации аффекта отличается от модели каузации знания прежде всего тем, что она двухместна: *N₁ spaventa N₂*. Эта особенность ее грамматической структуры объясняется семантическими свойствами объекта аффективной реакции, который является одновременно ее причиной. Поэтому каузативная конструкция представляет собой лишь чисто залоговую трансформацию соответствующей некаузативной: *ho paura di questo — questo mi fa paura; questo mi meravaglia — mi meravaglia di questo*. Семантическая структура субъектно-предикатных отношений при этой трансформации не меняется и семантическая функция субъекта не переносится на другое предметное понятие, а сохраняется за формальным дополнением *N₂* или *N₃*.

Помимо двухвалентности, эта группа предикатов имеет следующие формальные характеристики, связанные с ее семантическими особенностями:

1) Поскольку каузация аффекта всегда является косвенной, т. е. не материальной, почти все простые каузативы имеют полный аналитический синоним, несмотря на несимметричность лексемы. Так, возвратному косвеннопереходному глаголу психической реакции *spaventarsi*, *meravigliarsi*, *disperarsi* соответствуют каузативы *disperare* и *far disperare*, *spaventare* и *far spaventare* (*Quasi sento il rimorso di averlo fatto spaventare quella sera. Gian. 7 = di averlo spaventato*).

2) Каузативы, как синтетические, так и аналитические являются синонимами своих некаузативных возвратных или одноличных непереходных аналогов, что доказывается их свободной взаимозаменяемостью при дополнительных придаточных или инфинитивах, выражающих семантический объект/причину: *io mi meraviglio che = mi meravaglia che = mi fa meravaglia che = io mi fo meravaglia che* (*Mi fa meravaglia che ancora non si sia rotto il collo — mi fo meravaglia di sentirti ora parlar così. С.—М.*); *mi piace vederlo = io ho piacere di vederlo = mi fa piacere vederlo*. (Ср. то же и по-русски: «Я рад, что... = мне радостно, что... = меня радует, что...»). Эквивалентность каузатива и некаузатива подтверждается сопоставлением переводов: итальянский каузатив с семантическим субъектом в позиции дополнения иногда передается по-французски глаголом с семантическим субъектом, оформленным как подлежащее: *Mi rallegrava invece il viaggio, la possibilità di vedere quei luoghi* (Levi, Cristo, 11) — *Je me réjouissais, par contre, du voyage, de la possibilité de voir ces lieux* (Levi, 11).

Таким образом, смысловая оппозиция каузативных форм некаузативным в семантической сфере аффективных реакций оказывается нейтрализованной. В результате этой нейтрализации само различие между семантическим субъектом и семантическим объектом в значительной мере стирается. Неудивительно поэтому, что субъект аффективной реакции является единственным семантическим актантом, способным занимать те же синтаксические позиции, что и ее объект, т. е. *N₁, N₂, N₃*.

Для образования аналитических форм этих квазикаузативных предикатов используются следующие модели:

1) *N₁ fa N₂ abstr. a N₃*: *Questo mi fa paura, fa impressione, fa meravaglia, fa piacere, fa compassione, fa ribrezzo, fa dispetto*.

2) *N₁ dà N₂ abstr. a N₃*: *Questo mi dà fastidio, dà noia, dà soddisfazione*.

3) *N₁ mette N₂ abstr. a N₃*: *Un omone così brutto che metteva paura soltanto a guardarlo* (Pin. 34); *Quest'idea... gli mise addosso tanta malinconia che...* (Pin. 97); *I tuoni mi mettono addosso il nervoso* (Gian. 21).

в) Каузативы от предикатов воли — необходимости не образуются, так как классемы воли и каузации несовместимы.

8. Модели предикатов каузации каузативных отношений включают только аналитические предикаты типа *fare + инфинитив*.

Каузативы, образованные от каузативов абсолютного признака, трехвалентны — *O ragazzi, mi fo far la barba da Silvano, andate a far suonare un doppio a morte dal prete perché mi scanna* (San. 147). Каузативы других каузативных подклассов потенциально четырехвалентны, хотя позиция каузировавшего производителя действия, как правило, остается незамещенной: *vuoi che suoni il campanello e ti faccia portare* (da *N₄*) *un aperitivo?* (Bassani, 214).

Все «двойные» каузативы выражают отношения косвенной каузации. Если подлежащее *N₁* — лицо (инициатор), они обозначают

приказ или просьбу и могут быть легко разложены на две предикативные единицы: глагол волеизъявления в главном предложении и «одинарный» каузатив в придаточном дополнительном: *andate dal prete e ditegli che suoni un doppio a morte*. Равнозначность более конденсированной формы двойного каузатива и конструкции с придаточным предложением доказывается их взаимозаменяемостью при переводах с одного романского языка на другой, например, с итальянского на испанский: *Per piacere, faccia dare un po' di luce* (Pirand. 31) — *Diga che nos den luz* (Pirand. 42).

Если подлежащее — неодушевленное или абстрактное понятие (причина), двойной каузатив разлагается на два предиката, связанные союзом причины: *questo gli è quello che mi fa guadagnare la giornata* (San. 127) — *io guadagno la giornata perché faccio questo*.

При подлежащем — причине семантический субъект оформляется как косвенное дополнение N_3 : *era il veleno che le faceva fare quel lavoro* (San. 60).

При подлежащем — лице семантический субъект инфинитива имеет две формы — N_3 и N_4 : *il laccio lo faccio fare al mio babbo che li fa meglio di me* (San. 62) — *io cercherò di farti perdonare anche dal tuo babbo* (Gian. 27). Неустойчивость оформления функции «каузирования агента действия» связана с ее семантической пограничностью: агент действия всегда активен, но каузированный агент теряет, очевидно, часть собственной инициативы⁵⁴.

Все аналитические каузативы, помимо формы *fare+inf.*, имеют также форму *lasciare+inf.*, которая в семантическом отношении представляет собой антоним первой. По формуле Теньера антикаузатив⁵⁵ *lasciare+inf.* производится от *fare+inf.* путем следующих операций: *fare sì che entri=far entrare*; *fare sì che non entri=impedire di entrare*; *non fare sì che non entri=non impedire di entrare=lasciar entrare*. Различие между обоими каузативными формантами очевидно из следующего примера: *Io piglio una canna e lo fo allontanare dal buco... dopo due metri lo lascio andare come va va* (San. 25).

При отрицании различие между каузативом и антикаузативом нейтрализуется и обе аналитические формы становятся синонимами: *non lasciar entrare=non far entrare* (С.—М.).

При антикаузации произвольного признака у глагола *lasci-*

⁵⁴ По вопросу об оформлении агента (точнее, каузированного агента) в виде дательного дополнения существует обширная литература, в основном посвященная поискам латинских прототипов этой формы и установлению аналогических влияний различных лексем волеизъявления на лексему *fare*. См. обзор библиографии в статье: E. De Felice. La preposizione «a». «Studi di filologia italiana», 1958, vol. XVI, pp. 363—381.

⁵⁵ Термин «антикаузатив», по-видимому, целесообразнее применять к антониму каузатива (*lasciare*), входящему в семантический класс каузативов, а не к некаузативной исходной лексеме, как это делается в сборнике «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив». Л., Изд-во АН СССР, 1969, стр. 20, 25.

аге устраняется или затушевывается семантический компонент «воли», так что форма *lasciare+inf.* оказывается синонимичной предикатам произвольного действия, построенным по одной личной модели: *La zia... s'era lasciata cascar di mano la brocca dell'acqua* (Gian. 26) = *Alla zia cascò di mano la brocca dell'acqua*. Два разных способа выражения одного и того же семантического содержания отличаются лишь по чисто залоговому признаку.

Подводя итоги анализу предикативных моделей в их соотношении с семантическими структурами предикатов, можно отметить, что все классы предикатов, за исключением предикатов лотализации⁵⁶, обладают формами семантической трансформации, служащими для перевода предикатов в данный семантический класс. В классе предикатов абсолютного признака эту функцию выполняют обе его первичные модели: N_1 и $N_1 V$. В классе предикатов неактивных относительных признаков существуют две трансформационные модели: $N_1 vede+inf.+N_2(+N_5)$ и $aN_3 succede, capita, riesce+di+inf. (+N_2, +N_3, +N_5)$. В классе каузативов эту роль выполняют модели $N_1 fa+inf. (+N_2, +N_3+N_4+N_5)$ и $N_1 lascia+inf., (+N_2, +N_3, +N_4, +N_5)$. Как видно из этого перечня, все трансформационные модели (за исключением $N_1 V$) имеют аналитическую форму сказуемого.

Трансформационные модели находятся во взаимно однозначном соответствии со своим общим категориальным смыслом и не имеют поэтому вторичных функций.

Напротив, все модели с простым глагольным сказуемым (за исключением $N_1 V$) не закреплены однозначно за своими первичными смысловыми структурами и могут выступать в качестве форм семантической модуляции «чужих» семантических классов.

Соотношение между смысловыми классами предикатов и моделями с простым сказуемым можно представить в следующей схеме (стр. 112), где клетки, находящиеся на пересечении смысловых структур с их первичными формами, обведены жирной чертой, а непродуктивные вторичные формы отмечены звездочкой:

Эта схема позволяет заметить следующие закономерности:

1. Самый простой семантический класс — класс абсолютных предикатов располагает наибольшим количеством вторичных форм, отмечающих различные семантические модуляции, в то время как собственная первичная форма $N_1 V$ не может использоваться в «чужих» семантических структурах и сама выступает как средство превращения относительных предикатов в абсолютные ($N_1 pensa che...—N_1 pensa molto$; $N_1 mangia una mela—N_1 mangia molto$). Характерно, что абсолютные трансформации относительных предикатов подвергаются тем же семантико-формальным модуляциям, что и первичные абсолютные, т. е. непеременные, предикаты: *è in pensiero, fa una pensata*).

⁵⁶ Это исключение объясняется тем, что значение пространственного отношения слишком конкретно и не может быть распространено на другие семантические структуры.

Значения	Ф о р м ы					
	N ₁ V	N ₁ Vi in N ₆ (essere)	a N ₃ Vi N ₁ (venire)	N ₁ Vi N ₂ (avere)	N ₁ Vi N ₂ (fare)	N ₁ Vt N ₂ in N ₆ (mettere)
Абсолютные предикаты	N ₁ brucia. N ₁ dorme. N ₁ si ammala. N ₁ pensa	N ₁ è in famiglia. N ₁ è in crisi. N ₁ è in pensiero	a N ₃ viene sonno. a N ₃ viene un pensiero	N ₁ ha sonno. N ₁ ha un pensiero.	N ₁ fa una dormita (una pensata) N ₁ fa il malato.	*N ₁ mette giudizio
Относительные локальные предикаты		N ₁ è in casa. N ₁ cade in terra	a N ₃ cade la cartella di mano.	N ₁ occupa tutta la casa.	N ₁ fa un passo verso N ₅	*N ₁ mette le radici in N ₅
Относительные нелокальные неактивные предикаты			a N ₃ mancano libri. a N ₃ piace una persona.	N ₁ ha un libro N ₁ ama una persona.	*Quanti abitanti fa quel paese?	Il bambino ora mette i denti. N ₁ lo mette in dubbio.
а) Каузация бытия и др. абсолютных признаков					N ₁ scrive una poesia.	N ₁ mette in iscritto una poesia.
б) Каузация локальных отношений						N ₁ mette il libro sulla tavola.
в) Каузация принадлежности						N ₁ dà il libro a un uomo

Каузативные предикаты

2. Наиболее сложные семантические классы каузативов (последний и предпоследний на схеме) не имеют вторичных форм, зато их собственные формы обладают наиболее разнообразной смысловой нагрузкой и могут в своих вторичных функциях обслуживать все прочие семантические классы.

Как показывают вертикальные ряды схемы, степень многозначности формы возрастает по мере увеличения семантической сложности ее первичного значения. Как показывают горизонтальные ряды схемы, степень полиморфии семантических структур убывает по мере их усложнения.

3. С формальной точки зрения вторичные формы противостоят первичным или как аналитический эквивалент лексемы простой лексеме (N₁ pensa — è in pensiero), или как менее частотная форма более частотной (N₁ è in casa — N₁ occupa la casa). Иногда форма, вторичная для данного класса в целом, может оказаться единственно возможной или наиболее частотной для отдельных лексем этого класса, как например, формы N₁ è in crisi, N₁ ha fame в составе абсолютных предикатов.

4. С функциональной точки зрения первичные и вторичные формы данного класса соотносятся а) как свободные варианты (редко): è coraggioso — ha coraggio; б) как синтаксически обусловленные варианты: è malato — ha una malattia incurabile; в) как лексически обусловленные варианты, закрепленные за различными лексемами: N₁ ha freddo — N₁ trema (так же соотносятся обе первичные формы — непереходная и переходная — у предикатов неактивного контакта: a N₃ piace questa persona — N₁ ama questa persona); г) как семантические варианты — более простой (первичная форма) и более сложный, нагруженный добавочными смысловыми оттенками (вторичные формы): N₁ affila il rasoio — N₁ dà un'affilata al rasoio.

Добавочные оттенки, выраженные вторичными формами, могут быть чисто видовыми (dorme — prende sonno), экспрессивно-видовыми (fa una dormita) и модально-видовыми (gli viene sonno).

5. Употребление данной формы во вторичных функциях всегда связано с внешними (синтаксическими) и внутренними (семантическими) изменениями ее структуры. Первые изменения затрагивают валентные свойства глагольной лексемы и количество возможных мест в конструкции, например, устранение факультативной позиции обстоятельства цели в конструкции N₁ fa una dormita, устранение обязательной позиции N₃ в конструкции N₁ prende sonno, преобразование позиции N₅ в N₃ при глаголе venire: a N₃ viene sonno.

Семантические признаки вторичных функций модели заключаются в изменении класса имен, замещающих синтаксические позиции. Так, замена одушевленного актанта неодушевленным в позиции N₃ переводит форму N₁ dà N₂ a N₃ в класс каузативов лока-

лизации (N_1 dà la colla alla carta). Вместе с тем было бы ошибочным полагать, что любое изменение семантического класса имени вызывает появление новой семантической функции у данной предикативной конструкции. Так, для абсолютных предикатов замещение позиции N_1 одушевленным или неодушевленным существительными никак не влияет на общее категориальное значение конструкции. Столь же безразличной для семантической структуры конструкции N_1 ha N_2 является замена существительного — лица одушевленным существительным — не лицом (или наоборот) в позиции N_2 : N_1 ha un fratello — N_1 ha un asino⁵⁷. Несмотря на то что смысл отношений выраженных глаголом «иметь» в обоих случаях не идентичен, это различие не столь велико, чтобы помещать отнести обе конструкции к одному подклассу предикатов принадлежности.

Изменение семантического класса или подкласса предикатов происходит, как правило, в том случае, если в именных позициях той или иной модели конкретное существительное заменяется абстрактным (gli viene un'idea; egli ha un raffreddore, egli fa un salto, egli lo mette in dubbio).

Переосмысление ведущего («строгого») глагола той или иной парадигмы и всей конструкции в целом возможно также и при конкретных существительных во фразеологических сочетаниях, например, il bambino mette i denti, quanti abitanti fa quel paese?

6. Степень семантико-синтаксической членимости форм в их первичных и вторичных функциях не одинакова. В первичной функции форма представляет собой свободное сочетание слов, тогда как во вторичных функциях она всегда образует слитную устойчивую единицу.

7. Степень продуктивности форм в их первичных и вторичных функциях также различна. В первичной функции форма объединяет открытый ряд предикатов, имеющих одинаковую семантическую структуру. Во вторичных функциях форма может также допускать открытый ряд аналогичных образований (N_1 fa una risata), но чаще всего ее продуктивность скована случайными и нерегулярными ограничениями (так, говорят N_1 prende sonno, prende fuoco, prende una malattia, prende una abitudine — но нельзя сказать N_1 prende fame, prende un salto). В отдельных случаях форма во вторичной функции объединяет закрытый (считаемый) ряд аналогичных образований (il bambino mette i denti, l'uccellino mette le ali, l'albero mette le foglie) или включает лишь одну не-

⁵⁷ Примеры заимствованы из статьи: E. T. Saronne. Per un'analisi semantico-strutturale dell'italiano. «Lingua e stile», 1968, n° 3, p. 260, где две фразы «У него есть брат» и «У него есть осел» определяются как «синтаксические омонимы, имеющие одинаковую синтаксическую структуру, но различную семантическую структуру». Очевидно, понятие «семантической структуры» предложения может быть отнесено только к синтаксически релевантным комбинациям наиболее общих смысловых компонентов, изменение которых отражается так или иначе на синтаксической форме.

повторимую комбинацию лексем (N_1 non mette più piede in questa casa), образуя фразеологическую единицу.

8. Наконец, первичные модели почти каждого предикативного класса и подкласса совпадают по своей грамматической и смысловой структуре во всех европейских языках. Они представляют собой древний фундамент языковой системы итальянского языка, очевидно, не подвергавшийся изменениям на протяжении его истории. Напротив, вторичные формы все сугубо идиоматичны, и только некоторые из них могут иметь буквальные соответствия в близкородственных языках.

СЕМАНТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 1. ФОРМЫ УСТРАНЕНИЯ КОНКРЕТНОЙ ИНФОРМАЦИИ О СЕМАНТИЧЕСКОМ СУБЪЕКТЕ (НЕОПРЕДЕЛЕННО-СУБЪЕКТНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ)

Понятия *бессубъектность*, *безличность*, *неопределенность лица* обозначают «устранение из мысли положительных признаков («наличность подлежащего», «определенность лица»)»¹. Поэтому эти понятия А. А. Потебня называет «непервообразными», а формы их выражения рассматривает как производные (т. е. преобразованные).

Безличные, точнее, бессубъектные, конструкции следует отличать от конструкций, в которых отсутствуют лишь конкретные сведения о субъекте. Безличность соответствует синкретическому представлению о субъекте и предикате («светает», «дождь идет»), так что преобразование личных конструкций в безличные устраняет не только конкретную, но и дискретную информацию о субъекте и приводит к изменению элементарной семантической структуры конструкции, т. е. ее семантического класса. («Люди работают» — «Идет работа»).

Напротив, преобразование личного предложения в «неопределенно-личное» или «обобщенно-личное» не изменяет его элементарных смысловых компонентов, поскольку подобные трансформации, возможные лишь при субъекте — лице, не устраняют представления о субъекте как об отдельном понятии, соотношенном с человеческим существом, а не с предметом или с животным. («Мы решили, что...» — «было решено, что...», *Mio padre ride — si ride; Il ragazzo ha rubato un panino — è stato rubato un panino.*)

Как уже было сказано, наибольшей степенью определенности и конкретности обладает сам субъект акта коммуникации — «Я», который характеризуется как 1) отличное от предиката понятие,

¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. т. III. М., «Прогресс», 1968, стр. 317.

2) человеческое существо, т. е. «лицо», 3) лицо, точно локализованное во времени и в пространстве, 4) лицо единичное, 5) лицо определенного пола, 6) лицо индивидуальное, т. е. обладающее неповторимой комбинацией конкретных свойств, и т. п.

Первые две характеристики при неопределенно-субъектной трансформации сохраняются. Нейтрализация всех прочих характеристик составляет содержание «лица вообще», т. е. «нейтрального лица», которое при предикатах, где подчеркивается отнесение факта ко всем временам, принимает значение обобщенного лица («*Per me si va nella città dolente*»).

В тех случаях, когда нейтральное лицо получает в составе предиката временную и локальную конкретизацию, но лишено других уточняющих характеристик, мы можем говорить, очевидно, о неопределенности лица («*Мне сказали, что...*» — «*Mi hanno detto che...*»).

Грамматические формы предложения, отмечающие «нейтрализацию» («деконкретизацию») семантического субъекта, употребляются в следующих реальных ситуациях:

- 1) субъект представляет собой любого человека или всех людей вообще;
- 2) субъект неизвестен собеседникам или только слушателю;
- 3) субъект известен из ситуации или из предыдущего контекста, и поэтому упоминание о нем излишне;
- 4) субъект представляет собой самого говорящего («я») или говорящего и его компанию («мы»).

В современном итальянском языке существует пять видов неопределенно-субъектной трансформации, служащей для выражения «деконкретизации» субъекта.

1. Первый прием состоит в использовании формы 2 л. ед. или мн. ч. в сочетании с вневременной характеристикой предиката, где второе лицо утрачивает свою соотношенность с «конкретным собеседником» и приобретает обобщенно-личное значение: *Se entri in uno di quei tuguri, vedi trascinarsi sul pavimento nella fetida penombra quei grossi scarafaggi* (Malaparte, 39).

Обобщенность субъекта в этой фразе могла бы быть выражена в итальянском языке также и возвратной формой глагола; во французском же переводе здесь мы находим личный местоименный показатель нейтральности лица субъекта «оп»: *Si l'on entre dans une de ces tanières, on voit ramper sur le sol... ces gros cafards à tête énorme* (Malaparte, 43).

Второе лицо ед. числа как форма деконкретизации субъекта может относиться не только к обобщенному лицу, но и к первому лицу (автору, говорящему), как, например, в первой фразе рассказа М. Зощенко «Страшная ночь»: «Пишешь, пишешь, а для чего пишешь — неизвестно» (Избранные повести. М., 1936, стр. 108) — *Scrivi, scrivi, ma non sai perché scrivi* (M. Zošcenko. Racconti sentimentali. Bari. 1968, p. 121).

Для нейтрализации (деконкретизации) первого лица в итальянском языке часто употребляется также неопределенное местоимение *uno*: *No girato abbastanza il mondo... ma è per questo che uno si stanca e cerca di mettere radici* (Pavese, Luna, 9).

2. Другой формой выражения деконкретизации субъекта — лица, единственно возможной для одноличных конструкций $aN_3 Vi N_1$, является устранение позиции N_3 : *E'dunque necessario avere un'opinione sulla sede degli indeuropei* (Devoto, 4). Хотя наряду с «è necessario» существует конструкция «*mi è necessario*», незамещение позиции N_3 в цитированной фразе не эквивалентно эллипсису именного члена, так как он не может быть однозначно восстановлен из предыдущего контекста.

Некоторые глагольные и именные лексемы, специализировавшиеся в составе одноличной модели, не допускают замещения позиции N_3 , т. е. всегда выступают как формы с нейтрализованным субъектом — лицом: *bisogna, è probabile, è obbligatorio, è certo* и т. п. (Семантический субъект при этих сказуемых может занимать только периферийную позицию вводного слова: *per me, per conto mio, secondo me, da parte mia*.)

Одноличная конструкция с устраненной позицией лица N_3 может быть отнесена не только к «обобщенному субъекту», как в цитированном выше примере, но и к самому говорящему или протагонисту, известному и очевидному из контекста: *La voce leggermente nasale del nipote portava una tale carica di brio giovanile che era impossibile arrabbiarsi; sorprendersi, però, poteva forse esser lecito* (Gattop. 23); *Verrebbe voglia di rispondere che quei grammatici e quei retori si chiamarono Lorenzo Valla e Leon Battista Alberti* (Garin. L'Uman. 9).

3. Для трехличных конструкций в качестве формы, передающей неопределенность субъекта, функционирует 3 л. мн. ч. с устраненной позицией подлежащего N_1 . В отличие от русского языка, где аналогичная форма обладает в сфере устранения информации о субъекте широким функциональным диапазоном, в итальянском 3 л. мн. ч. может обозначать нейтральный или обобщенный субъект только при глагольной лексеме «*dire*»: *E poi dicono che sono dispettosi i ragazzi!* (Gian. 74) — «А еще говорят, что мальчики раздражительны!» Во всех прочих случаях, и, естественно, также при глаголе *dire*, 3 л. мн. ч. с устраненной позицией N_1 служит для выражения количественной и индивидуальной неопределенности лица или лиц, совершающих действие, точно локализованное во времени и в пространстве: *Ci trasportò tutti e due all'ospedale dove a Cecchino ingessarono la gamba destra e a me il braccio sinistro. Io non mi potevo muovere e dovettero accompagnarci a casa in lettiga* (Gian. 88). *Te lo hanno detto, a scuola, chi erano gli etruschi?* (Bassani. 13); *Non ti ammazzano mica a farti i capelli* (San. 146). *Mi fecero largo e me ne andai solo* (Levi. Cristo. 16). Во французском, где подобная форма выражения неопределенности лица отсутствует, мы находим универсальный показатель ней-

тральности лица «*on*», как в переводе последней фразы: «*On s'écarta et je m'en allai, seul* (Levi. Cristo. 16).

Следует отметить также, что форма 3 л. мн. ч. в итальянском не может употребляться для нейтрализации лица говорящего, а также определенного единственного или множественного субъекта, известного обоим собеседникам или упомянутого в предыдущем контексте (в отличие от русского: «тебе говорят!»). Кроме того, эта форма может быть образована, подобно пассивной форме, только от переходных глаголов: *Avevano chiuso la porta ed erano andati tutti nel campo* (San. 21), т. е. «кто-то закрыл дверь и все ушли в поле» (даже без подлежащего «*tutti*» сказуемое «*erano andati*» не могло бы иметь неопределенно-личного значения «кто-то ушел»).

4. «Пассивная» форма, существующая в романских языках только у переходных глаголов, имеет в итальянском языке два варианта, которые лучше было бы определить как две различные формы. Первая состоит из служебного глагола *essere* (или *venire*) + р. II и допускает позицию дополнения агента N_4 : N_1 è (viene) fatto (da N_4). Вторая не допускает позиции дополнения агента и содержит служебный глагол *andare* + р. II: N_1 va fatto.

Обе формы служат для устранения конкретной информации о субъекте в различных контекстуальных условиях и имеют разный функциональный диапазон.

Форма N_1 è (viene) fatto без дополнения агента нейтрализует субъект в следующих ситуациях:

1. Субъект — обобщенное лицо: *I ladri prima o poi vengono scoperti* (San. 141); *Molte aree dialettali... potrebbero essere considerate marginali* (Devoto, 17); *E ripreso dall'antichità classica il concetto della imitazione della natura* (Venturi, 180).

Ситуация подобного рода для пассивной формы мало характерна.

2. Субъект — неизвестное лицо или лица, совершающие действие, локализованное во времени и в пространстве; в этих условиях пассивная форма и форма 3 л. ед. ч. выступают как стилистически обусловленные синонимы: в разговорной речи пассив почти не встречается (в «Тетрадах» на 204 стр. было обнаружено всего пять примеров), тогда как в письменном языке, особенно в публицистике, более употребительна пассивная форма: *Nel porto di Napoli, una notte, fu rubata una liberty ship... fu rubato non solo il carico, ma la nave. Scomparve e non se n'è mai saputo più nulla* (Malaparte, 34).

3. Очень часто субъект, неопределенный как индивидуум, имплицитно характеризуется глагольной лексемой или лексемой дополнения по роду своей деятельности и поэтому не назван как самоочевидный (так, телеграмму может принести только почтальон, арестовать бандита только полиция, перевести ученика в следующий класс только учитель, оперировать больного только врач и т. п.): *Il telegramma mi fu recapitato soltanto il nove* (Levi. Le

parole. 29); Fu istituito un processo... ed essi vennero riconosciuti colpevoli e condannati (Levi. Le parole. 14); Son cinque giorni che sono stato operato (San. 47); Il bandito venne presto arrestato in una imboscata (Levi. Le parole. 29); E tu, sei stata promossa? (Bassani. 51).

4. Субъект, неопределенный как индивидуум, принадлежит к строго определенной группе лиц, известной из предыдущего контекста или из ситуации (школа, семья, место работы и т. п.): Nell'atrio del Guarini erano stati esposti i risultati degli esami di licenza ginnasiale (Bassani. 45); Un De Profundis per l'anima dello sconosciuto venne aggiunto al rosario serale (Gattop. 13);

5. Субъект — определенное лицо или лица, очевидные из предыдущего контекста и поэтому не названные: Oggi Ada, Luisa e Virginia hanno tormentato tutto il giorno la mamma, perché acconsentisse a dare quella famosa festa da ballo... la mamma ha finito per contentarle e la festa è stata fissata per martedì (Gian. 12); Insomma malgrado le sue insistenze la denuncia non venne ricevuta (Levi. Le parole. 17); E il libro fu venduto lì su due piedi (Pin. 32).

6. Субъект — говорящий или автор: Già più di una volta è stato constatato che (Devoto. 59).

Вторая пассивная форма N₁ va fatto служит только для обозначения обобщенного субъекта, связанного со своим предикатом модальными отношениями необходимости: I cani da caccia non vanno mai dati in mano ai ragazzi... specialmente quando sono giovani vanno tenuti a freno (San. 96). Gli elementi ereditari del latino vanno ordinati in queste categorie (Devoto. 7).

Эта форма не может соотноситься с другими ситуациями и не способна устранять информацию об известном из контекста субъекте или о самом говорящем.

Обязательный обобщенный характер субъекта отражается на временной и личной парадигмах «пассива необходимости», который имеет лишь имперфективные формы времен: *va fatto*, *andava fatto*, *andrà fatto*², и только форму третьего лица³, в отличие от обычного пассива *essere* (*venire*) + р. II, изменяющегося по полной парадигме лиц и времен.

5. Наконец, наиболее универсальным средством выражения деконкретизации субъекта является рефлексивная форма, которая образуется от всех формальных типов сказуемого, за исключением одноличного, и является единственной возможной формой неопределенно-субъектной трансформации для следующих типов сказуемого:

² G. Herczeg. La locuzione perifrastica «andare + participio passato». «Lingua Nostra», 1966, XXVII; A. Leone. Ancora su «andare + participio passato». «Lingua Nostra», 1966, XXVII; V. Lo Cascio. Struttura, funzione, valore di «andare + participio passato». «Lingua e Stile», 1968, n. 3.

³ В имперфективных временах форма *andare* + р. II представляет собой, подобно формам *rimanere* + р. II, видовую модуляцию именного сказуемого, обозначающего абсолютную характеристику субъекта.

а) для простых непереходных глаголов: *si arriva in fondo* (San. 28); *si rimase al buio* (San. 21); *si era giunti a meno di due ore dal termine del viaggio* (Gattop. 38);

б) для всех непереходно-возвратных глаголов: *ci si diresse in corteo* (Gattop. 44) и собственно-возвратных глаголов, при которых местоименная частица *si* занимает позицию прямого дополнения: *Quando ci si è lavati ci si sente più freschi*⁴ (в обоих случаях показатель нейтрализации субъекта «*si*» заменяется на «*ci*»);

в) для всех видов именного сказуемого: *Quando si è muli!* (Chiesa. 276). (В этом случае неопределенно-субъектная трансформация отмечается также обязательной десемантизированной формой множественного числа именной части сказуемого)⁵;

г) для глагола *avere*, который не имеет пассивной формы: *Per scaldarla si ha un bricco* (San. 145);

д) для сказуемых, выраженных аналитическими эквивалентами простых глаголов: *si è in crisi*, *si ha paura*, *si fa il soldato*, *si fa una dormita*.

Возвратная форма нейтрализации субъекта является абсолютно преобладающей

а) при глаголах, обозначающих мысль и восприятие: *Si vide un vitello*; *Non si sa, se sia nato al numero 70 o al 67 di questa via* (Levi. Le parole, 42);

б) при двойных сказуемых типа *vedere* (*sentire*) + *inf.*: *Di lì a poco si vide uscire dalla scuderia una bella carrozzina* (Pin. 60); *Si sentì un'automobile arrivare nel cortile* (Sciascia, 17). Пассивная форма двойного сказуемого *vedere* + *inf.* встретилась в обследованных текстах только один раз: *Un uomo dall'aspetto dimesso, sui cui connotati sono state fornite versioni diverse, era stato visto entrare nello stesso cinema* (L'Unità, 17 marzo, 1970, p. 5).

По отношению к трансформации предикатов различных классов в класс предикатов восприятия (*La barca non tornò più — La gente non vide più tornare la barca*), где к исходной семантической ситуации подключается извлекаемое из реальной ситуации лицо — «наблюдатель» («свидетель»), нейтрализация конкретных сведений о лице — наблюдателе представляет собой частичное возвращение к исходной структуре: *Ma la barca non si vide più tornare* (Pin. 94). В двойном возвратном сказуемом показатели двух противоположных трансформаций «*vedere*» и «*si*» семантически не нагружены и легко устраняются из сообщения. не напу-

⁴ Пример взят из S. Battaglia, V. Pernicone. La grammatica italiana. Torino, 1960, p. 327.

⁵ При неопределенно-субъектном рефлексиве форма мн. числа закрепляется не только за именной частью сказуемого, но и за причастиями, входящими в состав сложных временных форм глагола. См. M. Regula, J. Jernej. Grammatica italiana descrittiva. Bern — München, 1965, p. 193.

шая его смысла: **Si vide apparire** un bolide e venir giù a tutta velocità... poi **passarono** tre Bianchini, tutti uguali (San. 141). Однако, несмотря на необязательность лексем *vedersi* и *sentirsi* в этих условиях, неопределенно-субъектный трансформ *si vede* (*si sente*) + N_1 широко употребителен в итальянском языке и встречается даже при подлежащем (=семантическом объекте) — лице, где показатель трансформации «*si*» подвергается опасности быть понятым как собственно-возвратное или взаимно-возвратное местоимение: *Pinocchio ora si vedeva sparire sott'acqua* (Pin. 95); *Fu una domenica sera che si videro arrivare due giovani, che erano i padroni della capanna* (San. 86); *Si è mai sentito uno sbirro parlare così a un galantuomo?* (Sciascia, 26). Отличие этих форм от омонимичных собственно-возвратных (N_1 *si vedeva morire*, *si senti toccare*) устанавливается из внутреннего контекста предикативной конструкции, т. е. из порядка слов, значения лексемы инфинитива, определенности — неопределенности имени.

Что касается двойного сказуемого типа N_1 *fa* (*lascia*) + *inf.*, оно допускает рефлексивную и пассивную формы нейтрализации субъекта одинаково часто: *Per non lo far piangere, gli si faceva vedere una cosa o l'altra* (San. 146) — *All'animale è stata fatta annusare una scarpa di Mario* (L'Unità, 17 marzo, 1970, p. 5); *Come si è fatto osservare* = *Come è stato fatto osservare*; *Tutti gli ebrei di San Vittore erano stati fatti partire per destinazione ignota* (Ginsb. Lessico, 183).

Рефлексивная форма неопределенно-субъектной трансформации не может быть образована только при подлежащем (=семантическом объекте), выраженном первым или вторым лицом, так как в этом случае возвратная частица всегда сохраняет собственно-возвратное значение. Другими словами, рефлексивная форма нейтрализации субъекта существует только в третьем лице и в этом смысле «однолична», так же как и пассивная форма *andare* + *p. II*.

Рефлексивная форма устранения конкретной информации о семантическом субъекте может применяться в следующих денотативных ситуациях:

1. Субъект неизвестен говорящему, но локализован во времени и в пространстве.

При локальной и временной определенности конструкции возвратная форма, как правило, или не соотносится с неизвестным субъектом (ср. «*fu rubata una nave*», но не «*si rubò una nave*») или при неизвестности реального производителя интерпретируется скорее как показатель самопротекающего абсолютного действия, семантический субъект которого выражен подлежащим: *Si accendono i fuochi nelle case, giungono da ogni parte voci, rumori di asini e di capre* (Levi. Cristo. 20); *Profondi problemi si pongono e cercano la loro soluzione* (Levi. Le parole. 31); *Si preparano grandi cose, zio, ed io non voglio restare a casa* (Gattop. 24).

2. Субъект — лицо вообще, не имеющее определенных ло-

кальных и временных характеристик: *nell'inverno si accende la stufa a legna e in un baleno si riscalda la stanza* (San. 145); *Una parola etrusca «lautn» si traduce comunemente con «liberto»* (Devoto. 58); *Le forbici per fare i capelli si pigliano col pollice e l'anulare* (San. 144); *Disse: «Di qui non si passa»*. E in verità di lì non si passava (Levi. Le parole. 15).

Интересно отметить, что обобщенное лицо часто совмещается с характеристикой «необходимости», которая эксплицитно выражена в специализированной форме пассива N_1 *va fatto* и имплицитно присутствует во всех приведенных выше примерах. В русском языке для обозначения вневременного действия обобщенного субъекта также существует форма, включающая безличные лексемы необходимости: «можно, нельзя, нужно + инфинитив»: «*Di qui non si passa*» — «Здесь пройти нельзя»; *Di qui si risale un altro po' e si ridiscende poi* (Levi. Cristo. 17) — «Отсюда нужно немного подняться, а потом спуститься».

3. Субъект — определенное лицо, очевидное из предыдущего контекста или сам говорящий (автор): *Quando gli si fu fatta mezza testa, entrò il Marchese* (San. 146); *Si è ripetutamente avvertito che...* (Devoto. 59).

4. Субъект — определенная группа лиц, к которой принадлежит сам говорящий или протагонист: *Tutti quanti avevano accettato l'invito con lodevole prontezza. Non solamente si era giocato a tennis, chiacchierato, civettato eccetera, ma si era addirittura ballato* (Bassani. 233); *Per non lo far piangere, gli si faceva vedere una cosa o l'altra* (San. 146).

Поскольку для возвратной формы нейтрализации сведений о субъекте наиболее частотным денотатом является как раз говорящий и его компания («мы»), эта форма получает в разговорном (просторечном) варианте итальянского языка прямое значение 1 лица мн. числа и открывает устойчивую позицию подлежащего N_1 : *poi si fa* = *poi facciamo*. Подлежащее «*poi*» может быть опущено, так что формальные и функциональные границы между определенно-личной просторечной формой *si fa* = *facciamo* и литературной формой *si fa*, обозначающей устранение информации о субъекте (в том числе и определенном), зачастую оказываются неясными, например: *Preparate la roba perché domattina si ammazza il vostro maiale... Vien via, si prepara la tavola per salarlo. Si portò la tavola e si spazzò per bene* (San. 34). Очевидно, это обстоятельство, наряду с общим процессом демократизации литературных норм, способствовало распространению формы *poi si va* в общем разговорном языке, а также в языке писателей — неореалистов: *Perché io e te si sta bene soli, vero, tesoro?* (Cassola, 107); *E noi due si saliva e scendeva con gran bracciate di libri* (Pavese, Novelle. 24).

Текущая граница между омонимами — антонимами *si fa* — («*poi*») *si fa* позволяет заметить взаимодействие между системным

значением формы и ее денотативной функцией в речи: с одной стороны, возвратная форма *означает* устраненность конкретной информации о субъекте и как таковая может быть применена также и по отношению к предикату, субъект которого хорошо известен; с другой стороны, частотность *употребления* этой формы для нейтрализации именно 1 л. мн. ч. сообщает ей новое системное значение, совпадающее с «реальным» содержанием денотата.

Среди всех контекстуальных употреблений разнообразных форм неопределенно-субъектной трансформации ситуация обобщенности субъекта и ситуация его реальной неизвестности являются единственными, где эти трансформы необходимы и употребляются в своем прямом смысле. Напротив, устранение конкретных сведений об известном лице представляет собой уже «стилистический прием», применение которого зависит как от индивидуального намерения говорящего, так и от коллективного выбора, свойственного всем говорящим на данном языке (т. е. от «нормы речи»).

Интересно, что в итальянском языке возможности нейтрализации единичного определенного субъекта гораздо шире, чем во французском, как это показывает сравнение переводов: французский часто восстанавливает исходную определенно-личную конструкцию там, где в итальянском оригинале использован неопределенно-субъектный трансформ. Ср.: Non si poteva fare diversamente (Levi, Cristo, 35) — Elle ne pouvait faire autrement (Levi, Cristo, 36); Un bel giorno (il secondo figlio) era scomparso da casa e di lui non si erano avute notizie per due mesi. Finché non giunse una rispettosa e fredda lettera da Londra, nella quale **si chiedeva scusa** per le ansie causate, **si assicurava** sulla propria salute... (Gattop. 17) — Puis arriva de Londres une lettre froide et respectueuse où **il demandait pardon** pour les angoisses qu'il avait causé, **donnait des nouvelles** rassurantes de sa santé... (Gattop. 26); Il principe se ne pose una (rosa) sotto il naso e gli sembrò di odorare la coscia di una ballerina dell'Opera. Bendicò, cui **venne offerta** pure, si ritrasse nauseato (Gattop. 12) — Bendicò à qui **il présentait** la fleur, fit un saut en arrière, écoéré (Gattop. 19).

Расхождения между языками проявляются не только в речевых нормах, но и в самих микросистемах форм нейтрализации субъекта. Так, во французском и в немецком существует личное субъектное местоимение нейтрального лица — *оп*, *тап*, отсутствующее в русском, в английском, в итальянском. Кроме того, внешне идентичные формы, например, 3 л. мн. ч. с устраненной позицией подлежащего в русском и в итальянском, имеют не одинаковый функциональный диапазон. В общих чертах системные расхождения между языками в этой области можно представить следующим образом (знак +++ соответствует наиболее частотной форме):

Формы	Языки				
	итал.	фр.	русс.	нем.	англ.
3 л. мн. числа	+	—	+++	—	++
Личное нейтральн. местоим.	—	+++	—	+++	—
Устранение позиции N ₃ у одноличн. констр.	+	+	++	—	+
Возвратная форма	+++	+	++	—	—
Пассивная форма	+++	++	++	++	+++

Как показывает эта схема, в большинстве случаев возвратная итальянская форма будет переведена на французский и на немецкий конструкциями с «оп» и с «тап», 3 л. мн. ч. на русский и пассивной формой на английский⁶.

Для точного сопоставительного описания этих микросистем в разных языках необходимо, естественно, учесть функциональные сферы форм и ограничения в их образовании и употреблении.

Для итальянского языка денотативные функции пяти форм нейтрализации субъекта — возвратной (rfl.), пассивной (è + p. II), «пассива необходимости» (va + p. II), 3 л. мн. ч. с устраненной позицией N₁ (3 pers. pl) и устраненной позиции N₃ в одноличных конструкциях (N₃ zero), а также ограничения в употреблении этих форм, зависящие от исходной «определенно-субъектной» формы сказуемого, можно резюмировать в следующей схеме (где редкая форма стоит в скобках):

Исходная форма сказуемого	Денотат		
	обобщенный субъект	неизвестный субъект	известный субъект
Непереходные глаголы N ₁ va, si alza, brucia	rfl.	(rfl.)	rfl.
Именное сказуемое N ₁ è stupido, è un asino	rfl.	(rfl.)	rfl.
Двойное сказуемое N ₁ vede (sente) + inf.	rfl. (è + p. II)	(rfl.) è + p. II	rfl. (è + p. II)
Двойное сказуемое N ₁ fa (lascia) + inf.	rfl. (è + p. II)	(rfl.) è + p. II	rfl. è + p. II
Аналитические сказуемые N ₁ ha paura, fa il soldato	rfl.	(rfl.)	rfl.
Все переходные глаголы, кроме avere	rfl. va + p. II (è + p. II)	(rfl.) è + p. II 3 pers. pl.	rfl. è + p. II
Одноличное сказуемое	N ₃ zero	—	N ₃ zero

⁶ F. B. Agard, R. I. Di Pietro. The Grammatical structures of English and Italian. Chicago and London, 1965, p. 51.

Как видно из этой схемы, сказуемые, выраженные переходными глаголами (за исключением глагола *avere* и практически также *sapere*), обладают по меньшей мере двумя формами устранения конкретной информации о семантическом субъекте — пассивной и возвратной. Кроме того, неопределенно-субъектная трансформация простого или двойного сказуемого, выраженного переходным глаголом или переходным глаголом с инфинитивом, не приводит к устранению грамматической позиции подлежащего N_1 , так что неопределенно-субъектные (или обобщенно-субъектные) по смыслу конструкции по форме являются «определенно-личными» и рассматриваются в грамматиках как «пассивные».

§ 2. ЗАЛГОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Две конструкции *Pinocchio vendè il libro lì su due piedi — Il libro fu venduto lì su due piedi* (Pin. 32) отличаются друг от друга по своему залогу: первая называется «активной»⁷, а вторая «пассивной». Залоговое различие существует и между предложениями: *Il contadino ammazza i vostri maiali—Si ammazzano i vostri maiali*, где возвратная форма отмечает то же преобразование, что и собственно пассивная.

Функцией пассивной и возвратной форм сказуемого является в обоих случаях нейтрализация семантического субъекта⁸, прямое или анафорическое обозначение которого или невозможно или излишне. Устранение конкретной информации о субъекте, основанное или на его объективной неизвестности, или на намеренном умолчании об известном из ситуации производителе действия, переносит всю семантическую нагрузку на само действие и на его объект, которые приобретают в сообщении особенную рельефность.

Когда объектом восприятия или психической реакции субъекта является целая ситуация, выраженная при глаголах речи, мысли, чувства или воли придаточным предложением или инфинитивом, неопределенно-субъектная трансформация предиката модуса не влияет на синтаксическую позицию диктума (см. подробнее часть II), так что сказуемое в пассивной форме остается без подлежащего: *Da domani in là non sarà più permesso a nessuno di seminarvi i denari* (Pin. 71); *Chiese del commissario, gli fu detto che non c'era* (Levi. Le parole. 16); *Si è detto che...* (Devoto. 20).

Если же семантическим объектом действия и соответственно

⁷ Во избежание смешения с понятием активности как целенаправленной деятельности лица, прилагательное «активный» в составе терминов «активная» форма, «активная» конструкция (т. е. «действительная», а не «страдательная»), будет всегда дано в кавычках.

⁸ По странному недоразумению в грамматиках итальянского языка неопределенно-субъектная функция возвратной формы («*si* impersonale») рассматривается как отличная от пассивной («*si* passivante»), см. S. Battaglia, V. Pernicone. Op. cit., p. 328; M. Regula, J. Jernej. Op. cit., p. 193.

прямым дополнением переходного глагола выступает предметное понятие, неопределенно-субъектная трансформация сопровождается перемещением в позицию подлежащего семантического объекта: *Si erano dovuti condurre ellittici negoziati in amministrazione con persone influenti di Girgenti* (Gattop. 41); *In questa ristampa sono stati eliminati alcuni errori* (Devoto, avvertenza).

Сам факт согласования сказуемого с подлежащим, соответствующим семантическому объекту, не отмечает никаких изменений в плане содержания, так что «безличный» пассив («мне было прописано принять это лекарство», *mi è stato ordinato di prendere questa medicina*) и «личный» пассив («мне было прописано это лекарство», *mi è stata ordinata questa medicina*) соотносятся как позиционные варианты плана выражения.

Кроме того, согласование в роде и числе с существительным, обозначающим семантический объект, для пассивной формы вовсе не обязательно, т. е. не несет смысловозначительной функции и является чисто грамматическим «правилом» («*servitùde*»), от которого отказывается, например, итальянское просторечие: *Si sente certi spropositi* (B. M. La lingua nazionale. 336); *Fu sentito i testimoni* (Autobiogr. 220). Это явление, к анализу которого мы вернемся в следующем параграфе, служит доказательством того, что грамматическая форма подлежащего не меняет семантической функции предметного понятия, которое при пассивной форме сказуемого воспринимается как объект действия. Другими словами, пассивная форма сказуемого формально личных предложений указывает, что подлежащее соответствует семантическому объекту⁹. Поскольку подобное определение страдательного залога ничего не говорит нам о смысле «пассивной трансформации», возникает вопрос: какова функциональная сторона так называемой «категории залога» и какие «залог» можно обнаружить в итальянском языке?

Большинство лингвистов, как русских, так и зарубежных, видят основное назначение пассивной формы в подчеркивании неактивности («аффицированности») субъекта или «направленности действия на субъект», который представлен страдательной формой как «испытывающий действие», а действительной (или «активной») формой как «производящий действие»¹⁰. Так же определяет-

⁹ Ср. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., Учпедгиз, 1941, стр. 480: «Страдательный залог показывает, что его подлежащее соответствует психологическому объекту».

¹⁰ См. А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., ИЛ, стр. 153; А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. II. Братислава, 1960, стр. 355; М. М. Гухман. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., «Наука», 1964, стр. 9—12; См. также определения французских лингвистов: L. Tesnière. Op. cit., p. 244: «La diathèse passive est celle où le prime actant subit l'action exercée par l'autre actant»; E. Benveniste. Actif et moyen dans le verbe. «Problèmes de linguistique générale». Paris, 1966, p. 169: «Le contraste qui nous est familier de l'actif et du passif peut se figurer... comme celui de l'action agie et de l'action subie».

ся различие между «активной» и «пассивной» формой глагола в «Грамматике итальянского языка» С. Батталья и В. Перниконе (стр. 276): Secondo la funzione del soggetto rispetto al verbo, i verbi assumono forma attiva o passiva; forma attiva quando il soggetto compie l'azione, forma passiva quando il soggetto subisce l'azione».

Все эти определения, представляющие собой более или менее развернутые парафразы самих терминов «активный» и «пассивный», обладают тем недостатком, что они ничего не определяют. Действительно, субъект как семантический актанта не может испытывать направленное на него действие, так как такой семантической характеристикой обладает только объект действия. (Термин «пассивный субъект» содержит *contradictio in adjecto*). Если же мы внесем уточнение, как это делает, например, М. М. Гухман¹¹, что в данном случае имеется в виду не «реальный» (семантический), а грамматический субъект, т. е. подлежащее, мы совместим понятия разных уровней — грамматического и семантического. Поскольку действие может быть направлено только на реальный объект (непосредственно отраженный в понятии «семантического объекта»), но никак не на грамматическое понятие подлежащего, определение страдательного залога как формы, выражающей «центростремительность действия» или «аффицированность подлежащего» (т. е., так сказать, «его страдание»), описывает грамматическую форму в терминах семантических понятий¹² вместо того, чтобы установить раздельно ее грамматическое значение и ее семантическую функцию.

Сущность страдательного залога как грамматической категории А. А. Шахматов видел в установлении соответствия между подлежащим и «психологическим» (т. е. семантическим) объектом.

Понимание залогового противопоставления как перемещения предметных понятий, связанных определенным отношением, из одной синтаксической позиции в другую мы находим также у О. Есперсена, который указывает на чисто залоговый характер различия между фразами «А предшествует В=В следует за А»¹³.

На основании переноса формы подлежащего с одного предметного актанта на другой при каузативной трансформации предикатов, некоторые исследователи считают двойное сказуемое *fare + inf.* формой каузативного залога¹⁴ (*io guadagno la giornata con questo = questo mi fa guadagnare la giornata*). С таким же правом можно назвать залоговым изменение, вносимое двойным сказуемым *vedere (sentire) + inf.* в исходную конструкцию (*passa*

¹¹ М. М. Гухман. Ук. соч., стр. 9.

¹² См. критику традиционного определения залога в статье: А. А. Холодович. Залог. Определение. Исчисление. В сб.: «Категория залога». Материалы конференции. Ротапринт АН СССР. Л., 1970, стр. 24.

¹³ О. Есперсен. Философия грамматики. М., ИЛ, 1958, стр. 186—187.

¹⁴ См. Е. А. Реферовская. Разрушение конструкции *accusativus cum infinitivo*. В кн.: «Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков». М., «Наука», 1966, стр. 309.

un' automobile — vedo passare un' automobile). Залоговое различие существует, очевидно, и между переходными одноличными структурами типа *mihi est liber* и переходными трехличными типа *habeo librum*¹⁵ (al bambino spuntano i denti = il bambino mette i denti).

Таким образом, залоговое изменение можно определить как перенос грамматической формы подлежащего с одного семантического актанта на другой при неизменной или почти неизменной смысловой ситуации или, что то же самое, как перемещение семантического субъекта из одной синтаксической позиции в другую, в том числе и в нулевою¹⁶.

Нетрудно заметить, что перенос формы подлежащего с одного семантического актанта на другой и соответствующие изменения лексемы и (или только) грамматической формы и валентных свойств сказуемого имеют во всех приведенных выше примерах залоговых трансформаций не одинаковые функции.

Так, трансформация $N_1 Vt N_2 \rightarrow aN_3 Vi N_1$ отмечает обычно модально-видовое изменение в плане содержания (внезапность действия и его независимость от воли субъекта). Каузативная трансформация связана обычно с изменением элементарной семантической структуры предиката (исключение составляют квазикаузативные преобразования предикатов аффекта); то же самое можно сказать и о трансформации типа *passa una macchina — vedo passare una macchina*, так что условие сохранения семантических связей между актантами без изменений, предъявляемое к чисто залоговому преобразованию, здесь не соблюдается.

Очевидно чисто залоговой является описанная в предыдущем параграфе трансформация устранения конкретных данных о субъекте — лице, поскольку перенос формы подлежащего на семантический объект (или вытеснение семантического субъекта из первичной для него позиции подлежащего) не затрагивает элементарной семантической структуры конструкции и сохраняет за актантами их прежние семантические функции.

Как уже было сказано, грамматическим значением пассивной формы сказуемого (собственно пассива и рефлексива) является указание на соответствие формы подлежащего семантическому объекту; основная же семантическая функция этого преобразования грамматической структуры предложения заключается в нейтрализации семантического субъекта — лица, обобщенного, неизвестного или очевидного из контекста. Именно эта функция оказывается наиболее частотной (т. е. первичной) для пассивной кон-

¹⁵ E. Benveniste. «Etre» et «avoir» dans leurs fonctions linguistiques. «Problèmes de linguistique», p. 197.

¹⁶ Об изменении «конфигурации актанта» как трансформации, отмечающей переход от глубинной структуры (прямая номинация) к поверхностной (косвенная номинация) см. В. Г. Гак. К проблеме синтаксической семантики. В сб.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., «Наука», 1969. На ту же тему в том же сборнике: Т. П. Ломтев. Парадигматика предложения на основе конвертируемости отношений.

струкции не только в итальянском, но и в других европейских языках¹⁷.

«Активная» конструкция и ее пассивный трансформ, несмотря на идентичность их элементарной семантической структуры, не являются синонимами, так как различаются по своему конкретному семантическому составу: «активная» конструкция содержит конкретный семантический субъект в позиции подлежащего, «пассивная» конструкция, наоборот, служит для его нейтрализации.

Эта функция пассивной конструкции может быть в свою очередь нейтрализована путем замещения позиции дополнения агента N_4 , возвращающего конструкцию к ее исходному семантическому составу. Пассивная конструкция с дополнением агента является синонимом «активной» конструкции с постпозиционным подлежащим: *Gim era stato preso da qualche cacciatore* (San. 110) = *Gim lo aveva preso qualche cacciatore*. Следовательно, пассивная конструкция в этом случае, подобно ее «активному» синониму, противопоставлена исходной «активной» конструкции с прямым порядком слов (*Il cacciatore aveva preso Gim*) по признаку различия коммуникативной функции семантического субъекта (и объекта). Пассивная трансформация этого типа имеет место чаще всего в составе сложного предложения, где понятие, соответствующее семантическому субъекту, получает две предикативные характеристики, причем в первой субъект выступает в коммуникативной функции «нового» (ремы), а во второй — в функции «данного» (темы): *Queste notizie mi venivano date dall' avvocato P., un giovanotto allegro che si era unito al nostro gruppo* (Levi. Cristo. 23); *Nell' Italia del nord questi rafforzamenti sono riguardati come un' affettazione anche da quelli che pronunciano le altre consonanti rafforzate* (Camilli. 146).

Как известно, пассивная трансформация (с пассивной или рефлексивной формой сказуемого) возникла в европейских языках сравнительно поздно и развилась на основе так называемого «среднего залога», т. е. форм, свойственных абсолютным предикатам, таких, например, как латинский медиопассив на \sim г, возвратная форма непереходных глаголов, сочетание «быть + причастие II», обозначающее состояние (результат законченного дейст-

¹⁷ См. О. Есперсен. Ук. соч., стр. 191, где указывается на следующие наиболее типичные случаи употребления пассивной конструкции в английском языке: а) производитель действия неизвестен или не может быть легко установлен, б) производитель действия очевиден из контекста, в) производитель действия опущен из соображений такта или деликатности. На те же условия употребления пассива в русском языке указывает ученик Потебни А. Попов (Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей. «Филологические записки», тт. II—III, 1880, стр. 174): «Сущность страдательного залога заключается не в претерпевании действия одного предмета другим, а в том, что в страдательном обороте действие представляется как факт, как такое проявление действия, при котором производитель его вполне или в значительной степени игнорируется, т. е. не является грамматическим подлежащим», цит. по кн. Е. М. Галкина-Федорук. Безличные предложения в современном русском языке. Изд-во МГУ, 1958, стр. 251.

вия)¹⁸. Эта диахроническая преемственная связь пассивных трансформов относительных предикатов и первичных форм абсолютных предикатов проявляется в синхронных системах современных языков в виде частичной омонимии (а) возвратных форм сказуемого: *Si passa una matita bagnata sul taglio e il sangue si ferma* (San. 143) (б) аналитических форм сказуемого $\dot{e}+p$ II: *il contadino brigante era ormai ricercato* (Levi. Le parole. 29) — *La minestra era cotta stracotta* (San. 31).

То, что в каждой паре предложений формы сказуемого представляют собой настоящие грамматические омонимы, а не различные контекстуальные значения одной и той же формы, как это полагают некоторые исследователи¹⁹, подтверждается следующими фактами:

(а) Возвратная форма, отмечающая устранение конкретной информации о субъекте, не исключает соотнесенность действия с субъектом — «лицом вообще», по отношению к которому другой актант, занимающий позицию подлежащего, определяется, следовательно, как семантический объект. Напротив, возвратная форма как морфологический показатель непереходности («абсолютности») предиката указывает на протекание действия в сфере субъекта, который представлен своей абсолютной характеристикой как не связанный (или не обязательно связанный) с другим предметным понятием.

Различие элементарной семантической структуры обеих возвратных форм, которое само по себе является достаточным доказательством их омонимии, предопределяет различие их трансформационных возможностей: неопределенно-субъектный возвратный трансформ *si passa una matita bagnata* может быть возвращен к исходной форме относительного предиката — $\langle N_1 \text{ passa una matita bagnata} \rangle$, тогда как рефлексивная форма абсолютного предиката — *il sangue si ferma* — которая для него является исходной, не «переводится» без изменения своей семантической структуры во фразу $\langle N_1 \text{ ferma il sangue} \rangle$.

Омонимия обеих возвратных форм не полная, а частичная, потому что возможность двоякой интерпретации формы возникает только при переходных терминативных лексемах, обозначающих активные относительные характеристики: *fermar(si)*, *romper(si)*, *muover(si)*, *accender(si)*, *alzar(si)*, *aprir(si)*. При переходных дуративных лексемах, обозначающих главным образом неактивные

¹⁸ См., например, В. Delbrück. Vergleichende Syntax der idg. Sprachen, t. II. Strassbourg, 1897, pp. 417—433, а также Е. Benveniste. Op. cit., p. 169.

¹⁹ См., например, F. Brunot. La pensée et la langue. Paris, 1922, p. 366: «Pour suppléer à la conjugaison passive absente on emploie le p. II (ici) passif, joint aux formes du verbe être. Cette construction où entre le p. p. conjugué avec être ne diffère pas essentiellement d'une proposition attributive»; S. Gili y Gaya. Curso superior de sintaxis española. México, 1943, cap. IX: «Una oración pasiva con o sin expresión del ablativo agente es simplemente una oración atributiva. Entre «esta mujer es hermosa» y «esta mujer es admirada» no existe ninguna diferencia gramatical».

относительные характеристики, возвратная форма имеет обычно только одну интерпретацию (если не учитывать собственно-возвратного ее значения): *le cifre non si videro più, il rumore non si sente, si aspetta una persona, si ricordi la storia, il costruito si considera passivo, la disgrazia si era sopportata come le altre* и т. п.

Кроме того, омонимия возвратных форм не распространяется на всю личную парадигму сказуемого, но ограничена лишь третьим лицом, так как возвратные непереходные (абсолютные) глаголы имеют полную личную парадигму (*io mi alzo, tu ti alzi, egli si alza*), тогда как пассивный возвратный трансформ одноличен: *si alza una mano*.

В третьем лице при терминативных лексемах различие между возвратными омонимами отмечается обычно порядком слов: непереходно-возвратная форма абсолютного предиката сохраняет часто прямой порядок слов, тогда как пассивный возвратный трансформ сопровождается в большинстве случаев инверсией подлежащего: *il sangue si ferma, la molla si rompe, il ragazzo si alza — si accende la stufa, si portò la tavola, domattina si ammazza il maiale; Si presero due canne e si misero in forma di croce* (San. 135); *Immediatamente si aprirono tutti e due gli sportelli dello scompartimento e cinque o sei impiegati vi entrarono dentro* (Gian. 93).

(б) Различие между собственно-пассивной формой $\dot{e} + p. II$ и формой $\dot{e} + p. II$, обозначающей состояние, проявляется в несовпадении их временных парадигм: первая, будучи аналитической формой глагольного сказуемого, изменяется по полной парадигме времен, вторая же, представляющая собой именное сказуемое, лишена перфективных форм, видовые оттенки которых несовместимы со статической абсолютной характеристикой (так, конструкция $N_1 \dot{e} stato rotto$ может быть понята только как «пассивная»). Таким образом, частичная омонимия обеих форм имеет место только в имперфективных временах, где специфическая характеристика глагола — временная ограниченность — оказывается нейтрализованной.

Помимо имперфективности временной формы, существует еще одно условие совпадения формы пассива с формой именного сказуемого: необходимо, чтобы глагольная лексема, от которой образовано причастие, заключала в своем содержании предел, т. е. результат действия, который мог бы быть интерпретирован как новое временное состояние предмета или лица: $\dot{e} acceso, \dot{e} appeso, \dot{e} bagnato, \dot{e} chiuso, \dot{e} rotto, \dot{e} meravigliato, \dot{e} sorpreso, \dot{e} imparauro$. С причастиями, образованными от дуративных (непредельных) глагольных лексем, конструкция сохраняет всегда значение динамического процесса, а следовательно, и значение «пассива»: $\dot{e} amato, \dot{e} stimato, \dot{e} considerato, \dot{e} conosciuto, \dot{e} ascoltato, \dot{e} ricercato, \dot{e} seguito$.

Как известно, в испанском и в немецком вся парадигма пассива противопоставлена формально парадигме «состояния» не

только по количеству временных форм, но и по типу служебного глагола (*werden — sein, ser — estar*). Итальянский язык в этом случае использует более «экономно» смысловозначительные средства: служебный глагол *venire*, подчеркивающий динамический характер признака и, следовательно, пассивное значение формы, употребляется только в простых временах и только при терминативных причастиях, т. е. в тех условиях, где возможна нейтрализация смыслового противопоставления пассивной формы переходного глагола и именного сказуемого состояния. Все же замещение служебного глагола *essere* глаголом *venire* не обязательно даже и в этих условиях, где оба глагола выступают как свободные варианты: *Fu istituito un processo contro quattro dei suoi sorveglianti aguzzini... ed essi vennero riconosciuti colpevoli e condannati* (Levi. Le parole. 14); *I modesti preparativi erano fatti con calma e quasi con indifferenza... I preparativi che venivano fatti non avevano nulla di diverso da quelli di una comune festa per un santo* (Levi. Le parole. 41—42).

Итак, парадигма пассивной формы глагола отличается в итальянском языке от парадигмы именного сказуемого также чередованием глаголов *essere* и *venire* в простых временах:

Времена	Форма	
	Пассивная форма	Именное сказуемое
Presente	<i>è (viene) fatto</i>	<i>è fatto</i>
Passato prossimo	<i>è stato fatto</i>	—
Futuro	<i>sarà (verrà) fatto</i>	<i>sarà fatto</i>
Futuro anteriore	<i>sarà stato fatto</i>	—
Passato remoto	<i>fu (venne) fatto</i>	—
Imperfetto	<i>era (veniva) fatto</i>	<i>era fatto</i>
Trapassato pross.	<i>era stato fatto</i>	—
Trapassato rem.	<i>fu stato fatto</i>	—
Futuro nel pass.	<i>sarebbe stato fatto</i>	—

При совпадении обеих форм в простых имперфективных временах и при терминативных причастиях средством дифференциации омонимов служит «внешний контекст» конструкции, т. е. ее совместимость или несовместимость с различными периферийными позициями. Так, именное сказуемое статического признака предполагает прежде всего распространение обстоятельства образа действия, уточняющими качественную, материальную сторону характеристики (*è fatto bene, è fatto di mattonie fatto a mano*); напротив, пассив как глагольная форма, обозначающая динамический признак, открывает факультативные позиции обстоятельства времени и места: *In questo elenco sono messe a fronte una testimonianza personale dell'uso vivo per la parte romana e una registrazione di pronunzie documentate dai lessici per la parte fiorentina colla conseguenza che... è data come pronunzia fiorentina quella*

cristallizzata nei dizionari (Camilli. 158); Le sue idee sull'arte sono espresse sporadicamente nelle sue lettere (Venturi. 152).

Таким образом, трансформация нейтрализации семантического субъекта, сопровождаемая перемещением семантического объекта в позицию подлежащего, иначе говоря, «пассивная трансформация» отмечается в сказуемом двумя формами: собственно пассивной *è (viene)* + р. II и возвратной²⁰.

Области употребления этих грамматических синонимов разграничены не очень четко. Все же существуют условия, при которых допустима только одна из форм, и условия, где обе формы свободно заменяют друг друга.

Контексты или денотативные ситуации, исключающие свободу выбора между синонимами, представляют собой условия максимального различия форм, на основании которых устанавливается первичная, собственная функция каждой формы.

Наличие в пассивной конструкции дополнения агента, хотя и исключающее возможность замены формы *è (viene)* + р. II на возвратную, не является все же первичным, наиболее характерным контекстом для собственно пассивной формы, так как он не соответствует условию максимального смыслового отличия пассивного трансформанта от исходной «активной» конструкции.

1. Первое контекстуальное условие, требующее употребления пассива и исключающее рефлексив, это замещение позиции подлежащего 1 или 2 лицом.

2. Подлежащее, выраженное именем или местоимением, соотношенным с человеческим существом, также благоприятствует выбору пассива, хотя и не исключает полностью рефлексив.

3. Прямой порядок слов обычно сопровождает пассивную форму, а инверсия подлежащего чаще связана с выбором возвратной формы: *Un De Profundis per l'anima dello sconosciuto venne aggiunto al Rosario serale* (Gattop. 13) — **Si sono invece aggiunte** alcune poche indicazioni bibliografiche (Garin. L'Uman., intr.); *Quest'elenco di rafforzamenti sintattici richiede alcune integrazioni e sono fatte qui di seguito. Si trascurano però alcuni casi più particolari di rafforzamento* (Camilli. 147).

Подсчет случаев пассива и рефлексива с подлежащим — темой и подлежащим — ремой дал следующие количественные соотношения:

	$N_1 + V$	$V + N_1$
пассивная форма	200	40
возвратная форма	50	80

Все же, как показывает сравнение переводов с итальянского на французский и наоборот, выбор пассивной формы в итальян-

²⁰ Здесь мы оставляем в стороне однозначную форму «пассива необходимости» *N₁ va fatto* и неопределенно-субъектную трансформацию, не сопровождаемую переносом грамматической формы подлежащего на объект действия: *hanno chiuso la porta*.

ском языке в меньшей степени обусловлен прямым порядком слов, чем во французском. Так, при подлежащем — теме в обоих языках мы находим пассив: *In breve tempo tutta la città fu dichiarata off limits* (Malaparte, 43) — *Toute la ville fut déclarée off limits* (47); *Era stato arruolato nell'esercito di Napoleone* (Levi, Cristo. 126) — *Il avait été enrôlé dans l'armée de Napoléon* (127). Если же в итальянском подлежащее входит в состав ремы и следует за пассивной формой, то во французском итальянской пассивной конструкции регулярно соответствует неопределенно-личный трансформ с местоимением «on»: *Alla fine del pranzo venne servita la gelatina al rhum* (Gattop. 34) — *A la fin du repas on servit une gelée au rhum* (48); *On amenait a lui les fournisseurs qui prenaient commande d'après modèle* (Gide, 17) — *Oppure erano convocati a casa loro i fornitori per prender direttamente gli ordini* (21).

4. Пассивная форма употребляется преимущественно при терминативных глагольных лексемах, которые обычно являются также и каузативными (*arrestare, uccidere, fissare, stabilire, portare, squartare, dare, prendere, promuovere, caricare, scoprire, prendere, fermare* и т. п.), тогда как при дуративных лексемах, обозначающих неактивные отношения (*vedere, sentire, sopportare, considerare, preferire, aspettare, condurre, trascurare, trovare, tenere* и т. п.), предпочитается возвратная форма:

Формы	Лексемы	
	терминативные каузативные	дуративные неактивные
Пассивная	220	20
Возвратная	45	85

5. Наконец, на выбор форм влияет также видовой оттенок временных форм: в перфективных временах мы находим обычно пассив, а в имперфективных временах, обозначающих длительные, повторяющиеся или вневременные процессы, употребляется возвратная форма: *sono stato operato, è stato ucciso, fu stabilito, era stato portato, è stato derubato, erano stati squartati, fu dichiarata, vennero riconosciuti, fu venduto...* — *le parole si troncano sempre, la parola si traduce comunemente; ricordano i tempi d'oro in cui si facevano splendidi pizzi, si fondevano campane, si conciavano le pelli* (Levi, Le parole. 40); *Per fare la barba, prima si tuffa il pennello nell'acqua* (San. 143).

Все перечисленные выше элементы внутреннего контекста конструкции, взятые отдельно, не требуют (за исключением 1 и 2 л.) обязательного выбора только одной из форм. Однако опре-

деленные комбинации этих элементов создают условия «максимального функционального различия», исключающие возможность взаимозамены синонимов.

Контекст, специфичный только для пассивной формы, складывается из сочетания следующих элементов: 1) подлежащее — лицо, 2) подлежащее — тема, 3) сказуемое, выраженное терминативной каузативной лексемой в перфективной временной форме.

Контекст, допускающий выбор только возвратной формы, должен содержать: 1) подлежащее — не лицо (животное, предмет, абстрактное понятие), 2) подлежащее в составе ремы, 3) сказуемое, выраженное дуративной лексемой или терминативной лексемой в имперфективной временной форме.

Более или менее свободная взаимозамена пассива и рефлексива происходит в случаях «смешанного контекста», когда любой контекстуальный элемент, типичный для пассивной формы, комбинируется с любым элементом, характерным для рефлексива.

Так, условия: «каузативная лексема в перфективной временной форме, подлежащее — тема, но соотносённая не с лицом, а с животным», уже допускают употребление рефлексива. Один такой пример был найден в «Тетрадах Сан Джерсолэ»: *Il maiale non si è mai mandato fuori* (San. 32).

Иногда возвратная форма встречается при такой комбинации: подлежащее — лицо, тема, но сказуемое — дуративная лексема в имперфективном времени: *Ah, c'è una festa in famiglia e il povero Giannino si tiene all' oscuro di tutto* (Gian. 76); *C'era qualche cosa di misterioso in questo Impellitteri che si aspettava, che nessuno conosceva* (Levi, *Le parole*. 42).

При перфективной временной форме каузативных лексем в сказуемом, но при постпозиции подлежащего, соотносённого с нелицом, пассив и рефлексив свободно заменяют друг друга и встречаются одинаково часто: *venne servita la gelatina — si portò la tavola, sono stati eliminati alcuni errori — si sono aggiunte alcune indicazioni bibliografiche, è stato fatto il verbale — si era ottenuto un lasciapassare, fu conchiuso il patto — si concluse il patto*.

Трансформация устранения конкретной информации о субъекте при сказуемом, выраженном переходным глаголом, сопровождается, как мы видели, изменением соответствия между грамматическим и семантическим субъектом.

Существует, однако, еще одно преобразование переходных конструкций, которое может быть с натяжкой причислено к залоговым — это собственно-возвратная трансформация, возможная только лишь при подлежащем — лице; *N₁ si lava, si rade, si uccide*. В отличие от пассивной (т. е. неопределенно-субъектной) трансформации здесь не происходит никакого изменения соответствия между семантическими функциями субъекта и объекта и их первичными формами — подлежащим и дополнением. Меняется лишь обычное, наиболее частотное соответствие двух грамматиче-

ских (и семантических) актантов двум различным предметным понятиям.

Собственно-возвратная конструкция *Alfredo si uccide* (и ее взаимно возвратный вариант: *I ragazzi si acchiappano*) формально отличается от омонимичных конструкций *Il maiale si ammazza*, *Alfredo si alza* тем, что частица «*si*» в собственно-возвратной, т. е. местоименной функции занимает позицию прямого (или косвенного) дополнения, замещает предметное понятие, выраженное существительным (или личным местоимением) в позиции подлежащего, и может быть заменено автономной формой — *sè stesso*, *l'uno l'altro*. Напротив, выступая в качестве морфологического показателя непереходности глагольной лексемы или синтаксического показателя неопределенно-субъектной трансформации, частица *si* не является местоимением, так как не замещает никакого предметного понятия, не занимает именной синтаксической позиции (в отличие от французского местоимения «*оп*») и не имеет автономной ударной формы.

Собственно-возвратная трансформация переходных структур с простым глагольным сказуемым существует во всех европейских языках и не содержит каких-либо специфических черт в итальянском.

Гораздо больший интерес представляет собственно-возвратная трансформация двойных сказуемых — *vedersi* (*sentirsi*) + *inf.* и *farsi* (*lasciarsi*) + *inf.*, столь характерная для романских языков и не существующая в виде продуктивной модели в русском, немецком и английском.

В собственно-возвратных трансформах двойных сказуемых одна из именных позиций, зависящих от инфинитива, замещена возвратным местоимением, которое представляет понятие лица, уже выраженное в позиции подлежащего. Таким образом, внутренняя структура этих конструкций отражает ситуацию, в которой семантический субъект оказывается «свидетелем» или «инициатором» действия, объектом или «получателем» которого является он сам.

а) Субъект выступает в роли объекта: *Dopo un pezzo mi sentii scuotere* (San. 86); *Mi son sentito tirar su da due braccia d'acciaio* (Gian. 4); *Geppetto, vedendosi guardare da quei due occhi di legno...* (Pin. 11); *Si lasciava baciare e abbracciare da un giovanotto* (Cassola. Bube. 158).

б) Субъект выступает в роли «получателя»: *Così mi tocca ora star qui chiuso e sentirmi dire che finirò male* (Gian. 27); *Mi sono sentito arrivare una sassata proprio nel naso* (San. 12); *Geppetto sentì portarsi via la parrucca dal capo* (Pin. 11); *I contadini esistono unicamente perché Gibilisco li visiti e si faccia dare denaro e cibo per le visite* (Levi. Cristo. 21).

Поскольку в этих ситуациях семантически обязательной (материально связанной) является именно функция получателя или

объекта действия, вся конструкция интерпретируется как семан- тико-формальный вариант пассива²¹.

Все же основное назначение этого преобразования заключается не в нейтрализации субъекта действия, выраженного инфини- тивом, а в установлении соответствия между коммуникативной те- мой, представленной самим говорящим или протагонистом и се- мантическим и грамматическим субъектом: *mi ha chiamato qual- cuno* = *mi sono sentito chiamare*.

Таким образом, эта трансформация в отличие от пассивной (*io sono stato chiamato*) связана с переносом на новое предметное понятие («наблюдателя» или «инициатора») как грамматической формы подлежащего, так и семантической функции субъекта, т. е. приводит к изменению и усложнению семантической структуры исходной конструкции.

Субъект «наблюдатель» нейтрален по отношению к ситуации, к которой он подключается. Напротив, субъект «инициатор» иг- рает в ней активную роль, вызывая или допуская производимое над ним самим действие.

Если субъект-инициатор является «получателем» действия, к исходному предикату добавляется значение «просьбы»: *Io mi feci battere una falce* (San. 25); *Mi faccio dare qualche spiegazione sui signori che passeggiano* (Levi. Cristo. 22); *Tutti andavano a farsi dare una sigaretta da lei* (San. 64).

Во всех прочих случаях, включая ситуацию, где «получатель» не получает, а теряет что-либо, глагол *farsi* подчеркивает тот факт, что сам субъект является причиной (часто невольной) со- бытий, которые с ним происходят: *Figurati se mi faccio rubare anche la bicicletta!* (Bassani, 57); *Anche se li levano di mezzo uno dopo l'altro, non parlano: si contentano farsi ammazzare* (Sciascia, 22); *Scendevo pian piano le scale per non farmi sentire* (Gian. 5); *Si spera che ci farai la garbatezza di farti trovare bell' e morto e con la bocca spalancata* (Pin. 56).

«Ответственность» лица за то, что с ним происходит, имплицитно присутствует во всех ситуациях и обычно не требует обяза- тельного эксплицитного выражения. Поэтому языковой знак, вы- ражающий отношение «возвратной каузации», большей частью се- мантически не нагружен, часто не учитывается при переводах (на- пример, с итальянского на русский) и устраняется из сообщения без существенных смысловых «потерь»: *Se lascio qui la bicicletta, me la rubano* (= *me la faccio rubare*); *quando ti farai vedere?* = *quando ti vedremo?*; *Venne ad aprirmi quel bambino del capo- fabbrica e mi portò a vedere tutto... Io mi feci portare da quel bam- bino...* (San. 65).

Почти полное смысловое совпадение (на уровне денотата) между исходной конструкцией и ее возвратно-каузативным транс-

²¹ J. Dubois. Essai sur certaines propriétés des phrases non achevées en français. «Bulletin de la société de linguistique de Paris», 1966, t. 61, fasc. 1, p. 124.

формом указывает на отвлеченное, чисто грамматическое значе- ние форманта «*farsi*», отмечающего в составе сказуемого лишь перемещение формы подлежащего на ведущую коммуникативную «тему» — лицо говорящего или протагониста.

В составе возвратно-каузативной конструкции глагол *lasciarsi* передает оттенок «несопротивления действию»: *Il bandito si lasciò condurre all' Ucciardone* (Levi. Le parole. 29).

В отрицательной форме возвратные (так же как и не воз- вратные) каузативные лексемы *fare* и *lasciare* оказываются синонимами: *Il cane non se lo fa ripetere due volte* (San. 13); *O, ma un' altra volta non mi farò tanto pregare!* (Pin. 65); *Lei voleva ricominciare a pettinarmi, ma io non mi feci più pettinare e lei si adirò* (San. 157).

§ 3. ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ГРАММАТИЧЕСКОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРОЙ СУБЪЕКТНО-ПРЕДИКАТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Субъектно-предикатные отношения, определяемые на ком- муникативном уровне, возникают между двумя членами выска- зывания — коммуникативным субъектом (темой) и коммуника- тивным предикатом (ремой). Первый из них представляет собой «то, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий»²². В роли темы, как правило, выступают имена лиц — участников беседы (я — ты), названия (прямые или анафорические) упоми- навшихся уже предметов или лиц, указания на место, время или причину. Известность темы, данной в ситуации или в контексте, делает необязательным ее словесное выражение. В отличие от темы, рема, т. е. «то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания»²³, составляет основное содержание сообщения, которое никогда не может быть опущено и к которому зачастую сводится все высказывание. Коммуникативно одночленными вы- сказываниями могут оказаться как односоставные, так и дву- составные предложения (*vengo!*; *piove*; *c'era una volta un re*). Коммуникативное отношение предикатности получает свое непо- средственное выражение в интонации, которая отражает также и модальное содержание высказывания, лежащее в основе любой предикации. Кроме того, предикатные отношения во флектив- ных языках, и в том числе в итальянском, отмечаются граммати- чески в личных окончаниях глагола, которые, являясь показателями темы в реме, превращают личную форму глагола в минимальную формализованную единицу высказывания, т. е. в предложение.

²² В. Матезиус. О так называемом актуальном членении предложения. В кн.: «Пражский лингвистический кружок». М., «Прогресс», 1967, стр. 239.

²³ Там же.

В отличие от интонации, форма которой не может быть отвлечена от передаваемого ею коммуникативного содержания, предложение, как большинство дискретных знаков языковой системы, не связано однозначно с определенным содержанием, и его члены — подлежащее и сказуемое могут не отражать конкретного коммуникативного членения данного высказывания, как например, в том случае, когда подлежащее не совпадает с темой. Поэтому внутри самой системы языка существует целый ряд дополнительных лексических и грамматических средств, которые, дублируя интонацию и фразовое ударение, позволяют недвусмысленно передать коммуникативные различия в содержании высказывания.

Обратимся сначала к структурам, в которых различие между темой и ремой специально подчеркнуто при помощи грамматического обособления (сегментации). Поскольку тема, как нечто известное, может быть словесно не выражена, необходимость в ее специальном выделении возникает особенно часто в начале сообщения, когда говорящий «задает» определенную тему слушающему или уточняет ее в ходе разговора, как бы напоминая о ней собеседнику. Фрагментарный характер диалога (особенно у детей и малокультурных людей)²⁴ делает сегментированное предложение преимущественно «разговорной» языковой единицей. «Заданная» обособленная тема находится всегда в начале предложения и часто не соответствует грамматическому подлежащему следующего предложения (анаколуф): *ecco perché io mi piaceva di più la caccia* (Autobiogr. 86); *ed io per le informazioni della questura mi portarono al carcere* (ibid. 344). *Un dottore in legge laureato da poco gli arrivò la cartolina di precetto* (Galluzzo). Подобного рода фразы можно встретить и у современных писателей, использующих «разговорный» стиль в связном рассказе: *Mio padre, le sue idee sul denaro erano diventate, dopo la guerra, più che mai nebulse e confuse* (Ginsburg, Less. fam., 188); *Leone, la sua passione vera era la politica* (ibid. 132). В качестве заданной темы могут выступать два существительных, (потенциальные подлежащее и дополнение): *Io questo Poussin, è la prima volta che ne sento parlare* (ibid. 115); *Le mamme i suoi bambini quando fanno i cattivi gli dicono* (Pomarance). Оба существительных могут быть приведены в соответствие с грамматической структурой основного предложения, как например, *Io la casa la vorrei con più stanze e anche più grandi* (Galluzzo). Одним

²⁴ В этом разделе (и далее) используется материал из следующих нелитературных текстов: D. Montaldi. *Autobiografie della Leggera*. Torino, 1961 — (Autobiogr.) — автобиографии уголовных преступников, напечатанные с сохранением всех отклонений от нормы литературного языка. Тетради (неопубликованные) учеников начальных и вечерних школ Тосканы: *Scuola elementare N. Sauro*, Galluzzo, Firenze — (Galluzzo); *Scuola serale G. Capponi*, Firenze — (sc. G. Capponi); *Scuola serale G. Villani*, Firenze — (sc. G. Villani); *Scuola elementare a Pomarance*, prov. di Pisa — (Pomarance); *Scuola elementare a Castagno d'Andrea*, Mugello — (Castagno d'Andrea).

из распространенных типов обособленной темы является существительное, вводимое предлогом *di*, отмечающим неопределенное множество, которое может быть интерпретировано или как дополнение или как подлежащее: *di bestie così non ne aveva mai viste*; *di lavori per anziani ce ne sono pochissimi* (Galluzzo). Интересно, что частотность этой конструкции, полностью нормализованной в современном языке, вызывает случайные аналогические образования в некультурной речи: *ma di questa contentessa fu di breve durata* (Autobiogr. 337); *Così di un fatto privato lo fecero divenire questione politica* (ibid. 342), где предлог *di* оказывается своеобразным формальным показателем обособления.

«Уточняемая», т. е. плеонастическая обособленная, тема всегда следует за сказуемым или непосредственно или после дополнений и обстоятельств: — *E dagli con le donne! Si direbbe che ve n'abbiano fatto delle grosse, le donne.* — *Cosa vuoi mai che mi abbiano fatto, a me, le donne?* (Chiesa, Villad. p. 94). *E in lui la paura era più grande che in noi: era in lui, la paura, il vortice dell'imprevisto e dell'inconoscibile...* (Ginsburg, Less. fam. 205). Дополнительное упоминание подлежащего — темы, в отличие от обособленной «заданной темы», открывающей предложение, часто встречается не только в разговорном, но и в письменном стиле, представляя собой специфически итальянский риторический оборот: *Era uscito, il Foffano, dalle aule bolognesi, dove era stato compagno ed amico di Pascoli* (F. B. Ageno, pref. ai «Fatti d'Enea»). Характерно, что стилистический оттенок «эпического повествования», связанный с этой формой, не имеет себе соответствия во французском языке: *Non c'è che dire: era proprio finita bene, per noi, quella stupida guerra* — *Il n'y a pas à dire: cette stupide guerre s'était vraiment bien terminée pour nous* (Malap. 13—15) или *Stanno quelle nane tutto il giorno sedute sulla soglia dei bassi.* — *Ces naines restent toute la journée assises sur le seuil des «bassi»* (ibid. 37—41). При именном сказуемом глагол-связка часто опускается, и именная часть сказуемого образует с позиционным подлежащим синтаксическое клише, обычно появляющееся в качестве заключительной сентенции, резюмирующей содержание предшествующего сообщения: *Non hai mai sentito parlare di certi Robustelli, dei conti Robustelli? Padroni una volta i Robustelli di mezzo Ligornetto.* (Chiesa, Villad. 67); *Il cuore gli tremava di piacere: d'uno strano acuto piacere, che non avrebbe provato a presentarle un dono. Cose, i doni, che si fanno dir grazie e il suono di questa straccia parola subito li spegne della loro luce.* (Chiesa, Villad. 229). Эта конструкция широко употребительна в публицистике и литературно-критических и исторических сочинениях. Так, у М. Фубини (*Studi sulla letteratura del Rinascimento*, Fir. 1947, *L'arte di Masuccio*, p. 43) находим: ... *in questo distacco dello scrittore dalla propria materia è da riconoscere... l'efficacia del Boccaccio, «del famoso commendato poeta Boccaccio», per usare le sue parole... Scrittore non popolare, dunque, Masuccio, ma scrit-*

tore formatosi alla scuola aristocratica del Boccaccio». Часто на месте подлежащего — темы в таких конструкциях встречаются его местоименные заместители *questo, quello, il mio (il tuo, il suo)* ²⁵.

Как препозиционная, так и постпозиционная тема сегментированного предложения, независимо от степени их интонационно-го выделения и различия функций, обязательно имеют при сказуемом свой показатель, — личное окончание глагола и местоименные частицы *io (la, li, le), gli, ne, ci (vi)*, который выражает грамматически предикативные отношения между темой и ремой:

Тема — определенное подлежащее и прямое дополнение: *Io, la casa la vorrei con più stanze e anche più grandi (Galluzzo) — Perché ti fa le scarpette. — Le porto anche in Paradiso, io, le scarpette, come il bisnonno? (Gossen, p. 103. Fog. 251).*

Тема — неопределенное (количественно) подлежащее и прямое дополнение или дополнение, вводимое предлогом *di*: *E lavoro ce n'è? (Gossen, p. 98. PA 60); Di queste more me ne intendo (ibid. PA 36) или: ... è il momento, per te, del lancio grandioso — Me ne infischio, del lancio (ibid. LA 16).*

Тема — косвенное дополнение: *A me l'amaro non mi piace (ibid. Col. 140) или gli piacevano le donne, al Riccardi (ibid. TE.: 15).*

Тема обстоятельство места: *Ma a casa non posso andarci! (ibid. Bont. 801) или Ci vai o non ci vai dai Salvucci? (ibid. Ch. 25).*

Таким образом, в сегментированном предложении «согласование» ремы с темой, в том числе и согласование личных окончаний сказуемого с темой — подлежащим, всегда отмечает реальные предикативные связи между двумя членами конкретного высказывания.

В предложениях не сегментированных, речь о которых пойдет ниже, тема высказывания специально не подчеркивается, и различие между темой и ремой передается порядком слов. При отсутствии в высказывании дополнительной эмоциональной нагрузки, в итальянском языке тема предшествует реме, при эмфатическом подчеркивании смыслового ядра ремы выделяемое слово помещается перед сказуемым и получает обязательное эмфатическое ударение. Так, нейтральным, неземotionalным порядком слов будет препозиция подлежащего, если оно соответствует теме, и его постпозиция, если оно входит в состав ремы: *La porta di strada ogni tanto si apriva ed entravano delle donne... (Levi. 34)* ²⁶. При аффективном порядке слов эмфатически выделяемое подлежащее, входящее в состав ремы, отмечается ударением и предшествует сказуемому: *Prove ci vogliono (Gossen, p. 70 Gia. 222). La fede ci vuole (ibid. Gia. 179).* Точно так же и

²⁵ C. T. Gossen. Studien zur syntaktischen und stilistischen Hervorhebung im modernen Italienisch. Berlin, 1954, SS. 88—91.

²⁶ Подробнее о порядке слов в современном итальянском см. Госсен. Ук. соч., стр. 63—90.

дополнение, несущее основное содержание в реме, помещается при эмфазе перед сказуемым: *I negri basta che sentano una cosa che puzza e tranguggiano. Anche la benzina bevono* ²⁷ (Pavese, Nov. 104); *Ah, le spiegazioni vuoi! Che ti spieghi vuoi, perché un uomo come me...* (Chiesa. Villad. 37); или в книжном стиле: *Così nella novella non la pietà domina, ma l'orrore: nè una sola parola artisticamente viva lo scrittore sa trovare per dirci lo strazio della giovinetta quando apprende l'uccisione dell'amato (Fubini, op. cit. 48).* Возможности эмфатической препозиции ремы в итальянском особенно отчетливо вырисовываются на фоне французского: *Gravi e senza grazia femminile erano i loro gesti... — Leurs gestes étaient graves et sans grâce féminine... (Levi. 34—35).* Фamoso è infatti il Pendino di Santa Barbara per le molte nane che vi abitano — *Le Pendino di Santa Barbara est fameux par les nombreuses naines qui y habitent (Malap. 37—41).* При переводе с французского лексическая превосходная степень может заменяться синтаксической эмфазой: *mais sa surprise fut extrême quand... ma grande fu la sua sorpresa quando... (Stendh. 43—54).*

Как известно, ограниченные возможности перемещения слов внутри связанного предложения во французском языке компенсируются частотностью употребления синтаксических моделей, где главное предложение содержит глагол-связку и выделяемую часть ремы, а определительное придаточное — остальной состав предложения: *c'est moi qui ai fait cela* ²⁸. В итальянском языке этот оборот гораздо менее распространен, чем во французском, и несет более сильную эмфатическую нагрузку. Таким образом, простому нейтральному предложению с подлежащим ремой *l'ha voluto lui* будет соответствовать аффективный синоним *è lui che l'ha voluto (Gossen, p. 118. Zerb. 14).*

Аналогичным образом выделяется любой член предложения, тем самым приобретающий характер центрального слова в реме: *Volevano la lotta. Ora è la lotta che abbiamo (Gossen, p. 119, Vi. 51). E di freddo che muore (ibid. Pa. 128); Certe cose è dopo che si capiscono, quando si è soli (Micheli. 13); Si fa il fronte e la prigionia, ma è a casa che si pensa (ibid. 27). Ma è a camminare per la città che si vede le cose come vanno (ibid. 275). Era con amore che ci mettevamo, prima di ogni altra cosa, a quel lavoro (ibid. 290).* В восклицательных моделях глагол-связка опускается и предложение обогащается разнообразными модальными оттенками в зависимости от лексического состава и контекста: *Bella strada che hai fatto! Valeva la pena! (Gossen, p. 119, Pa. 59).*

²⁷ При эмфатической препозиции дополнения, входящего в рему, оно никогда не согласуется в роде и числе с причастием сложных форм и не имеет своих местоименных показателей при сказуемом, в отличие от сегментированного дополнения — темы: *«i campi mi ha lasciato, non, i soldi» — «i campi me li ha lasciati, ma i soldi no».* P. Meriggi. La ripresa dell'oggetto in italiano. «Volkstum und Kultur der Romanen», 1938, Bd. II.

²⁸ См. Балли. Ук. соч., § 108, стр. 86.

Вводимый союзом «е», этот оборот получает специфическое значение досады и возмущения: *E i nostri che vengono fucilati!* (ibid. Vi, 16) — «Но ведь наших-то расстреливают!» или *e io che m'illudevo!* — «а я-то надеялся!». В предложениях частичного вопроса «эмфатический» порядок слов закреплен нормой (вопросительное слово — рема всегда открывает предложение), поэтому расчленяющая конструкция является здесь единственным способом эмфатического выделения ремы: *Quando è che vieni? Com'è che non lo sai? Cos'è che hai fatto? Chi è che mi chiama?*²⁹

Как замечает Балли³⁰, модели предложений с выделительными оборотами по существу близки к сегментированным предложениям, поскольку в конструкциях подобного рода коммуникативные категории темы и ремы получают эксплицитное грамматическое выражение, данное вне конкретного сообщения и, следовательно, существующее как самостоятельная единица системы языка. Вместе с тем можно заметить, что синтаксические модели, подчеркивающие коммуникативное членение высказывания или эмфатически выделяющие один из его членов, представляют собой крайне специализированные («отмеченные») языковые знаки, с предельно ограниченным функциональным диапазоном. Здесь, как и в вопросительных и императивных предложениях, грамматическая форма, подобно интонации, связана с содержанием однозначными отношениями. Однако в отличие от интонации, конструкции так называемого экспрессивного синтаксиса как единицы дискретные лишены способности непрерывно порождать новые смыслы и представляют собой нечто вроде интонационных окаменелостей. Однозначность этих конструкций исключает их из сложной игры взаимодействий между дискретными, но многозначными формами языкового «кода» и смыслом — как «субъективным», возникающим в коммуникации, так и «объективным», лежащим в природе обозначаемых вещей.

Посмотрим теперь, как реагирует форма простого экспрессивно не отмеченного предложения на дополнительное коммуникативное содержание, приобретаемое им в конкретном высказывании. Как было уже сказано, средством выражения различий между подлежащим — темой и подлежащим — ремой служит в итальянском порядок слов: в первом случае оно предшествует сказуемому, во втором за ним следует. Это общее положение нуждается, однако, в уточнении: подлежащее, обозначающее лицо или предмет, о которых раньше не упоминалось, и, следовательно, как будто бы составляющее часть ремы, может помещаться

²⁹ Эти выделительные обороты с экспрессивной нагрузкой не следует, однако, смешивать с так называемой презентацией, как это делает Госсен, который в главе «*Présentation durch periphrastischen Gebrauch des Verbums «essere»*» рассматривает как грамматически идентичные такие конструкции, как *è stato lui che ha fatto il colpo* (= *a fare il colpo*) и *c'era Milioni che diceva che...* (pp. 119—120).

³⁰ См. Ш. Балли. Ук. соч., стр. 86.

как перед сказуемым, так и после него. Например, первые предложения итальянских сказок (*Fiabe italiane a cura di Italo Calvino, Torino, 1956*) дают нам два варианта зачина:

1. *C'era una volta un uomo pescatore. Un bel giorno il pescatore se n'andò con le sue reti a pescare* (p. 260). *C'era una volta un legnaiolo di Corte e questo legnaiolo di corte aveva tre figlie* (p. 443); *C'era una volta un re che aveva tre figlie* (p. 392).

2. *Il gobbo Tabagnino era un povero ciabattino che non sapeva come fare a tirare avanti* (p. 216); *Un giorno un giovane disse: «A me questa storia che tutti devono morire mi piace poco»* (p. 107).

Первый тип зачина Матезиус³¹ называет обоснованным, второй — переносным, намеренно представляющим новое как данное. Действительно, рассказчики или писатели часто используют в начале повествования прямой порядок слов «подлежащее + сказуемое», чтобы поставить читателя сразу же *in medias res*. Так начинается рассказ Моравиа «*Andare verso il popolo*»: *La macchina si fermò ed essi discesero. La strada in quel punto passava davanti una gola angusta formata dalla confluenza di due mediocri montagne incolte e sassose. Dall'altra parte la pianura allagata si stendeva a perdita d'occhio... Qualche rovina di casa emergeva dalle acque... Allagata era pure la gola montuosa, ma in fondo, là dove due montagne si congiungevano, un fumo azzurro si levava a mezza costa e stagnava per l'aria* (p. 281), а также рассказ Доменико Пеа «*La signora scende a Pompei*»: *L'autobus delle dodici e trenta che porta a Salerno attraverso la Napoli — Pompei quel giorno non era affollato. I passeggeri avevano trovato insolitamente posto e alcune coppie di sedili della parte posteriore della vettura erano vuoti. Preposizione подлежащего в этих случаях лишена эмфатического ударения, свойственного подлежащему — реме в предложениях типа *prove ci vogliono*, и не имеет эксплицитных признаков темы, как в сегментированных предложениях. Таким образом, препозиция подлежащего определяется как неотмеченная, а форма предложения «подлежащее + сказуемое» как нейтральная по отношению к коммуникативному членению³².*

Естественно, что нейтральная форма предложения, как знак

³¹ См. В. Матезиус. Ук. соч., стр. 239.

³² Исходя из особенностей простого предложения с прямым порядком слов, широко распространенного во французском, Балли рассматривает «связанное» (т. е. несегментированное и синтаксически простое) предложение вообще как «произвольный знак», в котором различие между темой и ремой может быть определено «либо исходя из ситуации и контекста, либо из характера выраженной мысли» (стр. 84). Неточность этого определения легко доказать не только на материале итальянского, но и французского языка. Возможности изменения позиции подлежащего в «связанном» предложении для передачи коммуникативных вариаций высказывания во французском языке детально описаны в исследовании R. Le Bidois. *L'inversion du sujet dans la prose contemporaine* (1900—1950). Edition D'Artrey, Paris.

более частотный и обобщенный, выбирается в тех случаях, когда тема известна и не требует дополнительного выделения или не противопоставлена реме и безразлична с точки зрения говорящего, который не считает нужным сообщить о новом предмете речи в отдельном высказывании. Напротив, специальное сообщение о наличии или появлении нового, еще не упоминавшегося протагониста еще до того, как он начал действовать, очевидно, необходимо для того, чтобы обратить на него специальное внимание слушателя. Такого рода «представление» отмечает, с одной стороны, неизвестность нового предмета, название которого является центральной частью ремы (целью сообщения), с другой стороны, вводит его в качестве темы для последующих высказываний. При введении новой темы обычной точкой опоры оказываются обстоятельства места и времени, а иногда просто глаголы, обозначающие наличие, появление, а по аналогии и другие действия субъекта: *Salivano dall'estremo orizzonte, quasi portate dal vento, le prime ombre della notte* (Malap., 29); *Stamani m'è piovuta nel cervello un'idea* (Pin. 15); *C'era una volta un re* и т. п.

Предложение, содержащее наиболее общий глагол наличия *c'è* (фр. *il y a*) с последующим существительным, от которого зависит определительное придаточное, получило название «представляющего оборота» (*tour de présentation*)³³. Вине и Дарбельне рассматривают его как стилистический прием (*un artifice stylistique*). Действительно, выбор между нейтральным неотмеченным предложением и презентацией (включающей не только «представляющий оборот», но и любую другую точку опоры) свободен и зависит от намерения говорящего³⁴. Однако сравнение двух родственных языков, в частности итальянского и французского, показывает, что индивидуальный выбор подчиняется выбору коллективному, который определяется как «норма речи»³⁵. Итальянский чаще, чем французский, отмечает «новизну» понятия, обозначенного подлежащим, путем его постпозиции в следующих случаях:

1. В независимом предложении, которое находится с предыдущим предложением в причинно-следственной связи:

Dovette esiliarsi presto però da quei gelidi regni stellari.

³³ J.-P. Vinay, J. Darbelnet. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. Paris, 1958, p. 203.

³⁴ Здесь не принимаются во внимание случаи обязательной постпозиции субъекта, закрепленные в норме языка, например, в предложениях, указывающих на говорящего, следующих за прямой речью («*La signorina ha fretta...* disse il giovane. «*La signorina è bella*», gridò la donna con entusiasmo. Moravia, *Andare verso il popolo*, p. 290), и в других случаях, особенно характерных для французского языка, например, после некоторых наречий или модальных слов (*peut-être, encore, tout au plus, au moins*) — или в определенных типах придаточных предложений.

³⁵ В. Г. Гак. Проблемы лексико-грамматической организации предложения. Докт. дисс., т. I, гл. I. М., 1967.

Entrò don Ciccio Ferrara il contabile — *Il dut cependant abandonner bien vite les royaumes stellaires et glacés. Don Ciccio Ferrara, le comptable, entraît* (Gattop. 26—38). La porta di strada ogni tanto si apriva ed *entravano delle donne*, le vicine, le conoscenti, le comari della vedova — *La porte sur la rue s'ouvrait de temps en temps et des femmes entraient*, des voisines, des connaissances, des commères de la veuve (Levi, 34—35). Era stato attratto da una strega contadina con dei filtri d'amore ed era diventato il suo amante. *Era nata una bambina* (Levi, Cristo, 14) — *Une petite fille était née* (Levi. 14).

Таким образом, презентация подлежащего как «нового» осуществляется во французских фразах только при помощи неопределенного артикля, т. е. отмечается только в пределах синтаксической группы имени, а не в конструкции предложения. Поэтому в случае ситуационной определенности подлежащего, выраженного именем собственным или понятием, единственным для данной ситуации, коммуникативная «новизна» понятия остается невыраженной.

2. В предложениях — ремах, открывающих сообщение, где итальянский чаще, чем французский, предваряет сказуемое обстоятельственными словами.

Описание окрестностей Веррьера у Стендаля начинается так: *Le Doubs coule à quelques centaines de pieds au dessous de ses fortifications, bâties jadis par les Espagnoles, et maintenant ruinées* (Stendh. 1). Итальянский переводчик, несмотря на близость двух языков и постоянное влияние французских моделей на итальянский, предпочитает «обоснованную» конструкцию: *Qualche centinaio di piedi sotto le sue fortificazioni, costruite un tempo dagli spagnoli ed ora in rovina, scorre il Doubs* (Stendh. 7). «Обоснованный» зачин возможен также и во французском, и мы его находим как в подлинниках, так и во французских переводах с итальянского: *Au delà, sur la rive gauche, serpentent cinq ou six vallées au fond desquelles l'oeil distingue fort bien de petits ruisseaux* — *Di là dal fiume, sulla riva sinistra, serpeggiano cinque o sei vallette in fondo alle quali...* (Stendh. 5—12). *Ai loro fianchi e sulle cime ardevano diecine di fuochi* — *Le long des pentes et sur les sommets brillaient une quantité de feux* (Gattop. 19—29).

Присутствие в начале предложения обстоятельств причины, времени, места является, как известно, одним из условий возможной (но не обязательной) постпозиции подлежащего во французском. Однако сохранение прямого порядка слов даже после «обосновывающих» предложение обстоятельств, как например, *Bientôt la femme de chambre de madame et la cuisinière arrivèrent près de la porte* (Stendh. 31), делает неясным коммуникативное содержание фразы вне контекста, в отличие от ее итальянского перевода: *Subito dopo vennero la cameriera della signora e la cuoca* (Stendh. 40), где порядок слов определяет подлежащее как «еще не упоминавшееся», несмотря на заданный

ситуацией определенный артикль. В связи с этим целесообразнее видеть формальную отмеченность коммуникативной новизны подлежащего («обоснованность» предложения) не в наличии вводных обстоятельств, а в постпозиции подлежащего по отношению к сказуемому. Соответственно сохранение препозиции подлежащего в предложениях, содержащих чистую ремю, следует рассматривать не как «переносное его употребление», а как устранение категорий «данного» и «нового» из структуры предложения, функционирующего в речи, и как предпочтение нейтральной формы форме более отмеченной. Характерно, что свобода выбора препозиции — постпозиции в этих условиях на фоне превалирующей препозиции во французском и обычности постпозиции в итальянском делает инверсию стилистически выразительной формой как раз для французского и нейтральной стилистически для итальянского. Так, у Андре Жида «обратный» порядок слов подчеркивает нарочитую книжность речи, непередаваемую в итальянском, где инверсия соответствует общеречевой норме: «Grâce a quoi **régnait** entre eux une **manière de concorde**, **planait** sur eux une **sorte de demi-félicité**, chacun d'eux trouvant dans le support de l'autre l'emploi discret de sa vertu — In tal modo viveva tra loro una specie d'accordo, fluttuava tra loro una specie di felicità, che nel tollerare l'altro, ciascuno impiegava discretamente le proprie virtù (Gide, 12—16) ³⁶.

3. При отсутствии вводных обстоятельств, предложение — рема в итальянском также обычно начинается со сказуемого, во французском — с подлежащего: Sono passati molti anni, pieni di guerra e di quello che si usa chiamare la Storia. — Plusieurs années se sont écoulées, chargées de guerre e de ce qu'on appelle histoire (Levi, 9—9). Brillano le prime stelle, scintillano di là dall'Agri i lumi di Sant — Arcangelo. — Les premières étoiles brillent; au — delà de l'Agri scintillent les lumières de S. Arc. (Levi, 24—25). Un débris de miroir gisait là, qui lui servait naguère à provoquer des tropismes — C'era lì un frammento di specchio ... di cui in altri tempi s'era servito... (A. Gide. 17—21).

Помещаясь после сказуемого и уточняя его содержание, подлежащее, подобно дополнению, может специфицировать действия, заранее известные из ситуации или контекста. E' l'usanza di qui, almeno tra i signori: **se muore il padre** le figlie restano per tre anni recluse, un anno se muore il fratello (Levi. 23). При «прямом» порядке слов коммуникативная незаконченность сказуемого снимается, как это видно на примере французского перевода этой фразы: si **le père meurt**, les filles restent enfermées pendant trois ans, un an si c'est le frère (Levi. 23).

Исходя из определения переходности как смысловой не-

³⁶ См. о стилистическом использовании инверсии во французском языке R. Le Bidois. Op. cit., p. 375.

полноты ³⁷, можно заметить несомненное структурное и семантическое сходство между дополнением и подлежащим, входящим в состав ремы. Интересно, что Есперсен ³⁸, указывая на текучесть границ между этими членами предложения, приводит примеры превращений подлежащего в дополнение как раз в условиях их употребления в составе ремы: Him dreams a strange dream — he dreams a strange dream или him like oysters — he likes oysters. Причину появления именительного падежа местоимения he Есперсен видит в том, что «в огромном большинстве предложений форма первого слова не показывала, что оно является дополнением», в связи с исчезновением падежной флексии. Распространение прямого порядка слов и фиксированной препозиции подлежащего без сомнения связано с утратой падежей. Однако возникновение переходных синонимов непереходных конструкций имеет, очевидно, более глубокие корни, независимые от судьбы падежной флексии, так как оба семантико-синтаксические варианта сосуществуют во всех индоевропейских языках, хотя и в различной пропорции. По-видимому, превращение подлежащего в дополнение и связанные с этим преобразования глагольной лексики и модели предложения возникли в условиях употребления подлежащего в составе ремы, в отдельных случаях закрепившегося за определенными глаголами типа «мне нравятся что-то», mi piace qualche cosa, или одноличными моделями вроде «у меня есть что-то», est mihi aliquid и т. п. Комментируя различие между латинской конструкцией mihi est liber и французской Ce livre est à moi, Бенвенист ³⁹ обращает внимание как раз на *обязательную* неопределенность латинского подлежащего, соответствующего прямому дополнению переходной конструкции — habeo librum и j'ai un livre.

По всей вероятности, замена непереходной конструкции ее переходным вариантом (мне снится сон — я вижу сон, gli è venuta in mente un'idea — egli ha avuto un'idea) первоначально была обусловлена стремлением привести в соответствие грамматическое подлежащее и коммуникативный субъект (тему). Однако, как всякая грамматическая форма, переходная конструкция расширяет свои функции и оформляет любое коммуникативное содержание, изменение которого в свою очередь отмечается изменением порядка слов и интонацией.

Так, в итальянском языке, точнее, в его книжном стиле, дополнение — тема может стоять перед сказуемым в несегментированных предложениях, лишенных эмоциональной нагрузки: **Quei pensieri** egli aveva fissato sulla carta già nei suoi primi quaderni ... (M. Fubini, Studi sulla lett. del Rin., Fir. 1947, p. 145); Aggiungi che le **parti più notevoli** di essa avevano già trattate i

³⁷ A. Sechehaye. Essai sur la structure logique de la phrase. Paris, 1950, p. 81.

³⁸ О. Есперсен. Ук. соч., стр. 182.

³⁹ E. Benveniste. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966, p. 196.

poeti antichi (Foffano, intr. ai «Fatti di Enea», p. 4); Più felicemente aveva l'Ascoli intravisto la verità, quando il **movimento** dei manzoniani riconosceva «partito dalla altissima sfera, in cui l'arte e la filosofia stanno congiunte e indivise (A. Schiaffini, *Le origini dell'it. lett. L'It. dial.* v. V., 1929 p. 161). Препозиция не-сегментированных дополнений в неаффективной фразе сравнительно редкое явление, так как любое существительное в функции темы спонтанно интерпретируется как подлежащее. Так, Пьер Гиро⁴⁰ приводит примеры согласования сказуемого с препозиционным дополнением как одну из типичных ошибок малограмотных (**Les sentiments** que nous inspirèrent la longue lutte dont nous sortons à peine). Ле Бидуа⁴¹ находит подобные примеры и у французских писателей XX в. Такого рода согласование по смыслу с предложным дополнением — темой часто встречается в сочинениях итальянских школьников и сохраняется у малограмотных: **Da mia madre** mensilmente mi spediva lire quindici che adoperavo per l'acquisto del sopprovitto (sic) (Autobiogr. 333).

Соответствие между коммуникативным и грамматическим субъектом устанавливается при помощи пассивной формы: I segreti di Grassano mi erano stati rivelati fin dai primi giorni del mio arrivo da uno dei loro più appassionati protagonisti (Levi. 26).

Как было показано выше, замещение позиции агента при пассиве не только не обязательно, но и не типично для этой формы, устраняющей полноту информации о семантическом субъекте. Употребление двучленного пассива также не обязательно обусловлено совпадением подлежащего с коммуникативной темой. В итальянском языке, как и в русском, подлежащее при пассивной форме сказуемого очень часто оказывается в составе ремы, восполняя коммуникативную неполноту сказуемого: Alla Santa Chiesa è stata esplicitamente promessa l'immortalità, a noi in quanto classe sociale, no. — On a promis explicitement l'immortalité a notre sainte mère l'Eglise, mais a nous, en tant que classe sociale, non (Gattop. 32—46). On lui donnait dix sous par jour — gli venivan dati dieci soldi al giorno (Gide. 14—18); Nel porto di Napoli, una notte, fu rubata una Liberty ship.... fu rubato non solo il carico, ma la nave. Scomparve, e non se n'è mai saputo più nulla. — Dans le port de Naple, une nuit, on vola un Liberty ship.... on vola non seulement la cargaison, mais le navir. Il disparut, e on n'en a jamais plus rien su. (Malap. 34—38). Синонимом и конкурентом страдательной конструкции в данных коммуникативных условиях выступает рефлексив: Si era ottenuto così un secondo e più valido lasciapassare... (Gattop. 14). Несмотря на неопределенно-субъектное значение обеих конструкций, семан-

⁴⁰ P. Guiraud. *Le français populaire*. Paris, 1965, p. 35.

⁴¹ R. Le Bidois. *Op. cit.*, p. 418.

тический объект действия в итальянском литературном языке регулярно оформляется как подлежащее, согласуясь со сказуемым в роде, лице и числе, подобно тому, как это имеет место при переходных глагольных лексемах типа sono entrate delle donne, gli è morta la madre и т. п.

Распределение коммуникативных ролей в модели *verbum reflexivum*+*Nomen* может измениться на *Nomen*+*verbum reflexivum*, где согласованное со сказуемым существительное оказывается темой: Le cifre F. D., che prima si erano distaccate ben nette sul colore dorato del bicchiere pieno non si videro più (Gattop. 34). В этой фразе лексическое значение двух глаголов — *distaccarsi* и *vedersi* позволяет отметить различие их отношения к субъекту на семантическом уровне, однако с точки зрения коммуникативной и формально-грамматической они занимают одинаковую позицию по отношению к подлежащему — теме.

В упрощенном виде эта цепочка взаимодействий коммуникативных категорий и грамматических форм выглядит следующим образом:

Коммуник. функц. подлежащего	Грамматическая форма сказуемого			
	непереходная	переходная	страдательная	возвратная
Тема	il N ₁ è venuto (a M ₃)	il M ₁ ha ricevuto un N ₂	il N ₁ è stato ricevuto (da M ₄)	il N ₁ si è ricevuto
Рема	(a M ₃) è venuto un N ₁	il N ₂ ha ricevuto M ₁	è stato ricevuto un N ₁	si è ricevuto un N ₁

Поскольку нас интересовала в первую очередь формально-личная конструкция, позволяющая выяснить соотношение между коммуникативными и грамматическими категориями субъекта и предиката, безличные предложения остались за пределами этой схемы. Между тем более внимательный анализ фактов не только литературного, но и простонародного языка позволяет установить некоторые точки соприкосновения и пограничные зоны между безличными и личными конструкциями, и не только в области употребления языка, но и внутри его грамматической системы. Дело в том, что сказуемое, вводящее подлежащее, незакончено по смыслу («транзитивно») и образует с подлежащим тесное смысловое единство, которое отметил еще Форначари⁴², объяснявший причины инверсии подлежащего необходимостью «tenere insieme unite quelle idee che hanno tra loro affinità». Смысловая спайка членов ремы происходит одновременно с изменением характера синтаксической связи между сказуемым и подлежа-

⁴² R. Fornaciari. *Sintassi italiana dell'uso moderno*. Firenze, 1881, цит. по кн. Госсена, стр. 84.

щим, которая становится более тесной, поскольку замещение позиции подлежащего в составе ремы оказывается обязательным. Соответственным образом переосмыслиются и формальные показатели предикативной связи. Действительно, если грамматические показатели субъекта в личных окончаниях глагола — ремы представляют собой проекцию понятийной темы, т. е. той «действительности», к которой относится рема, и, следовательно, согласование в лице, числе и роде с подлежащим — темой есть форма выражения предикативной связи между главными членами предложения, то в случае устранения темы из высказывания согласование теряет свое предикативное содержание, уподобляясь согласованию существительного с прилагательным — определением. Не случайно поэтому, что коммуникативная позиция существительного, входящего в состав ремы, может быть формально отмечена отсутствием согласования в лице, роде и числе со сказуемым, как это часто имеет место во французском языке. Сеше (цит., стр. 148) пишет по этому поводу следующее: «Que le rôle de ce substantif postposé soit quelque chose d'incertain c'est ce que montrent les faits. Nous le voyons ballotté entre diverses analogies... Le vieux français, lui, donne à ce substantif tantôt la forme du cas sujet, tantôt celle du cas complément, mais il renonce à marquer le rapport avec le verbe par l'accord. En français moderne le verbe reste toujours ?! / au singulier et cet usage paraît même avoir précédé l'apparition du pronom il». Ле Бидуа⁴³, посвятивший специальное исследование постпозиционному подлежащему, указывает на три формальные варианта конструкции, допускаемые нормой современного французского языка: «ложное подлежащее» *il* + непереходное сказуемое, не согласованное с последующим именем; непереходное сказуемое, открывающее фразу, согласованное с именем (с подлежащим); и наиболее редкий тип, где непереходное сказуемое, открывающее фразу, не согласуется с последующим именем. Кроме того, следует отметить, что типичный для французского *tour de présentation* построен по безличной модели: *il y a des gens qui pensent...*

В литературной норме современного итальянского языка случаи несогласования вводящего глагола и постпозиционного подлежащего не зарегистрированы и сам *tour de présentation* представляет собой личное предложение: *c'è un uomo — c'erano due uomini*. Более того, культурный итальянец квалифицирует конструкции вроде *è venuto due soldati* не только как неправильные, но и как просто «несуществующие». Тем не менее достаточно обратиться к писаниям малограмотных или сочинениям учеников начальных школ рабочих или сельских районов, чтобы обнаружить своеобразную «безграмотную» норму, согласно которой имя, следующее за любым формально непереходным сказуемым, утрачивает свойства грамматического подлежащего.

⁴³ R. Le Bidois. Op. cit., pp. 22, 350, 351.

Чаще всего в качестве безличного глагола, представляющего существительное — рему, выступают *c'è* и *viene*: *C'era una volta tre ladri e uno disse alla moglie: «Io vado da mio fratello ammalato, quando viene i miei amici dàgli da desinare (Galluzzo); L'Italia verrebbe distrutta se non ci fosse i soldati (Galluzzo); Nei giorni di fiera c'era molte bancarelle che vendevano merci di ogni qualità (scuola Villani);... a quei tempi cera (sic) sul fiume dei grossi barconi ancorati proprio in piena corrente (Autobiogr. 221)... i contadini ci aspettavano e cera diverse persone a tavola (Autobiogr. 223); sai viene le feste e siamo al verde da mangiare e di denaro (ibid. 107);... domani deve venire su i muli (ibid. 119).*

Не согласуются с постпозиционным именем также глаголы, обозначающие начало, протекание, неожиданное возникновение действия, а также положение в пространстве, и глагол *piacere*: *Quando poi avveniva quelle solite inondazioni in autunno... (Autobiogr. 84) ...è successo una disgrazia che costò la vita al povero Luigi (ibid. 221);... insomma mi è toccato davvero una fortuna (ibid. 227); Da questo osservatorio partiva gli ordini di tiro... (ibid. 102);... Poi nacque gl'incidenti che di solito erano all'ordine del giorno (ibid. 90);... e quando incominciava i rumori della gente della mattina (ibid. 112); Dopo qualche mese che frequentavo la scuola comincio i primi urti col professore (ibid. 312). Per tutta la città è sparso una grande gioia (Scuola Villani); Qui giace sotto questa terra grassa le spoglie di el Balos (Autobiogr. 449); A me mi piace le avventure e i gialli libri (ibid. 184); mi piace i balocchi che vendono (Galluzzo); mi diceva che ora è passato 2 anni da quel giorno (Autobiogr. 230); E quando ha voluto ecco che arrivato una automobile (ibid. 257). Характерно, что глаголы *essere* и *aversi*, *avere* и *esserci* взаимозаменяемы, т. е. наблюдается неустойчивость границ переходной и непереходной конструкции для обозначения наличия и принадлежности: *infine ogni sport v'era la sua medaglia (Autobiogr. 93)*, т. е. «ogni sport aveva la sua medaglia» или «per ogni sport c'era la sua medaglia».*

Подлежащее — рема при переходных глаголах вообще явление редкое. Однако и в этом случае оно может не согласовываться со сказуемым, которое получает как бы два дополнения: *Ma oltre a divertirsi a noi giovani ci attira i dolci che ce ne sono svariate qualità sulle bancherelle (scuola Villani)*, где *ce* не соответствует, впрочем, косвенному дополнению, и сказуемое с «*attirare*» построено по модели *piacere*. Или *i medici misurano l'aria che può contenere i nostri polmoni (Galluzzo)*, где *contenere*, по-видимому, выступает синонимом своего векторного антонима *occupare* (*entrare in*), если интерпретировать *aria* как подлежащее. Как видно из этих примеров, нарушение синтаксических границ, предписанных каждой лексеме дистрибутивными моделями литературного языка, происходит в некультурной (недостаточно нормализованной) речи в результате совмещения двух синонимичных конструкций, центральные элементы которых — глаголь-

ные лексемы — также интерпретируются как синонимичные и взаимозаменяются (*v'era=aveva, attira=piace, contenere=occupare*). Нечеткая противопоставленность различных знаков проявляется также в повторении одного и того же слова в разных значениях в одной фразе: ... *passò altri due giorni e dopo passata la visita delle ore sette passò due detenuti con una cassa accompagnati da una guardia e mi passarono dal spioncino una cassetta contenente una forbice e un martello...* (Autobiogr. 332), — небрежность, идущая вразрез с современной стилистической нормой (что подтверждается, кстати, нарочитым использованием персеверации в каламбурах). Интересно, однако, что при нечеткости лексико-грамматической организации высказывания речь детей и малокультурных людей оказывается по отношению к коммуникативным различиям гораздо более чувствительной, чем нормализованная литературная речь, особенно в ее письменной форме. Так, в последнем примере глагол не согласуется с существительным — ремой (*passò due detenuti*), но сразу же получает показатель множественного числа в следующем предложении, где «*due detenuti*» присутствует как не выраженная, но подразумеваемая тема. Чередование единственного и множественного числа здесь не случайно, так как повторяется при тех же условиях в других предложениях и у других «авторов»: *Pochi fiori sono usciti e nei campi comincia a risvegliarsi gli animaletti* (Galluzzo); *Ieri passò i colombacci e la mamma disse «Tra poco è arrivata la primavera! Davvero? domando io. E come fai a saperlo? È passato i colombacci e quando passano siamo vicini alla primavera»* (Galluzzo); *Avevo dei mazzolini di fiori che mi si sono ghiacciati. Mi si è ghiacciato perfino le cordicelle della valvola* (Galluzzo). См. также некоторые примеры из *Autobiografie*, цитированные выше. Примечательно, что постпозиция или неопределенный артикль при существительном не являются грамматизованными условиями безличной конструкции, которая зависит только от коммуникативной функции подлежащего. Так, в эмфатическом высказывании существительное — рема стоит перед сказуемым, которое остается неизменяемым: *Le donne sono di nascita tutte madalene che piangono sopra il sepolcro così bene che migliaia e miglioni di esseri ci crede* (Autobiogr. 216).

Безличные конструкции образуются также при пассивной или возвратной форме глагола — сказуемого: *Il processo si è svolto in una maniera buffa, fu sentito i testimoni tutti i contadini di quella frazione* (Autobiogr. 220); *Se si arriva che in paese vi è ancora aperto le osterie andiamo a bere un bicchiere di vino* (ibid. 108); *Coll'aiuto di mia zia mi fu comperato una nuova bicicletta* (ibid. 312); ... *le fu rubato la motocicletta...* (ibid. 351). Присутствие дополнения, обозначающего производителя действия, на форму конструкции не влияет: *Alla prima quindicina di aprile mi fu fatto dal Tr. una proposta di andare a prelevare delle casse di biancheria per sposa* (Autobiogr. 421).

Вспомогательным глаголом при безличном пассиве может служить также *venire*, подчеркивающий процессуальный характер предиката: *Quindi viene formato dei giudici. Il processo ha inizio (scuola G. Gapponi); Ai premiati veniva offerto delle medaglie in oro o argento... le medaglie però erano coniate in diversi stili* (Autobiogr. 92). Как видно из последнего примера, при подлежащем — теме согласование восстанавливается и предложение оформляется как личное.

Возвратная форма сказуемого образует два типа безличных конструкций, на интерпретацию которых влияет значение глагольной лексемы. Первый тип содержит медиальный глагол, при котором существительное, даже не будучи оформленным как подлежащее, обозначает реального производителя действия, т.е. является семантическим субъектом: *Si presenta a teatro Ponchielli due carri di bauli da scaricare* (Autobiogr. 105); *quando fui giunto a tre quarti della strada, in una svolta della montagna mi si presentò davanti due uomini e colla solita parola d'ordine «o i soldi o la vita»...* (Autobiogr. 86); ... *dove si riuniva le Autorità della città incominciando dal sindaco* (ibid. 92). Переходным случаем от первого типа ко второму может служить пример: *agitando le mani e i piedi si sviluppa tutti i muscoli del corpo* (Galluzzo). Ко второму типу относятся сочетания возвратного глагола с существительным, которое может быть интерпретировано только как реальный объект действия и никогда как его производитель или носитель: *«poi nel attraversare Caporetto si vedeva uomini e cavalli con la bava bianca alla bocca* (Autobiogr. 103); *Stamani mattina mentre si faceva le lezioni si è sentito due grossi tonfi. (Il Cast. d'Andrea).* Контекст последних двух примеров позволяет недвусмысленно определить первое лицо мн. числа как семантический субъект сказуемых *si sente* и *si vede*. Поскольку существительное, следуя за этими глаголами в составе ремы, является не только коммуникативным, но и семантическим объектом, возвратная форма глагола расширяет свои функции и выступает, как было сказано выше, в качестве стилистического синонима личной формы 1 л. мн. числа с эксплицитно выраженным подлежащим *noi*: *Noi gli si disse a Nicola di andare via... Appena arrivato noi gli si saltò addosso... — Guardate se vi prendo! E noi si prese paura e si andò via* (Galluzzo). Совмещение двух противоположных функций — устранения лица и прямого обозначения 1 л. мн. ч. создает колебания в грамматической структуре сказуемого, которое даже при определенно-личном значении формы и наличии подлежащего *noi* может согласовываться с объектом в числе и лице: *Noi, durante la settimana si compran tre o quattro giornali* (San. 44); *Noi ci si messe ginocchioni e li zitti zitti si raccattavano le ghiande* (San. 37).

Выступая в конкретном речевом акте как высказывание, предложение находится под постоянным воздействием коммуникативных факторов, которые изменяют содержание субъектно-

предикатных отношений и определяют возникновение вторичных функций (позиций) как у подлежащего, так и у модели предложения, основанной на лексико-грамматической структуре сказуемого. В свою очередь вторичные функции каждой модели являются основанием для возникновения специальных форм для их выражения, имеющих более ограниченную сферу употребления⁴⁴. Таким образом, говоря словами Куриловича, «полисемия и синонимика, влияние контекста на значение и чередование форм неразрывно между собою связаны»⁴⁵.

Порождение новых более специальных форм на основании вторичных значений форм более широкого функционального диапазона, очевидно, есть процесс диахронический. Так, предполагается, что непереходные модели древнее переходных, и точно установлено, что пассивная конструкция образовалась позже первых двух. Для синхронного плана последовательность появления форм, которые уже прочно вошли в систему языка, не имеет значения, и первичность — вторичность в применении к синхронному анализу интерпретируется обычно как более общая и более частная функция и соответственно более частотная и менее частотная форма. Вместе с тем наличие нескольких форм для выражения одного и того же содержания обуславливает принципиальную неустойчивость системы в процессе функционирования, где решающую роль в определении центральных и периферийных элементов системы играет выбор между синонимами — конкурентами. Различие в употреблении той или иной формы, которое обнаруживается при сравнении функциональных и индивидуальных стилей одного языка, позволяет увидеть «его ближайшее прошлое и возможное будущее» (Щерба) и требует, как например, в случае безличных конструкций *è venuto due soldati*, дополнительные исследования в диахронном плане. Однако характерные черты системы языка в целом гораздо яснее обнаруживаются при сравнении двух, в данном случае родственных, языков, раскрывающем тот способ формальной организации смысла, которому отдает предпочтение каждый данный язык.

Основной специфической чертой итальянского языка по сравнению с французским является, как мы видели, более «свободный» порядок слов.

В рамках несегментированного стилистически нейтрального предложения эта структурная особенность отражает тенденцию к формально-грамматическому подчеркиванию коммуникативной функции членов предложения в конкретном речевом акте. Так, инверсия подлежащего — ремы при непереходных глаголах, допускаемая нормой как итальянского, так и французского, гораздо чаще имеет место только в итальянской фразе, тогда как фран-

⁴⁴ См. Е. Курилович. О природе так называемых аналогических процессов. В кн.: «Очерки по лингвистике». М., ИЛ, 1962, стр. 102—103.

⁴⁵ Е. Курилович. Заметки о значении слова. В кн.: «Очерки по лингвистике», стр. 250.

цузский перевод (или подлинник) оставляет коммуникативное содержание грамматически не отмеченным.

Сравнение итальянского (и других европейских языков) с французским позволило заметить⁴⁶ еще одну характерную особенность последнего, а именно тенденцию к избранию в качестве отправной точки сообщения самого говорящего, обозначаемого местоимением «я», и, по аналогии, любого другого лица — протагониста, в том числе неопределенного, замещающего синтаксическую позицию местоимения «я». Напротив, в итальянском языке эта очевидная и как бы «избыточная» тема часто устраняется из коммуникации.

Эти противоположно направленные коммуникативные тенденции обуславливают также следующие расхождения между двумя языками:

1. Преобладание в итальянском непереходных моделей предложения с глаголами движения, состояния, пребывания, появления, наличия, исчезновения, вводящих подлежащее, тогда как во французском им часто соответствуют переходные модели с глаголами восприятия, обладания, приобретения, утраты⁴⁷: *Da lontana giungeva l'eco di schioppettate sfuggite a sentinelle nervose* — *On entendait l'écho lointain de coups de fusil, échappés à quelque sentinelle nerveuse* (Gattop. 21—31); *Sul muro era scritto in grandi lettere «Requiescant in pace»* — *Le mur portait, écrit en grandes lettres noires...* (Malap. 13—16); *C'è dalla parte da cui si arriva qualche albero* — *En arrivant, on voit quelques arbres* (Levi, 13). *Da ogni parte non c'erano che precipizi* — *De tous côtés on ne voyait que des précipices* (Levi, 13). *Je veux absolument prendre chez moi Sorel* — *voglio assolutamente che venga a stare con noi Sorel* (Stendh. 10—17). Как видно из этих примеров, в непереходных конструкциях семантическим центром является субъект — рема и его проявления, а в переходных конструкциях — отношение говорящего лица — темы (или субъекта — темы данного предложения) к объекту — реме. Отсюда изобилие глаголов чувственного восприятия и обладания во французском и, наоборот, более «объективный» характер глагольной лексики в итальянском.

Частотность непереходных глаголов в предложениях, где они вводят подлежащее — рему, вызывает их распространение также и в других коммуникативных условиях, тогда как во французском мы находим переходную конструкцию: *Ma femme a réellement beaucoup de tête* — *Mia moglie è veramente una donna di cervello* (Stendh. 13—21). *Il paese a prima vista non sembra un paese* — *le village, à première vue, n'avait pas l'aspect d'un village*

⁴⁶ С. Segre. Jean de Meun e Bono Giamboni traduttori di Vegetio. «Lingua, stile e società». Milano, 1963, p. 288; Ш. Балли. Ук. соч., стр. 380.

⁴⁷ Аналогичные результаты (но в другой пропорции) были получены при сопоставлении русского и французского. См. В. Г. Гак. Беседы о французском слове. М., «Международные отношения», 1966, стр. 296—309.

(Levi. 12). Après avoir couru de cascade en cascade, on les voit tomber dans le Doubs. — Questi dopo aver corso di cascata in cascata si precipitano nel Doubs (Stendh. 5—12); Devo stare attento — je dois faire attention (Levi. Cristo. 18).

2. Сохранение продуктивности одноличных моделей в итальянском и их ограниченное использование во французском. Другими словами: синтаксическая отмеченность неактивности лица — субъекта, характерная для итальянского, в отличие от французского.

а) Субъект — «обладатель» или «свидетель»: Je ne suis pas sans avoir quelques amis au Chateau (Stendh. 7) — Non mi mancano amici al Castello (Stendh. 13); gli venivano le lacrime agli occhi (Malap. 25) — et il avait les larmes aux yeux (Malap. 29); Al padre Pirrone svanirono subito i crucci (Gattop. 32) — Le Père Pirrone sentit s'évanouir toutes ses angoisses (Gattop. 45); ma mi avevano colpito il sussiego, le maniere dei signori (Levi, Cristo, 25) — je n'avais pas été sans remarquer l'attitude des seigneurs (Levi, 26).

б) Субъект — носитель эмоциональной реакции или модальной оценки. Высокая частотность оформления этого актанта как N_3 в итальянском и как N_1 во французском обусловила расхождения в сочетаемости и в значениях у некоторых глаголов, входящих к одному латинскому этимону. Так, в связи с тенденцией к употреблению прямопереходных конструкций во французском расширяется круг сочетаемости у глагола *aimer*, который приобретает более общее значение по сравнению с итальянским *amare*⁴⁸. Поэтому такие итальянские одноличные лексемы, как *piacere*, *parere*, *sembrare*, переводятся на французский большей частью не этимологически близкими глаголами *plaire*, *paraître*, *sembler*, а глаголами *aimer*, *croire*: Al black piaceva quella familiare vita quieta (Malap. 35) — Le black aimait cette paisible vie de famille (Malap. 37); J'aime l'ombre (Stendh. 6) — mi piace l'ombra (Stendh. 13); La campagna che mi pareva di aver visto arrivando, non si vedeva più (Levi. Cristo. 13) — La campagne que je croyais avoir vue en arrivant avait disparu (Levi. 13).

Случаи расхождения между итальянской и французской конструкцией для этого семантического подкласса предикатов особенно многочисленны: Je serais aussi bien fâché de perdre la mienne (Stendh. 9) — Sarebbe altrettanto grave per me perdere il mio (Stendh. 16); Cala la notte e non mi è lecito restare ancora all'aperto (Levi. Cristo. 24) — La nuit descend et je n'ai pas le droit de rester dehors plus longtemps (Levi. 25); Mi par d'essere caduto dal cielo — J'ai l'impression d'être tombé du ciel (Levi. 24—25); E poi, forse è vanità, ma mi pareva stonato che il luogo dove ero

⁴⁸ См. Р. А. Будагов. Сравнительно-семасиологические исследования. Изд-во МГУ, 1963, стр. 64. Словарь Каппучини — Мильорини квалифицирует сочетания *amare* с конкретным неодушевленным существительным как галлицизм.

costretto a vivere, non avesse in sé un'aria di costrizione — Je trouvais aussi déplacé — par vanité peut être — que l'endroit où j'étais contraint de vivre... (Levi. 13); E' nella mia natura sentire dolorosi i distacchi — Ma nature me rend tout détachement douloureux (Levi. 11); Tocca al dottor Palese, ma suo fratello il farmacista è miglior tiratore — Le Dr. Palese est désigné, mais son frère, le pharmacien est meilleur tireur... (Levi. 29—31);... quando venne a qualcuno in mente di chiamare il dottore — lorsque quelqu'un eut l'idée d'appeler le médecin (Levi. 30—31); Aussi n'aurais-je jamais songé à mettre le fils du charpentier auprès de nos enfants — Perciò non mi sarebbe mai venuto in mente di mettere vicino ai nostri ragazzi il figlio del carpentiere (Stendh. 11—18).

Соответствие французской и итальянской конструкции встретилось в обследованном материале три раза: Gli accadeva di confondere — il lui arrivait de confondre (Malap. 27—30); mi è grato riandare con la memoria a quell'altro mondo — il m'est pourtant agréable de retourner en souvenir dans cet autre monde (Levi. 9); mi dispiaceva di cambiare... — il me déplaisait de changer... (Levi. 11). Случаев употребления во французском тексте безличной (одноличной) конструкции, а в итальянском переходной личной не отмечено.

3. Закрепление в системе итальянского языка пассивной и возвратной форм выражения нейтрализации субъекта, исключающих семантический субъект из позиции подлежащего, и вообще из словесной структуры сообщения, тогда как во французском наиболее частотной формой является конструкция, где «нейтральное» лицо — субъект выступает как подлежащее предложения: On lui donnait dix sous par jour — gli venivan dati dieci soldi al giorno (Gide. 14—18); Si videro le Muse... ridere — On vit les Muses... rire (Malap. 35—38).

4. Отношения принадлежности при непереходных предикатах передаются в итальянском путем подключения к синтаксической группе сказуемого позиции N_3 , а во французском — путем включения в синтаксическую группу подлежащего притяжательных прилагательных: L'anno scorso **gli** è morto l'unico figlio (Levi. Cristo. 23) — L'année dernière **son** fils est mort (Levi. 23); S'era fatto molto tardi, gli occhi **mi** si chiudevano dal sonno (Levi. Cristo. 37) — Il se faisait très tard, **mes** yeux se fermaient de sommeil (Levi. 38).

5. В связи с общей тенденцией соотносить высказывание с говорящим субъектом (или протагонистом) норма французского языка закрепила употребление притяжательных прилагательных даже там, где они плеонастичны: tirò fuori di tasca un pacchetto di pane e formaggio (Levi. Cristo. 35) — il tira de **sa** poche du pain et du fromage (Levi. 36). Напротив, тенденция к устранению действующего лица из сообщения в итальянском обнаруживается не только в структуре сказуемого, но и в оформлении группы подлежащего или дополнения, где отношение посессив-

ности оказывается иногда невыраженным даже там, где оно могло бы быть отмеченным, как например, во фразе: *Il pane e il formaggio erano finiti e non c'era altro da mangiare* (Levi, Cristo, 35) — *Il avait fini son pain et son fromage et il n'y avait rien d'autre à manger* (Levi, 36).

Все перечисленные выше несовпадения в системе, норме и речевом узусе двух языков оказываются звеньями одной цепочки, связывающей в каждом из языков на первый взгляд разрозненные явления.

Ряды взаимно обусловленных фактов лексики и грамматики, устанавливаемые путем сопоставления языков, очевидно, составляют структурно-типологическую характеристику каждого данного языка.

Часть II

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МОДУСА И ДИКТУМА

ВВЕДЕНИЕ

Отношения дополнительности существуют между любыми элементами высказывания, характеристики которых взаимно обусловлены. Так, субъект не существует без предиката, а валентные свойства глагольной леммы — без соответствующих обязательных позиций именных членов — подлежащего, прямого дополнения, косвенного дополнения, дополнения агента, обстоятельства места.

Комбинации именных актантов, связанных дополнительными отношениями со сказуемым (авалентные, одновалентные, двухвалентные, трехвалентные предикаты), отражают — хотя и неоднозначно — семантическую ситуацию, т. е. смысловую структуру денотата. Двучленная субъектно-предикатная модель предложения соответствует его коммуникативному субстрату, где тема и рема взаимно обусловлены.

Существует, однако, еще один вид дополнительности, который, хотя и входит в понятие предикативности, «не затрагивает передаваемых предикатом субъектно-объектных связей»¹. Это — так называемая категория модальности, определяемая как «отношение говорящего к той связи, которую он устанавливает... между данным признаком и данным предметом»².

Таким образом, предикативная природа всякого высказывания состоит из двух ярусов — первый содержит субъектно-предикатные отношения денотата (диктум), второй — отношение говорящего к этим отношениям (модус)³.

¹ И. И. Мещанинов. Глагол. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 75.

² А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., Учпедгиз, 1936, стр. 105.

³ См. Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., ИЛ, 1955, стр. 44.

Модальность возникает только в коммуникации; однако, в отличие от чисто коммуникативных категорий «темы» и «ремы», модальные отношения семантически значимы и могут быть описаны в виде ряда простейших модальных смыслов. Действительно, говорящий представляет собой субстанцию, выступающую в высказывании как эксплицитный или имплицитный семантический субъект, а его отношение к диктуму можно рассматривать как эксплицитный или имплицитный семантический предикат.

Основным признаком говорящего является, естественно, акт говорения.

Этот признак является активным, т. е. предполагающим определенную цель, и относительным, так как связывает два предметных актанта — говорящего и собеседника. Как относительный активный признак «говорение» входит в группу каузативов и в зависимости от целевой установки может представлять собой каузацию знания («сообщать — заставлять знать»), каузацию ответного акта говорения («спрашивать — заставлять говорить») и каузацию конкретного действия («приказывать — заставлять делать»).

На основании различия цели говорения выделяются обычно три формальных типа предложения: повествовательные, вопросительные и побудительные.

Неактивным признаком, всегда сопровождающим речевой акт, является оценка говорящим лицом субъектно-предикатной связи диктума. Эта связь может оцениваться как известная и не вызывающая сомнений, как неизвестная, предположительная, условно-гипотетическая или желательная. Отношения субъективной оценки часто отождествляются со значениями глагольных наклонений — индикатива, конъюнктива, кондиционала и императива⁴.

Таким образом, в грамматиках различных языков формы коммуникативной модальности (сообщение, вопрос, побуждение), передающие отношения между содержанием высказывания и двумя участниками коммуникации, часто рассматриваются в разделе синтаксиса простого предложения, а формы субъективно-оценочной модальности и их значения описываются как морфологические категории глагола в разделе о частях речи⁵.

Отсюда возникает известный произвол в установлении количества типов предложений и количества глагольных наклонений.

⁴ Помещение императива в один ряд с конъюнктивом и кондиционалом неправомерно, так как он содержит активный компонент каузации действия, отсутствующий у двух других наклонений.

⁵ См. В. В. Виноградов. Русский язык. М., Учпедгиз, 1947, стр. 581: «Категория наклонения отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом. Она выражает оценку реальности связи между действием и его субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи. Таким образом, категория наклонения — это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия».

Так, в грамматике итальянского языка Б. Мильорини⁶ насчитывается шесть типов предложений — повествовательные, побудительные, вопросительные, восклицательные, гипотетические (условные) и назывные, а в грамматике С. Батталья и В. Перниcone⁷ только три — повествовательные, вопросительные, восклицательные. В. В. Виноградов в своей книге «Русский язык» говорит о четырех наклонениях — изъявительном, повелительном, волюнтаривном и условно-желательном (гипотетическом), тогда как А. А. Шахматов, учитывая аналитические формы, обнаруживает в русском языке восемь наклонений: изъявительное, сослагательное, повелительное, желательное, условное, недействительное, предположительное и потенциальное.

Отсутствие единства терминологии и единообразия выделяемых единиц в этой области грамматики объясняется самими свойствами объекта исследования, а именно неотделимостью категорий глагола от категорий предложения. Модальная характеристика высказывания отражается прежде всего на строении сказуемого. Поэтому, если форма императива отождествляется с побудительным типом предложения, вполне логично выделить, как это делает Мильорини, также и условный (гипотетический) тип предложения, исходя из соответствующего глагольного наклонения.

В свою очередь наклонение глагола не всегда представлено в виде словоизменительного аффикса и зачастую передается аналитически («синтаксически») путем сочетания глагольной словоформы с грамматизованными модальными словами («пусть», «хоть бы», «разве»), модальными частицами («бы», «ли») или служебными модальными глаголами («мочь», «долженствовать»). Поскольку морфологический показатель наклонения глагола подчас трудно отличить от аналитических форм модальности⁸ (например, русские частицы «бы», «ли»), в число наклонений могут быть включены также и аналитические единицы, например, вопросительное наклонение в английском языке, выраженное сочетанием служебного глагола *to do* с инфинитивом.

Некоторые исследователи называют аналитические формы синтаксическими наклонениями⁹, чтобы отличить их от синтетических форм.

Однако, учитывая тот факт, что модальность, как категория предикативная, составляет основу формальной и смысловой характеристики предложения, более последовательной интерпретацией термина «синтаксическое наклонение» является его соот-

⁶ B. Migliorini. *La lingua nazionale*. Firenze, 1943, pp. 327—331.

⁷ S. Battaglia, V. Pernicone. *La grammatica italiana*. Torino, 1960, pp. 511—513.

⁸ См. И. И. Мещанинов. Ук. соч., стр. 80.

⁹ См. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., Учпедгиз, 1941, стр. 481.

несение с понятием особой единицы синтаксического уровня¹⁰, форма которой складывается из взаимодействия формы морфологического склонения и других грамматизованных элементов структурной схемы предложения (включая интонацию, если она выполняет грамматическую функцию, как, например, в вопросительных предложениях).

Морфологические склонения выступают, таким образом, как часть формы синтаксического склонения, в составе которого они получают дифференцированные значения (например, в сочетании с модальным показателем «пусть» индикатив передает значение «пожелания»).

Синтаксические склонения, в отличие от морфологических, менее многозначны, но в то же время могут иметь несколько формальных вариантов, передающих различные оттенки общего модального смысла. Понятие «синтаксического склонения», т. е. формы предложения, несущей модальную нагрузку, очевидно, совпадает с понятием «типа предложения», выделяемого по модальному признаку.

Как большинство единиц синтаксического уровня, синтаксические склонения, по-видимому, сходны во всех европейских языках, хотя конкретные формы выражения этих склонений в разных языках могут быть различными. Например, «пожелательное склонение» (оптатив) в русском языке передается главным образом тремя формами: «пусть он придет», «чтоб тебе провалиться», «будь проклят тот день»; в итальянском языке также существует три варианта: *che venga*; *possa N₁ venire*; *sia maledetto quel giorno*, но ни один из них не имеет точных формальных аналогов в русском языке.

Одно и то же денотативное содержание, например, «мальчик» + «спать», может получать различные модальные характеристики, выраженные в формах различных синтаксических склонений: «мальчик спит», «спи, мальчик», «мальчик спит?», «спит ли мальчик?», «пусть мальчик спит», «мальчик может спать», «если бы мальчик спал!» и т. п.

Возникает вопрос, являются ли все эти формы членами парадигмы модальных преобразований одного предложения (которое, как полагает Н. Ю. Шведова, «существует не в одном каком-то единственном и неизменном виде, а в совершенно определенной совокупности регулярно обнаруживающихся выявлений»¹¹, или представляют собой разные типы предложений.

Казалось бы, неизменность денотата при изменении грамматически выраженного модального отношения должна служить веским доказательством в пользу первого решения, тем более, что две другие предикативные категории — лица и времени — обра-

¹⁰ См. Н. Ю. Шведова. Парадигматика простого предложения в современном русском языке. В кн.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., «Наука», 1967, стр. 8—12.

¹¹ Там же, стр. 10.

зуют парадигматические ряды в пределах одной и той же модели предложения: я сплю, ты спишь, он спит; я сплю, я спал, я буду спать и т. п. Вместе с тем, сопоставляя парадигмы лиц и времен с приблизительным перечнем синтаксических склонений¹² нетрудно убедиться в том, что формы склонений, во всяком случае некоторые из них, не образуют парадигматического ряда, так как складываются из разных несопоставимых синтаксических позиций¹³ (ср. «ты приходишь — приходи», «если бы ты пришел, то...») и, следовательно, соответствуют разным структурным типам (моделям) предложений.

Различие типов предложений зависит, как мы видели, также от состава именных актантов и характера отношений между ними. В качестве дифференцирующих показателей при семантико-формальной классификации предложений (предикатов) учитываются как формальные признаки количества именных позиций (предикаты одноместные, двухместные и т. п.), так и категориальные семантические составляющие членов предложения, например, одушевленность — неодушевленность, предметность — неперодметность именных членов, абсолютность — относительность, активность — неактивность глагольного члена.

При выделении типов предложений по их модальным признакам количество именных позиций, их оформление и классемы членов предложения не существенны, так как модальное содержание не зависит от денотата (субъекта и предиката высказывания).

Формальными показателями различий между синтаксическими склонениями являются разнообразные грамматические элементы предложения, несущие модальную нагрузку. Содержательными дифференциальными признаками различий между формами склонений (модальными типами предложений) будут, однако, не общие значения этих форм, так как значение любой формальной языковой единицы — будь то слово или предложение — неустойчиво, а более элементарные модальные смыслы, из которых складываются значения склонений.

К этим элементарным смысловым составляющим принадлежит прежде всего дифференциальный признак активности — неактивности (свойственный не только модальным отношениям). По этому признаку различаются формы *коммуникативной модальности* (императив, вопросительное склонение, повествовательное склонение) от форм *субъективно-оценочной модальности* (синтаксический индикатив, кондиционал, оптатив, предположительное склонение и т. п.).

¹² Количество синтаксических склонений не может пока считаться установленным.

¹³ При императиве позиция подлежащего факультативна и сближается с позицией обращения; потенциальное склонение (кондиционал), в отличие от индикатива и императива, предполагает зависимую позицию предложения в составе более сложной синтаксической единицы.

Простейшие смыслы субъективно-оценочной модальности, издавна известные логикам и грамматистам, сводятся к трем: оценка факта как реального, оценка факта как желательного и оценка факта как предположительного¹⁴.

Синтаксическое изъявительное наклонение (индикатив) «служит для простого констатирования утверждения или отрицания действия в настоящем, прошедшем и будущем»¹⁵ — определение, данное В. В. Виноградовым морфологическому изъявительному наклонению, но приложимое только к синтаксическому индикативу. В отличие от морфологического индикатива, который может выступать в составе разных синтаксических наклонений и представляет собой «нулевую», не отмеченную определенным модальным значением форму, синтаксический индикатив имеет содержательную модальную характеристику: уверенное знание об отсутствии или наличии связи между субъектом и предикатом и об определенной временной локализации этой связи по отношению к моменту речи¹⁶. Формой выражения синтаксического индикатива является во всех языках форма морфологического индикатива, способная изменяться по полной парадигме глагольных времен, и повествовательная (или восклицательная) интонация. Синтаксический опатив — *utinam illum diem videam!* (Cic. At. 3, 3) ит. *possa io vedere quel giorno*, русск. «пусть я увижу тот день» — складывается из смыслов предположительности и желательности. Синтаксический кондиционал содержит примерно те же модальные компоненты, но соотносены с условно-следственным (семантически сложным) денотатом, и т. п.

Наклонения субъективной оценки не включают каузативного компонента «воздействия» на собеседника. Напротив, коммуникативные наклонения помимо смысла «каузативности» обязательно содержат оценочные смыслы «знания», «незнания», «желательности», «предположительности», так как именно эти смыслы являются собственно-модальными. Так, синтаксическое повелительное наклонение (=побудительный тип предложения) к компоненту каузации действия присоединяет модальный смысл желательности.

Синтаксическое вопросительное наклонение состоит из сложной комбинации «незнания, желания узнать и каузации речевого акта собеседника».

Синтаксическое «повествовательное» наклонение нецелесообразно отождествлять с синтаксическим индикативом, потому что оно противопоставлено вопросительному и побудительному только по различительному признаку цели говорения и представляет собой наклонение «сообщения»¹⁷ (каузации знания у собеседни-

¹⁴ См. В. В. Виноградов. Ук. соч., стр. 582.

¹⁵ Там же, стр. 587.

¹⁶ Ср. определение Н. Ю. Шведовой синтаксического изъявительного наклонения как наклонения временной определенности (Ук. соч., стр. 12).

¹⁷ См. А. М. Пешковский. Ук. соч., стр. 356.

ка). Связь с собеседником, обязательная и отмеченная самой формой в прямом вопросе или побуждении, в повествовательном высказывании не обязательна, так что его каузативное содержание «воздействия на адресата сообщения» зависит целиком от речевой ситуации. Повествовательное наклонение может передавать любое модальное отношение, за исключением прямого вопроса и прямого побуждения. В соответствии со смысловой «неотмеченностью» этого коммуникативного типа предложения находится и его форма, не имеющая никаких грамматических примет, кроме отрицательных (не вопросительная и не побудительная форма).

Что касается «восклицательного наклонения» (или восклицательного типа предложения), сейчас уже может считаться доказанным, что оно не существует как самостоятельная синтаксическая единица, так как восклицательная интонация может быть подключена к любому типу предложения. Кроме того, содержательная сторона восклицания сводится к чистому аффекту, не имеющему прямого отношения к оценке субъектно-предикатной связи денотата.

Все перечисленные выше модальные смыслы и их комбинации дополняют собственно-денотативное содержание высказывания и передаются синтаксическими наклонениями грамматически. Это значит, что субъект — носитель модальной оценки вообще никак не представлен в составе предложения, а его признаки — модальные отношения — сообщение, вопрос, приказ, знание, предположение, воля — сопровождают предикат в виде разнообразных уточнителей, не имеющих самостоятельной синтаксической позиции «члена предложения». Даже в том случае, когда показателем синтаксического наклонения является модальное слово типа «разве», «пусть», «неужели», способное выступать как отдельная интонационная единица, оно не может быть ни дополнением, ни определением, ни обстоятельством, т. е. ничем другим, кроме грамматического модального показателя¹⁸.

Известно, однако, что все европейские языки располагают возможностью передавать отношение говорящего к денотату самостоятельной глагольной лексемой, имеющей собственный субъект — подлежащее и управляющей дополнительным придаточным или инфинитивным оборотом.

Подклассы глаголов, обозначающих психические проявления лица, хорошо известны со времен античных грамматик и регулярно перечисляются в любой грамматике современных языков в разделе, посвященном дополнительным придаточным предложениям. Однако лишь приверженность к издавна установленным канонам, предписывающим отдельный анализ простого и слож-

¹⁸ А. М. Пешковский (Ук. соч., стр. 372) замечает, что подобные модальные слова, обладая интонационными признаками самостоятельного слова, выражают «только отношение к мысли, а не саму мысль», т. е. лишены лексического значения.

ного предложения, независимо от их семантической структуры, помешала (и до сих пор мешает) лингвистам признать тот факт, что конструкция глаголов *dicendi*, *putandi*, *affectuum*, *voluntatis* с дополнительным придаточным представляет собой одну из форм выражения модальных отношений, точнее, наиболее расчлененную и семантически прозрачную их форму. Необходимость включения этой синтаксической конструкции в ряд форм предложения, несущих модальную нагрузку, достаточно убедительно была доказана Шарлем Балли в статье, специально посвященной проблеме эксплицитной модальности¹⁹. Эта работа, по непонятным причинам не получившая должного резонанса в лингвистической литературе, содержит следующие существенные наблюдения:

1. Модальность неотделима от высказывания и характеризуется многообразием форм выражения. Эксплицитной формой модальности являются предложения с придаточным дополнительным, где субъект — говорящий и его отношение (оценка, суждение), т. е. модус и понятие о предмете речи и его свойства, т. е. диктум, выражены отдельными лексемами, а связь между ними представлена как обязательная. Всякий глагол, управляющий придаточным дополнительным и не способный иметь в позиции дополнения конкретных существительных, является модальным. Модальные глаголы, сочетающиеся с конкретным дополнением, сохраняют свой модальный характер, если глагол диктума имплицитно содержится в высказывании и может быть свободно восстановлен. (Например, «я хочу чаю» — «я хочу выпить чаю»). Если без нарушения смысла фразы «диктальный» глагол восстановить не удается, глаголы *dicendi*, *putandi* etc. в сочетании с существительными не являются модальными, как например, «я думаю о моей матери», «ты знаешь эту сказку?», «скажи это слово», где глаголы «думать», «знать», «говорить» не выражают никакого модального отношения.

2. Дополнительное придаточное, зависимое от модальных глаголов, может быть преобразовано в инфинитив, представляющий диктум в более сжатой форме. Однако не все глаголы, управляющие инфинитивом, модальны. С инфинитивом сочетается также целый ряд лексем, обозначающих а) чисто видовые оттенки (начинать, кончать) и б) модально-видовые оттенки, связанные со степенью участия психической или физической энергии деятеля в осуществлении собственного действия (удаваться, пытаться, стараться, мочь, уметь).

Смысловая и формальная граница между модально-видовыми и чисто модальными глаголами не устойчива, и можно найти немало примеров промежуточных конструкций, особенно с глаголами, обозначающими внимание, старание, стремление. Однако отличительным семантическим признаком чисто модальных гла-

¹⁹ Ch. Bally. *Syntaxe de la modalité explicite*. CFS, 1942, n° 2.

голов является то, что они способны обозначать в равной мере как отношение лица — субъекта к собственному действию (состоянию), так и к действию (состоянию) другого лица или предмета. Формальным отличительным признаком модальных глаголов является соответственно их сочетаемость как с инфинитивом, так и с дополнительным придаточным предложением в отличие от модально-видовых глаголов, которые с придаточным дополнительным не сочетаются²⁰.

3. Сочетания глаголов «долженствовать» и «мочь» с инфинитивом, а глагола «казаться» с прилагательным или причастием, определяются как форма модальности, занимающая среднее положение между эксплицитной синтаксической конструкцией «модальный глагол + дополнительное придаточное» и синтаксическим наклонением. Сами глаголы «долженствовать», «мочь» и «казаться» рассматриваются как лексические эквиваленты пассивных форм модальных глаголов приказа, допущения или предположения и определяются как модальные полуслужебные. Глагол «мочь» в значении «иметь силы» относится не к модальным, а к модально-видовым лексемам.

4. Глаголы аффекта также имеют двойственную природу: обозначая эмоциональную реакцию лица, вызванную какой-либо причиной, они не являются модальными («я боюсь грома»); обозначая оценку факта как желательного или предположительного (в широком смысле), они представляют собой предикат модуса («я боюсь, что гром меня убьет»).

В «Общей лингвистике» и более подробно в изложенной выше статье Ш. Балли рассматривает конструкцию эксплицитной модальности как сложное предложение, позволяющее передать отношение говорящего к денотату лексически, при помощи полнозначных глаголов *dicendi*, *putandi*, *affectuum*, *voluntatis*²¹, которые вслед за Балли мы также будем называть модальными.

Следует, однако, подчеркнуть, что эта конструкция является сложным предложением лишь формально, так как представляет в аналитической (эксплицитной) форме те же отношения обязательной взаимной дополнительнойности, которые связывают модальные смыслы с денотатом в синтаксических наклонениях.

Кроме того, конструкцию эксплицитной модальности нельзя рассматривать просто как синтаксический фон, благоприятный для лексической передачи модального смысла. Сама модель «Vt + дополнительное придаточное» является синтаксической формой, имеющей значение «модального отношения вообще». Содержательная сторона этого отношения уточняется и дифференцируется

²⁰ Интересное исключение в этом отношении представляет собой румынский язык, где даже чисто «видовые» глаголы типа «продолжать» могут вводить придаточное дополнительное (со сказуемым в конъюнктиве). См. Р. А. Будагов. Этюды по синтаксису румынского языка. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 111.

²¹ Глаголы *sentiendi*, в своих первичных значениях — «слышать», «видеть» не выражают модальных отношений.

как лексическим наполнением сказуемого модуса, так и формами наклонений диктума (ср. «я знаю, что он придет», «я хочу, чтобы он пришел», «я не знаю, придет ли он»). Таким образом, конструкция «Vt+дополнительное придаточное» специально предназначена для выражения модального отношения, которое здесь представлено «линейно» в виде сочетания двух предикатов — управляющего модального и управляемого диктального.

Конструкция эксплицитной модальности имеет также свою чисто формальную специфику, отличающую ее от внешне сходных сочетаний переходных глаголов с дополнением, выраженным конкретным существительным. Дело в том, что позиция сказуемого, управляющего дополнительным придаточным, может быть замещена только модальным глаголом, а позиция дополнения — диктума не идентична позиции дополнения, выраженного существительным²². Это очевидно прежде всего из самого различия лексического наполнения этих позиций: первичной формой выражения зависимого диктума является придаточное предложение, тогда как существительное в этой позиции является результатом преобразования: «Я не уверен, что он придет — я не уверен в его приходе».

Если форма существительного или инфинитива оказывается первичной или единственно возможной в позиции дополнения, модальное содержание отношений утрачивается и модальный глагол переосмысливается. Утрата глаголом «направленности» на диктум (диктальной валентности) и исключение позиции дополнительного придаточного происходит в том случае, если подчеркивается содержательная, а не относительная сторона признака, выраженного глаголом и открывается «место» для обстоятельств действия, как например, во фразе Флобера: *Il répondit médiocrement aux pointes, calembours, mots à double entente* (Bov. 45) — *Rispose maluccio alle punzecchiature, alle freddure, ai doppi sensi* (Bov. 35) — «на все шуточки, каламбуры, двусмысленности... он отвечал довольно плоско» (Флоб. 39).

Перенос смыслового акцента на сам процесс протекания психической деятельности, подчеркнутый его качественными или количественными характеристиками, обуславливает не только устранение «диктальной» валентности у глагольной лексемы, но и замену самой лексемы ее немодальным синонимом, обозначающим тот же психический признак лица. Так, глагол «говорить» в романских языках — *dicere* (*dire* во французском и итальянском), обозначая сам процесс говорения и его содержание, оказывается синонимом немодального глагола *parler* (*parlare*) — «говорить», не сочетающегося с придаточным дополнительным: *Entrarono a dire del danno che fece la guerra* (San. 18) — «Они начали гово-

²² См. Е. А. Реферовская. Синтаксис современного французского языка. Л., «Наука», 1969, стр. 79, где указывается, что «дополнительное предложение не представляет собой «расширенного дополнения» управляющего глагола, т. е. не равноценно члену главного предложения».

рить об ущербе, принесенном войной», нарядус с: *Gli parlò ancora di sua madre* (Bov. 29) — «Она говорила ему о своей матери». Глагол *savoir* (*sapere*) в своем не модальном значении имеет синоним *connaître* (*conoscere*), который не употребляется в составе конструкции эксплицитной модальности: *Mais elle connaissait trop la campagne; elle savait le bêlement des troupeaux...* (Bov. 51). То же и в итальянском переводе: *Ma la conosceva anche troppo bene, la campagna, lei: sapeva il belato dei greggi...* (Bov. 40). У глагола «думать» (*penser*, *pensare*) наличие позиции косвенного дополнения, обозначающего предмет мысли, исключает позицию дополнения — диктума и делает невозможным интерпретацию глагола как модального: «я думаю о моей матери», — *penso a mia madre*.

Различие позиций именных дополнений и дополнения — диктума не исключает возможности появления в позиции диктального дополнения существительного (абстрактного или конкретного) в качестве вторичной, преобразованной формы выражения данной синтаксической функции. Точно так же в специфически именной позиции может появиться придаточное предложение: *Io cominciai a pensare a come potevo farlo* (San. 153) — «Я начал думать о том, как это сделать»; *E non hai pensato a ciò che è seguito per quel gesto* (Viola Fine. p. 112, пример Херкнега²³) — «Ты не подумал о том, что последовало за этим жестом». Синтаксическая «равноценность» этого придаточного именному дополнению и его отличие от диктального дополнительного проявляется в возможности его субстантивации при помощи обобщенных предметных («указательных») местоимений или существительных («то, что», «тот факт, что...»), недопустимых при диктальном придаточном (*«я думаю то, что ты пришел»). Поэтому два на первый взгляд одинаковые предложения: «я знаю, что ты болен» и «я знаю, что ты думаешь» принадлежат к разным синтаксическим конструкциям: первая содержит модальный предикат и диктальное дополнение, вторая — немодальный предикат психического процесса и его именное дополнение, уточняющее содержание этого процесса (ср. перевод этих фраз на итальянский язык: *so che sei malato* — *so che cosa pensi*).

Различие именной позиции дополнения и позиции дополнения — диктума подчеркивается также двумя различными типами местоимений, способных замещать эти позиции. Первая допускает только «предметные» местоимения, изменяющиеся по числам и родам, или содержащие указательный (деиктический) компонент (это, то, эти, те, он, она, они и т. п.), тогда как вторая замещается только непредметным местоимением — «это», фр. *le*, ит. *lo*, исп. *lo* лишенным форм словоизменения. Так, модальный глагол «знать» сочетается только с непредметным местоимением,

²³ Дж. Херкнег (G. Herczeg. *Sintassi delle proposizioni subordinate nella lingua italiana*. Budapest, 1959, p. 268) рассматривает как «дополнительное» любое предложение, выполняющее синтаксическую функцию существительного.

а его немодальный аналог — только с предметными местоимениями. Ср. *io lo so* и *io lo conosco* — «я это знаю» и «я его знаю».

Конструкция эксплицитной модальности, описанная в статье Балли, имеет вид $N_1 Vt + \text{что (чтобы)} \dots$ где позицию модального предиката может занимать любой глагол, управляющий дополнением — диктумом. Однако модальные смыслы, как мы уже видели, не одинаковы. Остается выяснить, имеем ли мы право рассматривать все модальные глаголы как противопоставленные друг другу по значению в позиции модального предиката и как синтаксически эквивалентные.

Смысловые различия могут проявляться, как известно, в двух планах — синтагматическом и парадигматическом: В первом случае формы, связанные между собой в одном высказывании, как, например, подлежащее и сказуемое, сказуемое и дополнение и т. п. принадлежат к различным семантико-синтаксическим классам, но не могут быть противопоставлены друг другу, так как противопоставление всегда предполагает какую-либо общую основу. В области синтаксиса такой основой служит общность позиции относительно других элементов предложения. Два элемента, связанные отношениями подчинения и поэтому занимающие разные позиции, не могут рассматриваться как члены одного парадигматического ряда.

В свою очередь синтаксически эквивалентные единицы, противопоставленные по смыслу, взаимозаменяемы, но не совместимы в одном предложении.

Если теперь с учетом этих критериев мы сравним две конструкции эксплицитной модальности, модальные предикаты которых выражают соответственно отношение говорения («сообщения») и отношение субъективной оценки, например, «я говорю, что ты болен» и «я знаю, что ты болен», то мы обнаружим, что в первой фразе не замещено место субъективно-оценочного предиката, а во второй — место предиката говорения. Заполнение «пустых мест» даст нам трехъязычную конструкцию с двумя модусами: «я говорю, что я знаю, что ты болен». Таким образом, полная формула эксплицитной модальности будет иметь вид « $N_1 V \text{ dicendi} + \text{что } V \text{ putandi (voluntatis)} + \text{что (чтобы)}$ », где отношения между двумя модусами предстают как модально-диктальные, т. е. дополнительные.

Отсюда следует, что в конструкции эксплицитной модальности существует по меньшей мере две позиции модуса: позиция модуса говорения и позиция модуса субъективной оценки, не исключаящие, но дополняющие друг друга.

Модус говорения, передающий нейтральное отношение «сообщения», по существу не модален. Однако его способность сливаться с субъективно-оценочными смыслами (ср. «я говорю, что я знаю, что...» = «я утверждаю, что»; «я говорю, что я хочу» = «я приказываю»), а также его грамматический признак «предиката, управляющего дополнительным придаточным» делают его синтак-

сическое место не идентичным, но аналогичным позиции предикатов субъективной оценки.

Формальным отличительным признаком модуса говорения или модуса, осложненного смыслом говорения, является обязательная синтаксическая связь с позицией адресата — собеседника, которая отсутствует у модальных предикатов, содержащих только субъективную оценку («я тебе говорю, что...» но «я знаю, что», «я приказываю тебе, чтобы...» но «я хочу, чтобы...»).

Таким образом, смысловые различия между двумя типами модальных отношений — коммуникативным и субъективно-оценочным — обнаруживаются не только в формах синтаксических наклонений, но и в формах конструкции эксплицитной модальности.

Как мы видели, для передачи определенного модального содержания язык располагает двумя²⁴ возможностями: представить точный модальный смысл грамматически, самой формой предложения («иди!») или выразить этот смысл лексически, в составе конструкции эксплицитной модальности, где форма предложения передает лишь «модальное отношение вообще» («я тебе говорю, что хочу, чтобы ты пошел»).

Выбор синтаксического наклонения или формы эксплицитной модальности зависит от определенных условий.

Для большинства субъективно-оценочных модальных отношений конструкция эксплицитной модальности является во всех европейских языках наиболее распространенной экспрессивно-нейтральной формой выражения: «я хочу, чтобы..., я надеюсь что, я думаю что; я сомневаюсь что» и т. п. Синтаксические наклонения субъективной оценки употребляются в следующих случаях:

1. Для передачи некоторых комбинаций элементарных модальных смыслов, осложненных добавочной экспрессивной (аффективной) нагрузкой: «Ах, если бы он пришел!», «Пусть он придет», «Хоть бы он не пришел» и т. п.

2. Для передачи смысла «желательного предположения» (гипотезы), отнесенного к условно-следственному денотату: «если бы он пришел, мы бы пошли в кино».

3. Для передачи уверенного знания (оценки факта как реального): «он пришел», «он придет», «он приходит».

В последнем случае конструкция эксплицитной модальности выступает как позиционный вариант синтаксического индикатива, обусловленный, во-первых, несовпадением временного плана модальной оценки с моментом речи, или субъекта модуса с говорящим («Он пришел», «я знал, что он пришел»; «она знает, что он пришел»), и, во-вторых, специальным подчеркиванием содержательной стороны модальной оценки: («Он пришел» — «Я знаю, что он пришел»).

²⁴ Вводные модальные слова представляют собой, по-видимому, вариант эксплицитного модуса.

Для коммуникативных модальных отношений, осложненных активным смыслом «говорения», синтаксические наклонения «повествовательное» (с различным модальным содержанием), «вопросительное» и «побудительное» являются наиболее распространенными формами при совпадении субъекта модуса с говорящим и временного плана модального отношения с моментом речи. При изменении этих условий, синтаксическое наклонение уступает место «косвенной речи»: («Он болен?» — Ты спрашиваешь, болен ли он». «Я спросил, болен ли он»). Кроме того, эксплицитный модус «говорения» появляется при нарочитом выделении этого смысла, например, при подчеркнутом утверждении собственного мнения: *Disse soltanto: «Allora ti ammazzo». E io: «Provaci... io ti dico che non ammazzi nessuno»* (Moravia. Расс. *«Fanatico»* p. 24) — Тогда он сказал: «Я тебя убью». Я же в ответ. «Попробуй... А я тебе говорю, что ты никого не убьешь».

Как известно, при «переводе прямой речи в косвенную» многие модально-экспрессивные оттенки, заложенные в форме предложения теряются, так как эксплицитный модус способен передавать лишь понятийное (денотативное) содержание модального отношения. (Частично эта утрата возмещается в формах так называемой «несобственно-прямой речи»).

Модальный смысл, выраженный самостоятельной лексемой, становится таким образом полноправным элементом денотативного содержания предложения. Форма же конструкции эксплицитной модальности, освобожденная от конкретной модальной нагрузки, передает лишь «модальное отношение как таковое» и подключается к «нулевому» коммуникативному наклонению «сообщения».

Итак, модальная характеристика предложения складывается из двух типов отношений говорящего к своей речи: субъективно-оценочного и коммуникативного; оба эти отношения могут получаться как эксплицитное, так и имплицитное (чисто грамматическое) выражение.

МОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ И ФОРМЫ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ

§ 1. КОНСТРУКЦИЯ ЭКСПЛИЦИТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Эксплицитный оценочный модус указывает на зависимость субъектно-предикатной связи диктума от психической реакции лица. Как уже было сказано, предикаты психической реакции (модальной оценки) не активны и сами по себе не предполагают никакой связи со слушателем. Желание, сомнение, уверенность и другие «психические» характеристики говорящего имеют в конструкции эксплицитной модальности свое синтаксическое место, всегда соответствующее позиции диктума по отношению к эксплицитному или имплицитному модусу говорения: *Alla signora Maria disse che non voleva più che Ippolito gli desse ripetizione* (Ginsb. Tutti. 36); *(Io. Le dico che) voglio dire che S. con grande candidezza rivela la sua ambizione* (Montale. 66).

Таким образом, все глаголы, вводящие дополнительные придаточные предложения и не осложненные смыслом «говорения», обладают общим значением «субъективной оценки».

Однако нетрудно заметить, что дополнительные отношения существуют не только между модусом говорения и модусом субъективной оценки, но и между некоторыми группами собственно-модальных предикатов, как это видно из следующей цепочки, где каждый последующий глагол занимает позицию диктума по отношению к предыдущему: *Emanuele diceva che non si sentiva niente curioso di sapere cosa fosse questa cosa* (Ginsb. Tutti. 51).

Модальные предикаты, не способные вступать в отношения модуса и диктума как несовместимые по смыслу, например, *voglio essere curioso, voglio che mi dispiaccia, dubito di sapere, sono sicuro di dubitare* и т. п., занимают одну и ту же синтаксическую позицию и противопоставлены друг другу как члены одной парадигмы. Те модальные предикаты, которые не могут замещать друг друга в одной позиции, представляют собой разные синтак-

сические единицы, дополняющие друг друга в синтагматическом ряду. Синтаксически разнородные модальные предикаты образуют две группы: предикаты, обозначающие рациональные оценки (знать, сомневаться, предполагать), и предикаты, обозначающие эмоциональные оценки (хотеть, желать, удивляться, радоваться).

Рассмотрим теперь, по каким модальным значениям противопоставлены предикаты в этих двух группах. Заметим сразу же, что число членов парадигмы нельзя определить исходя из лексических значений модальных глаголов, которые сами нуждаются в классификации. Единственным объективным критерием для выделения элементарных модальных смыслов, образующих парадигму, могут служить формальные показатели содержательных изменений внутри конструкции эксплицитной модальности, а именно знак связи модуса и диктума (союз «che» союз «ze» или вопросительные слова) и наклонение диктального глагола (индикатив или конъюнктив).

1. В группе предикатов рациональной оценки по этим признакам выделяются три подгруппы.

А. К первой подгруппе относятся предикаты, вводящие диктум при помощи союза *che* и не допускающие в диктальном предикате формы конъюнктива. Модальный предикат может быть выражен только глаголами *sapere*, *capire* и их личными и безличными синонимами: *sono certo*, *sono sicuro*, *è chiaro*, *è evidente*, *s'intende*: *Era il solo a capire che quella natura non è cristiana* (Malap. 51); *È chiaro che egli non è molto lieto del mio arrivo* (Levi. Cristo. 19) *s'intende bene che io pagherò* (Cechov. 1187).

Содержание этого модального отношения сводится к уверенному знанию (пониманию) наличия или отсутствия связи между субъектом и предикатом диктума. Поскольку факты, о которых мы сообщаем собеседнику, большей частью хорошо нам известны и представляются соответствующими действительности, это модальное отношение не нуждается в специальном выделении и обычно передается имплицитно самой формой синтаксического наклонения индикатива.

Однако в случае несовпадения модального субъекта с говорящим, или модальной оценки с моментом речи создаются условия для применения формы эксплицитной модальности, где диктум получает грамматические показатели своей зависимости от модуса (союз «что», согласование времен). Естественно, что эксплицитный модус и его диктум лишены формальных и семантических характеристик «отдельного сообщения», так как представляют собой аналитически развернутые элементы одного простого предложения.

Таким образом, существенной формальной характеристикой модального отношения «уверенного знания» («соответствия передаваемого смысла действительности») является чередование формы имплицитной модальности — индикатива независимого повествовательного предложения — с конструкцией эксплицитной модаль-

ности, обусловленное несовпадением временных планов или различием субъектов модуса.

Б. Модальным предикатам «уверенного знания» противопоставлены предикаты «мнения», т. е. недостоверного знания. Формальными признаками этой подгруппы, отличающими ее от предыдущей, являются, во-первых, употребление конструкции эксплицитной модальности для передачи большинства модальных оттенков «мнения» (*io dubito che*, *non sono sicuro che*, *credo che*, *mi pare che*), независимо от совпадения или несовпадения момента речи с моментом модальной оценки, а модальность субъекта с говорящим, и, во-вторых, возможность свободного чередования конъюнктива и индикатива в диктуме, не вызывающего существенных смысловых изменений в предикате модуса. Хотя сам признак возможности — невозможности чередования наклонений, отмечающий содержательное противопоставление двух подгрупп, функционально нагружен, вопрос о смысловозначительной функции конъюнктива в пределах второй подгруппы остается пока не решенным. Нормативные грамматики итальянского языка предписывают обязательное («механическое») употребление конъюнктива после глаголов *credere*, *non sapere*, *pare*, *sembrare*, *affermare*, *dubitare*, изредка сетау на несоблюдение этих правил даже культурными итальянцами. В книге В. Вартбурга «La posizione della lingua italiana» свободное чередование наклонений при этих глаголах толкуется как средство передачи особых эмоционально-экспрессивных оттенков, непередаваемых на другие языки, в частности на французский¹.

Точка зрения Вартбурга опровергается исследованиями итальянских лингвистов, указывающих на то, что замена конъюнктива индикативом в дополнительных придаточных после глаголов типа *pare* и *credere* не связана со смысловыми различиями обоих вариантов, а зависит только от степени культурности речи².

Возможность замены модально отмеченного морфологического конъюнктива нейтральной формой индикатива при сохранении неизменным модального смысла фразы показывает, что морфологический конъюнктив лишь повторяет смысл глагола главного предложения, и как всякий другой вид согласования, является формой выражения зависимости, в данном случае придаточного предложения от главного, т. е. дублирует функцию союза *che*.

Взаимная заменяемость этих двух форм связи — конъюнктива и союза *che* хорошо видна на примере модальных предикатов

¹ W. Wartburg. La posizione della lingua italiana. Firenze, 1940. p. 85.

² F. Agno. Indicativo in dipendenza da *credere*. «Il verbo nell'italiano antico». Milano — Napoli, 1964, p. 332; F. Fochi. Congiuntivo manomesso. «Lingua Nostra», 1957, v. XVIII, fasc. 2, где автор полагает, что эта «дурная привычка» (malvezza) распространилась под влиянием южных диалектов.

с глаголами *credere, parere, sembrare*, где при наличии союза конъюнктив в разговорной речи часто отсутствует: *mi pare che sto sognando* (Sciascia. 12); *mi sembra che me le mandò a riprendere per mezzo di due amici*³, тогда как при отсутствии союза в том же разговорном языке конъюнктив при этих глаголах обязателен: *pare non abbia mai preso appalti* (Sciascia. 14).

Вопрос о конъюнктиве как знаке подчинения дополнительно-го придаточного глаголу модуса требует особого рассмотрения в связи с дискуссией о значении французского конъюктива⁴. Одну из крайних точек зрения можно выразить словами Ж. и Р. Ле Бидуа, которые считают это наклонение, несмотря на его специализацию в зависимых предикатах, «*le mode de l'énergie psychique... le plus chargé de sentiment ou d'intention*»⁵; другого мнения придерживается Ф. Брюно: «*le subjonctif bien souvent n'exprime plus des modalités, mais n'est qu'une forme de subordination*»⁶. Как известно, именно связующая и подчинительная функция латинского конъюктива, распространившегося в придаточных предложениях независимо от их модального содержания, послужила основанием для самого названия этого наклонения: *coniunctivus, adiunctivus, subiunctivus* — «*quod per se non exprimat sensum*»⁷. Ш. Балли, полагая, что придаточное предложение, т. е. элемент высказывания, не может иметь собственной модальности⁸, рассматривает формы конъюктива в придаточном как знак преобразования предложения в член предложения.

То, что конъюнктив выполняет функцию знака связи между модусом и диктумом, совершенно очевидно и не требует доказательств. Однако, несмотря на функциональную «взаимозамену» союза *che* и формы конъюктива в определенных условиях, эти формы далеко не эквивалентны. Союз *che* не обозначает ничего, кроме подчинительной связи вообще, и почти не имеет ограничений в своей сочетаемости. Напротив, конъюнктив, гораздо менее распространенный в романских языках, чем в латыни, появляется лишь при определенных типах модальных отношений и поэтому выступает как формальный показатель смысловой дифференциации внутри конструкции эксплицитной модальности. Хотя конъюнктив предиката диктума большей частью «предсказывается» модальным глаголом, обе формы совместно выполняют

³ Пример взят из цитированной выше статьи Ф. Фоки.

⁴ См. Ю. С. Степанов. Структура французского языка. М., «Высшая школа», 1965, стр. 84; M. Cohen. Le subjonctif en français contemporain. Paris, 1964.

⁵ G. et R. Le Bidois. Syntaxe du français moderne. Paris, 1967, t. I, p. 501.

⁶ F. Brunot. La pensée et la langue. Paris, 1922, p. 520.

⁷ A. Ernout et F. Thomas. Syntaxe Latine. Paris, 1964, p. 293.

⁸ Ch. Bally. Intonation et syntaxe. CFS, 1941, n° 1, p. 41: «Pour qu'une phrase devienne élément de phrase il faut (et souvent il suffit) que la modalité en soit absente».

смыслоразличительную функцию⁹, которая может быть также перенесена целиком на одну из форм, например, на модальный глагол: *Il lui semblait à présent que cette étrange clarté émanait d'Elle* (A. Gide. 39) — *Gli pareva, ora, che quello strano chiarore emanasse da Lei* (A. Gide. 41); *A me mi pare che questi sono anche più noiosi di noi* (Ginsb. Lessico. 130).

Как видно из этих примеров, появление индикатива вместо конъюктива, устраняющее плеонастичность конструкции, никак не влияет на смысл модального отношения и на характер синтаксической связи между главным и придаточным предложением, которые объединены отношениями обязательной взаимной дополнителности.

Вместе с тем, несмотря на общую тенденцию разговорного итальянского языка к более «экономной» форме выражения подчинительной связи между модусом и диктумом, существуют условия, как благоприятствующие, так и препятствующие замене конъюктива индикативом.

Условием регулярного устранения конъюктива после предикатов типа *credere, pensare*, и не только в разговорном, но и в письменном литературном языке, является отнесение действия диктума к будущему времени, абсолютному или относительному: *Di alcune figure di «Una vita» sono ancora sorpreso e credo lo rimarrò sempre... e non credo convenga nemmeno a Lei di lasciar pensare che...* (Montale. 15); *Speriamo che i sassi ora non li tirerà più* (San. 12); *Anna credeva che Emanuele sarebbe diventato uno dei soliti fidanzati di Concettina* (Ginsb. Tutti. 36).

Конъюнктив в придаточном дополнительном прочно удерживает свои позиции в том случае, если он несет добавочную модальную нагрузку, не выраженную в глаголе главного предложения и, следовательно, противопоставлен индикативу по смыслу.

Условием регулярного противопоставления индикатива и конъюктива после глаголов мысли является соответствие или несоответствие действительности излагаемого факта, но не с точки зрения субъекта модуса, а с точки зрения говорящего (или другого модального субъекта). Так, содержание чужой или собственной мысли, совпадающее с оценкой факта как достоверного, вызывает появление индикатива в диктуме: *Era convinto che uno di loro aveva scritto la lettera* (Sciascia. 23). (Так оно и было в «действительности», как явствует из контекста романа). Или: *fin dal primo momento aveva pensato che nella sua storia c'era qualcosa che non tornava* (Ginsb. Tutti. 37).

Наоборот, заведомо ложное убеждение, чужое или собственное, («а я-то думал...»), отмечено конъюнктивом: *ero convinto che*

⁹ О функциональной нагруженности языковых плеоназмов см. справедливое замечание А. Фрея (H. Frei. Langue, parole, différenciation. «Journal de psychologie», 1952, n° 2, p. 153): «La notion de variété combinatoire non différentiative doit faire place à celle de *codifférentialité*».

il mondo finisse alla svolta dove la strada strapiombava sul Belbo (Pavese. Luna. 11); Prima quando correndo a scuola gli altri mi dicevano bastardo, io credevo che fosse un nome come vigliacco o vagabondo (ibid. 10). Конъюнктив регулярно появляется в этих условиях не только в литературном, но и в просторечно-разговорном языке, как о том свидетельствуют многочисленные примеры из «Тетрадей Сан Джерсолэ» и «Автобиографий»: Ma io credevo che si difendesse (San. 14); Che grullo di figliuolo, credeva che Romano fosse nello specchio! (San. 152) ... e gli dicevo (al cane): — Non li devi puntare i merli! Graziano ha detto: — Che credi che intenda a dirgli di non puntare i merli? E un uccello grosso e lui crede che sia un fagiano o una starna. (San. 97).

Помимо оценки суждения так ложного, конъюнктив может подчеркивать предположительность суждения и встречается в этой функции как в письмах Монтале, так и в сочинениях детей: penso che Ella non abbia atteso il 1923... (Montale. 15); (il cane) quando vedeva i cacciatori passare vicino, gli abbaiava dietro, e a uno, proprio, come gli si fogava! Io credo che fosse quello che l'aveva preso (San. 110).

Во всех этих примерах конъюнктив дифференцирует общее значение глагола «думать», делая его синонимом глагола «предполагать». Соответствующая дифференциация может произойти и в составе модуса, где глагол «думать» или заменяется глаголом «предполагать» или подключается к другому модусу, опровергающему истинность мысли или, наконец, полностью вытесняется этим модусом: ammettiamo che in questa zona... operino dieci ditte appaltatrici (Sciascia. 19); Sarebbe però un errore credere che ogni «cellula» fosse chiusa in sé stessa (Devoto. 2); E non è vero che sua sorella fosse poco seria (Ginsb. Tutti. 39). В этих случаях модальный смысл гипотетичности или ирреальности обычно выражен дважды: лексемой модуса и конъюнктивом диктального предиката. Индикатив в диктуме встретился нам только один раз: E non è vero che i siciliani sono pigri. E non è vero che non hanno iniziativa (Sciascia. 45).

В. Среди предикатов недовольного знания выделяется и по форме и по смыслу конструкция «внутреннего вопроса», содержащая оценку какого-либо элемента диктума как неизвестного или альтернативного. Модус здесь обычно выражен глаголом non sapere (non capire), дополнительное придаточное вводится союзом se или вопросительными словами che cosa, quale, quanto, dove и т. п. Как известно, в литературном итальянском языке, в отличие от французского, внутренний вопрос обычно отмечается конъюнктивом диктального глагола: Il ne comprenait plus où commençait, où s'arrêtait son rêve (Gide. 41) — non capiva ove cominciassero e ove finisse il sogno (Gide. 39); ... andava chiendosi chi fosse destinato a succedere a questa monarchia (Gattop. 16) — Il se demandait qui succéderait à cette monarchie (Gattop. 24). Il maresciallo non capiva perché il capitano stesse applicato

a studiare quelle scritture (Sciascia. 23). Non capiva cos'avesse Amalia contro di lei (Ginsb. Tutti. 56).

Два примера с конъюнктивом были обнаружены в «Тетрадах»: Se ora sono andati via, come fo, che non sanno nulla dove io sia andato (San. 89); Ma quella pecora non si sapeva rassapezzare quale fosse il viottolo da prendere (San. 84). Однако в разговорной речи конъюнктив здесь зачастую заменяется индикативом: — Io non so se voi avete letto quello che ha dichiarato a un giornalista (Sciascia. 35). Si era chiesta perché Paternò non aveva messo in luce tante altre cose (Cassola. Bube. 218); Non sapeva se gli tirava un'altra fucilata (San. 112). Чередование наклонений в этом случае не изменяет значения модального отношения, достаточно отчетливо выраженного лексемой модального предиката и вопросительной формой связи.

Итак, конъюнктив в конструкции, выражающей недовольное знание, функционально нагружен и противопоставлен индикативу в тех случаях, где модальная лексема недостаточно дифференцирована. Свободная альтернатива двух наклонений (в какой-то степени обусловленная стилем речи) возникает при избыточности конъюнктива, как показателя модального отношения, например, в конструкциях «внутреннего вопроса». Все же не всякий избыточный знак проявляет одинаковую склонность к нейтрализации. Так, при модальных лексемах, выражающих гипотезу или несоответствие факта действительности, регулярное (почти обязательное) наличие конъюнктива формально выделяет эти модальные смыслы среди прочих предикатов «мнения».

2. В группе модальных предикатов эмоциональной оценки также выделяются три подгруппы, правда, менее четко противопоставленные друг другу в парадигматическом плане, чем предыдущие.

А. К первой подгруппе относятся предикаты, выражающие волю (желание). Дополнительное предложение вводится союзом che и содержит сказуемое в конъюнктиве, который, несмотря на свою избыточность, никогда не заменяется индикативом: non volevo che andasse a mangiarmela il gatto (San. 22).

Этот простейший модальный смысл, представляющий связь между субъектом и предикатом диктума как желательную или не желательную, не всегда выражен лексемой volere в чистом виде. Так, в зависимости от контекста, желание может быть интерпретировано как совет, просьба или приказание, т. е. осложняется смыслом «говорения», связанного с обращением к адресату: Ma arrivava Ippolito, Emanuele voleva subito che Concettina andasse via dal salotto e lei se ne andava offesa (Ginsb. Tutti. 37). Иногда глагол volere вообще переходит в группу предикатов, выражающих недовольное знание (мнение): — S'è ricordato anche di me, signor Gustavo? — E vuole che io non mi sia ricordato di lei, signora? (Butti. Spitzer 89). Cosa vuoi mai che mi abbiano

fatto, a me, le donne? (Chiesa. 94); Cosa vuoi che succeda (Gattop. 18).

Оценка связи между субъектом и предикатом диктума как желательной тесно связана с конструкцией эксплицитной модальности, которая является наиболее обычной, нейтральной формой выражения этого отношения, независимо от совпадения или несовпадения момента речи с моментом модальной оценки, а модального субъекта с говорящим.

Б. К модальным предикатам «желания» примыкают предикаты бессубъектного желания («необходимости») отмеченные сходными формальными признаками диктума (союз *che*, обязательный конъюнктив в диктальном сказуемом), но имеющие всегда безличный модус: *Se vogliamo che tutto rimanga come è, bisogna che tutto cambi* (Gattop. 24). *Operazione difficile, durante la quale i pensieri politici era bene venissero sospesi* (ibid. 25). «Бессубъектное» желание так же, как и желание личное, может принимать контекстуальное значение «приказа» или «совета»: «Погоревали и будет. **Надо** и честь знать» (Чехов, «Медведь». 66) — *Vi siete tanto afflitta; ma adesso basta; è ora di smetterla* (Cechov. 1186).

В. В парадигме предикатов эмоциональной оценки особую подгруппу образуют глаголы, обозначающие разнообразные эмоциональные реакции («аффекты»). Так же, как и предикаты «мнения», эта подгруппа характеризуется свободным чередованием индикатива и конъюктива: *E un po' si sentiva orgogliosa che lui la chiamasse* (Ginsb. Tutti. 31); *E che Amalia si fosse innamorata di quel tipo era un guaio* (ibid. 37). *Come son felice che non mi diate i quattrini* (Cechov. 1189). В русском языке сказуемое придаточного здесь всегда выражено формой индикатива: «Как я счастлив, что вы не платите мне денег» (Чехов, «Медведь». 72).

В разговорном итальянском придаточное также обычно содержит сказуемое в индикативе: *Ci toccò star due giorni senza escire e sorte che non si era messo fuoco!* (San. 90). *Non si dormì punto dalla contentezza che era tornato Gim* (ibid. 111).

Специфической чертой предикатов аффекта, отличающей их от предикатов «мнения», «воли» и «необходимости», является необязательность замещения позиции диктума, содержание которого часто выводится из контекста: *Quelle donne erano contente* (San. 68). *La mia zia era invelenita, a Dario e a Livio lei faceva certi occhiacci!* (San. 31).

Эксплицитная подчинительная связь между модусом и диктумом оказывается необязательной («слабой») по самой смысловой природе отношений аффекта, где субъективная реакция легко осмысливается как психическое состояние лица, т. е. как абсолютный признак субъекта, находящийся с объективным денотатом («диктумом») в причинно-следственных отношениях.

§ 2. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КОНСТРУКЦИИ ЭКСПЛИЦИТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ

А. Преобразования модуса

1. Личный модус преобразуется в безличный (неопределенно-личный), при помощи возвратной формы: *si sa, si capisce, si crede* (пассивная форма от некаузативных глаголов в современном итальянском не употребляется), а также путем замены личной лексемы одноличным (безличным) глаголом: *pare, bisogna, occorre* и т. п. или его аналитическими эквивалентами: *è possibile, è noto, è necessario*.

Несмотря на общепринятую интерпретацию придаточных предложений, зависимых от безличного модуса, как «подлежащих», следует решительно отвергнуть эту точку зрения, тем более, что диктум иногда действительно может занимать именную позицию подлежащего, не совпадающую с позицией дополнения — диктума при безличных модальных предикатах.

Как мы уже видели, позиция дополнительного диктального предложения (или инфинитива) не равноценна позициям именных актантов предложения. Остается доказать, что замена личной формы модуса на безличную не влияет на синтаксическую форму диктума, при неизменности смысла модального отношения, как например, во фразах-переводах: *Mi pareva di aver intuita l'oscura virtù di questa terra spoglia* (Levi. Cristo. 11) — *Je croyais avoir deviné l'obscure vertu de cette terre dépouillée* (Levi. 11). *Il lui semblait que certains lieux sur la terre devaient produire du bonheur* (Bov. 56) — *Era convinta che solo in certi luoghi della terra potesse attecchire la felicità* (Bov. 43).

В разделе о взаимодействии коммуникативного и грамматического членений предложения было отмечено, что постановка подлежащего в состав ремы сообщает ему коммуникативные и формально-грамматические признаки дополнения. Последние выражаются в постпозиции подлежащего (препозиция его сказуемому в этом случае является аффективно окрашенной формой) и в возможной утрате согласования в роде и числе со сказуемым. Собственно говоря, только наличие этого согласования позволяет рассматривать существительное в составе ремы как формальное подлежащее. Придаточное дополнительное — диктум при безличной (одноличной) трансформации модуса не заменяет своей постпозиции на препозицию. Так же, как и для любого дополнения, предшествование сказуемому является для дополнительного придаточного экспрессивно отмеченной формой, одинаково возможной и при личном и при безличном модусе: *Ah, le spiegazioni vuoi! Che ti spieghi vuoi, perché un uomo come me...* (Chiesa. 37); *Che proprio la Vergine gli fosse realmente apparsa, forse sarebbe stato troppo imprudente affermarlo*. (Gide. 43). Таким образом, дополнительное придаточное (инфинитив) дик-

тума при безличном модусе не имеет никаких формальных признаков подлежащего и никаких формальных отличий от позиции диктума при личном модальном глаголе.

2. Модус с устранным субъектом может быть сжат в абстрактное отглагольное существительное, которое, замещая любую именную позицию в составе более сложного синтаксического целого, сохраняет свою диктальную валентность. То, что придаточное предложение, зависящее от «модального» абстрактного существительного, не превращается в определительное, а занимает позицию диктального дополнения, доказывается зависимостью форм морфологических наклонений придаточного предложения от модального смысла существительного: ...nè fa difetto l'**assicurazione** che l'uomo è davvero capace di ricostruire sé e il suo mondo (Garin. Medioevo. 91) — ...in lui orgoglio e analisi matematica si erano a tal punto associati da dargli l'**illusione** che gli astri **obbedissero** ai suoi calcoli (Gattop. 11).

Сведенный к абстрактному существительному, модус часто обозначает опредмеченный и несоотнесенный с диктумом психический признак лица, т. е. перестает быть модусом: Una speranza una fiducia assoluta era in loro (Levi. Cristo. 41).

3. «Модальное» абстрактное существительное в функции подлежащего с семантическим субъектом в позиции притяжательного определения может присоединять диктум при помощи глагола «связки» essere: **Il suo solo conforto era** di passare il giorno a scrivere epigrammi latini (Levi. Cristo. 43). Вместе с тем это синтаксическое место диктума не соответствует позиции именной части сказуемого, выраженного существительным или прилагательным (поскольку субстантивизация придаточного при помощи il fatto che или его замена прилагательным невозможны) и, очевидно, совпадает с позицией диктального дополнения, не зависящей от превращений модуса (ср. io desidero che tu lo faccia — il mio desiderio è che tu lo faccia).

4. Аналитическое именное сказуемое, именная часть которого содержит прилагательное модальной оценки (possibile, facile, utile, inutile, leggibile, comprensibile), имеет двойственную природу: с одной стороны, помещаясь в начале предложения, оно занимает позицию модуса по отношению к диктальному дополнению: è impossibile tener lontane le vicende delle lingue dalle vicende della cultura (Devoto. -3), с другой же стороны, при диктуме в позиции подлежащего, оно занимает место диктального сказуемого, т. е. оказывается связанным с собственным диктумом субъектно-предикатными отношениями, образуя формально простое предложение: La vita a Grassano è impossibile, (il) vivere a Grassano è impossibile. В последнем случае грамматическая схема модальной связи нарушается и модальное отношение говорящего к предмету речи устанавливается только по смыслу. Отглагольные прилагательные (meraviglioso, spaventoso) и адъективизированные причастия, образованные от модальных глаголов

(inaspettato), а также прилагательные, образованные от немодальных глаголов при помощи модального суффикса *abile, ibile*, обозначающего возможность (*leggibile*), могут выступать только как определения или как именная часть диктального сказуемого: Questo libro è illeggibile; Protetto dalla **inattesa** benedizione del barone possidente, non tardai ad addormentarmi (Levi. 37). Модальное отношение, не выраженное в этих случаях грамматически и затушеванное семантически, сохраняется все же как смысловой субстрат, который может получить соответствующую эксплицитно-грамматическую форму, ср. итальянскую фразу, содержащую конструкцию эксплицитной модальности: Il barone mostrava di essere stupito e compiaciuto della mia **competenza** su questo argomento, che non **supponeva** che io **potessi** conoscere (Levi. 37) и ее французский перевод, где то же отношение передано лишь лексическим значением прилагательного Le baron se montrait agréablement surpris par ma **compétence inattendue** dans cette matière (Levi. 38).

5. Наконец, модус может оказаться в позиции диктального дополнения при другом модусе одного и того же модального субъекта, так что образуется трехъярусная структура: **Occorre** però **sapere** o, per lo meno, **esser certi** che qualcuno sappia per chi o per che si è morti (Gattop. 13).

Цепочка, состоящая из трех модусов, где каждый последующий выступает в качестве диктума по отношению к предыдущему особенно часто встречается в формулах вежливости: **voglio esprimerele**, caro Maestro ad Amico, tutta la mia **soddisfazione** per il nostro incontro milanese (Montale. 15). В этой четырехъярусной структуре собственно денотативное содержание — il nostro incontro milanese — занимает весьма скромное место.

Б. Преобразования диктума

1. Первичная форма диктума имеет два позиционно обусловленных варианта — придаточное дополнительное и инфинитив. Первый применяется в случае несовпадения субъекта модуса и субъекта диктума, второй — в случае их совпадения: voglio che tu venga — voglio venire; credo che tu lo abbia capito — credo di averlo capito.

2. Подобно безличному модусу, безличный диктум может быть сведен к отглагольному существительному, способному выступать при модальном предикате и как его дополнение и как его подлежащее.

В качестве дополнения модального глагола существительное занимает позицию диктума, не совпадающую с именной позицией дополнения, поскольку диктальное существительное свободно замещается инфинитивной конструкцией или придаточным дополнительным, как показывают фразы — переводы: ils... souhai-

taient sa ruine à mots couverts (Bov. 45) — e gli auguravano di finire in rovina (Bov. 34).

В функции подлежащего диктум занимает типично именную позицию, где он устанавливает с модусом субъектно-предикатную связь, т. е. перестает быть диктумом.

Это происходит в том случае, если модальный (точнее, бывший модальным) предикат содержит глагол подгруппы affectuum или представляет собой именное сказуемое с модальным прилагательным: Il latte mi piaceva, ma la minestra no (San. 11); La vita a Grassano era impossibile (Levi. Cristo. 27).

В именной позиции подлежащего может помещаться также развернутое придаточное предложение, как например: Che Kepler, così legato a certe posizioni, rimanesse colpito dagli inni bruniani, non stupisce (Garin, Medioevo. 200). Эта конструкция, внешне совпадающая с «аффективной» конструкцией, содержащей дополнительное придаточное в препозиции — che la corrente elettrica sia una forma di energia non vi è dubbio (Fisica, II, 167) — формально отличается от последней возможностью субстантивации придаточного при помощи «пустого» существительного «il fatto»: Il fatto che Kepler rimanesse colpito dagli inni bruniani, non stupisce.

3. Наконец, при именном сказуемом в диктальном придаточном (ее отец думает, что она больна), субъект и предикат диктума могут быть подключены к модальному предикату в виде прямого именного дополнения и его «предикативного определения» (complemento predicativo di oggetto): Quel brav'uomo di suo padre la credette malata (Bov. 42); Questo incontro io l'avrei voluto privato (Don Milani. 11).

В. Преобразования и варианты знака связи между модусом и диктумом

Позиционным вариантом союза che, вводящим придаточное дополнительное, является предлог di при инфинитиве. Замена знака здесь обусловлена не изменением модального отношения, а изменением грамматической формы выражения диктума.

Семантически обусловленным вариантом союза che выступает союз se, который отмечает модальное отношение «внутреннего вопроса»: il vitello tirò uno strattone per vedere se veniva via la fune (San. 144); Non sapevo davvero se sarei stato in grado di essere di qualche utilità (Levi. 15). Это модальное отношение связано с оттенком сомнения, неуверенности (ср. русский перевод последней фразы: «Я не был уверен, что смогу принести какую-нибудь пользу». Леви. 19).

Свободным вариантом союза che при модальных глаголах, обозначающих сомнение, надежду, желание является нулевой знак, (который не следует смешивать с отсутствием знака, т. е. паратаксисом): Che cosa volete ci scriva? (Gide. 25), ср. во фран-

цузском оригинале: Qu'est-ce que vous voulez que je mette? (Gide. 21). Или: Spero Ella abbia avuto una mia lettera e confido non si perdano... (Montale. 18); No, non pare facessero di quei lavori (Sciascia. 15). Эллипсис che здесь объясняется его избыточностью, поскольку зависимость диктума от модуса выражена формой модального согласования — конъюнктивом. Модальный и диктальный глаголы в этом случае образуют тесное интонационное единство и не могут быть разделены паузой.

§ 3. ВВОДНЫЕ И МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ

Особой формой выражения модальных отношений являются так называемые вводные слова или вводные предложения.

Функцией вводных слов (предложений) является выражение добавочного модуса, содержащего «отношение к высказанной ранее мысли»¹⁰, которая уже имеет свой эксплицитный или имплицитный модус. Этот «второй голос», принадлежащий одному и тому же или разным модальным субъектам, оценивает содержание высказывания с иной точки зрения или подчеркивает основную модальную оценку: Le passioni vi sono perciò più elementari, più semplici... e non sarà difficile, immaginavo, averne presto la chiave (Levi. 26).

Le loro passioni, era evidente, non risalivano nella storia, non uscivano dal paese stretto dalle argille malariche (ibid. 33).

Таким образом, содержание «вводных слов» всегда модально, в отличие от обособленных членов предложения, которые представляют собой второй зависимый диктальный предикат, связанный с основным диктальным предикатом «логическими» отношениями одновременности, последовательности, противопоставления, цели, причины и т. п. (ср. La Lucania, la terra dei boschi, è tutta brulla. Levi. 12=La Lucania vuol dire la terra dei boschi, ma ora è tutta brulla).

Подобно добавочному диктальному предикату, второй модус может принимать форму независимого предложения с позицией диктума, замещенной обобщенным местоимением: ma la sua assenza non durerà molto, ne sono sicuro (Gattop. 28); Sono un peccatore, lo so, doppiamente peccatore (ibid. 21), так что предложение, содержащее вводные слова, не может рассматриваться как простое. Однако его нельзя считать также и сложным, так как второй модус находится с диктумом не в «логической», а в чисто дополнительной связи и, в отличие от вторичных диктальных предикатов, не является одним из членов грамматической модели сложного предложения. Кроме того, вводный модус, лишенный собственного диктума, не представляет собой самостоя-

¹⁰ А. А. Пешковский. Ук. соч., стр. 372.

тельной синтаксической единицы, и должен получить формальную характеристику на основании своей функции внутри законченного высказывания (предложения). Формальным признаком вводных слов является специфическая интонация, не совпадающая с интонацией обособления: эти слова произносятся быстрее и в более низком регистре, чем остальное предложение. Поскольку формальным показателем функции второго модуса является только интонация, грамматическая структура модального элемента оказывается несущественной: он может быть представлен любой частью речи, фразеологическим сочетанием и целым предложением.

Не будучи связанными грамматически ни с одним из членов предложения, вводные слова не имеют собственного места в составе грамматической схемы предложения. Иногда они замыкают предложение, как своего рода поправка к ранее высказанной оценке факта: — *Era un comunista, a quanto pare* (Sciascia. 34), или вклиниваются как чужеродное тело между сказуемым и дополнением: *facendolo sarei entrato, e la cosa non mi sorrideva, nel mondo stabilito e geloso degli interessi dei signori del paese* (Levi. Cristo. 40) и даже между артиклем и существительным: *Chè altra dote del nostro scrittore è la, vorrei dire, pienezza dell'espressione...* (Foffano introd. ai «Fatti d'Enea», p. XII).

Исключенные из числа позиций предложения (как простого, так и сложного), вводные слова занимают по отношению к предложению в целом вполне определенную синтаксическую позицию, которая характеризуется собственной интонационной формой пониженного тона, принадлежащего «другому голосу» и своим набором модальных единиц. В итальянском языке к ним принадлежат такие речения, как *a quanto pare*, *nella migliore delle ipotesi*, *a mio parere*, *senza dubbio*, *purtroppo*, *per disgrazia*, *per fortuna*, *per amore o per forza*, *volente nolente*, *secondo la mia opinione*, *secondo lui*, etc.

Благоприятные условия для превращения «второго модуса» в основной и соответственно для утраты модальным словом вводной интонации создаются в том случае, когда оно предшествует сказуемому диктума и тем самым предопределяет исходную модальную установку говорящего (и любого другого субъекта модуса): **positivo** *li avevano presi quelle donne* (San. 90); *Ma Ippolito scuoteva la testa e diceva che probabilmente Franz non era una spia* (Ginsb. Tutti. 52).

Осмысление модальных слов, открывающих высказывание, как основного модуса, приводит иногда к их формальному уподоблению эксплицитному модусу, управляющему дополнительным диктальным предложением: *Ma certo che devi star tranquillo* (Cassola. 194); *Meno male che ci sei tu!* (ibid. 212); *Fortuna che lui non m'ha visto* (ibid. 125).

Различие между модальным словом, открывающим предло-

жение, и эксплицитным модусом, управляющим диктальным придаточным, скорее всего число формально и не отражает никакой смысловой или коммуникативной дифференциации в субъективных оценках. Эквивалентность обеих форм очевидна из сравнения переводов: *Quoique sans doute la petite soit de mon idée...* (Bov. 40) — *Sono convinto che la piccola sia della mia stessa idea, comunque...* (Bov. 31).

Однако сопоставление языков показывает нам также, что свобода выбора той или иной формы выражения модально-диктальных отношений ограничена речевой нормой каждого языка, отдающей предпочтение одной из форм и отодвигающей другую на периферию языковой системы. Так, для итальянского, как и для французского, эксплицитное выражение зависимости диктума от модуса более естественно («нормально»), чем для русского, где те же отношения передаются, как правило, путем соположения модального слова и формально независимого диктального предложения: **Credo di essermi tratto indietro** (Levi. Cristo. 15) — *Je crois m'être reculé* (Levi, Le Crist. 15) — «Я, кажется, отшатнулся» (К. Леви. 19); или: «Нет, видно уж и вправду придется уйти в монастырь» (Чехов. «Медведь». 68) — **Vedo bene che bisogna assolutamente andare in un monastero** (Cechov. 1187); «Я, кажется, ясно сказала» (там же, 69) — **Mi sembra di aver parlato chiaro** (ibid. 1188); «Пошли бы лучше по саду погуляли» (там же, 67) — **Sarebbe meglio che andaste a fare una passeggiata in giardino** (ibid. 1186).

Большинство модальных речений морфологически неоднородны и относятся к различным частям речи или их сочетаниям. Здесь мы встречаем личную форму глагола (*pare*), существительные (*peccato!*), сочетания существительных с предлогом (*senza dubbio*), прилагательные и наречия (*certo*, *sicuro*, *probabilmente*).

Существует, однако, несколько модальных слов, не имеющих соответствий среди других частей речи или потерявших с ними связь. Это — слова, лексическое значение которых, неотделимое от грамматического, сводится к выражению модального отношения.

Таковы упомянутые выше русские модальные слова «пусть», «хоть», «разве», «неужели». В итальянском языке аналогичную характеристику имеют *forse*, *magari* и *chissà*.

Принципиальное отличие этих слов от модальных глаголов, управляющих дополнительным диктальным предложением, заключается в том, что глаголы, содержащие субъективную оценку в своем лексическом значении, представляют ее как признак лица — субъекта, тогда как отношение этой оценки к диктуму передается валентными (синтаксическими) свойствами глагольной лексемы и всей грамматической моделью *V mod. + che + V dict.* Напротив, слова *forse*, *magari*, *chissà*, подобно морфемам глагольных наклонений, выражают само модальное отношение, не-

зависимо от его носителя. Включенные в состав предложения, они не могут замещать позиции ни одного из лексически значимых его членов и являются грамматизованными показателями синтаксических наклонений.

Слова *forse* и *magari* могут быть как единственными формальными выразителями синтаксического наклонения, так и избыточными факультативными формами, дублирующими модальную морфему глагола.

Повествовательные предложения, вводимые грамматическим показателем *forse*, содержат модальную оценку диктума как предположительного. При этом морфологическое наклонение глагола может оставаться нейтральным: *Forse quel nome lei lo ricordava* (Sciascia. 47); *Forse lo hanno già tradotto a Firenze* (Cassola. Bube. 182).

Иногда форма наклонения глагола «согласуется» с модальным показателем, путем замены индикатива настоящего или прошедшего времени формой *Futuro semplice* или *Futuro anteriore*: *Forse sarà stato il gatto* (Gian. 17).

В составе вопросительного предложения *forse* обычно следует за сказуемым и служит для выражения «вопроса, предполагающего отрицательный ответ» (русское «разве»): *Ma è forse carica?* (Gian. 47); *Sono forse indovino io?* (Gian. 49). *Non aveva forse minacciato di mettere in prigione anche lei?* (Cassola. Bube. 125). В начале фразы *forse* в значении «разве» обычно сочетается с союзом *che*: *Forse che uno fa quello che veramente si sente di fare?* (ibid. 213).

Слово *magari*, являясь факультативной частью модели гипотетического желательного допущения (см. ниже), всегда сопровождается конъюнктивом (*imperfetto* или *trapassato*): *Magari mi dicesse di sì!* (С. — М.). В сочетании с индикативом *magari* является синонимом *forse*: *Magari era la figlia dei padroni di un palazzo* (Pavese. Luna. 9); *Magari non te ne sei neanche accorto* (ibid. 26); *magari ne parla di rado, ma ci pensa sempre* (Cassola. Bube. 232).

Сложное слово *chissà*, подобно русскому устойчивому сочетанию «кто его знает» (= «черт его знает»), по смыслу не разлагается на субъект «*chi*» и его признак — предикат «*sa*» и даже в случае его раздельного написания — *chi sa* — является лишь графическим омонимом свободного сочетания *chi sa*, так как последнее имеет небольшую паузу между подлежащим и сказуемым, препятствующую удвоению согласного «*s*». Не являясь субъектно-предикатной структурой, слово *chissà* выражает модальное отношение независимо от лица, которому принадлежит эта субъективная оценка.

Слово *chissà* может включаться в грамматическую структуру предложения двояким путем: во-первых, оно способно присоединяться к вопросительным местоимениям и наречиям, сообщая им смысловой компонент «неопределенности», близкий к

модальному смыслу «незнания»: *lo condanneranno a chissà quanti anni* (Cassola. Bube. 176); *Chissà quanto dovremo star lontani* (ibid. 103); во-вторых, *chissà* в сочетании с союзом *se* выражает смысл «незнания» относительно наличия или отсутствия связи между субъектом и предикатом, т. е. является формальным показателем синтаксического наклонения «внутреннего вопроса»: *Chissà se c'è la mia sorella ad aspettarci* (ibid. 71).

§ 4. МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ *PARERE*, *POTERE*, *DOVERE*

Глаголы — синонимы *parere* и *sembrare* могут выступать как в качестве самостоятельного предиката эксплицитного модуса — *mi pare (mi sembra) che...* — так и в качестве служебного глагола в составе аналитического предиката абсолютного статического признака: *Era vestito come tutti gli altri, ma sembrava, nella folla, un mendicante; e sembrava, nel tempo stesso, anche un re, un re in esilio, sembrava* (Ginsb. Lessico. 174).

Попадая в состав предиката диктума, глагол *parere* (*sembrare*), грамматически ориентируясь на субъект диктума, становится трехличным, сохраняя, однако, способность сочетаться с собственным семантическим субъектом в позиции *N₃* (*egli mi pare stanco*).

Глаголы *dovere* и *potere*, как известно, занимают фиксированную позицию при диктальном инфинитиве, согласуются с субъектом диктума в лице и числе и, в отличие от *parere*, не открывают синтаксической позиции для собственного семантического субъекта, если он отличается от субъекта диктума. Их тесная связь с инфинитивом проявляется также и в том, что сложные временные формы этих глаголов образуются то с *avere*, то с *essere*, в зависимости от лексемы инфинитива (*non ho potuto dormire* — *non sono potuto venire*).

Вопрос о том, является ли синтагма *potere (dovere) + inf.* свободным сочетанием двух лексем или аналитическим эквивалентом слова, где глаголы *potere* и *dovere* играют роль формальных показателей модальности в составе диктального предиката, решается по-разному для различных значений этих глаголов. Признаком лексической и синтаксической автономности *potere* и *dovere* должна служить, как указывает Дюбуа¹¹, возможность замены инфинитива обобщенным непердметным¹² местоимением *lo*: — *Se lo voglio, lo posso* (Butti. Spitzer. p. 19),

¹¹ J. Dubois. Grammaire structurale du français, la phrase et les transformations. Paris, 1969, p. 119.

¹² Обобщенное непердметное местоимение *lo* не способно занимать позицию предметных именных членов предложения и не изменяется по лицам, родам и числам. Оно замещает позицию именной части сказуемого, где имя обозначает признак, а не предмет (*N₁ è una attrice? — Non lo è più da un pezzo*) и позицию диктального дополнения при модальных глаголах (*N₁ lo sa, lo vuole*).

доказывающая наличие двух синтаксических позиций в рассматриваемом сочетании. Там, где подобная замена невозможна, сочетание занимает одну синтаксическую позицию — диктального сказуемого.

Свойства автономных лексем глаголы *dovere* и *potere* имеют в сфере общего модального смысла «воли — необходимости».

Модальное значение необходимости в чистом виде представляет собой «волю обстоятельств»: *bisogna che, è un destino che, è l'ora di, è necessario che, è inevitabile che* etc. То же значение в составе диктума отмечает глагол **dovere** при инфинитиве: *Forse era scritto che la libertà dell'Europa dovesse nascere non dalla liberazione, ma dalla peste* (Malap. 47). Поскольку «давление обстоятельств» всегда безлично, лицо, связанное с подобным предикатом, принимает на себя семантическую функцию субъекта — носителя произвольного модально-видового признака «необходимости»: **mi è necessario, mi occorre, mi tocca studiare**.

Грамматическая ориентация этого предиката на субъект — лицо без заметных семантических сдвигов передается аналитической лексемой **ho bisogno di studiare**. Замена этой лексемы глаголом *dovere* вносит добавочный оттенок «сознательной необходимости», т. е. морального долга: *ma i Re che incarnano una idea, non devono, non possono scendere, per generazioni, al disotto di un certo livello* (Gattop. 14); *E ora... che cosa posso scrivere in fondo a queste colonne di cifre? cosa debbo scrivervi?* (Gide, 24).

Как мы видим, для выражения общего смысла «необходимости» используются два глагола — *dovere* и *potere*, причем *potere* отмечает ослабленную степень необходимости, т. е. возможность, предоставляемую обстоятельствами, в том числе и физическими силами лица. Оба глагола в сочетании с инфинитивом здесь функционируют как модально-видовые лексемы типа «уметь», «стремиться», «пытаться», «удаваться», поскольку их семантический субъект неотделим от субъекта инфинитива (подлежащего предложению), а их модальный смысл представляет собой психическую реакцию субъекта по отношению к собственному действию и не может быть без смысловых изменений перенесен на оценку действия другого лица или предмета.

Собственно модальное значение глаголы *dovere* и *potere* приобретают в тех случаях, когда их семантический субъект не совпадает с субъектом инфинитива.

Переосмысление обоих глаголов может произойти в пределах смысловой сферы «воли — необходимости», под влиянием «внешних» ситуаций и контекстов, не затрагивающих структуры самой конструкции $N_1 \text{ deve (può) + inf.}$

Подобно тому, как лексема «безличной воли», т. е. необходимости, применяясь для устранения конкретного модального субъекта, обозначает в известных контекстах волю, разрешение или совет какого-либо определенного лица, глагол *dovere* иногда выступает как эквивалент пассивной формы глагола *ordinare* и,

следовательно, имеет семантический (модальный) субъект, отличный от субъекта инфинитива (*mi è stato ordinato di fare=ho ricevuto l'ordine di fare=devo fare*) ... **avevo dovuto** lasciare, per un ordine improvviso, Grassano (Levi. Cristo. 11) — ... un ordre m'ayant brusquement fait quitter Grassano (Levi. Le Criste. 11) и русский перевод: «я получил неожиданный приказ покинуть Грассано» (К. Леви. 15). Или: *Allora, che cosa dico io che quel malato deve andare e quel malato deve stare, se poi fa quel che vuole lei?* (San. 50).

При обращении ко второму лицу — *tu devi andartene* — конструкция выступает как синоним императива — *vattene!* В свою очередь глагол *potere* является точным синонимом пассивной формы от глагола *permettere*, как, например, в вопросе (мальчика к врачу, после операции): *Posso bere?* (San. 47) или в стереотипной фразе *Posso entrare?* (=Permesso?).

В связи с осмыслением *dovere* как лексического пассива от *volere* в указанных контекстах стоит еще одно любопытное явление, не известное русскому языку, но довольно часто встречающееся во французском и в итальянском, а именно «симметричное» употребление *volere* при неодушевленном подлежащем как синонима *dovere*, как например, во фразе *Questo saggio... voleva concludere... oltre un decennio di ricerche particolari* (Garin. L'Uman. 5); а также в устойчивом сочетании *vuol dire*.

Как в своих прямых значениях «долга» и «физической возможности», так и в ситуационно обусловленных значениях, синонимичных пассиву от глаголов волеизъявления, глаголы *dovere* и *potere* сохраняют в сочетании с инфинитивом свою лексическую и синтаксическую автономность (*posso bere?=lo posso?*). Для завершения характеристики автономных лексем *dovere* и *potere* следует добавить, что их грамматическим подлежащим (совпадающим или не совпадающим с семантическим субъектом инфинитива) может быть только существительное — лицо или олицетворенный предмет, а инфинитив может иметь только простую форму, как и при других модальных глаголах «воли — необходимости».

Помимо модальных отношений, лежащих в сфере эмоциональной оценки, глаголы *potere* и *dovere* способны передавать также и «рациональную» оценку факта как не вполне достоверного.

Изменение сферы функционирования этих глаголов обусловлено не «внешним», а «внутренним» контекстом, т. е. расширением сочетаемости *potere* и *dovere* по отношению к лексическому наполнению позиций подлежащего и дополнения — инфинитива.

В первичной функции модально-видовых или модальных лексем, передающих отношения долженствования, физической возможности и воли (приказа, разрешения), глаголы *potere* и *dovere* сочетаются только с существительными лица в позиции N_1 и только с глаголами, обозначающими активное действие. Снятие

этих ограничений приводит прежде всего к изменению смысла глаголов *potere* и *dovere*, приобретающих в сочетании с «неактивной» глагольной лексемой инфинитива или с неодушевленным существительным значение предположительности: «*posso sbagliare, posso aver sbagliato*» — «я могу ошибаться»; *questa casa può (deve) crollare* — «Этот дом может (должен) обвалиться» = «этот дом может быть (должно быть) обвалиться». Значение «предположительности», полученное глаголами *potere* и *dovere* в новом контексте, распространяется почти без ограничений и на их первичное окружение, так что при подлежащем — лице и при «активном» инфинитиве конструкция *N₁ può (deve) + inf.* часто оказывается двусмысленной (*Il ragazzo può venire* — «мальчик может прийти») и ее модальный смысл уточняется только через внешний контекст или ситуацию.

Почти неограниченная сочетаемость глаголов *potere* и *dovere*, обозначающих предположительность, вызывает их грамматику, т. е. их превращение из автономных модальных или модально-видовых лексем в служебные модальные глаголы. Об этом формальном сдвиге внутри сочетания *potere (dovere) + inf.* свидетельствует невозможность замены инфинитива местоимением *lo*.

Итак, служебный глагол *potere* в составе аналитического сказуемого обозначает оценку действия как предположительного, гипотетического и в этом смысле «возможного».

В отличие от глаголов, замещающих позицию модального предиката в конструкции эксплицитной модальности, глагол *potere* не соотнесен грамматически с лицом — носителем субъективной оценки. Так, одно и то же отношение «предположительности» выражено по-разному в следующих двух репликах:

— Signor Maresciallo, non mi arrestate, **credevo fosse** un ladro.

— Macché arrestare, anzi, avete fatto bene, **poteva essere** un ladro davvero! (San. 136).

В первой фразе субъект модальной оценки грамматически выражен личным окончанием 1 л. ед. ч. (**credevo**), во второй фразе модальный субъект определяется как соответствующий 1 л. ед. ч., т. е. говорящему, только по смыслу.

Конструкция «служебный глагол *potere* + inf.», устраняющая модальный субъект из сообщения, по своему содержанию близка к конструкции эксплицитной модальности с безличным модусом, так что обе формы часто заменяют друг друга при переводах:

Cet homme **pouvait** fort bien n'être au fond qu'un agent secret des libéraux (Stendh. 11).

— Niente di più **probabile che fosse**, in fondo, un agente segreto dei liberali (Stendh. 18).

Синонимом *potere* в его служебно-модальной функции выступает глагол *dovere*. Глагол *dovere* обозначает не столько предположение, сколько более общее отношение «мнения», и в

зависимости от контекста может передавать различные оттенки и степени «достоверности». В контекстах, где факт представлен как очевидный, *dovere* не может быть заменен глаголом *potere*, как например, в следующей фразе: *Sorrise dentro di sé pensando che forse sarebbe stato superfluo (confessarsi), tanto sicuro doveva essere il gesuita dei suoi trascorsi di oggi* (Gattop. 21). Этот оттенок очевидности выражен эксплицитно во французском переводе: *Il sourit en pensant que cette confession serait superflue; Il était évident que le jésuite avait tout deviné* (Gattop. 31). Тот же оттенок меньшей гипотетичности мнения отличает форму «*deve essere*» от «*può essere*» (*poteva essere un ladro davvero*): — Avete visto una pecora? — **Dev'essere** là in quella macchia, è un pezzettino che c'era (San. 23); — Mario, di chi è quel gatto? — Non lo so mica, **dev'essere** del Benci (ibid. 53). Тем не менее оба глагола зачастую оказываются полными синонимами и заменяют друг друга при переводах: *Il lui semblait que certains lieux sur la terre devaient produire du bonheur* (Bov. 56) — Era convinta che solo in certi luoghi della terra potesse attecchire la felicità (Bov. 43).

Как видно из последнего примера, глаголы *potere* и *dovere* в диктальном сказуемом подчеркивают значение предположительности, уже выраженное лексемой эсплицитного модуса, т. е. выступают подобно конъюнктиву, как избыточная форма «модального согласования». Функциональная эквивалентность этих глаголов конъюнктиву, а также их плеонастичность в дополнительных предложениях, управляемых модальными глаголами «недостоверного знания», обнаруживается при сравнении переводов с французского на итальянский и наоборот: ...à laquelle il flaire que **doivent être** suspendues des médailles (Gide. 29) — Anthime prevede che **ci siano** attaccate delle medagliette (Gide. 26); La ragazza deve avere un sentimentuccio per quel briccone. Sarebbe una bella coppia. Ma **temo che Tancredi debba mirar** più in alto (Gattop. 33) — Mais **je crains que Tancrede ne vise** plus haut (Gattop. 47).

Однако в отличие от конъюктива форма *potere (dovere) + inf.* способна передавать модальный смысл «предположительности» не только в придаточных, но и в независимых предложениях, где она конкурирует с формами синтаксического наклонения предположительности, представленными модальным показателем *forse* и (или) морфемой так называемого «гипотетического будущего» (*futuro ipotetico*).

Оценка факта как предположительного не ограничена условиями обязательной одушевленности диктального субъекта — подлежащего и обязательной активности диктального предиката — инфинитива. Кроме того, вероятность факта не связана с временными ограничениями, так что модальные формы сказуемого *potere + inf.* и *dovere + inf.* могут включать не только простой, но и сложный инфинитив, относящий действие к плану прошедшего (абсолютного или относительного): **Può esserci un**

corpo, starci davanti agli occhi, ed esser morto per quella vita che noi gli davamo (Pirand. La vita che ti diedi. 25); Il mio compagno **doveva essere uscito** all'alba (Levi. Cristo. 40); Be', **può essere passato** anche da un'altra parte (Cassola, Bube. 99).

Эта формальная особенность служит еще одним внешним признаком отличия конструкций *potere (dovere) + inf.* со значением «возможности — предположительности» от омонимичных конструкций, обозначающих «долженствование и физическую возможность» или «чужой приказ и разрешение», где допускается только простой инфинитив.

Обозначая отношения рациональной оценки «предположительности» («мнения»), глаголы *potere* и *dovere* в сочетании с инфинитивом являются не автономными лексемами, а грамматическими показателями модальности предложения.

Другими словами, аналитическое сказуемое *può (deve) + inf.* представляет собой один из формальных вариантов синтаксического наклонения предположительности.

§ 5. СИНТАКСИЧЕСКИЕ НАКЛОНЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ

Синтаксическое наклонение определяется как форма предложения, не зависящая от эксплицитного модуса и несущая определенную модальную нагрузку.

Как мы уже видели, показателями синтаксических наклонений могут выступать некоторые модальные слова, служебные глаголы и морфологические наклонения глагольной лексемы.

В отличие от морфологических наклонений, каждое синтаксическое наклонение имеет только один общий модальный смысл и может иметь несколько формальных вариантов.

Грамматическая форма, передающая модальное отношение независимо от эксплицитного модуса может принадлежать как семантически и формально простым предложениям, так и какой-либо части сложного целого.

Независимая (абсолютная) или связанная позиция предложения существенно влияет на смысл и форму синтаксических наклонений, так что представляется целесообразным рассматривать отдельно оба случая.

А. Синтаксические наклонения семантически простого независимого предложения

1. **Синтаксический индикатив** представляет собой форму с повествовательной интонацией и со сказуемым в морфологическом индикативе, способном изменяться по полной временной парадигме при сохранении неизменным модального смысла высказывания. Содержанием этой формы является уверенное знание как о наличии или отсутствии связи между субъектом и пред-

катом высказывания, так и о временной локализации события по отношению к моменту речи: N_1 viene, N_1 verrà, N_1 è venuto, N_1 venne, N_1 veniva, N_1 era venuto.

2. **Синтаксическое предположительное наклонение**, помимо указанных форм с служебными глаголами *potere* и *dovere* и формы, отмеченной модальным словом *forse*, имеет еще один вариант. Это — повествовательное или вопросительное предложение со сказуемым в Futuro I или в Futuro II (так называемое *futuro ipotetico*): Il marito se n'è andato l'altro ieri in campagna, a potare; e ancora non è tornato. **Sarà rimasto** a far tavolata in una masseria (Sciascia, 23). Характерной особенностью этой формы предположительного наклонения является сокращенная временная парадигма (перфект и презенс) и безразличие модального содержания к вопросительной или повествовательной форме высказывания: dissì fra me: «Sarà nascosto in qualche macchia» (San. 113); io pensai: «O che avrà idea di mangiarli?» (ibid.).

Все три варианта предположительного наклонения, идентичные по смыслу, не всегда взаимозаменяемы. Употребление *futuro ipotetico* ограничено рамками настоящего времени (*presente*) и перфекта (*passato prossimo*). Форма *può (deve) + inf.* невозможна при совпадении двух факторов: первого или второго лица в позиции подлежащего и «активной» лексемы инфинитива (*io devo, posso venire*. — «я должен, могу притти»), так как в этом случае глаголы *dovere, potere* интерпретируются только как автономные лексемы «эмоциональной оценки». Наиболее универсальной, независимой от контекста формой является конструкция с «*forse*», свободно замещающая первые две и дополняющая их в тех условиях, где эти формы не допускаются.

Между смыслами предположительности и незнания не существует четкой границы. Поэтому в роли уточнителей или «дублеров» предположительного наклонения, выраженного формой «*futuro ipotetico*», можно встретить не только модальное слово *forse*, но и *magari* и *chissà*, а иногда даже два модальных слова сразу: — Ma secondo lei dov'è Bube, ora? — A Volterra... O magari, *chissà*, sarà tornato a San Donato (Cassola. Bube. 123).

3. **Синтаксический опатив**, обозначающий предположительное желание, выражается формой морфологического конъюнктива настоящего времени и не имеет видо-временной парадигмы. Иногда форма опатива включает также частицу «*che*», открывающую предложение.

Это наклонение употребляется в стереотипных формулах пожелания: Dio ti benedica; Che il diavolo ti porti! (C. — M.), а также в письменном (книжном) стиле при выражении безличного пожелания, имплицитно обращенного к читателю: Per esempio **si considerino** questi diversi modi (Battaglia e Pernicone. 535); E stia Don Giorgio ancora un po' accanto alla donna buttata sulla panca e infine **dica**, come aggiunta al suo pensiero (Pirand. La Vita che ti diedi, 11, авторская ремарка); Questo «strettamente»

non lasci supporre che (Palazz. 7); Non si dimentichi che (Batt. e Pernic. 512) «не следует забывать, что...» и т. п.

Оптитив (как и императив) иногда встречается в формально независимых предложениях, содержащих условие: — Che soltanto lo **prendano** e lo ficco in cantina (Pavese. Novelle. 143), или в математических и физических задачах: **Si abbia** un circuito elettrico formato da una serie di pile e da un conduttore. Nel circuito **sia inserito** l'apparecchio G. (Fisica, II. 160). В этом контексте форма пожелательного наклонения принимает значение допущения.

Эмфатическим вариантом пожелательного наклонения является форма, содержащая глагол potere в congiuntivo presente, за которым следует подлежащее и потом инфинитив: **Possa la sua ombra vedere** come io lo amo (Cechov. 1186) — «Пусть тень его видит, как я люблю его» (Чехов. «Медведь». 67); Если предположение открывается частицей che, порядок слов прямой: Ma va' all'inferno e **che tu possa rimanerci** (Moravia. Rass. rom. 25).

4. Помимо эмфатической формы оптитива «*possa*+N₁+inf.» среди простых независимых предложений встречается много других форм, несущих аффективную нагрузку. Это прежде всего конструкции, вводимые вопросительно-относительными словами che, quanto, come и имеющие восклицательную интонацию (Che grullo di figliuolo! Come è bella! Quanto sei stupido!). Кроме того, аффективная окраска присутствует в предложениях, где «рема» предшествует «теме», во всех высказываниях с восклицательной интонацией, в риторических вопросах и т. п. Многообразие синтаксических форм с аффективной нагрузкой не позволяет выделить какое-то определенное «аффективное наклонение»; в свою очередь семантическая пестрота эмоциональных реакций также не может быть сведена к однородной смысловой категории. Все же аффективная обусловленность некоторых формальных изменений предложения не может не учитываться при описании синтаксических структур.

Б. Синтаксические наклонения в сложных предложениях

1. Синтаксический **кондиционал**, как показывает его название, появляется в предикатах, связанных отношениями условия с другим элементом контекста. Сама по себе «условная» связь двух предикатов, являющаяся частным случаем причинно-следственной связи, не содержит модального смысла и оба предложения условного периода могут иметь любую модальную характеристику.

Так, например, во фразе: il cane, se non gli dicono nulla, non fa nulla, ma se il fattore gli dice — Piglialo! — lui salta addosso a chiunque (San. 13) оба условных периода относятся к синтаксическому индикативу. Во временных планах настоящего и прошедшего индикативная модальность предложения с условно-след-

ственной связью элементов ограничена представлением действий как регулярно повторяющихся и поэтому не допускает употребления *passato remoto*, обозначающего однократное прошедшее действие. Несмотря на это ограничение, «уверенное знание» о фактах подчеркивает временную определенность предикатов, так что условно-следственные отношения сближаются в этом случае с отношениями временной последовательности. Так, инфинитивный оборот *a+inf.*, не содержащий формальных показателей «условия», как, например, во фразе (il burro) a lasciarlo incustodito un istante (sul tegame), cessa di colpo d'essere il bel biondino che ossorge e diventa una cosa mora (Chiesa. 86), может быть передан в развернутом виде и как условное и как временное придаточное — quando (se) il burro si lascia incustodito.

Кондиционал и конъюнктив в предикатах, обозначающих соответственно обусловленное действие и условие, появляются в том случае, если условие содержит желательное предположение (допущение): **Ammettiamo ora per assurdo** che gli scrittori del ventennio... **avessero composto** romanzi. Credete forse che il risultato **sarebbe stato diverso?** (Morav. Uomo. 79); Be', immaginati un po' in che stato d'animo si trova. **Metti** che domani (Bube) **torni** e mi **trovi** fidanzata o magari sposata con un altro: come ci **rimarrebbe** (Cassola. Bube. 172). Воображаемое условие, т. е. абсурдное или вероятное допущение, противопоставляется «реальному» условию, не зависимому от «фантазии»: например: Se il Nicolosi **fosse risultato pregiudicato** o comunque legato alla malavita, **si poteva anche pensare** ad una fuga. Ma se non **era pregiudicato**... allora la sua scomparsa **veniva** a coincidere in concreto, e niente fantasia, con l'uccisione di Colasberna (Sciascia. 38).

Модальный смысл «допущения», выраженный при эксплицитном модусе глаголом *ammettere* (mettere), близок к модальному смыслу предположения, как это видно из последнего примера, где форма *potere*+inf. в первой фазе (si poteva anche pensare) передает значение гипотетического обусловленного действия, обычно выраженное формой *condizionale*. Форма *potere*+inf. может встречаться также в предложении, содержащем гипотетическое условие: ma fuori **possono anche succedere** i fuochi di santa Rosalia, e non mi **sveglierei** (Sciascia. 43). Тем не менее модальное содержание «допущения» следует рассматривать как особый случай «недостовверного знания», так как все прочие предикаты этой подгруппы не способны замещать лексему *ammettere* в наиболее типичном для нее контексте, содержащем не только допущение, но и *следствие* допущения. Таким образом, модальный смысл «допущения» ориентирован на семантически сложный денотат (диктум), состоящий из двух простых предикатов, связанных условно-следственными отношениями.

На различие смысловых категорий допускаемого обусловленного действия и предположительного действия указывает также наличие разных (но не противопоставленных парадигма-

тически!) форм синтаксической модальности для их выражения, а именно формы *condizionale* и формы *futuro ipotetico*: *ora sarebbe tornato a casa (se...) — ora sarà tornato a casa*.

Подобно предположительному синтаксическому наклонению *condizionale* имеет только две временные формы: — *condizionale presente* и *condizionale passato*.

Так же, как и все прочие синтаксические наклонения, *condizionale* и связанный с ним в условном периоде конъюнктив передают модальное значение высказывания независимо от эксплицитно выраженного модуса, где может помещаться как модальный глагол «уверенного знания», так и «мнения», «сомнения», «предположения», или «возможности»: *Non c'è dubbio che se loro non avessero reagito il maresciallo sarebbe stato chiamato a rispondere del suo atto (Cassola. Bube. 190); E credete voi che se potesse adesso... salvare sé stessa con il nostro sacrificio non lo farebbe? (Gattop. 32)*.

С *condizionale* не может сочетаться только эксплицитный модус, выражающий «допущение», т. е. глагол *ammettere* (*mettere*), так как этот модальный смысл уже содержится в самом *condizionale*, и эксплицитный модус, выражающий отношения «желательности — необходимости». Последнее ограничение объясняется тем, что допущение, ориентированное на сложный условно-следственный диктум, всегда включает оттенок желательности, что доказывается исключительно императивными формами лексемы *ammettere* при эксплицитном модусе: *ammettiamo (=vogliamo ammettere) che*. При индикативе глагола *ammettere* (io *ammetto*, lui *ammetteva*) его модальный смысл, естественно, меняется и он становится синонимом глагола «признавать» — *ricoscere* (io *ammetto che hai ragione*). Синтаксическое наклонение *condizionale*, по значению соответствующее модальному предикату *ammettiamo*, *mettiamo*, содержит, следовательно, более или менее подчеркнутый компонент желательности и поэтому не сочетается с лексемами этого подкласса в конструкции эксплицитной модальности (так, предложение *voglio che glielo diredi невозможно*). Сам факт несочетаемости *condizionale* с лексемами *ammettere*, *volere*, *bisognare* в конструкции эксплицитной модальности указывает на автономность этого синтаксического наклонения, которое в отличие от конъюнктива в дополнительных диктальных предложениях никогда не «согласуется» по своему модальному смыслу с предикатом эксплицитного модуса: *io so che viene presto — ammettiamo che venga presto; io so che viene presto, io so che verrebbe presto при невозможности конструкции ammettiamo che verrebbe presto*.

Как известно, смысловая связь *condizionale* с гипотетическим условием вовсе не означает, что это синтаксическое наклонение встречается только в составе сложной синтаксической модели, называемой «условным периодом» (*periodo ipotetico*). В том случае, если допускаемое условие формально-синтаксически не

связано со своим следствием (*metti che domani torni e mi trovi fidanzata con un altro: come ci rimarrebbe*), оно может быть выражено конструкцией эксплицитной модальности, где конъюнктив «согласован» с лексемой *ammettere*. Если же гипотетическое условие и следствие образуют синтаксически связанную устойчивую модель (*Se mi trovasse fidanzata con un altro ci rimarrebbe male*), конъюнктив приобретает черты самостоятельного синтаксического наклонения, утрачивая способность сочетаться со своим эксплицитным модусом — глаголом *ammettere* в императиве, а также с предикатами группы «желательности — необходимости». Специализация конъюнктива в функции синтаксического наклонения, передающего желательное допущение, ориентированное на условно-следственный диктум, отмечается формально-сокращением его временной парадигмы до двух форм — *congiuntivo imperfetto* и *congiuntivo trapassato*, — передающих видо-временные значения незаконченности — законченности действия.

Поскольку условно-следственные отношения диктума не модальны, собственно модальный смысл обоих морфологических наклонений конъюнктива и *condizionale* в модели *periodo ipotetico* сводится к одному общему смыслу «желательного допущения», который составляет значение синтаксического наклонения *condizionale*. «Потенциальность — ирреальность» этого допущения определяется, во-первых, его временной отнесенностью (для плана будущего допущение не исключает возможной реализации действий: *se tu ti addormentassi in codesta terra calda ti farebbe male San. 85*, в плане настоящего или прошедшего действия представляются как нереальные: *Eeeh, se avesse sparato l'avrebbe fatta bella davvero San. 137*) и во-вторых, лексическим наполнением модели (например, все допущения, на которых построен известный сонет Чекко Анджольери *Se io fossi foco, arderei lo mondo*, нереальны).

Несмотря на единое модальное значение, обе части *periodo ipotetico* могут иметь разную видо-временную характеристику. Тогда имперфективная (простая) форма конъюнктива в придаточном сочетается с перфективной (сложной) формой *condizionale* в главном: *Se quell'imbecille non ti avesse urtato, non ci sarebbe bisogno di dirtelo ora (Moravia. Racconti 7); Se avessi incontrato mendicanti, se avessi incontrato ragazzi affamati, accattoni, noiosi, lo direi (Malaparte. Io, in Russia e in Cina. Fir., 1958, p. 321)*. Или наоборот, сложная форма в главном сочетается с простой формой в придаточном: *Se Lei avesse veramente coraggio non sarebbe venuto in Italia con giornali e manifestini. Sarebbe venuto con delle bombe (A. Colombi. Nelle mani del nemico. 1958, p. 32)*.

В отличие от латыни, где синтаксическое наклонение «желательного допущения» выражено морфологическим конъюнктивом в обеих частях условного периода, в итальянском литературном языке то же самое синтаксическое наклонение (*condizionale*)

в придаточном условном (*protasi*) передается формой *congiuntivo* (*imperfetto* o *trapassato*), а в главном (*apodosi*) — формой морфологического кондиционала (*condizionale presente* o *passato*). Несмотря на это формальное различие конструкции *periodo ipotetico* в латыни и в итальянском, в обоих языках модальное отношение «желательного допущения» оказывается выраженным и в главной и в придаточной части. Тесная связь обоих элементов конструкции и общность их модального содержания делают излишним повторное грамматическое выражение модальности и создают предпосылки для его устранения.

Как известно, во французской конструкции условного периода избыточное указание на модальность отсутствует благодаря употреблению модально нейтральной формы морфологического индикатива (*imparfait, plusqueparfait*) в условном придаточном.

Аналогичная тенденция к упрощению конструкции *periodo ipotetico* наблюдается и в разговорном итальянском, правда только во фразах, соотнесенных с планом прошедшего, где имперфект индикатива может замещать:

а) сложный конъюнктив (*congiuntivo trapassato*) в придаточном: *avrei bevuta tutta una boccia d'acqua se me la davano* (San. 42);

б) сложный кондиционал в главном: *E poi se tu avessi dato retta a me, non scendevi dalla seggiola* (San. 152);

в) сложный конъюнктив и сложный кондиционал и в придаточном и в главном: *se non si scappava, ci facevano come a un'altra famiglia* (San. 20); *se avevo la cagna me la pigliava subito* (San. 28). Последний тип, наиболее распространенный в просторечии, имеет нейтральную («неотмеченную») форму, модальное содержание которой устанавливается только из «внешнего» контекста или ситуации.

Наконец, в нелитературных текстах встречаются изолированные случаи появления морфологического кондиционала в обеих частях конструкции: *se mi avrebbe lasciato l'avrei seguito* (Autobiogr., 350). Этот пример, содержащий очевидную «ошибку», интересен как иллюстрация стремления говорящих к уравниванию форм двух модально равнозначных частей сложного предложения.

Оба позиционно обусловленные варианта синтаксического кондиционала — форма с морфологическим конъюнктивом и форма с морфологическим кондиционалом — могут употребляться независимо друг от друга, сохраняя, однако, «синтаксическое место» отсутствующей части сложной конструкции.

Формальные варианты синтаксического кондиционала, выражая общий смысл «желательного допущения», акцентируют различные его стороны.

Форма с морфологическим конъюнктивом (*congiuntivo imperfetto* o *trapassato*) в независимом предложении подчеркивает главным образом «желательность» допускаемого факта: *Se lei*

l'avesse udita questa notte! (Pirand., *La vita che ti diedi*. 12); *Piangesse, Dio, almeno piangesse!* (ibid); *L'avesse sposata, quando la conobbe a Firenze, studente!* (ibid. 15); *Cantarono un inno, io non lo so, ma vu' sentissi!* (= *voi sentiste*. San. 19).

По своему модальному смыслу эта форма отличается от указанной выше формы желательного наклонения *possa+N+inf.* (*possa la sua ombra vedere...* — «пусть его тень видит...») прежде всего своей имплицитной связью с возможными последствиями желательного гипотетического факта: *e almeno uno mi avesse pagato!* (Cechov. 1187) — «и-хоть бы один из них заплатил свой долг!» (Чехов. «Медведь». 68). Кроме того, акцент на семантическом компоненте «желательности» не закреплен за этой формой, а зависит от ее лексического наполнения и от внешнего контекста. Так, во фразах: *Fossi grullo!* (San. 59) — «Что я дурак что ли!» или *Se poi avesse paura un carabiniere!* (San. 137) — «Нехватало еще карабинеру струсить!» — модальный смысл допущения вместе с добавочным оттенком аффективного отрицания чужого мнения полностью затушевывают элемент «желательности».

Вариант синтаксического кондиционала, представленный морфологическим кондиционалом, встречается, как правило, в формально простых независимых предложениях обычно в том случае, когда один из членов предложения может быть развернут в условное придаточное: *Dalla voce lo si sarebbe detto un angelo* (Gide. 18); *quello che ogni giovane d'onore farebbe al mio posto* (Palaz. 245); *lei m'avrebbe, nelle disgrazie, protetto e difeso* (Ginsb. Lessico. 167); *e nemmeno con il coltello alla gola si rassegnerebbero ad accettarla* (Sciascia. 20); *Dopo un pochino dormivo che nemmeno le cannonate mi avrebbero svegliato* (San. 86).

Место условного предложения остается обычно незамещенным, если желательное допускаемое условие сводится к согласию слушателя или к предоставляемой обстоятельствами возможности: — *E io vi piglierei il luccio* (San. 125). «А я у вас взял бы индюка» — подразумевается: «если бы вы мне позволили»; *Il padre e la figlia si odiavano, ma odiare è poco dire, si sarebbero ammazzati* (Moravia. *Racc. rom.* *Pioggia di maggio*. 29) — «они бы охотно друг друга убили» — подразумевается: «если бы это было возможно». Зависимость действия от «позволения» (личного или безличного), естественно, предполагает «желательность» подобного действия, как о том свидетельствует модальное слово «охотно» — «volentieri», свободно присоединяемое в этом случае к сказуемому. Вместе с тем этот модальный смысл, облеченный в форму морфологического кондиционала, всегда имеет специфический оттенок желания, обусловленного гипотетичностью позволения или дозволенности действия. Отсюда возникает широко распространенное употребление кондиционала для выражения неуверенного волеизъявления или утверждения: — *O ragazzi, io vi consiglierei di smettere* (San. 146); *Prima di andarvene vorrei*

che ciascuno di voi scrivesse su questo foglio nome e cognome (Sciascia. 20); — Io signora, vi pregherei di restituirmi i denari oggi stesso (Cechov. 1187) — «Я попросил бы вас, сударыня, уплатить мне деньги сегодня же» (Чехов. «Медведь», 68); — Non sarebbe il caso di bere un po' di vodka? (ibid. 1188) — Водки выпить, что ли?» (там же, 71).

Приведенный выше перечень значений обеих форм синтаксического кондиционала показывает, что различные модальные оттенки, свойственные каждой форме, укладываются в рамки общего модального смысла этого наклонения, который был определен выше как «желательное допущение, ориентированное на сложный условно-следственный диктум».

Форма синтаксического кондиционала в ее обоих вариантах может встречаться как в формально и семантически сложной конструкции условного периода, так и в формально простом независимом предложении. Однако и в последнем случае связь кондиционала с семантически сложной ситуацией сохраняется.

2. Морфологический конъюнктив в составе семантически и формально сложного предложения (исключая конструкцию условного периода) можно рассматривать как составную часть особого синтаксического наклонения зависимых предикатов, общее содержание которого определяется как синтаксический неиндикатив. Более точное модальное содержание этой формы устанавливается в соответствии с типом придаточного предложения и контекстом.

Несмотря на специализацию конъюнктива как синтаксического наклонения придаточных предложений, он выражает модальный смысл «не-индикатива» независимо от состава главного предложения. Средством дифференциации смыслов синтаксического не-индикатива в придаточных предложениях служат союзы и местоименно-наречные слова, зачастую «предсказывающие» модальное содержание зависимого предиката:

1. Смысл «желательности» конъюнктив выражает в придаточных цели (отношение цели складывается, как известно, из отношения причины плюс модальное отношение желательности): Volevano mostrarmi i loro figli **perché li curassi** (Levi. Cristo. 41) = **perché volevano che li curassi**. В итальянском языке отличие целевых придаточных от придаточных причины выражено только противопоставлением конъюнктива индикативу, при одном и том же союзном слове *perché*.

2. Модальные не индикативные оттенки допущения, несоответствия факта действительности отмечаются конъюнктивом в различных типах обстоятельственных придаточных, вводимых союзными словами *nel caso che*, *non perché*, *senza che* и т. п., а также союзом *quando*, который в сочетании с конъюнктивом сказуемого становится синонимом союзов *se*, *nel caso che*: *Utilissima, invece, la promessa, quando lei abbia già dato qualche cosa* (Chiesa. 250).

3. Модальный смысл отсутствия знания о реальности связи субъекта и предиката, а также о временной локализации события отмечается конъюнктивом в определительных (относительных) предложениях. Антецедент подобных предложений всегда содержит смысловой компонент неопределенности: *Orfano di padre, non ha mai avuto nessuno che lo consigliasse, che lo guidasse* (Cassola. Bube. 213); *Io lo chiamavo spesso con un fischio. Ma un gesto che facessi in sua difesa, una mano sulla spalla, gli si inumidivano gli occhi* (Chiesa. 73); *Mi dice con l'aria velenosa e colerica di un pontefice che stigmatizzi un'eresia* (Levi. Cristo. 20); *Ippolito mai era stato amico di qualcuno, mai si era sentito parlare di un amico che avesse* (Ginsb., Tutti. 36); *Mi par di respirare come chi abbia i minuti contati* (Pirand. La vita che ti diedi. 35); **Chi ripercorra** le testimonianze più valide di quel tempo, trova affiorante ad ogni passo la oscura consapevolezza di una fine (Garin. Medioevo. 91).

4. Конъюнктивом выражена также аффективная нагруженность придаточного предложения в разнообразных моделях сложных предложений, в том числе и в формально сложной конструкции эксплицитной модальности.

При эксплицитном модусе, выражающем «уверенное знание», в придаточном появляется конъюнктив в двух случаях:

1) при «аффективной» препозиции придаточного предложения: *Che si sia servita di lui, è innegabile* (Pirand. Ciascuno a suo modo. 133); *Che la corrente elettrica sia una forma di energia non vi è dubbio* (Fisica II 167);

2) после слов *come*, *quale*, *quanto*, вводящих придаточное дополнительное (которое соответствует независимому предложению с восклицательной интонацией — *come è bella!*): *Per coloro che non conoscono Firenze o la conoscono poco, alla sfuggita o di passaggio, dirò come ella sia una città molto graziosa e bella, circondata strettamente da colline armoniosissime* (Palazz. 7); *Sapeva, ormai da tanto tempo di quale cocciutaggine fosse capace quella larga fronte* (Gide. 16). Во французском оригинале сказуемое придаточного предложения стоит в индикативе: *Elle savait depuis longtemps de quel entêtement était capable ce large front* (Gide. 12).

Аффективное содержание отмечается конъюнктивом также в относительных предложениях, антецедент которых сопровождается прилагательными в превосходной степени и другими определениями, обозначающими исключительность (*l'unico*, *l'ultimo*, *il primo*): *era... il più grande parlatore che avesse mai incontrato* (Sciascia. 45); *il tempo era la sola cosa che mancasse* (Palazz. 102).

Как видно из этого перечисления, в итальянском языке не существует никакого определенного синтаксического наклонения, которое можно было бы назвать «конъюнктивом». Однако среди разнообразных синтаксических контекстов морфологического

конъюнктива существует целый ряд модально отмеченных типов придаточных предложений со сказуемым в конъюнктиве, которые можно объединить под общим названием «синтаксического не-индикатива», поскольку их модальное содержание выражено самой формой придаточного и не зависит от эксплицитного модуса.

Для полноты картины следует упомянуть о «уступительных» придаточных, где конъюнктив выступает как позиционный вариант индикатива, обусловленный союзами — benché, nonostante, sebbene, malgrado, которые выражают причинно-противительную связь, не содержащую модальных компонентов «незнания», «предположения» или «воли».

§ 6. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ МОДАЛЬНЫМИ СМЫСЛАМИ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ И ФОРМАМИ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ

Модальные смыслы и их комбинации		Формы		
		эксплицитная модальность	potere (dovere) + inf.	синтаксические наклонения
Рациональная оценка	Достоверное знание	So che viene.	—	Viene.
	Незнание	Non so se venga (viene).	—	Chissà se viene; viene chissà quando.
	Предположение	Credo che viene (venga).	Può (deve) venire (essere venuto)	Forse viene (è venuto, verrà). (Forse) sarà malato; sarà stato malato.
	Желательное допущение при условноследственном диктуме	Ammettiamo che lo invitino... (alloga verrebbe.)	—	Se lo invitassero, verrebbe volentieri. (Se, magari) lo invitassero! Verrebbe volentieri.
Эмоциональная оценка	Предположительное желание (пожелание)	Mi auguro che venga.	Possa venire N ₁ !	Venga (che venga) N ₁ .
	Воля, необходимость	Voglio (permetto) che venga. È necessario che venga.	Deve (può) venire.	—

КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ФОРМЫ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ

§ 1. СИНТАКСИЧЕСКИЕ НАКЛОНЕНИЯ

Если при выражении отношений субъективной оценки, не связанных с ситуацией «говорящий — слушающий», конструкция эксплицитной модальности является наиболее распространенной и обычной формой для всех модальных смыслов, кроме «уверенного знания», то при выражении коммуникативных модальных отношений, возникающих прежде всего в ситуации непосредственного контакта двух собеседников, первичной формой выступают синтаксические наклонения. Очевидные из ситуации, говорящий (модальный субъект) и слушающий не имеют именных позиций для своего обозначения в синтаксической структуре прямого вопроса, побуждения или сообщения.

1. Синтаксическому наклонению «сообщения» принадлежат все предложения, не являющиеся прямым вопросом и прямым побуждением. Смысл сообщения (говорения) включен во все описанные выше формы эксплицитной модальности и синтаксических наклонений субъективной оценки, которые могут рассматриваться как семантико-формальные варианты коммуникативного наклонения «сообщения» (т. е. «повествовательного» или «декларативного» типа предложения).

2. Побудительное синтаксическое наклонение передает отношение каузации путем речевого акта желательного действия или состояния у собеседника, который является субъектом диктума: Vi ho detto, posate il panino (San. 15). Smetti di ridere, ti ripeto (Pin. 21). В том случае, если семантический субъект желательного действия не совпадает с прямым адресатом речи, модальное отношение из коммуникативного и каузативного превращается в оценочное и выражается формой пожелательного наклонения (che venga).

Формальными отличительными признаками побудительного наклонения являются:

а) отсутствие позиции подлежащего при наличии личной формы грамматического субъекта, выраженного глагольной флексией. Семантический субъект при императиве, помимо флексии глагола, может быть выражен в обращении, занимающем позицию вводного элемента, не включенного в грамматическую схему предложения: *Ehi! Cretini! Scendete!* (Calvino. *I racconti*. 307); — *Rendimi la mia parrucca* — disse *mastr'Antonio*. — *E tu rendimi la mia, e rifacciamo la pace* (Pin. 8); *Pinocchio! rendimi subito la mia parrucca!* (Pin. 11);

б) неспособность изменяться по временам, т. е. отсутствие временной парадигмы;

в) сокращенная личная парадигма, включающая только второе лицо ед. и мн. числа и совместное лицо «мы». В пределах второго лица формально отмечается также фамильярность — официальность обращения. Морфологические средства, передающие все эти противопоставления, отличаются крайней неоднородностью.

Фамильярный вариант второго лица ед. числа выражается у глаголов первого спряжения чистой глагольной основой, представляющей собой морфологический императив: *parla, ascolta*. Три глагола — *essere, avere* и *sapere* образуют морфологический императив путем соединения корня конъюнктива с окончанием индикатива: *sii, abbi, sappi*. Все прочие глаголы используют для выражения фамильярного варианта второго лица ед. числа морфологический индикатив: *vieni, senti, cogli*. Признаки нулевой позиции подлежащего, побудительная интонация, сокращенная личная парадигма и неизменяемость по временам оказываются достаточными для формального противопоставления синтаксического императива другим синтаксическим наклонениям, так что специальная морфологическая форма императива является избыточной и отсутствует у большинства глаголов. Синтаксический императив множественного числа второго лица у всех глаголов, кроме *essere, avere* и *sapere* (*siate, abbiate, sappiate*), представлен морфологическим индикативом: *parlate, venite, credete, date, fate, dite*.

Официальный («вежливый») вариант императива второго лица ед. и мн. числа выражен морфологическим конъюнктивом у всех глаголов: *mi dica per favore; si accomodino*. В этом случае отличие синтаксического побудительного наклонения вежливой формы от пожелательного наклонения, также не имеющего временной парадигмы, заключается в том, что синтаксический опатив имеет полную личную парадигму, включает позицию подлежащего и может содержать частицу *che* в начале конструкции (*che tu possa rimanerci!*).

Побудительное наклонение в отрицательной форме обозначает запрещение и в фамильярном варианте второго лица ед. числа выражается отрицательным инфинитивом: *non lo toccare!*

Совместное лицо («мы») побудительного наклонения выражено морфологическим конъюнктивом — индикативом соответствующего лица: *parliamo, andiamo, sentiamo* или сочетанием *vogliamo+inf.: fogliamo andare*.

Побуждение и запрещение могут принимать различные смысловые оттенки в зависимости от внешнего контекста, интонации, и лексического значения глагола:

а) безапелляционный приказ: *vattene subito, senza nemmeno voltarti indietro* (Pin. 16);

б) настоятельная просьба: «Прошу вас убедительно: не нарушайте моего покоя!» (Чехов. «Медведь». 71) — *Ve ne prego vivamente: non disturbate il mio raccoglimento!* (Cechov. 1289);

в) настоятельный совет: *Vacci, mi raccomando, al cimitero israelitico del Lido!* (Bassani. 103);

г) предостережение: *Pinocchio, non dar retta ai consigli dei cattivi compagni: se no, te ne pentirai!* (Pin. 42); *Pensaci bene, Pinocchio, perché tu dai un calcio alla fortuna* (Pin. 43).

д) угроза (при глаголах *badare, aspettare*): *Bada, Grillaccio del malaugurio! ... se mi monta la bizza, guai a te!* (Pin. 17); *Aspetta un poco, che penseremo noi a farteli sputare* (Pin. 52).

е) мольба: *Non posso star ritto, credetelo!* (Pin. 24);

ж) ироническое побуждение: *Canta pure, Grillo mio, come ti pare e piace* (Pin. 16). *Allora vai, corri, — fece Mara ironica* (Cassola 34);

Форма совместного лица никогда не обозначает приказа; это скорее просьба или приглашение к совместному действию: — *Andiamo pure. Io vengo con voi* (Pin. 44); *Fermiamoci un po' qui* (ibid. 46). Побудительный смысл здесь легко сочетается с оттенками предположительности, так как согласие второго лица остается неизвестным. Для подчеркивания смысла предположительности служит иногда вопросительная интонация: «*Andiamo in casa?*» — disse finalmente Bube (Cassola. 37); «*Vogliamo entrare?*» — proposi alla fine «*Dentro farà più caldo*» (Bassani. 113).

Приглашение и просьба могли бы быть выделены в особое синтаксическое наклонение, формальным признаком которого является свободное чередование вопросительной, повествовательной и побудительной интонации и трех морфологических наклонений в сказуемом — императива, кондиционала и индикатива: *Mi daresti quattro soldi fino a domani?* (Pin. 32); *O, Carlo, che ti cheti?* se no tu m'intimorisci e lo taglio davvero, *lasciami stare!* (San. 148).

Взаимозаменяемость вопросительной и побудительной форм при этих смыслах подтверждается также сопоставлением переводов: **Venez nous voir**; *ma fille pense à vous de temps à autre* (Bov. 36) — **Perché non venite a trovarci?** *Mia figlia pensa a voi, sapete, ogni tanto* (Bov. 28).

Глаголы, обозначающие восприятие, речь и мысль, употребляясь в форме императива в начале высказывания (*dimmi, pen-*

sa, guarda), являются, подобно обращению, средством привлечения внимания слушателя к речи и будут рассмотрены ниже, вместе с другими формами диалогической модальности.

Аффективно отмеченной формой синтаксического императива является безглагольное предложение с повелительной интонацией: *Un gilè pulito. Non vedi che questo è macchiato?* (Gattop. 25); *O la borsa o la vita! Meno ciarle e fuori i denari!* (Pin. 51).

3. **Вопросительное наклонение** передает сложное модальное отношение, складывающееся из смыслов незнания, желания узнать и побуждения собеседника к ответному речевому акту.

Все эти смыслы, выраженные самостоятельными лексемами, могут предварять вопрос, как бы подчеркивая его важность: *E dimmi, Salina, che si dice in Sicilia di Castelcicala?* (Gattop. 15); *Voglio sapere una cosa sola, me la dici e ti lascio subito andare a vendere le pannelle ai ragazzi: chi ha sparato?* (Sciascia. 14).

«Незнание и желание узнать» может относиться:

1) к наличию или отсутствию данного признака у данного предметного понятия («полный модальный вопрос», по определению Ш. Балли¹): *Hai avuto paura, Oliviero?* — *Si, ho avuto paura.* (San. 22); *Franco, hai da ritornare a scuola?* — *No.* (San. 24);

2) к наличию или отсутствию данного предметного понятия в заданной предикатом ситуации (частичный модальный вопрос): — *A me non me li porta?* — *A te no.* (San. 50);

3) к содержательной стороне диктума в целом (полный диктальный вопрос); *che cosa è successo? Che c'è?*

4) к содержательной стороне любого элемента диктума (частичный диктальный вопрос): — *O i'che tu hai fatto?* — *No versato il petrolio e gli ho dato fuoco* (San. 27); *Chi mi ha serrato?* — *Io* (San. 22); *Franco, come stai?* — *Bene, nonna* (San. 52); *Che cos'ha quello lì?* — *Ha avuto l'operazione allo stomaco* (San. 48); *E i miei compagni da che parte sono andati?* (Calvi-
no. 45) есс.

Форма полного или частичного модального вопроса складывается из вопросительной интонации и из глагола в морфологическом индикативе, способном изменяться по полной временной парадигме. Кроме того, в составе конструкции модального вопроса нейтрализуется смысловое противопоставление утверждения и отрицания, так что позитивная и негативная формы сказуемого выступают как свободные варианты: *Hai avuto paura, Oliviero?* (San. 22) — *Non l'hai veduto, l'altro giorno, in fondo alla stalla?* (Bassani. 119); *Ma la famiglia non sono venuti? Non ha donne in casa? Quel disgraziato ne ha necessità* (Pavese. Novelle. 130).

Лишенная своей первоначальной смысловой нагрузки, отрицательная форма часто принимает в этом контексте функцию

¹ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., ИЛ, стр. 48.

«предвосхищения положительного ответа»², особенно в сочетании с модальным словом *forse*: *E non vivono forse felici i Francesi sotto questo Imperatore illuminato?* (Gattop. 30).

Форма диктального вопроса помимо признаков, свойственных модальному вопросу, всегда содержит вопросительное местоимение или наречие (*chi?*, *che cosa?*, *dove?* *come?* есс.). В отличие от модального вопроса, при диктальном вопросе противопоставление отрицательной и утвердительной формы сказуемого сохраняется: *chi viene e chi non viene?*

Вопросительная интонация и прочие формальные признаки модальных и диктальных вопросов могут быть применены «не по назначению», для выражения субъективной оценки незнания, не предполагающей никакой связи с собеседником. Это «внутренние» вопросы говорящего или пишущего к самому себе: *Era implorazione o un resto di omaggio feudale?* (Levi. 15) — «Что это было? Мольба или остаток феодальных обычаев?» (Леви. 19). Если субъектом диктума (потенциальным подлежащим) является сам говорящий, личная форма глагола при «внутренних вопросах» заменяется инфинитивом: *Ma come resistere alle loro preghiere?* (Levi. 15) — «Но как устоять перед их просьбами?» (Леви. 19); *Dove trovarli, i duemila franchi?* *Farseli venire da Milano?* *Andarveli a prendere?* *Nè l'una nè l'altra cosa* (Chiesa. 173).

Такого рода вопросы встречаются или в письменном языке или в монологе и не требуют ответа.

Существует, однако, еще одна область употребления вопросительных конструкций, где их прямое назначение «каузации речевого акта» отступает на второй план или вовсе исчезает, но уже не в связи с устранением собеседника из ситуации, а благодаря особой функции которую вопросительные предложения могут приобретать в диалоге.

4. **Диалогическая модальность** представляет собой отношение говорящего к предыдущей или последующей речи собеседника³. Как известно, форма связного, динамического диалога складывается из ряда речевых стимулов и речевых реакций, причем «тип реакции в большей или меньшей степени задается самим стимулом, программируется им»⁴.

Открывающие диалог повествовательные или побудительные предложения обладают наибольшей степенью автономности, так как их форма не предсказывает формы и содержания последующей реплики собеседника. Все же эти типы предложений, выступая в диалогической речи, предполагают, как, впрочем, и вопросительные предложения, наличие речевого контакта со слушателем

² S. Battaglia. V. Pernicone. La grammatica italiana. Torino, 1960, p. 513.

³ См. Н. Д. Арутюнова. Некоторые типы диалогических реакций и «почему» — реплики в русском языке. «Филологические науки», 1970, № 3.

⁴ Там же, стр. 45.

(потенциальным собеседником)⁵ и ориентированы на реакцию «внимания» и «понимания» с его стороны.

Для привлечения внимания слушателя существуют специальные речевые приемы, которые можно назвать формами или, точнее, формулами зачина (Eröffnungsformeln)⁶. К ним относятся;

а) междометия призыва *Ohi!*; *Ohè!*; *Olà!*; *Ehi!* — *Ehi, tu, cosa ti porti addosso? — m'apostrofo qualcuno che passava* (Calvino. 297);

б) обращения: *Ella si affacciò alla porta e facendo una voce lunga e lamentosa, gridò: «Ohi, Alfredo». Una voce d'uomo, non meno lamentosa, rispose da lontano: Ohi, Leonia.* (Moravia, *Andare verso il popolo*. 290);

в) «риторические императивы» содержащие глаголы *sapere*, *sentire* *guardare*, *dire*: **Dimmi**, Grillo: *e tu chi sei?* (Pin. 16); **Guarda**, quello sta peggio di noi (San. 39); **Senti**, non c'è tempo da perdere (Cassola. Bube. 34); **Senta**, non ci sono mica tedeschi in giro, oggi? — *chiese* (Calvino. 93); **Pensa un po'** quante ne deve aver viste, di cose (Bassani. 111). С глаголом *pensare* в этом случае часто употребляется личное местоимение в позиции обращения: *ma tu (te) pensa* — «но ты только подумай». К этим псевдоимперативным формулам можно добавить также приводимые Шпитцером фразы типа *facciamo una cosa, scusi la curiosità, mi scusino, figuratevi* (*figuratevi come rimase quel buon vecchio di maestro Ciliegia!*);

г) «риторические вопросы», содержащие глагол *sapere*: *Sapete che mi rispose?* (Moravia. *Racc. rom.* 26); *Lo sapete chi è il solo coraggioso, qui?* Lui (ibid. 23); «*Ma non lo sai*», egli disse leggermente e quasi ironicamente «*che bisogna andare verso il popolo?*» (Moravia. *Andare verso il popolo*. 284).

Все эти формально побудительные и вопросительные предложения не содержат никакой денотативной информации и представляют собой диалогические клише, стимулирующие реакцию внимания со стороны слушателя.

Формулы модальных реакций на чужую речь гораздо более разнообразны.

Прежде всего — это модальные реакции на вопрос, характер которого «программирует» форму и отчасти содержание ответа.

Диктальный вопрос, ориентированный на получение фактической информации (Когда он пришел? Кто это? Что случилось?), не предполагает (хотя и не исключает) модальной реакции. Поэтому ответ, содержащий только требуемые сведения, не включает субъективного отношения к речи собеседника.

Напротив, вопрос, названный Ш. Балли модальным, влечет за собой отрицание или подтверждение, т. е. чисто модальную

⁵ См. В. Н. Волошинов. Марксизм и философия языка. Л., 1929, стр. 122: «Всякое истинное понимание активно и является зародышем ответа».

⁶ L. Spitzer. *Italianische Umgangssprache*. Bonn und Leipzig, 1922. S. 32, 66, 86.

реакцию, тогда как конкретное содержание диктума остается в ответе тем же самым.

Модальная реакция на вопросительное предложение не сводится, однако, к подтверждению или отрицанию и может сама иметь форму вопроса; в свою очередь речевым стимулом для модальной реакции может служить не только вопросительное, но и побудительное или повествовательное предложение:

— *Mi avete detto Polendina!*

— *Vi giuro che non sono stato io!*

— *Io dico che siete stato voi.*

— *No!*

— *Sì!* (Pin. 7).

Диалогическая модальность, выражающая отношение к чужому слову — согласие, несогласие, подтверждение, возражение, пародирование и т. п., — является субъективной оценкой модального или диктального содержания предыдущего высказывания:

— *Ci sono capitato... senza volere.*

— *Senza volere, eh?*

— *Sicuro!* (Spitzer, 40).

Ряд реплик, содержащих субъективно-оценочные реакции, образует «модальный диалог, суть которого состоит в соотношении разных субъективных модусов с одним явлением, в разных оценках одного факта»⁷:

— *Sei sempre dell'opinione che da ragazze si stia meglio che da maritate?* — *chiese alla cugina.*

— *Per quanto mi riguarda, sì,* — *rispose Nora.*

— *A volte lo penso anch'io,* — *disse Anna.*

— *Non ci credo... e, nel tuo caso, bisogna dire che è bello davvero.*

— *Sì?* — *fece Anna ingenuamente.*

— *Oh, Anna, sei proprio buffa.*

— *Parla sul serio,* — *cominciò Anna; — voglio sapere la tua impressione...* (Cassola. *Fausto e Anna*. 105).

Модальные реакции на чужую речь стереотипны и существуют в виде устоявшихся речевых штампов, которые вместе с формулами «зачина» и «стимуляции внимания» составляют языковой инвентарь диалогической модальности.

Отличительным формальным признаком этой семантико-синтаксической категории является несущественность («нерелевантность») лексико-грамматической организации единиц (слов, словосочетаний, предложений), закрепившихся в функции диалогической модальности. Так, Ж. Марузо, сравнивая различные формы выражения «заверения» во французском языке (*Non mais! Sans blague! Je te dis! Je t'en fiche!*), приходит к заключению, что изменение синтаксической конструкции и лексического состава фразы никак не влияет на ее содержание: «*Seules l'accen-*

⁷ Н. Д. Арутюнова. Ук. соч.

tuation et l'intonation, sauf très minimes variations, sont constantes; ce sont elles qui sont porteuses de sens, ce sont elles et non pas la contenance syntaxique de l'énoncé, qui conditionnent la réaction psychologique de l'auditeur»⁸.

Отсутствие определенных грамматических признаков у форм диалогической модальности сближает их с вводными словами монологической или письменной речи, тем более, что многие единицы способны выступать в обеих функциях (например, *certo*, *ra-zienza*, *forse*, *senza dubbio*).

Однако, в отличие от вводных слов и предложений, формы диалогической модальности обладают независимой и крайне разнообразной интонацией, в которой выражается основной и единственно существенный для диалога смысл этих единиц. Кроме того, эти формы почти всегда несут дополнительную аффективную нагрузку, которая, в сочетании с модальным смыслом субъективной реакции на чужую речь в той или иной степени нейтрализует грамматическое и лексическое значение элементов, входящих в состав этих форм.

Таким образом, простые междометия, наиболее непосредственно связанные с интонацией и наименее «обремененные» предметными ассоциациями, а также близкие к ним частицы подтверждения и отрицания (*si*, *po*) являются первичными формами, специально предназначенными для выражения субъективной реакции, тогда как полнозначные лексемы (и их сочетания) в этой функции играют роль более дифференцированных синонимов простых междометий.

В соответствии с разделением субъективной оценки на «рациональную» и «эмоциональную» можно было бы отнести частицы утверждения, отрицания, сомнения и их развернутые эквиваленты к первой группе, а аффективные междометия и их синонимы ко второй. Однако анализ примеров показывает, что рациональные и эмоциональные смыслы настолько тесно переплетены между собой в этих формах, что подобное разграничение было бы искусственным.

Формы диалогической модальности, не имеющие четких границ в самом языке, могут быть описаны лишь чисто эмпирически, в виде перечисления возможных смыслов модальных отношений к чужой речи.

Наиболее стандартная ответная реакция на «модальный» вопрос — «*si*», «*po*» была уже упомянута.

Помимо нейтральных форм «*si*», «*po*» для выражения утверждения и отрицания (согласия и несогласия) в языке существует также множество экспрессивно окрашенных и более выразительных клише — *certo che sì*, *certo che no*, *proprio!*, *sissignore*, *pos-signore*; *lo giuro*; *già*, *altro che*, *figurati se*, *s'immagini se* и т. п.

⁸ G. Marouzeau. Analyse syntaxique et analyse psychologique. «Journ. de psychologie», 1950, n° 1, p. 35.

Частица *già* в зависимости от интонации может иметь целый ряд оттенков, трудно поддающихся логической дефиниции. Вслед за Шпитцером⁹ можно отметить четыре из них, соответствующие русским «вот именно», «ах да», «действительно так», «ничего не поделаешь».

Оборот *altro che* не имеет соответствующего клише в русском языке и приблизительно означает «О, да, и более того»:

— *E i miei compagni sono pronti?* — *gli domandò il burattino.*

— *Altro che pronti!* Sono partiti due ore fa (*Pin.* 48).

Оборот *figurati se* (для вежливой формы обращения — *s'immagini se*) обозначает эмоциональное отрицание (заверение): *s'immagini se nasconderei qualcosa a Vostra Eccellenza* (*Gattop.* 28). — «Неужели же я могу скрывать что-нибудь от вашего сиятельства!» Императивная форма в данном случае не имеет никакого императивного смысла. Недаром во французском переводе она заменяется не менее произвольной для данной функции формой вопроса, не требующего ответа: *Comment pouvez-vous imaginer que je pourrais cacher quelque chose a votre Excellence?* (*Gattop.* 40).

На русский *figurati se lo farà* (*se lo farebbe*) переводится оборотом «так он тебе и сделает!».

Интересной формой выражения несогласия, смешанного с удивлением или возмущением, является иронический повтор слов собеседника или имитация конструкции всей его фразы:

— *Io, e come me, credo, altri mille, altri centomila, giudicano, hanno giudicato e giudicheranno senza strologar tanto con simili indagini filosofiche.*

— *E chi ti dice che giudichiate, abbiate giudicato, e siate per giudicare bene?* (*Porena; Spitzer.* 187);

(*Lei è fascista?*)

— *Fascista io? Ma io quando vedo il fascio faccio gli scongiuri* (*Sciascia.* 15);

— *Si potrà scendere alla nave che c'è sotto?*

— *Quella di sotto è minata!* — disse *Menin.*

— *Sei tu, minato!* — *gli dissero* (*Calvino.* 30).

Кроме того, несогласие (недоумение) по отношению к словам собеседника выражается путем их повтора после вопросительных наречий «почему» и «как», ит. «*perché*», «*come*»:

— *È qui anche lui, purtroppo!*

— *Perché purtroppo?* (*Butti; Spitzer.* 181).

— *E che bisogno c'è?*

— *Come, che bisogno c'è?* Io le cose di nascosto mica le voglio fare (*Cassola.* 33).

— *Il bussolotto?*

— *Non l'ho mica.*

— *Come non l'hai?* O se te l'ho dato (*San.* 27).

⁹ L. Spitzer. Op. cit., p. 101.

Приводя аналогичные примеры с вопросительным словом «как» в русском языке, А. М. Пешковский указывает, что оно не предполагает неизвестности обстоятельств образа действия, а «имеет функцию переспроса в виде вступления к недоуменному повторению предыдущих слов собеседника»¹⁰. Применение вопросительных слов «как» и «почему» в функции диалогической модальности влияет на характер их синтаксической связи с предикатом, при котором они не занимают позиций «обстоятельства образа действия» и «обстоятельства причины». Обозначая субъективную реакцию несогласия, слово «почему» относится к опущенной, но подразумеваемой части модуса собеседника¹¹: «Ты болен?» — «Почему (ты думаешь что я) болен? я просто не выпался», так что связь между вопросительным словом и цитатой из чужого высказывания оказывается рыхлой, не стандартно-грамматической.

Та же грамматическая аномалия, не поддающаяся анализу, существует в приводимых Шпитцером конструкциях «резкого отказа» с повтором чужих обращений, союзов, модальных слов:

- Ma
- Non c'è ma che tenga;
- No, signora Beraldi, per carità!
- E non c'è carità che tenga;
- Babbo!
- Non c'è babbo che tenga.

Повтор диктальной (лексической) части чужого вопроса может служить в качестве отправной точки для энергичного эмоционального ответа:

- Cosa c'è? — C'è che devo andar via;
- Che cosa hai? — No che ti voglio tanto bene;
- Che cosa vuoi? — Voglio che se le cose vanno come dico io, gli tiro una carabinata nella schiena.

Лео Шпитцер, у которого мы заимствовали эти примеры¹², справедливо отмечает необычность грамматических связей повторенной лексемы с остальным составом предложения: глагол avere, не способный вводить придаточное дополнительное, вводит его; дополнительное придаточное предложение, зависящее от глагола volere и в нормальных условиях содержащее конъюнктив, имеет сказуемое в индикативе. В данном случае мы можем, очевидно, говорить о переосмыслении грамматической формы чужого слова, которое из полнозначного члена предложения — сказуемого и части речи — глагола превращается в показатель диалогической модальности, выражающей эмоциональную реакцию на чужое высказывание.

В составе формул диалогической модальности нередко происходит также антонимическое переосмысление лексического зна-

¹⁰ А. М. Пешковский. Ук. соч., стр. 357.

¹¹ Н. Д. Арутюнова. Ук. соч., стр. 55.

¹² L. Spitzer. Op. cit., p. 187.

чения предиката, как, например, при насмешливом и вызывающем ответе на угрозу:

- A domenica, ti voglio levare tutti i denti.
- Che feroce, e io ho paura di te! (San. 146).
- («Очень я тебя испугался!»)

или при эмоциональном отрицании заинтересованности в каком-либо факте:

- *Очень мне нужно* было влюбиться в вас! (Чехов. «Медведь», 78).
- *Ci mancava proprio che m'innamorassi di voi!* (Cechov. 1192).

Отрицание и подтверждение, положительное или отрицательное отношение к словам собеседника не исчерпывают, естественно, всех возможных модальных реакций.

Так, междометие mah содержит выражение «незнания» и «резигнации»:

P.: — Anna non vuole. M.: — Perché P.: — Mah! (Giacosa. Spitzer, 7). Типично итальянское междометие eh в зависимости от интонации может быть расшифровано по-разному: — Eh, — il vecchio aveva detto. Così soltanto: Eh. Ora l'uomo cercava di ricordarsi l'intonazione di quel eh. Perché avrebbe potuto essere un eh, ci mancherebbe, o un eh, non si sa mai, o un eh, niente di più facile. (Calvino. I racconti. Torino, 1958, p. 71). Междометие eh может выражать также реакцию «резигнации» («ничего не поделаешь!»).

К междометиям следует, очевидно, причислить также слово sì — омограф, но не омофон утвердительного sì. Слово sì, произнесенное с эпитетическим призывом «е» (sie), обычно в сочетании с «ah» и с восклицательно-вопросительной интонацией, передает заинтересованность слушателя: Ah, sì!?

Те же и многие другие отношения могут передаваться модальными словами — предложениями:

- а) «резигнация»: Pazienza! che vuoi? cosa volete?
- Ci avrei soltanto queste bucce e questi torsoli di pera.
- **Pazienza!** — disse Pinocchio (Pin. 26).

Это отношение связано с реакцией не столько на речь собеседника, сколько на факты, изложенные собеседником или данные в самой ситуации. Поэтому эти слова способны употребляться как вводные в монологической речи:

Allora il nostro cane prende posizione e mette sotto Leo, **ma che vuoi?** un canaccio di quella forza penò poco a rimandare sotto il nostro (San. 13);

б) участие, заинтересованность, поощрение к дальнейшей беседе:

- Stamani m'è piovuta nel cervello un'idea
- **Sentiamola** (Pin. 7).
- Babbo, mi operano martedì.
- Davvero? (San. 40);

в) возражение:

— **Sciocchezze**, Stella, **sciocchezze**; cosa vuoi che succeda; mi conoscono tutti (Gattop. 18);

— Vorresti seguitare così a scriverci e a vederci di sotterfugio?

— E **che male c'è?** (Cassola. Bube. 34);

г) возмущение словами собеседника:

— **Che cosa credi?** Che io metta piede qualche volta in questo stambugio per divertimento? (Gide. 25).

— E la cena l'hanno pagata?

— **Ché vi pare?** Quelle lì sono persone troppo educate perché facciano un affronto simile alla signoria vostra (Pin. 48).

Эта реакция может относиться не только к речевому акту собеседника, но и к любому поступку любого лица:

— **Accidenti a loro! Che credono?** di prendermi in giro? (San. 30);

д) удивление:

Marà s'insospetti:

— Non ti aspetta mica qualche ragazza?

Bube fece una faccia sorpresa:

— **Ma che dici?** (Cassola. 32);

— Che ha fatto tua figlia?

— **Come, non te l'ha detto?** Si è fidanzata con Bube (Cassola. 35);

— E troppo amara! Io non la posso bere.

— **E come fai a dirlo**, se non l'hai nemmeno assaggiata? (Pin. 63);

е) ответная реакция на требование речевого контакта:

— Suoaaaa!

— **Cosa vuole?**

— Le devo dire una cosa (San. 51);

— Nonna, nonna!

— **I' che tu vuoi?**

— Venite a aprirmi! (San. 22);

ж) стимулирование внимания или интереса слушателя (задержание ответа на вопрос при помощи риторического вопроса, содержащего модальные смыслы «знания», «желания узнать»):

— E se non ti garba di andare a scuola, perché non impari almeno un mestiere, tanto da guadagnarti onestamente un pezzo di pane?

— **Vuoi che te lo dica?** — replicò Pinocchio, che cominciava a perdere la pazienza (Pin. 17).

Формальный прием стимуляции внимания (требования речевого контакта) чаще встречается не в ответной реплике, а в модальной речи или в первоначальной фразе, открывающей диалог.

Как видно из приведенного выше материала, среди формул, закрепленных за функцией диалогической модальности, часто

встречаются побудительный и вопросительный типы предложения. Однако общая тенденция к обесцениванию грамматических структур в этих условиях приводит к полной или частичной утрате первоначальной значимости всех синтаксических наклонений, к их растворению в интонации. Как замечает Л. П. Якубинский, в естественном диалоге речевые акции и реакции носят почти автоматический характер. Поэтому слова или предложения, передающие «модальные» взаимоотношения между собеседниками, сближаются с психофизиологическими сигналами — междометиями и стремятся к упрощению: синтаксическая членность языковой модели перестает осознаваться, фиксируется ее лексический состав и живая синтаксическая конструкция превращается в речевой штамп¹³.

5. **Восклицательные предложения**, не выделяясь как особое синтаксическое наклонение, близки к формулам диалогической модальности как по своей грамматической нерегулярности (идиоматичности), так и по своей функции: они служат средством выражения аффективной реакции на любую реальную ситуацию. Первоначальной и нерасчлененной формой восклицания являются междометия. Они, как правило, не совпадают по звуковому составу с междометиями диалогической модальности и более «интернациональны», чем последние. Так, междометия ah, oh, ah! передают ту же гамму аффектов, что и русские ах, ох, ай.

Слова, имеющие вид полнозначных лексем, отличаются от междометий лишь меньшей степенью многозначности: *accidenti! coraggio! forza! bene! evviva!*

Восклицательные предложения с ярко выраженным аффективным содержанием обычно не имеют в своем составе личной формы глагола. Такие предложения могут выражать:

а) восхищение, восторг:

— *Madonna, che lepre, ragazzi!* (San. 31);

б) жалость, сострадание:

Povero vecchio! lo compatisco! (Pin. 37);

в) удивление (возмущение, сострадание):

Vedersi sparire il figlio così, in due giorni! Che passione per questa povera madre! Non ritornare, in sette anni, neppure una volta, neppure per pochi giorni a rivederla! E alla fine, ecco: ritornare, per morire così in un momento! (Pirand. La vita che ti diedi. 14).

г) упрек (возмущение, порицание):

— *Belle cose, alla tua età! e in compagnia di un reverendissimo! I ruderi libertini!* (Gattop. 24).

— *Quale errore, Marco, e quale ingiustizia, pesare sul bilancio le parole che vengono dal cuore di un fratello!* (Chiesa. 43);

¹³ См. Л. П. Якубинский. О диалогической речи. Сб. «Русская речь». Петроград, 1923, стр. 134, 139, 185.

д) эмоциональную реакцию, связанную с «преодолением трудности»:

— Un lavoro a dargli dietro, certe sudate! (San. 19).
(«Ну и вспотели же мы гоняясь за ним!»).

§ 2. ВВОДНЫЕ СЛОВА, ПЕРЕДАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С АКТом ГОВОРЕНИЯ

Многие слова этого типа могут занимать вводную позицию по отношению к высказыванию, в которое они включены, и в то же время выступать в функции диалогической модальности (стимула или реакции) по отношению к высказыванию собеседника (например, обращение, «риторические императивы» *pensa, dimmi, senti*).

Вводные слова коммуникативно-модального типа делятся на обращения и собственно-вводные слова.

Обращения, подобно чистому факту говорения, сами по себе не модальны; однако практически они всегда модально окрашены, так как имя, название человека, к которому мы обращаемся, обычно содержит указание на то, как мы к нему относимся¹⁴. В официальном обращении отражаются прежде всего социальное-иерархические отношения; слова *eccellenza, direttore, professore, dottore, ingegnere, maestro, senatore, onorevole* в итальянском являются единственной формой вежливого обращения к лицам, занимающим соответствующие должности, тогда как обращение «по фамилии» возможно только к «нижестоящим» — рабочим, служащим, лаборантам (мужчинам). В обращении к женщинам профессионально-социальная дифференциация не отмечается, зато подчеркивается их семейное положение: *signora, signorina*.

Фамильярное обращение обладает способностью обрастать разнообразными субъективными оттенками и часто представляет собой существительное или прилагательное, выражающее положительную или отрицательную оценку, например *caro amico; caro; amore; tesoro*; или: — *Ignorante, perché non me l'hai detto anche a me?* (San. 59); — *O imbecille, che ti danno noia loro, rovere bestioline?* (San. 62);

— *Chetati, Grillaccio del malaugurio!* (Pin. 16).

В функции собственно вводных слов выступают, во-первых, формулы типа *secondo lui, secondo le sue parole, a dir suo*, указывающие на то, что говорящий излагает чужие слова, и, во-вторых, клише, подчеркивающие речевую деятельность самого говорящего: *per così dire, diciamo così, ho l'onore di dirvi, francamente, a dire la verità, con rispetto parlando, vorrei dire... in compagnia d'un fratello che, diciamo così, si concede una certa libertà in ma-*

¹⁴ L. Spitzer. Op. cit., p. 10: «ein wildfremder «Paolo»! wird ganz anders gerufen werden als ein uns längst liebgewordener».

teria di costumi... (Chiesa. 37);... e io, a dirtela in confidenza, di studiare non ne ho punto voglia (Pin. 16);... ha fatto certe proposte a Colasberna: proposte, intendiamoci, solo proposte (Sciascia. 34).

Вводные слова этого типа функционально сближаются с эксплицитным модусом говорения, вводящим дополнительное придаточное «косвенной речи».

§ 3. КОНСТРУКЦИЯ ЭКСПЛИЦИТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ (КОСВЕННОЙ РЕЧИ)

Сообщение о собственном речевом акте в момент самого говорения не несет никакой содержательной информации.

Глагол «говорить» («спрашивать», «отвечать») в этом случае является плеоназмом, выполняющим функцию стимуляции внимания слушателя, т. е. используется как формула диалогической модальности:

— *Scusate, voi mi avete chiesto se aveva precedenti penali, io con le carte in mano dico: li aveva (Sciascia. 15);*

— *Che uomo era suo marito? — domandò il capitano. La donna non capì...*

— *Desidero sapere che carattere aveva, quali abitudini, quali amici (Sciascia. 48).*

Как уже было сказано, необходимость эксплицитного упоминания о речевом акте возникает при несовпадении момента речи с моментом ее передачи собеседнику или говорящего с первым лицом: *Mi hanno detto che a Palermo hai cattive frequentazioni (Gattop. 15); Viene fuori la nonna e domanda che cos'avevo fatto (San. 11); Mi risposero che in paese non c'erano medici (Levi. 15).*

Принято считать, что модальное отношение, выраженное при прямом приказе или вопросе формой предложения, при косвенной речи «переводится из формы речи в ее содержание»¹⁵. Это не совсем так. Косвенная речь формально дифференцирует три основных типа коммуникативно-модальных отношений и даже позволяет отличить «модальный» вопрос от «диктального», независимо от лексического значения глагола *dicendi*.

Так, модальность чистого сообщения («говорения») передается конструкцией, где знаком связи модуса и диктума является союз *che*, а диктальный предикат выражен морфологическим индикативом (или кондиционалом).

Модальное отношение побуждения передается конструкцией, где знаком связи является тот же союз *che*, а диктальный предикат выражен морфологическим конъюнктивом. Таким образом, различие между обоими типами отношений передается грамматически, путем противопоставления конъюктива и индикатива в придаточном дополнительном:

¹⁵ В. Н. Волошинов. Ук. соч., стр. 151.

Emanuele la baciava e **diceva che si facesse** pure tutti i vestiti che aveva voglia. E la mamma **diceva che** Emanuele **era** sempre stato tanto buono con lei (Ginsb. 56).

Морфологическое наклонение сказуемого придаточного предложения оказывается не менее определенным и однозначным средством грамматической дифференциации модальных смыслов, чем синтаксические наклонения независимых предложений. Глагол главного предложения («модальный предикат») может быть представлен обобщенной лексемой «dire», управляющей двумя придаточными дополнительными с разными модальными показателями:

Giustino le disse che **lasciasse** stare e che **non era** il caso di disturbarli (ibid. 39).

Вопросительные отношения в косвенной речи передаются двояким образом, в зависимости от характера вопроса.

Косвенный диктальный вопрос представляет собой конструкцию, где знаком связи служит то же вопросительное слово, которое открывает соответствующее независимое предложение:

Anna **chiese** cos'aveva per la testa Danilo (Ginsb. Tutti. 40); Gli **chiesi** com'erano le canzoni popolari di queste parti (Levi. Cristo. 38).

В косвенном модальном вопросе знаком связи выступает союз *se*: gli **chiesi** se aveva un posto anche per il mio babbo (San. 81). Anna gli **chiese** se non sarebbe andato a prendere il cane (Ginsb. Tutti. 38).

Диктальный глагол при косвенных вопросах обоих видов может иметь форму как индикатива, так и конъюнктива: gli **chiesi** com'erano le canzoni popolari di queste parti e se **avesse potuto** insegnarmene qualcuna (Levi. Cristo. 38).

Un giorno David rivolgendosi a Dio **disse** perché **avessè creato** le mosche e i ragni (sc. elem., il Mugello, il Cast. d'Andrea). Gli **chiesi** se non si **vergognasse** del mestiere che stava facendo (Levi. Le parole. 15).

Конъюнктив недопустим только в предложениях, относящихся к плану будущего времени и будущего в прошедшем. Кроме того, в разговорном языке конъюнктив в косвенных вопросах почти не встречается.

Глагол речи, вводящий дополнительное придаточное, совсем не обязательно должен быть лексемой, обозначающей вопрос (domandare, chiedere). Также и здесь в итальянском разговорном языке часто встречается нейтральный глагол *dire*: Appena sono arrivato a scuola i ragazzi mi **hanno detto** se avevo studiato e io ho risposto di sì (sc. elem. Galluzzo); Mi **ringraziò** e mi **disse** chi ero e che cosa facevo di mestiere e io gli **dissi** che andavo a Cremona (Autobiogr. 229); Gli **dico** cosa ne fa. E lui: «Ci giocano a tombola i miei ragazzi» (ibid. 272); Il contadino ci **disse** se eravamo in villeggiatura e io naturalmente gli **dissi** di sì (ibid. 232).

Изредка подобные примеры можно встретить и в литератур-

ных текстах: Mi **disse** se volevo la musica di Faccetta nera (Levi. Cristo. 38). (Ср. французский перевод этой фразы: Il me **demand**a si je voulais la musique de Faccetta nera. — Levi. 40.)

Возможность замещения глаголов «domandare, chiedere» обобщенной лексемой, обозначающей «говорение вообще», а также взаимозамена морфологических наклонений конъюнктива, индикатива и кондиционала при сохранении неизменным вопросительного смысла всей конструкции показывает, что основным средством выражения отношения «вопроса» в косвенной речи является не лексическое значение глагола речи и не морфологическое наклонение сказуемого придаточного предложения, а союзно-вопросительное слово — *quando, che cosa, chi, se* etc.

Итак, для различения трех коммуникативно-модальных отношений косвенная речь располагает тремя формальными вариантами, соответствующими трем типам предложений — повествовательному, побудительному и вопросительному.

Выбор глагола говорения (*dire, domandare, ordinare, rispondere*) не влияет на осмысление конструкции и лишь дублирует значение, вытекающее из ее грамматической формы. Так, даже ошибочное употребление лексем группы *dicendi* (например, *rispondere* вместо *domandare, parlare* вместо *dire, aggiungere* вместо *dire, chiedere* вместо *esclamare*), которое очень часто встречается в сочинениях учеников начальной школы, не мешает правильному пониманию фразы: Nicola **rispose** **chi** si vuole mettere dalla parte del Galletti e tutti risposero di sì, anche quell'altra squadra (sc. elem. Galluzzo); Vivevano tre ladri uno più furbo dell'altro. Uno **aggiunse** alla moglie che se venivano i ladri gli desse buona cena. Mentre partì per andare a vedere il fratello ammalato. Verso il mezzogiorno arrivarono i due ladri, la moglie gli diede da mangiare e da bere. Guardando in alto uno vide una filza di salami e **chiese** all'altro: «Che bella barba!». Quando tornò il marito **chiese** alla moglie cosa avessero detto e la moglie gli **parlò** che guardando in alto uno disse «Che bella barba» (sc. elem. Pomarance).

Ошибочная взаимозамена конкретных глаголов говорения, вводящих косвенную речь, так же как и их вытеснение общим глаголом *dire*, допускаемое литературной нормой, свидетельствуют о избыточности или несущественности заключенной в них информации.

Естественно, что обобщенная лексема *dire* вместо *ordinare, rispondere* и особенно *domandare (chiedere)* встречается главным образом в разговорном языке или у авторов, предпочитающих разговорный стиль изложения. Тем не менее следует отметить, что снятие лексической конкретизации у глаголов, вводящих чужую речь, характерно для итальянского (как и для французского) языка в целом, по сравнению с русским, где существует тенденция подчеркивать лексически ситуацию, сопровождающую процесс говорения и его модально-видовые оттенки: **Dissi** che ero

dottore... (Levi. Cristo. 15) — «Я *подтвердил*, что я врач» (Леви. 18). (Хотя можно было бы в переводе сохранить нейтральный глагол «я сказал»). Различие речевого выбора обоих языков в этой области порождает целый ряд запретов чисто нормативного порядка: так, например, замена глагола «спрашивать» глаголом «говорить», возможная в итальянском, не допустима в русском. Можно также предположить, что цитированные выше ошибки итальянских детей, вытекающие из сознания необусловленности выбора глагола говорения окружающим контекстом, едва ли найдут себе соответствие в тетрадах русских школьников, потому что «ошибочные» отклонения от литературной нормы повинуются тенденциям, заложенным в системе данного языка.

*
*
*

Преобразования конструкции косвенной речи по сравнению с трансформациями модуса и диктума конструкций, обозначающих отношения субъективной оценки, имеют свою специфику.

Прежде всего следует отметить, что предикат модуса говорения (говорю, спрашиваю, приказываю), при субстантивации часто теряет способность управлять диктальным придаточным, так как приобретает черты конкретного существительного («слово», «вопрос», — *parola, domanda, richiesta, questione*). В свою очередь замещение позиции диктума существительным также приводит обычно к разрушению конструкции эксплицитной модальности, поскольку подобное существительное, как правило, является внутренним или «порождаемым» объектом глагола говорения: «сказать два слова», «произнести речь», «рассказать сказку», «сообщить новость» — *dire quattro parole, raccontare una storia, comunicare una notizia, pronunciare un discorso*. Во всех этих сочетаниях глагол говорения теряет свою синтактико-семантическую характеристику «модального глагола», а позиция диктального дополнения превращается в именную позицию дополнения, где «восстановить» диктальный глагол уже не удастся (ср. «я хочу чаю — я хочу выпить чаю», но только: «я говорю правду»).

Дополнительное придаточное предложение, вводимое глаголом речи, может быть преобразовано в инфинитив, который выступает как позиционный вариант придаточного. Однако условия замены придаточного инфинитивом при коммуникативном модусе и при модусе субъективной оценки не одинаковы.

После глаголов субъективной оценки диктум имеет форму инфинитива только при совпадении его субъекта с субъектом модуса: *avevano pensato di dare una grande partita di caccia in mio onore* (Levi. Le parole. 28);... *spero di esserne perdonato dal lettore* (ibid. 26);... *capì di non essere gradito* (ibid. 15).

После глаголов речи, выражающих различные оттенки по-

буждения, инфинитив и дополнительное придаточное взаимозаменяемы только в том случае, если субъектом диктума является не субъект модуса, а адресат речи, всегда имеющий свою обязательную позицию в составе любого модуса говорения. Замещение или не замещение этой позиции никак не влияет на возможность преобразования придаточного в инфинитивный оборот:

Il giorno fissato Tocchi disse alla Dirce che prendesse il bottiglione (Moravia. Racc. rom. 34) — *Il maresciallo ordinò ai carabinieri di far sgombrare la piazza* (Sciascia. 11).

Ma Ippolito non volle dare i soldi perché disse che ce n'erano pochi: disse che s'arrangiassero in casa come faceva pure tanta gente (Ginsb. Tutti. 31) — *Mentre (il principe) apriva la bocca per dire di rientrare in scuderia, un violento grido giunse dalla finestra* (Gattop. 18).

После глаголов, выражающих отношение сообщения (*dire*), условие возможной замены придаточного инфинитивом то же, что и при модусе субъективной оценки, т. е. совпадение субъектов модуса и диктума: ... *e diceva di essere sicuro che un sincero scambio di vedute tra noi sarebbe stato di giovamento alle condizioni dei poveri contadini della zona* (Levi. Le parole. 17); ... *dicendomi di essere anche lui piemontese e venuto da poco in questo paese sconosciuto e di aver già letto... il mio libro sul Mezzogiorno* (ibid. 24).

Однако, если при субъективно-оценочном модусе, содержащем глаголы «мысли», преобразование придаточного в инфинитивный оборот не обусловлено лексическим значением диктального сказуемого или его временными характеристиками, при глаголах «сообщения» эта трансформация имеет целый ряд лексических, грамматических и стилистических ограничений. Анализ текстов и наблюдения над итальянской устной речью показывают, что конструкция *dire di+inf.* в отличие от сходной конструкции *pensare di+inf.* в разговорном языке почти не встречается.

Кроме того, при глаголах типа *dire* в позиции диктума встречается главным образом сложный инфинитив (*infinito passato*) или простой инфинитив неактивных предикатов. Эти лексико-грамматические ограничения объясняются существованием омонимичной конструкции *dire di+inf.*, обозначающей отношения побуждения, которая в силу самого смысла этих отношений не допускает сложных форм инфинитива и редко включает инфинитивы неактивных предикатов.

Таким образом, для передачи отношений сообщения используются обычно такие формы и значения диктального предиката, которые исключают интерпретацию конструкции *dire di+inf.* как побудительной. Так, во фразе *mi disse di essere latore di un messaggio* (Levi. Le parole. 28) замена аналитической формы зависимого предиката простым глаголом *portare* — «*mi disse di portare un messaggio*» привела бы к переносу функции субъекта

инфинитива на адресата речи и к изменению модального смысла конструкции.

Наконец, после глаголов, выражающих вопросительное отношение, замена личного диктального глагола инфинитивом (с сохранением вопросительного слова) возможна только при внутреннем вопросе, где субъекты модуса и диктума совпадают (io mi domando che fare), а также при вопросе к собеседнику, если субъект инфинитива — сам говорящий или включает говорящего и собеседника (ti domando che fare).

Коммуникативный модус может оказаться в позиции диктального дополнения по отношению к модусу субъективной оценки — voglio dirti che..., однако «перевод» этой фразы в косвенную речь показывает, что модус «говорения» всегда предшествует субъективно-оценочному модусу в модально-диктальной цепочке: Le donne dicevano che avevano visto che io non ero come gli altri (Levi. Cristo. 41); Ieri gli scrissi che speravo non m'avrebbe fatto perdere dell'altro tempo (Montale. 61).

Вместе с тем собственное, отличное от глаголов субъективной оценки место имеет только чистый глагол говорения, не осложненный оценочными смыслами. Позиция «первого» модуса и соответственно «чистое» значение говорения отчетливо выделяются и определяются только при наличии «второго» модуса: diceva di essere sicuro che... В том случае, если позиция второго модуса не замещена, глагол «говорить» — dire включает значение «знания» и таким образом совмещает обе позиции. Субъективно-оценочный смысл «уверенного знания» у глагола dire в некоторых контекстах может выступать на первый план, превращая этот глагол в синоним «essere sicuro»: Quando (Nella) ha visto Novaro si è messa a domandargli come aveva fatto a trovarlo (il cane Gim) e gli ha detto: — «**Io dico** che non lo aveva preso nessuno, è lui che è stato a girare» (San. 111). — «Я уверена, что его никто не крал...».

Модальные глаголы, обозначающие побуждение и вопрос, объединяют в своем лексическом значении смысл «говорения» со смыслом субъективной оценки (ordina che io...=mi dice che vuole che io...; domanda se...=dice che desidera sapere se...), так что позиции «первого» и «второго» модуса при этих лексемах не дифференцируются.

Среди глаголов группы dicendi в итальянском, как и в других языках, существует еще несколько синкретических лексем, совмещающих смысл (и позицию) говорения со смыслом оценочного модуса *другого* субъекта. Так, например, глагол «уверять» — assicurare соответствует сочетанию dire di star sicuro; глагол «предлагать» — offrire, proporre разлагается на два модуса: «спрашивать, хочет ли собеседник», как это видно из сопоставления переводов: elle lui proposa de boire quelque chose (Bov. 37) — lei gli chiese se volesse bere qualcosa (Bov. 29).

Таким образом, значения глаголов говорения всегда осложне-

ны дополнительными оценочными смыслами, которые передают разнообразные субъективные реакции обоих участников коммуникации.

Тем не менее лексическое значение глаголов, вводящих косвенную речь, передает лишь понятийную, денотативную сторону субъективных оценок; в свою очередь дополнительное придаточное заключает в себе только содержание речи, лишенное экспрессивно-модальных созначений.

Поэтому вся информация, заключенная в интонации, в выборе лексики, в порядке слов, в формулах акций — реакций диалогической модальности, т. е. все то, что позволяет судить о социальном и психическом облике говорящего, не находит себе выражения в косвенной речи. Эта грамматическая модель, устраняющая из чужой речи все индивидуальное, не стандартно-грамматическое, сводящая все богатство субъективных реакций к считанному количеству модальных глаголов и даже не допускающая в своем составе слиском «колоритных слов, рисующих языковую манеру персонажа»¹⁶, предназначена только для передачи содержания чужой речи. Для того чтобы воссоздать также и ее форму, автор или рассказчик используют конструкцию с прямой речью и особый прием «несобственно-прямой речи».

§ 4. КОНСТРУКЦИЯ С ПРЯМОЙ РЕЧЬЮ

Предикативная синтагма, вводящая прямую речь, не обладает признаками грамматической и интонационной законченности. Однако прямая речь, следующая за квази-«модальным» предикатом, представляет собой в отличие от диктального дополнения автономное высказывание с самостоятельной интонацией и независимой грамматической формой, несущей определенную модальную нагрузку. Поэтому между обеими частями конструкции с прямой речью существуют отношения односторонней дополненности, подобные отношению «этикетки» и «вещи»: первая без второй не имеет смысла, тогда как форма и содержание второй сами по себе не требуют уточнения и получают его только в функции «примера» или «цитаты».

При точном воспроизведении чужой речи единственным необходимым уточнением является ее эксплицитное отнесение к говорящему лицу, не включенному в формы синтаксических наклонений и в формулы диалогической модальности. Пересказ обстоятельств, сопровождавших акт чужой цитированной речи (мимика, жесты, интонация, тон голоса, сопутствующие говорению действия и т. п.), не обязателен, так что лексическое наполнение предиката, вводящего прямую речь, факультативно.

Так же, как и в предикате модуса, вводящего косвенную

¹⁶ В. Н. Волошинов. Ук. соч., стр. 152.

речь, здесь мы находим чаще всего глаголы группы *dicendi*:
— Franco — **mi disse** il mio babbo — stai attento (San. 15)
— Cosa fai? — **domandammo** (Calvino. 290);
— Tu sei il dottore che è arrivato ora? — **mi chiesero** (Levi. Cristo. 14).

Поскольку форма прямой речи исчерпывающим образом определяет модальный тип предложения, повторное выражение того же модального смысла в глаголе, вводящем прямую речь, всегда избыточно. Поэтому глагол *dire* при прямой речи гораздо чаще замещает глагол *chiedere* (*domandare*), чем при косвенной:
— Cosa volete? — **disse** l'uomo grasso (Calvino. 94);
— Il bandito? — **disse** Tom — Ma di che cosa avete paura? (ibid.).

Кроме того, вместо глагола *dicendi* в разговорном языке прямую речь может вводить более общий глагол *fare*, не допустимый в конструкции косвенной речи:

— Anch'io, anch'io — **fecero** i tre bambini (Calvino. 185);
— Io dirò che prima di farli morire bisognerebbe... — **fece** lo spiritato (ibid. 77); Ma il suo babbo gli fa: Dammi — e rivolto al fattore: Fattore, lo richiami (San. 13).

Наконец, не существенная для понимания смысла фразы, позиция модального предиката во вводной синтагме вообще может остаться не замещенной:

Arrivò Bube: — La sezione era sempre chiusa, la bicicletta l'ho dovuta lasciare al posteggio (Cassola. Bube. 51). La prese sottobraccio: — Andiamo a far colazione (ibid.); È arrivato il mio babbo: — Franco, i'che tu hai fatto a Oliviero che piangeva? (San. 12); Dopo, eccoti la Marisa: «Franco»... (ibid) Il mio babbo: — Ora vengo io! (San. 152).

Противоположным проявлением произвольности лексического заполнения позиции вводного предиката является ее неограниченная лексическая конкретизация, не свойственная позиции модального предиката в конструкции косвенной речи:

1. Конкретизация видовых и модально-видовых оттенков говорения:

— Ebbene — **riprese** egli (Bassani. 102);
— Ho capito, ho capito — **continuava a ripetere** sommessamente mio padre (Bassani. 71);
Bizantini **prese a dire**: — Ma sì, avete visto, bella roba... (Calvino. 287);
— Magari! — **scappò detto** al padre — andasse in pezzi! (Calvino. 199).

2. Конкретизация способа говорения («образа действия»):
— Va' a fare il palo! — gli **gridava** Gesubambino **con rabbia** (Calvino. 105);

— E se ti pescano coi dolci in mano, scemo, cosa gli racconti, — **inveì** ancora il Dritto (ibid.);

Biancone **fischio** ancora, **chiamò** — Meri — meri! (ibid. 313);
— U — e — u — **muggì** Biancone (ibid. 306);
...e **cominciò a vociare**: — Attenzione, io sono il professor Ferdinando Coli... (San. 149).

Содержание признаков, сопровождающих речь, может включаться в лексическое значение глагола говорения, или выражается отдельно от глагола в обстоятельственных уточнителях:

— Addirittura! — **esclamò ridendo** (Bassani. 116);
— Capisci? Ha quasi cinquecento anni! — **sussurrava, sbarrando** gli occhi (Bassani. 111);
...mi disse **sottovoce**: — Ci sono Bergamini, Ceretti e Glauco (Calvino. 285);

— Comodi, comodi, — **fece** il professore **con la sua gentile voce musicale** (Bassani. 97);

— Spero che tu non voglia ripetermi la solita storia, — **lo interruppi** a questo punto, **scuotendo il capo** (Bassani. 70);

— Lascia stare la lingua, e badiamo ai concetti, — **tagliai corto, con una punta di acredine professorale di cui subito mi pentii** (ibid. 71).

Глагол, обозначающий любое конкретное действие, сопровождающее речевой акт, также может замещать позицию вводного предиката при прямой речи:

— Fragolette — **rise** Foffo — tu sai come sono, fragolette (Calvino. 127);

— Fuori corso? — **sospirò** da ultimo, — Beh, poco male (Bassani. 106);

— Soldato del papa, ah, ah, soldato del papa — **si divertiva** nostro padre (Calvino. 260);

— Direi che ne ho un certo diritto! — **aveva sogghignato, guardandomi** (Calvino. 107).

Две противоположные возможности лексического заполнения позиции вводного предиката при прямой речи — предельная лексическая деконкретизация и максимальная конкретизация — по-разному реализуются в устной и письменной речи как итальянского, так и других языков. Чем более повествовательно-книжным является стиль автора, тем чаще описываемая позиция используется для передачи дополнительных характеристик персонажа.

Вместе с тем отмеченная выше тенденция русского языка к семантическому согласованию глаголов говорения с модальным содержанием вводимой чужой речи и, наоборот, стремление итальянского освободить вводящий глагол от излишней семантической нагрузки проявляются здесь более отчетливо, чем в конструкции косвенной речи:

...**Disse**: «Ma non le sembra di esagerare un po', Principe?» (Gattop. 123) —

...**спросил**: «Но вам не кажется, князь, что вы несколько преувеличиваете?» (Леопард. 170);

Poi **chiese**: «Avete portato qualche cosa?» (ibid. 34) — затем *осведомился*: «А вы что-нибудь принесли?» (там же. 47);

— Com' è stato? — **chiedeva** la fornaia (Pratolini, Il Quartiere, Firenze, 1954. 14) —

— Как же это случилось? — *допытывалась* жена булочника (Пратолини. Квартал. 22).

— Perché? — **chiese** Carlo (Pavese. Il compagno. Torino. 1960) —

— Почему же? — *не унимался* Карло (Павезе. Товарищ. 103).

— Si capisce — **mi disse** (Pavese. ibid. 17)

— Конечно — *ответила* она (Павезе, там же. 23)

— E chi lo sa! — **disse** Carlo (Pratolini, ibid. 86)

— А кто его знает! — *отозвался* Карло (Пратолини, там же. 75) ¹⁷.

Как видно из приведенных выше примеров, субъектно-предикатная синтагма модуса, сопровождающего прямую речь, может находиться перед независимым предложением прямой речи, помещаться внутри этого предложения или следовать за ним, т. е. занимает позицию, сходную с позицией вводных слов, а иногда как бы сливается с последней, как например, во фразе: Colasberna è stato ucciso per gelosia, **dice un anonimo...** è stato ucciso per errore, **secondo un altro**: perché somigliava a un certo Perricone, individuo, che, **a giudizio dell' informatore anonimo**, avrà presto il piombo che gli spetta (Sciascia. 18).

Однако различие между этими синтаксическими «местами» все же существует, так как «модус говорения», занимающий позицию вводных слов, может сопровождать не только прямую речь, но (и главным образом) косвенное изложение чужих слов: E ha fatto promissione a Santa Fara di un tomolo di ceci, ché per miracolo non è stato impiombato, **dice**, vicino com'era al bersaglio (Sciascia. 14); Saputo che io suo vicino di letto ero un confinato, si offerse subito di farmi liberare, cosa per lui facilissima, **mi disse**, perché era amico di un'amica carissima del senatore Bocchini (Levi. Cristo. 36); Concettina aveva piantato tutti i fidanzati e pensava solo a studiare e forse pensava anche a qualcosa d'altro, **diceva Emanuele**, forse si era messa a pensare a Danilo (Ginsb. Tutti. 53).

Таким образом, в отличие от модальной синтагмы в конструкциях прямой или косвенной речи, вводный модус говорения не предопределяет формы «диктального» предложения, которое может объединять грамматические признаки косвенного изложения «от автора» с характеристиками прямой речи персонажа, т. е. представлять собой так называемую «несобственно-прямую речь».

¹⁷ Примеры взяты из дипломного сочинения Л. А. Гришиной «Сравнительно-сопоставительный анализ глаголов говорения в русском и итальянском языках». М., 1969 (рукопись).

§ 5. КОНСТРУКЦИЯ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ

Конструкция с прямой речью употребляется главным образом для передачи диалога. Монологическое высказывание, чужое или собственное, но не совпадающее с моментом речи, обычно встраивается в авторское изложение. Преобразование прямой речи в косвенную, служащее для этих целей, нейтрализует все экспрессивные оттенки. Поэтому при эмоциональном устном переказе чужих слов или при его письменном воспроизведении в сочинениях детей и малограмотных людей косвенная речь часто переходит в прямую: Volevano sapere da me dove erano dissi che non sapevo e con questo ebbi uno spintone un cazzotto e dicendomi del vigliacco delinquente non vuoi mai dirci nulla ma noi li troveremo lo stesso (Autobiogr. 343).

Литературная норма, не допускающая замещения позиции зависимого диктума в конструкции косвенной речи независимым предложением, располагает целым рядом приемов для сохранения экспрессивных характеристик чужой речи при ее косвенном изложении от лица автора или рассказчика. Сущность этих приемов сводится, согласно известному определению М. М. Бахтина ¹⁸, к «речевой интерференции» автора и персонажа, к совмещению во фразе «двух интонаций, двух точек зрения», где автор не просто имитирует чужую манеру говорить, но и выражает свое отношение к созданному им образу. Способы превращения одноплановой, «одноголосой» речи в «двухголосую» крайне разнообразны. От речи или мыслей персонажа автором может быть заимствована только лексика или только одно оценочное слово, как, например, в первой фразе из «Скрипки Ротшильда»: «Городок был маленький, хуже деревни, и жили в нем почти одни только старики, которые умирали так редко, что даже *досадно*» (Чехов. Собр. соч., т. 8, М., 1950, стр. 140).

Наряду с лексическим выражением «чужих» модальных оценок для несобственно-прямой речи характерно также и необоснованное языковым окружением употребление указательных местоимений, соотносённых с внутренним контекстом мыслей и воспоминаний персонажа, как в следующем отрывке из «Леопарда» Томази ди Лампедуза: Uno di essi mancava da due anni, **quel** Giovanni, il secondo-genito, il più amato, il più scontroso (Gatop. 17).

«Голос» изображаемого лица может прорваться на первый план в формулах диалогической модальности, восклицаниях, внутренних вопросах, перебивающих повествование:

Andava a finire che Piedipapera stavolta voleva essere pagato, **santo diavolone!**... Lui se l'era levati di bocca quei soldi, e non aveva pane da mangiare, **com'è vero Dio!** (Verga. Herczeg. 202); Aveva dimenticato di distruggere o di portare con sè i pezzi dello

¹⁸ См. В. Н. Волошинов. Ук. соч., стр. 161.

scritto stracciato. **Risalire a prenderli?** (Fogazzaro. Herczeg. 44) ¹⁹.

Описание лексических и грамматических вкраплений прямой речи персонажа в повествование «от автора» является частью анализа «сверхфразового единства» ²⁰ и не имеет прямого отношения к занимающей нас проблеме формальных типов семантически простого предложения.

Однако в итальянском, как и в других языках, существуют простые предложения, которые можно определить как конструкции несобственно-прямой речи ²¹. Их отличительной чертой является объединение признаков самостоятельного предложения с грамматическими признаками зависимой предикативной синтагмы. Формы лица, времени, наклонения указывают на то, что независимое предложение прямой речи преобразовано в зависимый диктум косвенной речи. Вместе с тем конструкция сохраняет независимую интонацию и не подчинена грамматически эксплицитному модусу говорения (мысли), который или вовсе отсутствует или входит в состав законченного предложения, предваряющего появление конструкции несобственно-прямой речи:

Andava chiedendosi chi fosse destinato a succedere a questa monarchia che aveva i segni della morte sul volto. Il piemontese, il cosiddetto galantuomo che **faceva** tanto chiasso nella sua piccola capitale fuor di mano? **Non sarebbe stato** lo stesso? (Gattop. 16).

Dopo tutto, egli non sapeva se dovesse dolersi o rallegrarsi della propria sorte. **Sarebbe stato libero. Avrebbe potuto** comandare a qualcuno: nessuno **avrebbe** più **comandato** a lui (Fracchia. Herczeg. 74);

В том случае, если в форме несобственно-прямой речи пересказываются слова, обращенные к самому автору, второе лицо независимого предложения прямой речи заменяется первым:

Е il professore mi da subito notizie sul paese, e sul modo con cui mi conviene comportarmi. Ci sono qui alcuni confinati, una diecina in tutto. Non devo vederli, perché è proibito... soltanto devo stare attento, perché c'è molta gente cattiva. Bisogna diffidare di tutti. Intanto io non frequenti nessuno... E' una fortuna che io sia arrivato e che possa fare il medico. Preferisco di no? Devo farlo assolutamente (Levi. Cristo. 18).

Особой формой несобственно-прямой речи является так называемый «condizionale di dissociazione», типичный для языка современной периодической печати. Это синтаксическое наклонение, выраженное морфологическим кондиционалом (простым или

¹⁹ Примеры взяты из книги G. Herczeg. Lo stile indiretto libero in italiano. Firenze, 1963.

²⁰ Детальное описание различных видов несобственно-прямой речи в итальянском языке можно найти в цитированной выше работе Дж. Херцгега.

²¹ О грамматических признаках конструкций несобственно-прямой речи во французском языке см. работы Ш. Балли (Ch. Bally): Le style indirect libre en français moderne. GRM, 1912, IV; Figures de pensée et formes linguistiques. GRM, 1914, VI; Antiphrase et style indirect librè. «A Grammatical Miscellany offered to Otto Jespersen». Copenhagen, 1930.

сложным), соотносенным с настоящим или прошедшим временем, обозначает чужое утверждение, за истинность которого говорящий не ручается:

Secondo quanto riferisce l'Agenfi, il ministro delle partecipazioni statali senatore Bo avrebbe dichiarato che... (L'Unità, 21. XI. 1965, p. 14).

Il giornale afferma che una quarantina di persone fuggirono da Giava il 6 ottobre a bordo di un aereo. Questo apparecchio sarebbe decollato dalla base di N. (L'Unità, 12. V. 1968, p. 14).

При эмоционально окрашенной передаче чужих слов или мыслей зависимый характер предиката отмечается устранением личной формы глагола при повествовательной («декларативной») интонации:

— **Altri tempi, dunque! Morta e sepolta** l'età delle bestie ingenu... Vero, che dici così? **Tempi nuovi: mangiare, bere, fare il maiale, fare il vigliacco, e imbecille** chi la pensa diversamente... **Soldi:** e poco importa donde vengano, se siano netti o sudici (Chiesa. 216);

La signora Poldina non era una cattiva donna: tutt'altro; e brava: ma uggiosa prolissa pesante e bigotta: ordine, orario, programma. Ciascuna giornata divisa a pezzettini, e ogni pezzettino impiegare a quel modo fissato nell'orario: tutto a ora fissa. Ciascuna giornata come ciascuna cassetta d'ogni mobile: tutte le cose a posto. E a tavola stare come si conviene, e per la strada non si voltare all'indietro, non si fermare alle vetrine (Cicognani. Herczeg. 48);

Elisabeta: Vuole che io vada a preparare la lavanda. Lavato, avvolto in un lenzuolo, e via. Così (Pirand. La vita che ti diedi. 13).

Все эти экспрессивные модели с устраненной личной формой предиката не являются, однако, грамматическими конструкциями, специально предназначенными для передачи чужой речи, и могут применяться для выражения прямых речевых реакций, окрашенных разнообразными аффективными оттенками: Е incredibile! **Arrivare** fino a questo punto! (Pirand. Ciascuno a suo modo 82); Siamo qui tutti, ma in che stato! Guardaci! **Morti! Morti!** (Butti. Gossen. 131).

Что касается специализированной синтаксической модели несобственно-прямой речи, ее возникновение и кристаллизация непосредственно связаны с литературными течениями девятнадцатого-двадцатого веков и представляют собой один из примеров обогащения и изменения грамматической системы письменного варианта итальянского языка в результате эволюции литературных жанров и стилей. Все же итальянскому разговорному языку эта конструкция остается чуждой, в отличие от русского и немецкого, где несобственно-прямая речь не носит отпечатка «книжности».

Так, для итальянского языка стилистически нейтральным и обычным способом передачи чужого монолога (или собственно-

го, но высказанного ранее) является конструкция косвенной речи, состоящая из главного предложения и нескольких придаточных дополнительных, тогда как русский язык предпочитает в этом случае ряд независимых предложений несобственно-прямой речи:

Dissi che ero dottore, ma da molti anni non esercitavo; che certamente esisteva un medico nel paese, che chiamassero quello; e che perciò non sarei venuto (Levi. Cristo. 15) — «Я подтвердил, что я врач, но много лет не практиковал; и, конечно, в поселке есть же свой врач, пусть его и позовут, а я не пойду» (Леви. 18).

Причину расхождения языков в этой области иногда усматривают в том, что в истории формирования романских литературных языков «большую роль сыграла риторика, с ее отчетливым линейным стилем в передаче чужого слова, с ее грубой, но определенной, односмысленной интонацией»²².

Однако наличие цепочек дополнительных придаточных косвенной речи в современных итальянских текстах, отражающих естественные разговорные и просторечные нормы, а также в староитальянских нелитературных текстах, свободных от влияния средневековой риторики, показывает, что конструкция косвенной речи принадлежит к исконному, «основному» фонду синтаксических единиц и не связана с воздействием на язык каких-либо историко-культурных и литературных факторов. Очевидно, именно отсутствие в исконном синтаксическом фонде общенародного итальянского языка специальных конструкций несобственно-прямой речи и их присутствие в русском и немецком²³ объясняет различное положение этих синтаксических единиц в грамматической системе разных языков.

²² В. Н. Волошинов. Ук. соч., стр. 149; см. также Дж. Херкцег. Ук. соч., стр. 248.

²³ В разговорно-просторечном варианте русского языка существуют специальные грамматические показатели несобственно-прямой речи — модальные частицы «де», «мол», «дескать»: «Если бы ему дали все необходимое, он-де наладил бы питание». (Ажаев «Далеко от Москвы». Словарь русского языка. Т. I. М., Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей, 1957). В немецком языке аналогичную функцию выполняет вспомогательный глагол *sollen* при инфинитиве (См. О. Есперсен. Философия грамматики. М., ИЛ, 1958, стр. 349).

Часть III.

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Все именные члены предложения способны получать определения, уточняющие их содержание. На этом основании синтаксическая функция любого атрибутивного сочетания иногда отождествляется с функцией его главного члена — существительного, так что определение представляется как простое распространение определяемого, никак не связанное с семантико-синтаксической структурой предложения в целом («свежее молоко» синтаксически эквивалентно существительному «молоко»¹). Между тем известно, что далеко не каждое определение может быть исключено из состава предложения без нарушения структурной цельности последнего и что роль определения в составе атрибутивного сочетания не тождественна позиции (точнее позициям) определения в составе предложения. По отношению к определенным позициям предложения мы можем говорить об их факкультативности или обязательности, что в свою очередь обусловлено их коммуникативными функциями — спецификацией и характеристикой, по-видимому, общими для всех языков². Вместе с тем специфика синтаксических категорий каждого языка обусловлена не общими функциональными отношениями, а взаимо-

¹ См. Л. Блумфилд. Язык. М., «Прогресс», 1968, стр. 208.

² Н. Seiler. Relativsatz, Attribut und Apposition. Wiesbaden, 1960. Как указывает Зейлер (стр. 49), спецификация и характеристика родственны таким общеязыковым категориям, как «данное» (тема) и «новое» (рема) в актуальном членении предложения. А. Фрей, различая три типа функциональных отношений — характеристику, индикацию и спецификацию, также указывает на их универсальный характер (H. Frei. Caractérisation, indication, spécification. «For Roman Jakobson», The Hague, 1956, p. 168: «...ces relations et les termes qui en font partie ne sont pas par eux mêmes des parties du discours, mais des fonctions syntagmatiques ou rôles. Ces rôles sont, par hypothèse, universels, tandis que les parties du discours ont un caractère contingent»).

действием конкретных языковых форм, содержание которых оказывается значительно богаче и сложнее любых металингвистических дефиниций.

Наиболее частотной лексико-грамматической формой, специально предназначенной для замещения определительных позиций, является прилагательное. Для всех прочих частей речи функция определения вторична, так что более детальный анализ их связи с определяемым относится уже не к уточнению их синтаксической позиции, а к установлению типов смысловых отношений между двумя членами атрибутивного словосочетания и к поискам первичных предикативных форм выражения этих отношений. И то и другое подробно изложено в школьных грамматиках и в трансформационной грамматике итальянского языка Нормы Констабиле³, и здесь нет необходимости на этом останавливаться.

Иначе дело обстоит с определениями-прилагательными. Их синтаксические позиции, соотносимые так или иначе с общими коммуникативными функциями, не получили пока более точной семантико-формальной классификации в итальянском языке. Описание типов определений, проведенное на материале французского языка, в общих чертах приложимо также и к итальянскому; однако сравнение переводов с русского языка на французский и итальянский, с французского на итальянский и с итальянского на французский позволило обнаружить существенные расхождения в порядке слов группы «определение+определяемое», т. е. в формальных, а возможно и в семантических признаках определительных позиций двух родственных языков.

Определения, выраженные придаточными предложениями, также представляют собой интересный материал для исследования в связи с тем, что в итальянском языке формы относительно подчинения, узаконенные литературной нормой, резко отличаются от разговорно-просторечных. Аналогичное различие между литературной и разговорной формой относительных предложений существует также и во французском языке. Этот параллелизм, лишь частично объяснимый близким родством обоих языков, связан, по-видимому, с некоторыми общими особенностями синтаксических структур устной речи, закрепленных в разговорно-просторечном варианте общенародного языка.

³ N. Costabile. Le strutture della lingua italiana. Grammatica generativo-trasformativa. Bologna, 1967.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ВЫРАЖЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

Для установления синтаксической значимости определительных позиций необходимо выяснить их лексическое наполнение, степень и характер зависимости между определяемым существительным и его определением, наличие или отсутствие обусловленности этих позиций со стороны более широкого контекста, чем группа «определение+определяемое», и, наконец, соотношение между различными формами определений и общеязыковыми категориями спецификации и характеристики.

По чисто формальным признакам в итальянском (как и в других романских языках) выделяются следующие определительные позиции: 1) сочетание существительного с местоимением ($Pron.+N$); 2) сочетание существительного с предпозиционным прилагательным (A_1+N); 3) сочетание существительного с постпозиционным прилагательным ($N+A_2$); 4) сочетание существительного с обособленным прилагательным, которое занимает в предложении факультативную позицию вторичного зависимого предиката (N, A_3+V или A_3N+V или $N+V, A_3$).

Рассмотрим сначала типы определений, связанных со специфицирующей (ограничительной) функцией.

Под спецификацией имеется в виду такое отношение двух понятий, при котором объем определяемого понятия ограничивается, а содержание соответственно расширяется за счет определяющего. При этом общее понятие, выраженное определяемым, представлено как членимое на более частные понятия, противопоставленные друг другу своими свойствами, в то время как определяющее указывает, какое именно свойство существенно для данной ситуации.

Наиболее общими формами спецификации являются местоименные определители — индикаторы, входящие в конструкцию

Prop.+N. Они отмечают основные отношения существительного к контексту или ситуации: принадлежность к I, II, III лицу, пространственную (контекстуальную) близость и удаленность, определенность — неопределенность, идентичность или различие, целостность или частичность и, наконец, отношения порядка и количества, выраженные числительными. Эти слова, сочетаясь с неограниченным количеством существительных, не образуют с ними, однако, свободного сочетания, так как сами являются ограниченной группой слов, которые, подобно грамматическим морфемам, не пополняются новыми образованиями и имеют обязательную локализацию в именной позиции. Вместе с тем, в отличие от словообразовательных морфем, они оформляют не существительные, как лексико-грамматический класс слов, а именную позицию в предложении («assiette»). Поэтому, как замечает А. Фрей¹, в группе Prop.+N ведущим членом, способным представлять сочетание в его внешних связях с контекстом и замещать сочетание в одном и том же окружении, оказывается не «определяемое» имя, а «определяющее» местоимение. Из этого следует максимальная синтаксическая слитность членов группы, возникающая из их взаимной зависимости в речевой цепи, и в то же время их полная лексическая независимость вне конкретного речевого акта (т. е. неспособность к образованию устойчивых смысловых ассоциаций). Таким образом, местоимение определяет (специфицирует) понятие, выраженное именем, путем его актуализации (соотнесения с действительностью) в отличие от прилагательного, специфицирующего понятие по его содержанию, например, *campro magnetico*, *campro sportivo*. Значение актуализации, свойственное всем местоименным определениям, осложняется дополнительными значениями более точных отношений, которые делают каждую местоименную форму грамматически индивидуальной. Наиболее общей из них (т. е. имеющей минимальное количество семантических составляющих) является определенный артикль, который, благодаря, своей семантической неотмеченности, превращается в абсолютный знак субстантивации любого отрезка речи. Внутри самой группы местоименных определений имени существует строгая иерархия позиций, зависящая от степени отвлеченности значения актуализатора. Так, артикль имеет фиксированное место перед всеми прочими определителями (за исключением *tutto*) и никогда не помещается после существительного. Более конкретные притяжательные местоимения помещаются ближе к существительному, чем, например, местоимения *tutto*, *questo*, *quello* и могут встречаться в постпозиции при эмфатическом выделении в восклицательных предложениях: *madre mia*, *dio mio*, тогда как постпозиция «questo» уничтожает определительные отношения в группе, превращая их в предика-

¹ H. Frei. Caractérisation, indication, spécification. «For Roman Jakobson». The Hague, 1956, p. 160.

тивные, например, *Compito difficile*, *questo*, где *questo* — субъект, а *compito difficile* — предикат.

Представляя внешние связи существительного в речевой цепи, некоторые местоименные определители могут быть распространены другими словами, независимо от существительного, а иногда даже обязательно предполагают дальнейшее уточнение. Так, например, определенный артикль, местоимения *lo stesso* или *quello*, не будучи обусловлены предшествующим контекстом или ситуацией, связаны с ограничительным определением, следующим за существительным: *lo stesso sbaglio di prima*; *è lo sbaglio che ho fatto anche prima*. Представляя собой формально закрытый класс слов, местоименные определители имеют среди прилагательных открытый ряд синонимов, почти не отличающихся от местоимений по лексическому значению, но имеющих все синтаксические признаки прилагательных (неспособность выступать в качестве ведущего члена определительной группы и возможность употребляться во всех синтаксических позициях прилагательного): *solo*, *certo*, *determinato*, *sicuro*, *preciso*, *uguale*, *identico*, *comune*, *intero*, *proprio*, *completo*, *reciproco*, *numeroso*, *solito*, *noto* и т. п. Являясь, как и местоимения, специфицирующими определениями, эти слова могут занимать позицию, свойственную обычно относительным прилагательным, т. е. входить в конструкцию *N+A₂*. Вместе с тем, сохраняя свою связь с местоимениями, они появляются в позиции *Prop.+N*, т. е. до препозиционного прилагательного (*alcuni vecchi libri—numerosi vecchi libri—i soliti vecchi libri*), а при отсутствии прилагательного их позиция фактически совпадает с *A₁+N*. Смещение синтаксических позиций *Prop.+N* и *A₁+N* для этой пограничной группы слов обусловлено не только случайным отсутствием второго определения — прилагательного, но и семантической близостью их к прилагательным, для которых первична позиция *A₁+N*. Как те, так и другие выполняют роль интенсификатора — одни по отношению к лексическому значению определяемого существительного, другие по отношению к местоименному определителю: *un solo giorno*, *con i miei propri occhi*, *la stessa cosa precisa e identica*, *tutta l'intera giornata*, *un certo signore*.

Значение интенсификации действия или качества составляет, как известно, содержание форм субъективной оценки, легко приобретающих в зависимости от контекста различные дополнительные оттенки, подчеркивающие эмоциональное отношение говорящего к содержанию речи. Так, например, сравнивая *la stessa storia—la solita storia*, *alcune domande—certe domande*, можно определить значение прилагательных *solito* и *certo* как значение соответствующего местоимения плюс возможная субъективная характеристика понятия как «надоевшего, неинтересного» в первом случае и во втором — как «неопределенно-многозначительного, содержащего качества, известные говорящему, но о которых он предпочитает умалчивать», например: *Che Keplero, così*

legato a certe posizioni, rimane colpito dagli inni bruniani, non stupisce (Garin, «Medioevo e Rinascimento», p. 200). Характерно, что при постпозиции эти слова теряют способность передавать эмоциональную нагрузку и приобретают отчетливо выраженное относительное значение: *l'ordine solito* = *lo stesso ordine di prima*, *una vittoria certa* = *una vittoria che avrà luogo*. Таким образом, между местоименными определителями и прилагательными помещается переходный слой лексики, с одной стороны тяготеющий к позиции A_1 , с другой выступающий в функции спецификации в позиции A_2 .

Поскольку в романских языках функцию спецификации выполняют обычно постпозиционные прилагательные, рассмотрим сначала конструкцию $N + A_2$, условившись, что символ A_2 будет применяться только для обозначения постпозиционных *специфицирующих* определений.

Представляя собой дальнейшее уточнение понятия в сообщении, спецификация имеет много общего с индикацией. Прежде всего эта общность проявляется в том, что существительное + ограничительное определение не может быть замещено существительным без определения в одном и том же контексте. Так, фраза *avevi le mani calde* без прилагательного *calde* содержит само собой очевидную истину, т. е. по существу ничего не сообщает. Поэтому местоимение не замещает всю конструкцию $N + A_2$, а только определяемое существительное: *Mi ricordo anche quando era inverno, la faccia e le mani le avevi sempre calde*. (Cassola. 88). Если группа $\text{pron.} + N$ замещается в речевой цепи местоимением, $\text{pron.} + N + A_2$ в более общем виде может быть представлено как $\text{pron.} + A_2$. Таким образом, ведущим членом сочетания оказывается не N , а местоимение или артикль. В тех случаях, когда ситуация или контекст однозначно устанавливают предметную отнесенность местоимения, в позиции A_2 происходит окказиональная субстантивация прилагательного: *Mario, salito in piedi su una seggiola, che si spenzolava contro la libreria, tendendo la mano verso una fila di libri che stava sotto il soffitto; e lei, la santarella dalle guance rosse, che gli reggeva la seggiola e diceva: «Quello lassù, quello bello grosso... quello bello grosso rilegato in pelle»* (Moravia. 195) *Ecco che si accostano ai cartelloni due ragazze, timide timide, una bruna e l'altra bionda. La bruna aveva un corpetto di velluto nero... La bionda non aveva nemmeno la borsetta* (Moravia. 328).

При рассмотрении различных возможностей лексического наполнения позиции местоимения в конструкции $\text{pron.} + A_2$ выясняется, что не все местоимения способны входить в сочетание с ограничительным определением. Те местоименные определители, которые представляют понятие как неделимое, взятое во всем его объеме, например, *il mio* (твое, свое есс.), *questo*, *tutto*, никогда не замещают именную позицию, осложненную специфицирующим определением. Напротив, все местоимения, связанные с поня-

тием избирательности и членимости — *uno*, *alcuno*, *altro*, *quello*, выступают не только как определители, но и как заместители существительного в конструкции $\text{pron.} + N + A_2$. Что касается определенного артикля, его возможности субстантивировать специфицирующее определение ограничены только теми случаями, где он может быть заменен местоимением *quello*, т. е. получает в контексте указательно-избирательное значение: *la bruna — la bionda*. То, что в конструкциях с ограничительным определением первый тип местоименных определителей не может непосредственно соединяться с A_2 , тогда как второй тип как бы для этого предназначен, наводит на мысль, что в первом случае местоимения относятся ко всей группе $N + A_2$ в целом, во втором же случае между pron. и A_2 устанавливается непосредственная взаимосвязь. Констатируя связь между pron. и A_2 , А. Фрей приходит к выводу, что при отсутствии взаимной обусловленности между актуализаторами существительного и его определением, как например, во фразе: *pous n'avons même pas l'eau courante*, или в любом другом случае употребления сложного термина, это определение не выполняет больше функции спецификации: *le spécifiant comporte toujours une indication, sinon c'est un caractérisant*².

Вывод Фрея, совершенно справедливый в отношении спецификации как коммуникативной функции в конкретном высказывании, оставляет вне поля зрения тот факт, что спецификация понятий может иметь место также и вне сообщения, например, в любой системе специальных терминов, где существительное обозначает общее понятие, а конструкция $N + A_2$ частные его подвиды: *energia — energia potenziale, attuale, cinetica, meccanica, elettrica, termica, chimica, fisica, magnetica, atomica*. То, что сложный термин не создается в сообщении, а дан в словаре, не лишает позицию A_2 ее специфицирующей функции. Как и в первом случае, прилагательное имеет здесь тенденцию к субстантивации, однако, поскольку речь идет о независимых от конкретного высказывания терминах, переход в класс существительных совершается полностью. Так, *l'espresso*, *il rapido* такие же полноценные единицы словарного состава языка, как и их развернутые варианты: *il treno rapido*, *il treno espresso*. К аналогичному типу сочетаний принадлежат сложные имена собственные (см., например, в топонимике *Civitavecchia*, *Campobasso*, *Monte Bianco*), которые иногда известны и понятны лишь ограниченному кругу говорящих, например, *Un tempo i Malavoglia erano stati numerosi come i sassi della strada vecchia di Trezza* (Verga, 2). Очевидно, в Трещу вели две дороги, одна новая, другая старая,

² Это подтверждается, по мнению Фрея, невозможностью заменить местоимением слово *eau* независимо от *courante*, в отличие от специфицирующих конструкций, как например, *Elle a les cheveux frisés — elle les a frisés* (H. Frei. Op. cit., p. 160).

и эти отличающие их свойства послужили основанием для их сложного обозначения.

Таким образом, конструкция с ограничительным постпозиционным определением предстает перед нами в двух вариантах: 1) спецификация в сообщении: $\text{Проп.} + N + A_2$, где две взаимообусловленные формы Проп. и A_2 как бы замыкают определяемое имя существительное, и 2) спецификация в словаре или до данного сообщения: $N + A_2$, где A_2 относится непосредственно к существительному, формы актуализации которого могут быть любыми. Несмотря на коммуникативное различие, в обоих вариантах ограничительной конструкции сохраняются типичные для спецификации отношения сильного (двустороннего) подчинения: существительное без прилагательного оказывается, по условиям контекста, семантически незавершенным и поэтому требующим уточнения, прилагательное же подчиняется существительному (или местоимению) как ведущему члену словосочетания. Обязательность ограничительного определения в сложных терминах обусловлена устойчивостью сочетания двух слов, соответствующих устойчивой связи двух понятий в реальной действительности, и поэтому зависит от лексического контекста (отсутствие определения, не влияя на синтаксическую «правильность» фразы, существенно изменяет ее смысл или делает ее бессмысленной, например, *frazionare le masse metalliche... in lamine separate da fogli di carta isolante* (Fisica, 237), где слово *carta* обозначает общее понятие «бумага», тогда как для данного контекста существенно именно то, что это бумага изолирующая).

Обязательность ограничительного определения в тех случаях, когда спецификация дана в самом сообщении, обусловлена конструкцией предложения, включающей стереотипные лексические условия. Можно выделить как исходные два типа независимых предложений, где спецификация является целью основного сообщения. Первый тип представляет собой предложение с именным сказуемым, в котором понятия, выраженные подлежащим и именной частью сказуемого, с полной очевидностью относятся как частное к общему, например, «мой отец — человек», где слово «человек», лишенное самостоятельного смысла, требует специфицирующего определения³: *E'un uomo buono e triste, pieno di sfiducia e di disprezzo per il mondo dove gli tocca vivere* (Levi, 23).

При трансформации независимого предложения типа: *è un uomo magro* в часть предложения, его предикат превращается в приложение (т. е. дополнительное высказывание с зависимой предикативностью), где специфицирующее назначение конструкции сохраняется без изменения: *Scaricato e consegnato al segretario comunale, un uomo magro e secco, duro d'orecchio... rimasi*

³ В предложениях, не отвечающих этим условиям, спецификация не является целью сообщения, например, «мой отец — инженер», где существительное «инженер» допускает, но не предполагает дальнейших уточнений.

solo in mezzo alla strada (Levi, 13). «была Аделаида Ивановна, дама горячая, смелая, смуглая, нетерпеливая» (Дост. 10) — ср. итальянский перевод: *era Adelaida Ivanovna, signora impetuosa, ardita, bruna intollerante* (Dost. 18). Иногда субъект, к которому относится специфицирующее приложение, в предложении не выражен и восстанавливается из контекста. Тогда группа $\text{Проп.} + N + A_2$ выступает в роли подлежащего: «Как именно случилось, что девушка с приданым, да еще красивая и сверх того из бойких умниц... могла выйти замуж за такого ничтожного мозгляка... объяснять слишком не стану» (Дост. 8) — *Come fosse precisamente accaduto che una ragazza con tanto di dote e avvenente e di intelligenza apertissima... potesse andar sposa a un tale infimo «scarto», non mi fermerò troppo a spiegarlo* (Dost. 17). Другой исходный тип высказывания, где спецификация составляет цель основного сообщения, представлен предложениями с предикатом принадлежности, который приписывает субъекту обладание такими атрибутами, которые составляют неотъемлемую его часть, например, *il ragazzo ha un paso*. Также и в этом случае существительное «*paso*» не сообщает ничего нового и служит лишь опорным словом для дальнейшей спецификации: *Ha le guance cascanti e gli occhi lagrimosi e bonari...* (Levi, 19). *Non ha a prima vista l'aspetto severo e terribile di tutti gli altri paesi di qui* (Levi, 13).

Особый случай представляет собой спецификация существительного, вводимого неопределенным артиклем. Строго говоря, любое существительное с неопределенным артиклем или его эквивалентами *altro, alcuno* представляют предмет как неизвестный и поэтому допускающий дальнейшие определения. Как известно, появление неопределенного артикля обуславливает наличие специфицирующего определения при неисчисляемых существительных, принимающих без определения незавершенный смысл, так как представление выражаемого ими понятия как членимого вытекает только из наличия его качественной характеристики: *aveva fame — aveva una fame insaziabile; pieno di noia — pieno di una noia secolare; le faceva la corte — pare che il brigadiere le faccia una corte altrettanto galante quanto minacciosa* (Levi, 22) или: *l'occhio spazia in ogni direzione su un orizzonte sterminato, identico in tutto il suo cerchio* (Levi, 11).

Однако тесная формальная связь неопределенного артикля и A_2 сразу же теряется при исчисляемых существительных, где неопределенный артикль не предполагает их смысловой незавершенности. Необязательность определения в этом случае хорошо видна хотя бы в следующих фразах: *L'arte medica per lui non è che un diritto, un diritto feudale di vita e di morte sui cafoni* (Levi, 21); или: «Дело в том, что это пожалуй и деятель, но деятель неопределенный» (Дост. 5) — *Fatto sta che egli sarà magari un personaggio, ma un personaggio incerto...* (Dost. 3).

Как видно из этих примеров, ослабление формальных свя-

зей между неопределенным артиклем и прилагательным вызывает необходимость в дополнительных интонационных средствах, подчеркивающих спецификацию, или в эмфатическом повторе существительного, дважды: в первый раз для представления нового понятия и второй раз для сообщения о его свойствах. Не будучи выделенным эмфатически, постпозиционное определение оказывается как бы факультативным: *mentre un ragazzo docile e taciturno, suo nipote, lo aiutava a squartare la bestia* (Levi. 47). Устранение прилагательных не вызвало бы никаких нарушений в структуре этого предложения, как и в случае устранения характеризующих определений. Сходство с последними проявляется еще и в том, что такое определение может быть обособлено: *mentre un ragazzo, docile e taciturno, lo aiutava a squartare la bestia*. Вместе с тем возможное присоединение такого типа определений при помощи союза *et* (типичное для разговорной речи), как например, во фразе: *come seppa che cercavo un alloggio, e possibilmente abbastanza grande e luminoso da potervi dipingere...* (Levi. 48), с одной стороны, говорит о необязательности определения, добавляемого после паузы, с другой же стороны, является свидетельством его связи с неопределенным артиклем, указывающим на качественную сторону понятия, но не ограничивающим его объем и содержание. При существительных с определенным артиклем, представленных как известные во всем их объеме, присоединение характеризующих определений при помощи союза *et* невозможно. Эти наблюдения позволяют прийти к выводу, что определения типа «*un ragazzo docile e taciturno*» являются нейтральной формой, которая в зависимости от намерения говорящего может превращаться в специфицирующее определение A_2 или сближаться с характеризующим (не сливаясь с ним полностью) в случае обособления.

Таким образом, существенным формальным признаком позиции A_2 в отличие от позиций нейтральных или характеризующих является отношение сильного подчинения, возникающее между определением и определяемым на основе семантической неполноты ведущего члена. Эта неполнота, однако, не вытекает из лексической природы существительного, а создается условиями лексического и синтаксического контекста.

Другой формальной особенностью постпозиционных специфицирующих определений является их способность к субстантивации. Субстантивация происходит не только при замещении существительного местоимением (артиклем), но и при наличии определяемого существительного, например, в случае спецификации имени собственного: *Lorenzo il Magnifico* или в сочетании с предлогами: *Aveva un contegno tra il timido e il categorico* (Iovine, 21). Третий формальный признак постпозиционных специфицирующих (и, как будет видно ниже, также и постпозиционных характеризующих) определений проявляется в том, что они могут выступать в качестве ведущего члена по отношению к раз-

нообразным формам, меняющимся в зависимости от лексического наполнения определения. Так, определения — прилагательные могут быть распространены наречиями, предложными сочетаниями с существительным или с инфинитивом, определения — причастия сохраняют свойственные глагольной лексеме дополнения, определения предлог+существительное могут иметь собственные определения — прилагательные и т. п.

Четвертым признаком позиции A_2 является ее лексическое наполнение, которое составляет неотъемлемую часть формальной характеристики каждой синтаксической формы. Постпозиционное специфицирующее определение отличается тем, что в этой позиции встречаются все классы слов, за исключением герундия и личной формы глагола. Поскольку единственным классом слов, для которых функция определения первоначально, являются прилагательные, существенно отметить, что не функция определения вообще, а именно позиция A_2 допускает все прилагательные без исключения. Поэтому общее значение прилагательных, замещающих эту позицию, совпадает со значением всего лексико-грамматического класса слов, имеющих морфологические признаки прилагательного. Это значение «адъективности» передается и самой синтаксической позиции, которая становится местом активного процесса преобразования других частей речи в эквиваленты прилагательных. Этапы адъективизации различны: это может быть чисто синтаксическая транспозиция, отмеченная предлогами, как например: *un vestito di lana, una macchina da scrivere una stoffa a strisce*; конверсия («гипостаз»): *treno lampo, treno merci, i sedili davanti, una ragazza per bene*, и, наконец, так называемая синтаксическая деривация, где суффикс отмечает одновременно как синтаксическое перемещение слова, так и его переход в другой класс слов: *solare, acquatico, leggibile* и т. п. В связи с этим характерна отмечаемая Б. Мильорини⁴ привязанность некоторых отыменных прилагательных к первичному месту их образования: так, сочетание *il calore solare* не может принять вид предикативной синтагмы *questo calore è solare*. Этому закону подчиняются все определения в составе сложных терминов, т. е. как раз самая продуктивная часть класса прилагательных, постоянно пополняющаяся в связи с возникновением новых понятий в различных областях культурной и бытовой жизни общества. Совершенно очевидно, что для новообразований научного, технического, политического языка позиция A_2 является исходной, тогда как все прочие синтаксические позиции завоевываются некоторыми прилагательными впоследствии, в результате расширения круга их сочетаемости, и отмечаются

⁴ B. Migliorini. Note sugli aggettivi derivati da sostantivi. «Mélanges de linguistique offerts a Ch. Bally». Genève, 1939, p. 251. См. также подробное описание словообразовательных процессов в классе прилагательных B. Migliorini. Saggi Linguistici. Firenze, 1957, pp. 135—147; B. Migliorini. Saggi sulla lingua del Novecento. Firenze, 1963, pp. 99—195.

изменениями в их значении. Так, например, известна недавняя экспансия слова «atomico» (см. В. Migliorini, *Parole nuove*, 1963). В то же время для многих прилагательных узкоспециального значения позиция A_2 остается до сих пор единственной, несмотря на их раннее появление в языке, например, (polo)artico, (polo)antartico, известные уже Ристоро д'Ареццо (Е. Монаси, р. 412), (globo) terraqueo, употребительное только в составе географического термина, в отличие от прилагательного terrestre.

Тем не менее, несмотря на отсутствие лексических ограничений и первичность для отыменных и отглагольных прилагательных, позиция A_2 не первична ни исторически, ни в синхронном плане для небольшой группы наиболее употребительных производных прилагательных, которые встречаются главным образом перед определяемым существительным.

Оставляя пока в стороне отношение позиции A_1 к коммуникативным функциям характеристики и спецификации, попытаемся определить ее синтаксическую значимость исходя из ее лексического наполнения и соответствующих дистрибутивных характеристик.

Общая характеристика препозиционных определений, приложимая как к итальянскому, так и к французскому языку, в основном сводится к следующему:

1. Препозиция является обычной (т. е. первичной) синтаксической функцией определений, ограниченных как по своей морфологической структуре, так и по своему лексическому значению. Это могут быть только прилагательные и никакие другие части речи; более того, это — ограниченная группа прилагательных, обозначающих наиболее общие свойства предметов: величину — grande, grosso, piccolo — интенсивность — forte, debole, положительную или отрицательную оценку — buono, cattivo, bello, brutto; известность — неизвестность, обычность — необычность: solito, noto, strano, vecchio, nuovo.

2. Между этими группами прилагательных нет отчетливого семантического противопоставления. Как замечает А. Блинкенберг, «ce sens général n'entre pas dans la catégorie du bien et du mal, ni dans celle de la quantité à proprement parler; l'adjectif antéposé indique un degré, c'est un terme de pure intensification»⁵. То же самое мы наблюдаем и в итальянском языке. Так, между прилагательными grande, bello, buono, alto, forte происходит свободная или чаще обусловленная лексическим значением существительного взаимозамена, не сопровождающаяся изменением содержания: alta pressione — forte pressione — grande pressione; una grande differenza di potenziale — una alta differenza di potenziale (Fisica, 239); una buona parte по существу синонимично la maggior parte, grande amico соответствует buon amico. Внутри

⁵ А. Blinkenberg. L'ordre des mots en français moderne, vol. II. København, 1933, p. 50.

антонимических пар взаимозамена несет дополнительную эмоциональную нагрузку, обусловленную общим лексическим составом предложения или его интонацией: так, во фразах bella roba! bella prospettiva! bello выступает синонимом brutto.

Характерно, что при переводе с французского на итальянский и наоборот очень часто можно наблюдать несовпадение в выборе прилагательных grande, grosso, bello, buono, bravo: un grosso ombrello nero (Levi 20) — un grand parapluie noir (20); Buona gente, ma primitiva (Levi, 19) — Braves gens, mais primitifs (19); Elle avait reçu, comme on dit, une belle éducation (Bov. 33) — Aveva ricevuto quella che viene definita una buona educazione (25). То или иное прилагательное закрепляется при существительном вовсе не по природе обозначаемых ими понятий, а в силу языкового узуса: если по-французски, как прямо свидетельствует Флобер, on dit «belle éducation», по-итальянски более обычно сочетание buona educazione и т. п.

3. Выступая в функции интенсификатора качественной стороны понятия, выраженного существительным, прилагательные — grande — piccolo, buono — cattivo, bello — brutto являются лексическим эквивалентом форм субъективной оценки. Так, при переводе итальянских уменьшительных, увеличительных и уничижительных суффиксов на французский регулярно используются прилагательные grand, petit, gros, méchant: una straducola (Levi, 12) — une méchante route (12), un muretto (Levi, 17) — un petit mur (17), una vocetta acuta (Levi, 18) — une petite voix aiguë (18); и наоборот, французским прилагательным в итальянском соответствуют суффиксы субъективной оценки: un gros petit homme (Bov. 29) — un ometto grassoccio (23).

4. В позиции $A_1 + N$ встречаются также более конкретные прилагательные, однако все их разнообразие сводится к трем основным значениям: а) величина (сила): ed ero accompagnato da due robusti rappresentanti dello stato (Levi, 11) — ... par deux vigoureux représentants de l'Etat (11); б) положительная и отрицательная характеристика: «Он был только злой шут и больше ничего» (Дост. 9). Два итальянские перевода передают прилагательное «злой» разными словами: un maligno buffone (18) и un tristo buffone (8), полностью совпадающими по смыслу в этой позиции; в) обычность — необычность: la sua perenne attività (Levi, 10) — cette éternelle activité (10).

Поскольку переносное употребление прилагательного связано с утратой точной отнесенности к первоначальному кругу понятий и в то же время с сохранением наиболее общего качественного значения, многие прилагательные, меняя свою обычную сочетаемость (например, только одушевленные существительные, только названия плодов, только конкретные существительные и т. п.), часто изменяют также постпозицию на препозицию: una pera matura — la matura vedova di Tita (Iovine), una matura riflessione; un cane nero — la nera invidia; un uomo magro — il

magro pasto. Употребление слова в новом окружении отмечается в этих случаях не только изменением его значения, но и соответствующей более общему значению синтаксической формой A_1 .

Таким образом, ограниченная группа наиболее часто встречающихся в препозиции прилагательных, обозначающих наиболее общие свойства предметов и поэтому имеющих неограниченную сочетаемость, имеет открытый ряд более конкретных синонимов (постоянно пополняющийся за счет переносного употребления прилагательных), конкретность которых заключается не столько в добавочном лексическом значении, сколько в ограничении возможностей их сочетаемости. Так, прилагательные *caldo, caloroso, profondo, insuperabile, insopportabile, nero, vile, pesante* и т. п. могут иметь значение интенсификаторов только в сочетании с определенными существительными: например, *calde lacrime, calorosi applausi, profondo silenzio, tragica morte, insopportabile seccatore, insuperabile difficoltà, nera invidia, vile interesse, clamoroso successo* и т. п. или во французском: *de riches prébendes, de lourds impôts, une basse vengeance, un fol orgueil*⁶. Так на основе конструкции $A_1 + N$ возникает целая серия сочетаний устойчивого типа, где прилагательное играет роль постоянного эпитета, выделяющего наиболее типичное, внутренне присущее предмету качество: больные всегда «несчастные», смерть всегда «трагическая», молчание всегда «глубокое» и т. п. Сообщение об этом качестве в виде логического суждения, лишённого эмоции, представляет собой тавтологизм. Например, *la neve è bianca*. В отличие от суждения, не несущего никакой новой информации, тавтологическое определение в сочетании *la bianca neve*, выступающее как интенсификатор качественной стороны понятия, выполняет в коммуникации экспрессивные функции. (Так, Дамурет и Пишон называют определения A_1 «*pictifs*»). Совершенно очевидно, что близкие к грамматическим показателям степени прилагательные общего значения с неограниченной сочетаемостью не имеют почти никакой экспрессивной силы. По мере возрастания ограничений в сочетаемости и убывания частотности экспрессивная нагрузка увеличивается, достигая максимума в индивидуальных, пригодных лишь для данного контекста определениях. Эта экспрессивная нагрузка не всегда, однако, представляет собой интенсификацию качества или образ. В отдельных случаях дополнительное значение «обычности», «известности», «несомненности», связанное с общим значением позиции A_1 , может иметь как раз противоположную функцию: прилагательное, даже весьма редкое и специальное, оказывается перед существительным только потому, что оно обозначает свойство предмета, очевидное из предыдущего контекста: «*Per quanto la pudica siciliana abbia fama d'essere inattaccabile...*» (Levi, 22) — соответственно, во французском переводе — *la pudique Sicilienne*

⁶ F. Brunot. La pensée et la langue. Paris, 1936, p. 639.

(22). В других случаях препозиция диктуется желанием говорящего или пишущего представить какое-либо качество как само собой разумеющееся и поэтому несущественное для сообщения; чаще всего эта несущественность обусловлена присутствием постпозиционных определений, оттесняющих на первую позицию прилагательное более общего значения: *Quel vecchio dalla lunga barba bianca* (Levi, 23) — *la longue barbe blanche* (23). (*Une odeur qui s'échappait de la haute armoire en bois de chêne faisant face à la fenêtre* (Bov. 30) — (*Un sentore*) proveniva dall'alto armadio di quercia che fronteggiava la finestra (23).

Иногда оттесняемое в препозицию определение получает значение внутренне присущего предмету качества именно в связи с семантикой постпозиционного определения: «Софья Ивановна, выросшая в богатом доме своей благодетельницы» (Дост. 14) — *S. I. ... cresciuta nella ricca casa della sua benefattrice...* (23) — где определение «богатый» становится «банальным» благодаря ограничению понятия «дом» в последующем определении.

5. Банальность («неотъемлемость») свойства, обозначаемого препозиционным прилагательным, как бы повторяющим и тем самым усиливающим качественную сторону семантики существительного, делает группу $A_1 + N$ лексически слитной, вплоть до образования идиом и сложных слов: *un grand'uomo, un buonomo, un rovero diavolo* и т. п. Поэтому, подобно суффиксам субъективной оценки, препозиционное определение, как правило, связано лишь со своим определяемым и не имеет никаких внешних связей с другими членами предложения. Определения, для которых позиция A_1 первична, обычно не зависят от местоименных актуализаторов существительного, не способны к субстантивации и не могут быть распространены никакими другими словами, кроме наречий степени. Но и в этом случае в препозиции допускается, как правило, лишь наречие *ben*, все же прочие вызывают постановку прилагательного после существительного. Так, в учебнике физики не встретилось ни одного случая препозиции прилагательных с наречием, даже в сочетаниях терминологического типа, например, *a breve distanza — a distanza relativamente breve, ad alta frequenza — a frequenza abbastanza alta, di alta tensione — di tensione altissima (assai alta), a leggero contatto — a contatto più o meno leggero, per grandi distanze — per distanze non troppo grandi*. Обязательной является постпозиция при прочих формах распространения: — *di uguale lunghezza — di senso uguale al precedente* (Fisica, 244), *di comune consenso — i beni comuni a tutti gli uomini*.

6. Тесно слитое с существительным в лексическом отношении, препозиционное прилагательное большей частью оказывается необусловленным и как бы факультативным синтаксически. Так, его присутствие или отсутствие не нарушает формальной и смысловой целостности предложения. Как замечает А. Фрей (цит. соч.), группа $A_1 + N$ и существительное N синтаксически

идентичны, т. е. взаимозаменяемы в одном и том же окружении. Факультативность определения объясняется семантической завершенностью существительного, которое образует с прилагательным лексически слитую, но синтаксически непрочную группу, основанную на отношениях одностороннего (слабого) подчинения. Такое отношение определения к определяемому, при котором понятие, выраженное существительным, представлено как нечленимое, известное во всем своем объеме, определение же лишь повторяет и уточняет содержание понятия, обычно называют характеризацией. Совершенно очевидно, что коммуникативная функция характеристики благоприятна для синтаксической формы A_1 с ее общей значимостью «банального интенсификатора», также, например, как функция «данного» (т. е. коммуникативного субъекта) благоприятна для синтаксической формы подлежащего. Вместе с тем нетрудно заметить, что понятие характеристики оказывается шире синтаксической значимости A_1 , а функция спецификации не исключает возможности употребления препозиционного прилагательного. Рассмотрим сначала последний случай, где не коммуникативное задание высказывания, а лексическая природа прилагательных оказывается решающей в выборе позиции. Общеизвестно, что во французском языке прилагательные, обозначающие наиболее общие свойства предметов, сохраняют препозицию даже в функции спецификации. То же самое явление характерно и для итальянского: *il marito era morto tre anni prima di una brutta morte* (Levi, 14) — французский перевод: *d'une mauvaise mort* (14).

Наибольшее сопротивление постпозиции оказывает прилагательное *grande*. Его лексическая слитность с существительным, особенно в сочетании со словом *homme*, что не позволяет выделить обозначаемое им понятие при помощи изменения порядка слов. Например, русская фраза «человек он отнюдь не великий» (Дост. 5) в переводе на французский и итальянский имеет вид: *qu'il n'est pas un grand homme* (1); *non è punto un grand'uomo* (3). Даже в научной прозе, где прилагательные-интенсификаторы регулярно употребляются для точного различения понятий и входят в состав сложных терминов, препозиция представляет собой норму: *corto circuito*, *comune circuito*, *a leggero contatto*, *alta frequenza*, *potente elettrocalamita*, *bassa tensione* и т. п. Не меняет положения вещей и непосредственное противопоставление понятий по их качествам в конкретном высказывании: — *Perché la prendi in cattiva parte?* — *Ah, dovrei anche prenderla in buona parte?* (Cassola, 83); *Questo offre il modo di trasformare le correnti di grande intensità e di bassa tensione in correnti di piccola intensità e di alta tensione* (Fis. 238). *Bobine con nucleo di ferro dolce hanno una grande induttanza, anche se formati con filo di rame di piccola resistenza, mentre il filamento di una lampadina elettrica, che ha una grandissima resistenza, ha una induttanza trascurabile* (Fisica. 235).

Как видно из последнего примера, прилагательное степени или количества, для того, чтобы попасть в постпозицию, должно быть менее «обычным». Интенсификаторы более индивидуальные лексически — *trascurabile*, *sufficiente* и т. п. имеют равные возможности появляться в обеих позициях: *con sufficiente esattezza* (Fisica. 240) — *a distanza sufficiente* (Fisica. 240). Таким образом, чем более употребительным является прилагательное, тем больше вероятности, что в специфицирующей функции оно сохранит синтаксическую позицию A_1+N . Некоторые исследователи французского языка (например, Блинкенберг, Гиро), противопоставляя позиции A_1+N и $N+A_2$ по значению, полагают, что нейтрализация значимого противопоставления препозиции и постпозиции у прилагательных типа *grande* — *bello* — *buono* следует рассматривать как своего рода синтаксический реликт, сохранившийся по традиции в норме современного языка⁷. Это объяснение не кажется нам убедительным по следующим причинам:

1. Употребление *grande* — *buono* — *bello* перед существительным не является «автоматическим», так как любое прилагательное этого типа, включая *grande*, в специфицирующей функции может (хотя и редко) занимать позицию A_2 : *l'Agnese provò un dispiacere grande* (Viganò, 95), *i rami dell'albero grande dietro la casa* (Viganò, 66); *... prima o poi ti capita l'occasione buona* (Cassola, 56), *camminava a testa alta* (Cassola, 34), *la strada vecchia di Trezza* (Verga, 2), и даже подвергаться субстантивации в идиоматических выражениях: *Visto che non ce la fai con le cattive, cerchi di prendermi con le buone* (Cassola, 97).

2. В специфицирующей функции позицию A_1+N могут занимать не только прилагательные типа *grande* — *buono*, но и их более индивидуальные синонимы: *e una porca vita che si fa da militare* (Cassola, 125); *mi è sembrata una discreta figliuola* (Cassola, 12). Эти примеры показывают, что значимость «банального интенсификатора», свойственная ограниченному ряду прилагательных в силу их лексического значения, а другими прилагательными приобретаемая в препозиции, не находится в противоречии с функцией спецификации.

3. Общее значение позиции A_1 , выводимое из значения слов, для которых эта позиция первична, нельзя противопоставлять значению позиции A_2 , выводимому из коммуникативной функции спецификации (т. е. значение «точности», «логичности»), так как значимость синтаксической формы и содержание коммуникативной категории — явления разных уровней. Однопланово могут быть противопоставлены только синтаксическая значимость «адъективности», свойственная всякому постпозиционному опре-

⁷ P. Guiraud. *La syntaxe du français*. Paris, 1963, p. 110. Однако K. Wyder («Zur Stellung des attributiven Adjektivs vom Latein bis zum Neufranzösischen», Bern, 1956, p. 224) отмечает как раз неустойчивость локализации прилагательных типа *grand* в старофранцузском вплоть до XVI в.

делению, и более отмеченная лексически значимость «банальной интенсификации» формы A_1 .

Посмотрим теперь, каково синтаксическое содержание постпозиционного прилагательного в характеризующей функции в ряду других определительных позиций.

Прежде всего бросается в глаза внешнее сходство конструкции «существительное+характеризующее прилагательное» с ограничительной конструкцией $N+A_2$, проявляющееся прежде всего в отсутствии лексических и морфологических ограничений. Здесь мы встречаем производные прилагательные типа *triste, tranquillo, buio, freddo*, производные прилагательные от именных и глагольных корней: *solitario, polveroso, luminoso, indifferente*, адъективизированные причастия *stretto, spogliato, bagnato*, причастия, сохраняющие глагольное управление, и другие распространенные определения: *il se laissait bercer au trot pacifique de sa bête* (Bov. 27) — *si lasciava cullare dal trotto tranquillo della sua cavalcatura* (21) — *aveva voluto troncare la relazione peccaminosa* (Levi, 14) — *il avait voulu rompre cette liaison coupable* (14). *Lo traggo dal terreno pericoloso della scienza* (Levi, 19) — *je le retire du terrain dangereux de la science* (19). *La città era là nella luce indifferente del pomeriggio* (Cassola, 126) — *salì quasi di corsa la scala stretta e ripida* (Cassola, 27); *Ma in questa terra oscura, senza peccato e senza redenzione, dove il male non è morale, ma è un dolore terrestre, che sta per sempre nelle cose, Cristo non è disceso. Cristo si è fermato a Eboli* (Levi, 10).

Несмотря на то, что характеризующая функция позволяет рассматривать такое определение как синтаксически факультативное, оно зачастую оказывается существенным, особенно в случае его распространенности, для общего смысла сообщения, так как развернутая характеристика качеств понятия, пусть даже представленного как известное во всем его объеме, может быть связана с содержанием предиката, как в последнем примере. Эта возможность не всегда реализуется, однако сама способность характеризующей постпозиции, в отличие от позиции A_1 , представлять свойство как существенное, говорит о том, что, несмотря на многочисленные случаи свободной взаимозамены, синтаксические значимости этих форм не совпадают.

Вместе с тем форма постпозиционного характеризующего определения не тождественна форме A_2 прежде всего потому, что «существенность» этих определений для общего содержания высказывания синтаксически не одинакова. В конструкции $N+A_2$ значение существительного без определения предстает незавершенным и поэтому прилагательное, специфицируя понятие лексически, дополняет существительное синтаксически и не может быть от него обособлено. Напротив, постпозиционное характеризующее определение, оставаясь факультативным по отношению к существительному, может устанавливать самостоятельные семантиче-

ские связи с предикатом и содержит в самой своей семантике синтаксически неотмеченную зависимую предикативность. Эта зависимая предикативность может получить эксплицитную форму в виде обособления, всегда возможного для любых характеризующих определений. Так, интонацию обособления могло бы получить определение в цитированной выше фразе «*salì di corsa la scala, stretta e ripida*». Для прилагательных типа *grande — bello — alto*, редко встречающихся (в функции характеристики) в нейтральном положении после существительного, обособление оказывается формальным средством, отмечающим их «существенность» для сообщения: *Dall'altra parte si levavano le mura, alte, e sopra queste una fila di case* (Cassola, 39). Обычно выделение этих прилагательных происходит в связи с их распространением: «*i contadini, piccoli nella distanza, si affrettavano per i sentieri lontani nelle argille, verso le loro case*» (Levi, 16). В отличие от специфицирующих определений в функции приложения (*Pietro il Grande*), обособляемые характеризующие определения никогда не субстантивируются, так как представляют собой преобразованный (зависимый) предикат. Обособленные определения отличаются от непредикативных определений A_1 и A_2 тем, что они не образуют с определяемым словосочетание, сохраняющее свое единство вне сообщения, и даже не требуют обязательного словесного выражения понятия, к которому они относятся по смыслу: *Alta, il cappotto a grandi scacchi scozzesi le modellava morbidamente i contorni dei fianchi...* (Moravia, 282). Кроме того, находясь с существительным не в отношениях подчинения, а в предикативной связи, обособленные определения обусловлены наличием основного сказуемого, так что конструкция, в которую они входят, имеет вид не N, A_3 , а N, A_3+V . Отношения предикативного подчинения обособленного определения основному сказуемому могут иметь различный характер, зависящий от лексического наполнения этих синтаксических форм и от функции полупредикативной группы N, A_3 в предложении. Относясь к дополнению, прямому или косвенному, обособленное прилагательное по смыслу относится только к своему определяемому и, обусловленное формально обязательным присутствием личного глагола, не устанавливает с ним никаких семантических связей: *Vedo arrivare zoppicante l'Arciprete, piccolo e magro, col grande pendaglio rosso sul cappello* (Levi, 24). Выступая как определение подлежащего, A_3 , как правило, оказывается втянутым в семантическую орбиту сказуемого: *La ragazza, intimidita e quasi spaventata nel vederli così eccitati, ritirò in fretta le scodelle* (Cassola, 17) — Как видно из этого примера, обособленное определение и сказуемое связаны по смыслу как причина и следствие.

Попадая в сферу влияния глагола, A_3 может превратиться в обстоятельствоопределяющее определение: *Le stelle brillavano fredde nel cielo nero* (Cassola, 10) и, потеряв свою предикативность, закре-

питься в функции обстоятельства в конструкциях устойчивого типа: *veder chiaro, andar veloce, tener duro*⁸. Противоположной границей возможных трансформаций обособленного определения является такая конструкция, в которой открывающее фразу определение выполняет функцию основного предиката: *Si è come in mezzo a un mare di terra biancastra, monotona e senz' alberi: bianchi e lontani i paesi, ciascuno in vetta al suo colle* (Levi, 11). *Lento il moto delle donne, veloce quello degli uomini* (Iovine, 88).

Несмотря на разнообразие форм характеризующего определения, общая им всем коммуникативная функция делает возможными описанные выше трансформации. Поскольку формальными признаками, позволяющими отличить одну позицию от другой, являются, помимо порядка слов, лексическое наполнение и интонация, не имеющие четких градаций, границы между различными позициями характеризующих определений оказываются текучими. Так, непредикативное постпозиционное определение, которое мы обозначим A_{1-3} , обнаруживает сходство как с A_1 , так и с A_3 , допускающее взаимозамену всех трех типов в одних и тех же условиях.

Возможность взаимозамены обособленных и необособленных определений, объединенных общей функцией характеристики лучше всего доказывается практически применением этих трансформаций при переводе. Так, например, конструкция A_1+N во французском языке заменяется конструкцией N, A_3+V в итальянском и наоборот: *La plate campagne s'étalait à perte de vue* (Bov. 28) — *La campagna si stendeva, piatta, a perdita d'occhio* (21). Если в последнем примере итальянский переводчик мог бы свободно использовать также и форму A_1 — *la piatta campagna...*, то в некоторых случаях трансформация при переводе вызывает невозможность сохранить ту же самую синтаксическую конструкцию из-за запрета, налагаемого нормой. Так, очень часто распространенные определения, занимающие в итальянском позицию A_1 , могут быть переведены на французский только обособленным определением: *l'autorevole e temuto segretario del fascio di Gagliano perdeva, entrando in casa sua, ogni burbanza* (Levi, 57) — *Le secrétaire du fascio de Gagliano, craint et plein d'autorité, perdait, en rentrant chez lui, son air martial* (56). Таким образом, типичная для препозиционного определения синтаксическая факультативность проявляет себя при трансформации как способность выступать в качестве дополнительного сообщения, отделяемого от существительного интонацией обособления. Подводя итог описанию различных форм (позиций) определения, мы можем уточнить схематическое их изображение следующим образом:

⁸ См. B. Migliorini. *Saggi sulla lingua del Novecento*. Firenze, 1963, pp. 268—292.

Позиции спецификации:

- $\text{Prop.}+N$ — местоименная спецификация (индикация), возможная только в сообщении.
 $\text{Prop.}+N+A_2$ — позиция спецификации в сообщении, где местоименный и адъективный спецификаторы взаимно обусловлены.
 $N+A_2$ — позиция спецификации вне сообщения (сложное название, термин).
 $A_{1-2}+N$ — смешанная позиция, где форма A_1 выполняет функцию спецификации.
 $\text{Art. indef.}+N+A$ — нейтральная позиция при именах исчисляемых, способная выполнять в зависимости от интонации функцию спецификации или характеристики.
 Все позиции спецификации неспособны к обособлению и находятся с определяемым существительным в отношениях сильного (двустороннего) подчинения

Позиции характеристики:

- A_1+N — позиция «банальной интенсификации»; находится с существительным в отношениях одностороннего (слабого) подчинения с синтаксической точки зрения, однако благодаря «семантическому согласованию» существительного и прилагательного образует слитную конструкцию с минимальной выделяемостью прилагательного.
 $N+A_{1-3}$ — нейтральная позиция, не отмечающая ни «присущности, общности» свойства, ни его существенности для сообщения. В зависимости от лексического наполнения может быть заменена или формой A_1 или формой A_3 .
 Находится с существительным в отношениях слабого подчинения, как и форма A_1 .
 N, A_3+V и варианты $N+V, A_3; A_3, N+V; V-N, A_3$ — позиция обособленного определения, отличающаяся от всех прочих позиций спецификации и характеристики обязательной связью с предикатом; с определяемым существительным находится в предикативных отношениях, которые, будучи обусловлены наличием главного предиката, представлены как зависимая предикативность.

Этот суммарный перечень типов определений, в одинаковой мере приложимый как к французскому, так и к итальянскому языку, оказывается недостаточным для понимания отношений между языковым узусом и системой форм, которая в конечном счете не остается безразличной к возможностям, заложенным в норме.

Наиболее показательным и интересным оказывается анализ переходных форм, так как именно нейтральные или смешанные

позиции составляют, как известно, слабые пункты системы, в которых заложены элементы ее преобразования. Такими позициями являются $N + A_{1-3}$ и $A_{1-2} + N$, где в двух языках со сходными системами обнаруживаются существенные нормативные расхождения.

Как было уже сказано, позиция A_1 первична лишь для ограниченного круга прилагательных общего значения и неограниченной сочетаемости. Другие, более конкретные прилагательные чаще встречаются в постпозиции и поэтому их постановка перед существительным сообщает им дополнительное значение, которое мы условно назвали «банальной интенсификацией». Так, при сохранении неизменными лексического значения и коммуникативной функции, различие между препозицией и постпозицией для большинства прилагательных предстает как противопоставление нейтральной и стилистически окрашенной формы: *l'acqua fredda del mare* — *la fredda acqua del mare*.

Способность того или иного прилагательного в характеризующей функции появляться перед существительным чаще, чем после него, связана с традицией языка, закрепившего за определенными лексическими единицами способность обрастать своеобразной субъективной оболочкой. Так, например, слова *oscuro* (*obscur*), как во французском, так и в итальянском, легко употребляются в переносных значениях в препозиции: *Mi pareva di aver intuita l'oscura virtù di questa terra spogliata* (Levi, 11), французский перевод: *l'obscure vertu* (11). Наоборот, синоним *oscuro* — *buio* в итальянском и *sombre* во французском, совпадая по значению, имеют разные стилистические характеристики: первое — нейтрально, второе — эмоционально насыщено, поэтому для первого обычна постпозиция, для второго — препозиция: *si sente obbligato a mostrarmi la sua cultura, cercando negli angoli bui della memoria qualche antiquato termine medico* (Levi, 19) и французский перевод: *en cherchant dans les sombres recoins de sa mémoire quelque terme médical démodé* (19). Обратное соотношение обнаруживается между итальянским *gaio* (старый галлицизм, употребительный лишь в письменном литературном языке) и французским *gai*, не имеющим никакого добавочного стилистического оттенка: *le bruit gai d'un troupeau d'oies* (Bov. 22), итальянский перевод: *il gaio schiamazzo d'un branco d'ocche* (29).

Однако различие в выборе между позициями A_1 и A_{1-3} , которое обнаруживается при сопоставлении французских и итальянских текстов, не сводится к случайным схождениям и расхождениям, а имеет вполне определенную направленность. Так, при теоретической возможности препозиции любого прилагательного в функции характеристики французский язык предпочитает постпозицию, а итальянский препозицию в следующих случаях:

1. Прилагательное по своему лексическому значению является интенсификатором или банальным эпитетом, но выражено адъективизированным причастием, производным прилагательным

или латинским заимствованием: *Etait-ce pour cela, cependant que ses visites à la ferme faisaient, parmi les pauvres occupations de sa vie, une exception charmante?* (Bov. 32). — *Ma era proprio questo che faceva delle sue escursioni alla fattoria un'incantevole eccezione tra le povere abitudini della sua esistenza?* (25); «Петр Александрович мигом начал нескончаемый процесс за право каких-то ловель в реке» (Дост. 12) — *Piotr Alexandrovich entama avec les moines un procès interminable au sujet de certains droits de pêche* (9) — ... *aveva issofatto iniziato un' interminabile lite per certi diritti di pesca nel fiume* (11); *Le nouveau, prenant alors per certi diritti di pesca nel fiume* (11); *Le nouveau, prenant alors une résolution extrême, ouvrit une bouche démesurée...* (Bov. 19). — *Allora, con estrema decisione, il nuovo spalancò una bocca smisurata...* (14); «...пользуясь, кроме того, ее феноменальным смирением и безответностью...» (Дост. 15) — ... *profitant, en outre, de sa douceur et de sa résignation inouïes* (Dost. 11) — ... *approfondendo anche della eccezionale mitezza e arrendevolezza di lei* (Dost. 14); *Sa mère... s'entretenait avec lui dans des monologues sans fin, pleins de gaîtés mélancoliques et de chatteries babillardes* (Bov. 22) — ... *si sfogava con lui in certi monologhi senza fine, zeppi di malinconiche ilarità e di leziose civetterie* (16); «...la strada e il treno si addentrano nelle desolate terre di Lucania» (Levi, 7) — ... *pour s'enfoncer dans les terres désolées de Lucanie* (9); «... (презрение и отвращение к себе), которое он возбуждал в своей супруге ежеминутно своими бесстыдными вымогательствами и вымаливаниями» (Дост. 9) — ... *tant ses extorsions et ses demandes effrontées inspiraient de dégoût* (Dost. 7) — ... *che ispirava senza tregua alla moglie colle sue spudorate estorsioni e supplicazioni* (Dost. 18). ... *il resta jusqu'au soir perdu dans une rêverie douloureuse* (Bov. 35) — ... *restò lì sino a sera smarrito in una dolorosa fantasticherie* (27); «...la facilità con cui si manifestavano degli odi elementari senza il naturale ritegno verso un forestiero» (Levi, 25) — *sans la retenue naturelle envers un étranger* (25); *Il y eut un rire éclatant des écoliers* (Bov. 18) — *La fragorosa risata dell'intera classe sconcertò il povero ragazzo* (14); *Sullo stretto ciglione di due burroni* (Levi, 13) — ... *sur une crête étroite entre deux ravins* (13).

Причастие в итальянском языке может в позиции A_1 полностью сохранять свое глагольное значение:

I rottami delle perdute conoscenze galleggiano senza più senso, in un naufragio di noia (Levi, 19) — *Les débris des connaissances perdues flottent, sans plus de sens, dans un naufrage d'ennui* (19).

Интересно, что в русском языке, где нет специальной синтаксической формы «банального эпитета», это значение передается только лексически и может быть подчеркнуто общей иронической интонацией, которую мы угадываем через лексику, как например, во фразе: «Ведь знал же я одну девушку, еще в прошлом «романтическом» поколении, которая, после несколь-

ких лет загадочной любви к одному господину... кончила, однако же, тем, что сама выдумала себе *непреодолимые препятствия* и в бурную ночь бросилась с *высокого берега*, похожего на утес, в довольно глубокую и быструю реку» (Дост. 8). То же отсутствие синтаксической отмеченности субъективного оттенка мы видим и во французском, где прилагательные сохраняют нейтральную постпозицию: J'ai connu une jeune personne de l'avant-dernière *génération «romantique»*, qui, après plusieurs années d'un *amour mystérieux* pour un monsieur... finit par se forger des *obstacles insurmontables* à cette union. Par une nuit d'orage elle se précipita du haut d'une falaise dans une rivière rapide e profonde (Dost. 5—6).

В обоих итальянских переводах субъективно-оценочный характер эпитета получает также и грамматическую отметку препозиции, причем последнее определение: «в довольно глубокую и быструю реку», прозаически снижающее (благодаря наречию «довольно») приподнятый тон сентиментальных клише, сохраняет нейтральное положение после существительного: Ho pur conosciuto io una fanciulla della penultima «*romantica*» *generazione* che, dopo parecchi anni di *misterioso amore (enigmatico amore, 17)* per un signore... finì tuttavia per immaginarsi degli *insormontabili ostacoli* e, una notte di uragano, si gettò da una *alta e scoscesa ripa* in un fiume abbastanza profondo e rapido (Dost. 8).

2. Характеризующее определение, обозначающее обычный, известный, внутренне присущий предмету признак, выражено несколькими прилагательными.

Questa fraternità passiva, questo patire insieme, questa *rassegnata, solidale, secolare pazienza* è il profondo sentimento comune dei contadini (Levi, 74) — Cette fraternité passive, cette souffrance en commun, cette *patience résignée, solidaire et séculaire* est le sentiment profond qui unit les paysants (73). «Слуга Григорий, мрачный, глупый и упрямый резонер... на этот раз взял сторону новой барыни» (Дост. 15) — Le domestique Grigori, *être morne, raisonneur stupide et entêté*... prit le parti de la seconde... (Dost. 12) — Grigorij il servitore, *cupo, ottuso e testardo pedante*... prese le parti della nuova padrona (Dost. 24) — il servo Grigorij, *un tetro, stupido e caparbio ragionatore*... prese le parti della nuova padrona (Dost. 14).

3. Существительное сопровождается двумя определениями: более общим и более частным (обычно специфицирующим, выраженным относительным прилагательным или существительным с предлогом). Первое определение, если оно выражено адъективизированным причастием, прилагательным цвета, производным прилагательным или содержит несколько прилагательных, помещается во французском после существительного, в итальянском до существительного: «...ему... льстило разыгрывать перед всеми свою смешную роль обиженного супруга» (Дост. 10) — ...jouer

devant tout le monde le *rôle ridicule* de mari trompé (Dost. 7), — recitare così dinanzi a tutti la *ridicola parte* del marito offeso (Dost. 19), — rappresentare davanti a tutti la *ridicola parte* del marito oltraggiato (Dost. 9); I contadini risalivano le strade con i loro animali e rifluivano alle loro case... in un loro *oscuro, misterioso mondo* senza speranza (Levi, 60) — ...dans leur *monde obscur, mystérieux*, sans espoir (60); ...e la frase proverbiale... non è forse nulla più che l'espressione di uno *sconsolato complesso* d'inferiorità (Levi, 9) — ...et ce proverbe... n'est peut-être dans leurs bouches que l'*expression désolée* d'un complexe d'infériorité (9); L'ombrello... éclairait de *reflets mobiles* la *peau blanche* de sa figure (Bov. 32) — L'ombrello... illuminava di *mobili riflessi* la *diáfana pelle* della sua faccia (25).

В последнем примере необходимость препозиции более общего (и поэтому менее существенного) определения вызывает в итальянском переводе также и лексическую замену: не окрашенное стилистически «blanche» передается более «книжным» и вместе с тем более обычным в роли украшающего эпитета словом *diáfana*. Лексическое несовпадение подлинника и перевода, случайное и не обязательное даже в данном примере, позволяет, однако, лучше почувствовать смысл препозиции: значение прилагательного *bianco* в конструкции *la pelle bianca* della sua faccia нейтрально, в то время как в сочетании *la bianca pelle* della sua faccia оказывается синонимичным «*diáfano*», т. е. вместе с синтаксической формой *A₁* оно получает дополнительную стилистическую нагрузку.

В сравниваемых переводах Достоевского, Леви и Флобера постпозиция во французском часто противостоит препозиции в итальянском даже для целого ряда производных прилагательных, обозначающих такие обычные понятия, как глубокий, горячий, холодный, тонкий, узкий: in una specie di sella irregolare in mezzo a *profondi burroni* pittoreschi (Levi, 13) — au milieu de *ravins profonds* et pittoresques (13); L'*odeur chaude* des cataplasmes se mêlait dans sa tête à la verte odeur de rosée (Bov. 28) — Il *caldo sentore* dei cataplasmi si mescolava nella sua testa al fresco odore della rugiada (22); ...des oiseaux se tenaient immobiles, hérissant leurs petites plumes au vent froid du matin (Bov. 28) — ...gonfiando le minute piume nel *gelido vento* mattutino (21); ...à la *poussière fine* qui tombait des greniers (Bov. 29) — alla *sottile polvere* spiovente dal granaio (22).

Зачастую второе ограничительное определение сообщает первому значение неотъемлемого качества — (L'*odeur chaude* des cataplasmes). Это значение отмечается в итальянском синтаксически — (il *caldo odore* dei cataplasmi) независимо от лексического значения и морфологического состава прилагательного, дифференцируя синтаксические функции двух определений: Egli ci gira intorno in cerchi sempre più stretti come un *nero can barbone* diabolico (Levi, 20). Так, черный цвет неотъемлем от образа

дьявольского пуделя и поэтому прилагательное него занимает синтаксически факультативную позицию. Во французском варианте значение «банального эпитета» остается у слова него невыраженным: *Comme un barbet noir et diabolique* (20).

4. Характеризующее определение выражено прилагательным, употребленным в переносном значении. Французский язык также может отмечать обобщение значения точных прилагательных, переводя их в позицию интенсификаторов, как в приведенном раньше примере *la verte odeur de rosée*. Однако очень часто этот семантический сдвиг не отмечается грамматически во французском, тогда как в итальянском ему обычно сопутствует также и изменение позиции: «...услужливая фантазия убедила ее, ... что Федор Павлович» (Дост.) *Son imagination complaisante lui dépeignit* (Dost. 6) — ...e la **docile fantasia** la aveva persuasa che (Dost. 18) — ...la **compiacente fantasia** la persuase che (Dost. 8); *Une de ces pauvres choses, enfin, dont la laideur muette a des profondeurs d'expression comme le visage d'un imbécile* (Bov. 18) — una di quelle povere cose che nella loro **muta bruttezza** hanno profondità d'espressione... (13); *Alors, elle s'était tue, avalant sa rage dans un stoïcisme muet* (Bov. 21) — ...aveva ingoiato la sua ira in un **silenzioso stoicismo** (16); ...dove il contadino vive, nella miseria e nella lontananza, la sua **immobile civiltà**, su un suolo arido, nella presenza della morte (Levi, 9) — où le paysan vit, dans la misère et l'éloignement, sa **vie immobile**, sur un sol aride, en face de la mort (9); *hipocrisie naïve* (Bov. 34) — **ingenua ipocrisia** (26) avec une **hardiesse candide** (Bov. 30) — **Con candida ardittezza** (23).

Как видно из приведенных примеров, во французском языке позиция A_1 , несмотря на соответствующую общему содержанию позиции семантику, оказывается закрытой или редкой для большинства прилагательных. Наоборот, в итальянском языке позиция A_1 , доступная для определений любой структуры, всегда способна подчеркивать формально такие семантические оттенки, как обычность качества (*naturale ritegno*), элемент субъективной оценки, заключенный как в банальном эпитете (*misterioso amore*), так и в переносных употреблениях «точных» прилагательных (*la muta bruttezza*), противопоставленность более общего (и менее существенного для сообщения) свойства более частному (*il freddo vento mattutino, profondi burroni pittoreschi*). Однако позиция A_1 в итальянском благодаря отсутствию лексических ограничений не только регулярно оформляет заложенное в лексическом контексте или в самом значении прилагательного «благоприятное» содержание, но и придает общие значения, свойственные позициям A_1 , любому прилагательному или причастию независимо от его лексического значения. Эта способность позиции A_1 формировать содержание используется в итальянском для грамматического выражения таких оттенков в содержании высказывания, которые во французском могут только угадываться

из общего контекста или передаваться интонацией в устной речи. Так, например, препозиция в следующих фразах позволяет представить свойство не как объективно констатируемое автором, а как сообщенное третьим лицом и поэтому недостоверное (а иногда вызывающее ироническое отношение автора): *e di fronte agli argomenti indiscutibili della potenza dimenticò i ben giustificati e naturali timori* (Levi, 143) — ...les arguments indiscutibles de la violence lui ayant fait oublier ses **craintes bien fondées et naturelles** (Levi, 144); *Quale verità stava sotto questa immaginazione delittuosa? ... Lo ignoro: ma la donna Caterina credeva al prodotto della sua fantasia; e del progettato delitto riversava la colpa non tanto sul marito, che era stato stregato, quanto sulla rivale* (Levi, 57) — elle rejetait la faute du **crime projeté** pas tellement sur le mari... (56); *Da allora i morti suonatori si ritrovavano a mezzanotte, in fondo al burrone e i pastori evitano quei paraggi, presi da un reverenziale terrore* (Levi, 12) — Depuis ce jour, les **musiciens morts** se retrouvent à minuit, au fond du ravin et les bergers évitent ces parages, saisis d'une terreur sacrée (12).

В переводе итальянской конструкции *i morti suonatori* на французский — *les musiciens morts* теряются без компенсации оттенки нереальности и иронии, приобретаемые «точным» причастием в препозиции. В других случаях при помощи препозиции передается дополнительное значение общности, которое легко приобретает оттенок назойливости, бессмысленности и т. п.: *Perciò dovetti subirmi da lui delle lunghissime, complicate spiegazioni e un mucchio di paterni e interessati consigli* (Levi, 60). — Je dus donc, subir ses **explications interminables et compliquées** et un tas de **conseils intéressés et paternels** (Levi, 59).

В большинстве случаев функция характеристики допускает в итальянском для распространенных определений и определений, выраженных относительными прилагательными, обе позиции — $A_1 + N$ и $N + A_1$ (не считая обособленных определений): «он, несмотря на все молодое негодование свое и презрение к Федору Павловичу»... (Дост. 12) — egli, nonostante tutto il suo **sdegno giovanile** e il suo disprezzo per F. P. (Dost. 21) ...nonostante tutto il suo **giovanile sdegno** e disprezzo per F. P. (Dost. 11); «Я бы, впрочем, не пускался в эти весьма нелюбопытные объяснения» (Дост. 6) — Io non mi sarei ingolfato d'altronde, in queste **poco interessanti e poco perspicue spiegazioni** (Dost. 9) — Io, del resto, non m'ingolferei in queste **spiegazioni confuse e ben poco interessanti** (Dost. 4).

Свобода выбора, зависящая только от намерения говорящего подчеркнуть или оставить неотмеченными дополнительные значения, связанные с препозицией, делает итальянский язык значительно более гибким, чем французский при передаче различных эмоциональных и коммуникативных оттенков в содержании высказывания, и, соответственно, более близким к языкам с так называемым «свободным» порядком слов. Эта свобода в лю-

бом развитом литературном языке представляет собой ничто иное, как реакцию формы предложения на условия контекста, и поэтому, говоря словами Толстого, всякая фраза «для того, чтобы быть ясной, имеет только одно свойственное ей размещение слов»⁹. Так, средняя часть фразы Достоевского — «Если уж я, то есть сам биограф, нахожу что и одного-то романа, может быть, было бы для такого скромного и неопределенного героя излишне, то каково же являться с двумя и чем объяснить такую с моей стороны заносчивость?». — от перемещения определительной группы в конец предложения («что и один-то роман был бы излишен для такого скромного и неопределенного героя») получила бы вид беспристрастного объективного суждения о действительной несущественности персонажа, тогда как смысл предложения заключается в том, чтобы косвенно, путем иронического принижения важности героя, создать у читателя как раз противоположное представление. Возможность передать модальные значения определения в русском языке, где отсутствует специальная форма, соответствующая A_1 , была найдена Достоевским в постановке всего определительного сочетания в слабое, логически не выделяемое место внутри сказуемого, и в использовании гипербата, придающего фразе эмоциональный и поэтому необъективный характер.

Анализ языковых форм в их отношении к замыслу произведения относится к области исследования стиля писателя. Однако возможности передачи тех или иных стилистических значений средствами другого языка относятся непосредственно к характеристике языковой системы и существующих внутри нее нормативных ограничений. Так, в отличие от русского, французский язык не допускает разрыва синтаксических групп и свободной инверсии дополнения. Стилистический оттенок «неточности» определения мог бы быть передан во французском формой A_1 , однако лексические ограничения в норме не допускают перед существительным в функции спецификации никаких других слов, кроме прилагательных интенсификаторов общего значения (*grand, petit, bon, beau*). Поэтому фраза Достоевского во французском переводе теряет существенную часть своего содержания: *qu' un roman eût suffi pour un héros aussi modeste, aussi vague* (Dost. 2). Итальянский язык обладает более богатыми возможностями. Невнимательный переводчик может ограничиться передачей буквального смысла предложения, оставляя не выраженным, как и во французском варианте, эмоциональное содержание: *che un solo romanzo sarebbe già di troppo per un eroe così modesto e indefinito* (Dost. 10). В то же время гибкость порядка слов и лексическая неограниченность позиции A_1 позволяет уловить и передать формально также и специфическую интонацию Достоев-

⁹ Л. Н. Толстой. Что такое искусство? Полн. собр. соч., т. XIX. М., 1913, стр. 76.

ского: *trovo che anche un romanzo, per un così modesto e incerto eroe, sarebbe forse di troppo* (Dost. 4). Постановка в препозиции распространенного определения не исключается и для французского языка. Такие примеры Дамурет и Пишон находят у Пруста. Однако то, что во французском возможно как индивидуальное отклонение от нормы, в итальянском представляет собой закрепленную узусом грамматизованную форму субъективно окрашенного определения, способного передавать самые разнообразные модальные оттенки. Утверждение о большей свободе, эмоциональности, и выразительности итальянского по сравнению с французским давно уже стало общим местом¹⁰ и, как всякое общее место, не имеет никакой объяснительной силы, так как не учитывает реальных исторических причин явления и его функционирования в системе. Так, понимая язык как материализованный дух народа, В. Вартбург усматривает в изобилии суффиксов субъективной оценки, в отсутствии фиксированного порядка слов или в свободном варьировании конъюнктива и индикатива (стр. 75—89) формы специфически итальянского видения мира.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что, например, чередование конъюнктива и индикатива после глаголов мысли не отражает эмоциональных (модальных) различий, а указывает лишь на степень культурности речи¹¹, что «свобода» выбора форм связана с неустойчивостью норм современного итальянского языка¹² и, наконец, что рассматриваемая здесь форма определения A_1 приобретает высокую степень грамматизации (т. е. способность придавать общее значение позиции любому лексическому наполнению) только в литературном языке, тогда как в народном языке в препозиции встречается только небольшое количество прилагательных общего значения. Так, в романе Кассола «Солдат», имитирующем безыскусственность народной речи, нет ни одного случая препозиции определений, выраженных относительными прилагательными или прилагательными цвета. В тетрадях учеников школы Сан-Джерсолэ перед существительным можно встретить только прилагательные *grande, bello, brutto, vecchio, nuovo*. Приблизительно то же положение вещей мы видим и в учебнике физики, где объективный стиль

¹⁰ См. Leo Spitzer. *Italianische Umgangssprache*. Marburg, 1918; W. von Wartburg. *La posizione della lingua italiana*. Firenze, 1940.

¹¹ См. Franca Ageno. *Indicativo in dipendenza da credere*. «Il verbo nell'italiano antico». Napoli, 1964, p. 332.

¹² См. B. Terracini. *Lingua libera e libertà linguistica*. Torino, 1963, p. 67: «Ma il raffronto fra italiano e francese ci conduce a ricordare pure che l'italiano appare più libero del francese sotto tutt'altro aspetto: dobbiamo qui pensare a tutti i problemi che derivano dallo spiccato regionalismo dell'italiano e da una tradizione dialettale così vivace che pare ancor oggi minacciare la compattezza nazionale; vi è poi la secolare incertezza e pluralità di focolari d'espansione donde ha preso le mosse la tendenza unitaria della lingua; vi è infine una poca coerenza dell'uso e il peso incombente di una tradizione letteraria e classicheggiante ecc».

научного изложения исключает употребление эмоционально окрашенных форм.

Итак, специфическая для итальянского языка грамматизованная форма модального определения обязана своим происхождением не особенностям мироощущения итальянского народа, а литературной традиции. Как замечает Б. Мильорини¹³, «la prosa di tono sostenuto ha potuto sempre e può ancora adoperare sequenze come la latina *maestà* e la greca *schiettezza*; se la cartaginese guerra del Boccaccio ci sembra ora inammissibile, è soprattutto per ragioni di ritmo. Il parlare usuale non ha mai accolto questo tipo, che si può dire caratteristico dell'italiano letterario». Все это совершенно справедливо, за исключением одной детали, существенной для полноты характеристики позиции A_1 в современном языке в отличие от формы препозиционного определения в староитальянском: сочетание «La cartaginese guegga» ощущается как недопустимое в современном языке не только и не столько по ритмическим причинам, сколько потому, что относительное прилагательное «карфагенский» употреблено Бокаччо в прямом смысле и не содержит никаких дополнительных модальных оттенков (в отличие от *la greca schiettezza*). Таким образом, хотя «l'italiano è la sola lingua europea che possa vantare una storia di più di sette secoli senza fratture»¹⁴, на протяжении этих семи веков синтаксис литературного языка, в отличие от его морфологии, претерпел значительные преобразования. Для того чтобы лучше увидеть, что в современном употреблении определительных конструкций досталось языку от письменной традиции и что в этой традиции было осмыслено по-новому, необходимо рассмотреть систему определений в староитальянском. Для завершения же характеристики определений в современном языке обратимся теперь к особенностям определительных придаточных предложений и попытаемся выяснить причины несовпадения их литературных и просторечных форм.

¹³ B. Migliorini. *Correnti dotte e correnti popolari*. «Lingua e cultura». Roma, 1948, p. 43.

¹⁴ B. Migliorini. *Op. cit.*, p. 44.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ВЫРАЖЕННЫЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ

В своей «Грамматике ошибок» (1929 г.) Анри Фрей, отмечая типы отклонений от литературной нормы в письмах полуграмотных людей и в обиходной разговорной речи, объясняет «логику» этих ошибок постоянно действующими в языке тенденциями (*constantes du langage*)¹, среди которых основная роль отводится стремлению к экономии или, другими словами, к максимальной функциональной нагрузке языкового знака при минимальной затрате выразительных средств.

Несмотря на то что со времени выхода в свет «Грамматики ошибок» прошло более сорока лет и некоторые положения, высказанные в этой книге, уже устарели и были пересмотрены самим автором, вопрос о тенденциях, определяющих развитие языковых структур, продолжает оставаться актуальным. Поскольку эти «языковые константы» рассматриваются очень часто независимо от конкретных форм существования и условий функционирования языка, представляется интересным уточнить, в какой степени тенденция к экономии (одним из видов которой является минимальное изменение означающей стороны знака при изменении его синтаксической функции) проявляется в письменной литературной норме и в разговорной речи и, следовательно, какие структурные различия можно заметить в самой природе «сложного языкового знака»² (синтаксической модели) в этих двух не полностью покрывающих друг друга системах, расхождение между которыми обусловлено и исторически и синхронно различием сфер функционирования языка.

¹ H. Frei. *La grammaire des fautes*. Paris, 1929, p. 27.

² H. Frei. *L'unité linguistique complexe*. «Lingua», XI. Amsterdam, 1962, p. 34.

Ярким примером различной трактовки синтаксической модели в литературной норме и в просторечии являются определительные предложения.

Прежде всего посмотрим, по каким формальным признакам отличаются друг от друга конструкции «антецедент+специфицирующее (ограничительное) придаточное» и «антецедент+характеризующее (изъяснительное) придаточное» в литературной норме.

Ограничительное определительное предложение, как и всякое специфицирующее определение, связано со смысловой неполнотой антецедента, так что отношение между определяемым и определяющим приобретает характер «сильного» подчинения. В связи с этим Сеше замечает, что «если идея отношения свойственна самой природе главного члена, для ее выражения бывают достаточными мало эксплицитные или полностью имплицитные грамматические показатели»³. Действительно, в современном английском и в староитальянском знак транспозиции при ограничительном предложении может быть нулевым. В современном итальянском разговорном языке (и в его письменном воспроизведении) опущение знака «che» встречается, но очень редко (всего 5 из 550 имевшихся в нашем распоряжении примеров, взятых из не литературных текстов), например: *La prima parola mi dice avete documenti (Autobiografie, 215); l'Italia è una donna va a raccattare il pane (Galluzzo); Quali sono i lavori il contadino fa in questo tempo (Pomarance)*. Изолированность этих примеров говорит лишь о возможности подобных индивидуальных употреблений, не противоречащих системе, но не позволяет рассматривать их как одну из моделей системы.

В литературной норме современного итальянского языка наиболее эксплицитной моделью относительного подчинения ограничительного типа является конструкция «указательное местоимение *quello*+N+относительное местоимение *che*» (в сочетании с предлогами — *cui, il quale*), вводящее зависимое предложение.

Эта модель функционирует в языке как сложное название, эквивалентность которого простому названию (указанию) видна из равенства: *Questo è quello che...*

В отличие от указательного местоимения *questo*, которое имеет только деиктическую или анафорическую функцию и относится только к существительному или к группе «существительное+прилагательное», местоимение *quello* включает в значение указательности также и соотнесенность со специфицирующим определением, в данном случае с относительным предложением. С этим последним местоимение *quello* образует ограничительную конструкцию, в которой наличие самого существительного не обязательно, как показывают многочисленные случаи его эллип-

³ A. Sechehaye. Essai sur la structure logique de la phrase. Paris, 1950, p. 85.

сиса. Благодаря тесной функциональной связи обеих частей конструкции присутствие местоимения «*quello*» позволяет с легкостью предвидеть появление ограничительного предложения: *Sarebbe stato sciocco però voler bandire dall'italiano quei vocaboli che tutta l'Europa usa e conosce (De Mauro, 15)*.

Менее отмеченным вариантом *quello* является в этой модели определенный артикль, функционально связанный с ограничительным предложением: *L'inglese Francis Aston ha dimostrato che gli elementi che hanno un peso atomico non intero sono misugli di isotopi chimicamente inseparabili (Fisica, 290)*.

Антецедент конструкции с ограничительным придаточным может сопровождаться также неопределенным артиклем во всех его формах, включая нулевую: *Era possibile che non riuscisse a andare avanti un ragazzo che in tre mesi soltanto di preparazione era riuscito a prendere la licenza elementare? (Pal., 139); «Ci sono infatti corpi che emettono raggi gamma soltanto (Fis., 290); Esistono infatti nell'opera di Machiavelli una somma ingente di osservazioni esattissime, un rigore logico, una forza costruttiva, un metodo che si impongono all'attenzione e all'ammirazione del lettore anche più sprovveduto (Moravia. L'Uomo, 117)*.

Следует, однако, заметить, что в этом случае ограничительный тип придаточного отличается от изъяснительного только по смыслу, подсказанному контекстом. Если антецедент с неопределенным артиклем обозначает известное, определенное в данной ситуации понятие, как в первом примере, форма неопределенного артикля оказывается обусловленной специфицирующим определением и «предсказывает» его появление. Если же антецедент обозначает новое понятие, различие между специфицирующей и характеризующей функцией определительных предложений может нейтрализоваться.

Тесная грамматическая связь между антецедентом и специфицирующим определением, в том числе и ограничительным придаточным, интерпретируется как отношение чистого подчинения, в точности соответствующее отношению переходного глагола к дополнению или дополнительному предложению (факт, объясняющий, между прочим, частичное или полное совпадение знака подчинения дополнительных и определительных придаточных в различных языках). Обязательность позиции ограничительного предложения подчеркивается тем, что его невозможно преобразовать в независимое предложение без нарушения смысла всего высказывания. При устном воспроизведении это свойство отмечается отсутствием изолирующей паузы между антецедентом и придаточным предложением.

Ограничительное придаточное, образуя с антецедентом закрытую конструкцию с взаимно обусловленными членами, входит во фразу как органическое целое, границы которого не могут быть произвольно расширены. Так, антецедент допускает только одно ограничительное предложение или два, но соединенные

союзом *et*, т. е. функционирующие как один член предложения. Если антецедент сопровождается другими ограничительными определениями, которые не соединены союзом *et*, они образуют ступенчатый ряд подчинения⁴, в котором каждый следующий член относится не к антецеденту, а ко всей атрибутивной группе, так что остается в силе общее правило: один антецедент может иметь только одно ограничительное определение: *ci deve essere nell'atomo una parte essenziale che ne costituisce la massa* (Fis., 293). Как мы видим, в этом примере последовательные ограничительные определения выражены различными формами: первое относительным прилагательным (здесь также возможна предложная конструкция с именем), второе — придаточным предложением. Появление двух придаточных ограничительных для выражения разных ступеней ограничения в современной литературной норме невозможно. Кроме того, фиксированное место определительного предложения после всех прочих ограничительных определений, а также различие синтаксических единиц, занимающих эти позиции, придают всей атрибутивной цепочке характер закрытой функциональной модели⁵, т. е. такого сложного знака, части которого взаимно обусловлены.

Итак, в литературной норме модель с ограничительным придаточным имеет следующие признаки:

- 1) постановка придаточного непосредственно после антецедента;
- 2) невозможность употребления при одном антецеденте двух определительных предложений, не связанных сочинительным союзом;
- 3) наличие обязательного знака подчинения — местоимения *che* (в функции подлежащего или прямого дополнения) и местоимений *il quale*, *cui* (в функции косвенных дополнений);
- 4) обусловленность форм индикации антецедента наличием придаточного определительного;
- 5) отсутствие семантически значимой связи между придаточным и главным предложением;
- 6) невозможность преобразования придаточного в независимое предложение.

Модель с изъяснительным придаточным по первым трем чисто формальным признакам ничем не отличается от ограничительной.

Однако три последних признака ограничительной модели, вытекающие из ее внутренней смысловой структуры, у изъяснительной модели отсутствуют.

Изъяснительное придаточное не зависит от оформления антецедента, который в свою очередь не требует обязательного уточнения. Таким образом, изъяснительная конструкция построена на

⁴ H. Seiler. Op. cit., p. 26.

⁵ C. E. Bazell. Syntactic relations and linguistic typology. CFS, 1949, No. 8, pp. 5—11.

отношениях «слабой» синтаксической связи и содержит периферийную позицию придаточного определительного.

Как всякий факультативный элемент, изъяснительное придаточное связано с главным составом предложения семантически значимыми отношениями «причины», «уступительности», «последовательности». Поэтому относительное местоимение здесь может быть замещено или сочинительными союзами или подчинительными союзами *perché*, *benché*, *giacché*: *la colpa della mancata riuscita veniva riversata prima sul nipote che (=perché) non aveva voglia di studiare, quindi sui professori che (=perché) non sapevano insegnare* (Palazz. 139); *E curiosa circostanza, questa donna che (=benché) si chiamava Beatrice, assomigliava moltissimo a Dante e non aveva la più piccola affinità con la sua amante spirituale* (Palazz. 105).

Другой трансформацией, указывающей на необязательность подчинительной формы выражения зависимости между членами этой модели, является возможность превращения придаточного изъяснительного в самостоятельное предложение. Так, в итальянском литературном языке независимое интонационное и графическое оформление могут иметь изъяснительные предложения, сохраняющие показатель своей связи с антецедентом — относительное местоимение *il quale*: *L'involuzione della società italiana si vede anche nelle soluzioni del Manzoni. Il quale scrive in lingua le parti storiche del suo libro e fa parlare i personaggi in vernacolo fiorentino* (Moravia. L'Uomo, 298).

«Подчинение» изъяснительного придаточного антецеденту, основанное на стремлении пишущего придать более компактную форму двум законченным по смыслу предложениям, содержащим один общий именной член, является, таким образом, чисто формальным приемом, свойственным прежде всего письменной речи.

Все же, несмотря на отсутствие внутренней смысловой опоры для подчинительной формы связи, конструкция *N+che* (*il quale*, *cui*) с придаточным изъяснительным представляет собой в современном литературном языке устойчивую синтаксическую модель, по формально-грамматическим признакам не отличающуюся от ограничительной.

В разговорном языке (особенно в просторечии) способы формального выражения относительного подчинения резко отличаются от описанных выше синтаксических конструкций литературного языка. Некоторые общие формальные признаки можно обнаружить, как и следовало ожидать, только в построении ограничительной модели, которая по самой своей природе предполагает обусловленность придаточным показателя определенности при антецеденте, контактное положение членов сочетания и наличие только одного ограничительного предложения.

Знаком подчинения внутри ограничительной модели просторечного варианта разговорного языка служит, однако, не местон-

мение, а союз «che». Местоимения *il quale* и *cui* в просторечии вообще отсутствуют. (Даже в устной речи культурных людей, говорящих на литературном языке, они мало употребительны). Поскольку союз «che» не может вступать в сочетания с предложениями, для обозначения синтаксической функции антецедента в придаточном служат безударные местоименные частицы винительного, дательного, партитивного («родительного») и местного падежей. Те же способы выражения синтаксической связи используются и при изъяснительных предложениях. Различие между литературными и разговорно-просторечными формами относительного подчинения можно изобразить схематически следующим образом:

Литературный язык

Именительный и винительный падеж

che — относительное местоимение, употребляемое с ограничительными и изъяснительными предложениями; *il quale* — факультативный вариант предыдущего при изъяснительных предложениях;

Родительный падеж

del quale, di cui — относительные местоимения, употребляемые с ограничительными и изъяснительными предложениями;

Дательный падеж

nel quale, in cui
(или просто *cui*);

che + gli — личное местоимение дательного падежа, обычно употребляемое без изменения формы в обоих родах и числах;

Местный падеж

nel quale, in cui,
наречие dove.

che + ci — местоименная наречная частица или полнозначное наречие *dove*.

Употребление союза в качестве знака относительного подчинения свойственно многим языкам и, в частности, итальянскому и французскому народному языку. Лингвисты женеvской школы, аргументируя убежденные в большей степени рациональности всякой аналитической формы по сравнению с синтетической (и прогрессивного порядка слов над регрессивным), видят много преимуществ в так называемом «декумулированном знаке». Так, Ж. Кандэ⁶ считает, что разложение относительного местоимения на два

⁶ G. Cuendet. Sur l'expansion de la particule relative. «Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally». Genève, 1939, p. 100.

Просторечие

che — союз; *che + lo* — личное местоимение в винительном падеже;

элемента — подчиняющий и анафорический — вызвано требованиями всеобщей языковой логики, так как относительное предложение, вводимое союзом, включается таким образом в общую систему форм союзного подчинения, а анафорическое местоимение позволяет устранить инверсию, нарушающую подобие придаточного и независимого предложения. А. Фрей объясняет распространение «несклоняемого» *que* (ит. *che*) общей тенденцией всех языков к экономии, проявляющейся в максимальном сохранении формы языкового знака при его транспозиции⁷. Логическая необходимость и «экономичность» самой конструкции с несклоняемым *que*, которая считается вульгарной только условно (*par convention*), как замечает А. Сеше⁸, должны привести в конечном итоге к ее победе над традиционной формой относительного подчинения.

Оптимистические прогнозы по поводу будущего «*que indéclinable*» как и его преимущества перед сложной синтетической формой с ее многочисленными позиционными вариантами, представляются, однако, весьма проблематичными по разным причинам. Прежде всего, упускается из виду то обстоятельство, что относительное подчинение при помощи союза не является конечным результатом процесса совершенствования системы языка, появившееся в современной разговорной речи как полезная инновация, но существовало в различных языках, как это явствует из статьи Кандэ (который не сделал из этого необходимых выводов), на самых ранних этапах их развития и в последующие периоды формирования письменной нормы было вытеснено более «синтетическим» относительным местоимением. Констатация этого факта наводит на мысль, что тенденции, обуславливающие развитие языка, на которые указывает А. Фрей — слияние знаков и их расщепление, семантико-формальная дифференциация знака и его генерализация и, наконец, формальное изменение знака в зависимости от его позиции и минимальная реакция знака на изменение окружения — проявляются в письменном литературном языке, с одной стороны, и в разговорной обиходной речи, с другой, в различной степени. Это различие в тенденциях развития, а следовательно, и в самой структуре знака, вытекающее из различных условий функционирования языка, делает невозможным установить некий отвлеченный принцип экономии в языке вообще, так как то, что будет экономичным для разговорного языка, окажется неэкономичным для письменного и наоборот. Посмотрим теперь, какие особенности «несклоняемого» «*que*» делают его неудобным для письменного языка и какие промежуточные формы возникают при наложении двух различных парадигм — разговорной и письменной — в процессе усваивания литературной нормы. Для того чтобы определить, какое место занимает «несклоняемое» «*che*» среди других средств организации речевой цепи, обратимся сначала к

⁷ H. Frei. La grammaire des fautes. Paris, 1929, p. 190.

⁸ A. Sechehaye. Op. cit., p. 190.

наиболее примитивному способу соединения предложений, широко распространенному в разговорной речи, а именно, к связи чисто смысловой. Простое соположение предложений (паратаксис), отношения между которыми имеют свое формальное (но не грамматическое) выражение в интонации, служит основой как для координации, так и для субординации⁹, не являясь по существу ни тем и ни другим, если за этими терминами мы сохраним строго грамматическое содержание. Отсутствие эксплицитной грамматической связи (которое нельзя смешивать с нулевым знаком) дает основание для разнообразных субъективных толкований, особенно в письменном языке, лишенном непосредственно данной интонационной формы. Так, например, во фразе *C'è poi un'altra signorina avrà 17 anni e si mantiene zorra e purtroppo papà* (Galluzzo) после слова *signorina* мы можем предположить не только конечную паузу, изъяснительную интонацию или полное интонационное слияние, свойственное ограничительным конструкциям, но и целую гамму промежуточных градаций, которые при чтении, т. е. при интерпретации, сводятся к трем перечисленным выше типам, имеющим свое дискретное (грамматическое) выражение. Так же точно, во фразе *«Hanno quasi finito di fare una casa, le pareti sono storte e imbarcate una parete la misurarono con il filo a piombo aveva nove centimetri di differenza»* (Galluzzo) может иметь разнообразные интонационные оттенки, имеющие лишь два дискретных эквивалента — вводное предложение и ограничительное придаточное.

Как уже было сказано выше, отсутствие знака подчинения даже при явно ограничительном по смыслу предложении, как например, *«la prima parola mi dice»* (Autobiografie, 185), не может рассматриваться как нулевой знак, так как в подобного рода случайных сочетаниях, не имеющих в современном языке однозначного смысла регулярной модели, антецедент и последующее предложение можно также интерпретировать как сегментированную фразу (анаколуп) с паузой посередине, в которой определенный артикль «антецедента» соотнесен с субъективной ситуацией, а «относительное» предложение является более или менее самостоятельным изъяснительным высказыванием.

Наиболее общим грамматическим знаком, связывающим объединенные по смыслу предложения, является союз *et*, который в разговорной речи и соответственно в письменном ее воспроизведении отмечает только наличие связи, не уточняя ее характера. Этот способ соединения предложений по существу мало отличается от простого бессоюзного соположения, так как знак *et* функционально не специализирован и не способен отмечать сочинение в отличие от подчинения или наоборот. Так, если в литературном языке *et* в основном служит для соединения однородных предикативных или непредикативных единиц, в разговорном языке при

⁹ S. Karcevskij. Sur la parataxe et la syntaxe en russe. CFS, 1948, n° 7, p. 34.

помощи *et* связываются разнородные элементы, представляющие собой «тему» (потенциальный антецедент) и «рему»: *Al Campo Boario conosco un milanese e dice che deve arrivare dal fronte la roba già disinfettata, si può venderla* (Autobiografie 268); *Ora si è fatto sentire la voce di Giorgio la Pira e lui dà ragione a Balducci dicendo...* (Galluzzo); *La maestra aveva due alunni Peppone e Don Camillo e con molto studio riuscirono a farsi Don Camillo sacerdote e Peppone sindaco del paese* (Pomarance).

В литературном языке в этих случаях допустимо или независимое оформление двух предложений или транспозиция второго предложения в изъяснительное придаточное. В разговорном языке, таким образом, знак *et*, будучи грамматическим, в то же время не является систематическим, так как не входит ни в какую парадигму противопоставленных друг другу значимостей. Образуя открытый синтаксический ряд, такого рода соединения оказываются неспособными отмечать конец фразы, которая может содержать сколько угодно нанизанных друг за другом предложений. Обычно в этих случаях последнее существительное предыдущего предложения служит «темой» для последующего: *Tornato da scuola andai a casa e vi trovai delle bottiglie e le vendetti al cenciaio e mi dette cinquanta lire* (Galluzzo); *Vi era una giovane ragazza e lavorava confezionando paletot da signora ed io tante volte ne portavo da confezionare* (Autobiografie, 321); «Бесконечная цепочка» предложений, соединенных союзом *et*, может, естественно, содержать однородные в коммуникативном отношении единицы, например, перечисление последовательных действий, совершенных одним и тем же лицом: *cercai di convincerlo e finalmente lo convinsi e contento e andai a casa felice e fino all'ora che non tornò il babbo io non glielo feci vedere* (Galluzzo). Последний пример, не содержащий семантического субстрата для относительных предложений, интересен в том отношении, что ту же сочинительную функцию выполняет в разговорном языке другой знак, специализировавшийся в литературном языке как показатель подчинительной связи. Этим конкурентом *et* является союз *che*, который употребляется наравне с *et* как между «темой» и «ремой», например: *In un paese c'era una maestra e aveva due alunni che uno si chiamava Camillo* (Pomarance), так и между однородными предложениями, например: *«Eravamo tutti e quattro in una trattoria del porto e si consumava una frugale cena che contemporaneamente il novarese e il Borra si interessavano del contenuto del portafoglio che poi pagata la cena a me diedero L. cento novanta brindando il primo colpo da lui fatto poi verso le ore nove abbiamo raggiunto la stazione»* (Autobiografie, 336).

Три различных союза — *et*, *che*, *poi* — выступают здесь в одной и той же функции, образуя открытую серию предложений, связанных только отношением последовательности. Совершенно очевидно, что *che* и *et*, в отличие от *poi*, обладают независимо от контекста лишь самым общим значением — сигнализации связи как таковой,

в то время как значение последовательности (или одновременности) возникает из контекста, в котором оно иногда имеет специализированные лексические отметки: *poi*, *contemporaneamente* *ecc.* Если *che* присоединяет предложение к существительному с временным значением, образуется конструкция, напоминающая ограничительную модель литературного языка: «*La mia fantasia mi faceva riflettere a quei giorni felici della mia giovinezza che anch'io come loro mi tenevo in piazza con i compagni*» (Sc. G. Carponi).

Значение последовательности во времени может под влиянием лексики получить причинно-следственный оттенок: «*Un giorno la vecchia maestra mandò a chiamare Beppone che la sua ora era venuta*» (Pomarançe), и так же, как и в предыдущем случае, предложение, вводимое *che*, опираясь на «тему», выраженную каким-либо существительным предыдущего предложения, образует с «антецедентом» конструкцию, подобную относительной модели литературного языка. Однако присутствие знака *che* и соответствующего значения еще не достаточно для того, чтобы признать за этими соединениями значимость модели, так как их части в речевой цепи взаимно не обусловлены. Не имея формально-семантических связей с каким-либо определенным существительным, союз *che* не может представлять его в придаточном предложении, где место потенциального антецедента остается часто вакантным, а его грамматическая функция очень неопределенной: «*Li portò in una caverna che le donne non potevano passare*» (Galluzzo); «*Questi sono gli interrogativi che in vano cerco una risposta che non so darvi*» (Sc. G. Villani).

Рядом с эллиптическими конструкциями в разговорном языке существует также сочетание «*che*+безударное личное местоимение», т. е. тот самый «декумулированный знак», который, по мнению женеvских лингвистов, обладает преимуществом представлять раздельно подчиняющий и анафорический элементы.

Чтобы лучше определить природу этой конструкции, возвратимся к приведенной выше схеме и посмотрим на конкретных примерах, какими возможностями располагает «*che*+безударное местоимение» для выражения точной отнесенности придаточного определительного к антецеденту.

- № 1. *Che+lo* (*la, li, le*): *Siamo già alle soglie di questa meravigliosa festa che ancora adesso la attendiamo con gioia* (Sc. G. Villani).
- № 2. *che+gli* (*le*): *Il piccolo comune rimase in dolore perchè era una maestra che tutti gli (=le) si erano affezionati* (Pomarançe).
- № 3. *che+ne*: *lavorava in miniera che a Ribolla ce ne sono molte* (Sc. G. Villani).
- № 4. *che+ci*: *Mi divertivo anche agli specchi che una volta ci rimisi gli occhiali perchè non riuscivo a trovare l'usicta*. (Sc. G. Villani).

Совершенно очевидно, что анафорическая единица, указывающая на антецедент, фиксирует его синтаксическую функцию в придаточном предложении. Однако в отличие от относительного местоимения *il quale*, способного отмечать любую позицию антецедента в придаточном, возможности безударных местоимений ограничиваются четырьмя падежными формами и соответствующими им функциями; в тех же случаях, когда антецедент оказывается подлежащим придаточного предложения или обстоятельством образа действия, разговорный язык не обладает формальными средствами репризы антецедента, как например: *Una granata mina piombava proprio alla feritoia dell'osservatorio dove da un buco che (=attraverso il quale) passava solo il binocolo... la granata mina ebbe proprio il suo agio di penetrare e scoppiare in quell'osservatorio* (Autobiografie, 102).

Кроме того, безударные местоимения не обеспечивают подчинения придаточного какому-либо существительному главного предложения, так как свойственное им анафорическое значение само по себе не предполагает подчинения, союз же *che*, как мы видим, функционирует в разговорном языке как недифференцированный знак связи, получающий от контекста различные «отраженные» значения. Поэтому только семантическая неполнота самого антецедента позволяет недвусмысленно установить отнесенность придаточного именно к данному антецеденту, как в примере № 2. В случае же изъяснительных высказываний, вводимых союзом *che*, установление точного синтаксического отношения между «антецедентом» и придаточным невозможно даже при наличии анафорических частиц, как в примерах № 1, 3, 4, так как союз *che*, не будучи связан ни с каким существительным ни по форме, ни по содержанию, относит вводимое им придаточное ко всему составу главного предложения. Синтаксическая недифференцированность союза *che* хорошо видна также на таком примере, как: *Per esempio un bambino che gli piacerebbe saper studiare ma gli manca l'intelligenza, però all'esame le maestre lo fanno passare* (Galluzzo), где предложение, вводимое *che*, может быть понято одновременно и как ограничительное определение к «*un bambino*» и как независимое изъяснительное предложение, образующее с последующими предложениями сочинительный ряд.

Неспособность анафорических частиц отмечать любую синтаксическую функцию антецедента в придаточном и синкретический характер знака связи *che* не находятся в противоречии с тенденцией разговорного языка, где интонационные средства выражения связей между словами делают излишней, т. е. не экономной, подробную семантико-формальную дифференциацию грамматических знаков. В связи с этим многие грамматические знаки без дополнительных уточнений, получаемых от интонации и контекста, не имеют системной значимости и, следовательно, в области синтаксиса не образуют моделей. Так, ограничительной модели литературного языка в разговорном соответствует чисто смысловое подчине-

ние, изъяснительный же тип определительных предложений в разговорном языке вообще не может быть образован с помощью союза *che*.

Помимо синкретического *che*, в разговорном языке существует как и в литературной норме, более отмеченный знак относительно подчинения — наречие *dove*, точно указывающее как на антецедент, так и на его роль в придаточном предложении. Интересно, однако, что сфера употребления *dove* в разговорной речи оказывается значительно более широкой, чем это допускается литературной нормой. Так, мы встречаем *dove* не только после слов, способных выступать в придаточном как обстоятельство места, но и во многих других случаях, где литературная норма требует более точного знака: *Così un po' alla meglio vi ho descritto i miei giornalotti preferiti dove (=con i quali) passo molte ore del mio tempo libero* (Sc. G. Villani).

Таким образом, в употреблении более точного знака мы видим ту же тенденцию к генерализации, которая в разговорной речи препятствует установлению системных отношений между дискретными единицами языка.

В речевой цепи эта тенденция принимает форму так называемой персеверации, вызывающей по закону наименьшего усилия, повторение раз появившегося знака в таких комбинациях, где обычно встречается другой, более точный знак. Расширение функций специализированных знаков и преимущественное употребление обобщенных неотмеченных знаков создают в разговорном языке излишнюю синонимию взаимозаменяемых форм, число которых пополняется также за счет проникновения в разговорный язык книжных слов, сосуществующих зачастую с их народными вариантами в одной и той же фразе: *C'è il focolare dove si produce il calore, poi la caldaia che è contenuta l'acqua poi c'è il cilindro in cui scorre lo stantuffo* (Galluzzo). Ассимиляция разговорным языком книжных слов, происходящая в процессе обучения литературному языку, приводит на первых этапах к контаминации двух различных систем, основанной на приспособлении новой единицы к особенностям употребления привычных форм. Так, «книжное» относительное местоимение *il quale* (*cui*) проходит через следующие этапы:

1. Сохранение анафорической местоименной частицы рядом с *il quale* (плеоназм): *Paperino il quale lo leggo quà e là Pecos Bill il quale lo leggo tutto* (Galluzzo). *Un bel giardino in cui i bambini ci giocano* (Galluzzo). *Io ho un papagallo al quale gli voglio tanto bene* (Pomarance).

2. Перенесение неизменяемости союза *che* на местоимение *il quale*.

а) отсутствие форм согласования:

Le massaie stendono un panno in terra dove c'è il sole e sopra ci mettono le noci il quale si seccheranno bene (Galluzzo); *Questi sono giornalini il cui leggo* (Galluzzo).

б) отсутствие форм управления (с анафорическим местоимением или без него): *Dopo la licenza venni mandato al quarto battaglione Alpini quale mancavano gli eliografisti* (Autobiogr. 104); *Prima di arrivare alla strada asfaltata percorro una strada la quale dalla parte sinistra vi sono circa venti pini domestici* (Pomarance). *La maestra mandò a chiamare Peppone il quale gli disse; «Quando sono morta; ... (Pomarance), где il quale = al quale.*

3. Тенденция к расширению синтаксических функций специализированного знака:

а) недифференцированное употребление различных предлогов в сочетании с *il quale* (*cui*): *Spesse volte mentre il professore spiega, legge qualche racconto di cui (=in cui) ci siano i ragazzi che giocano* (Pomarance); *Questa è la persona di cui (=a cui) voglio molto bene* (Galluzzo).

Иногда экспансия знака связана с персеверацией: *Dopo si passò nei sotterranei ove c'era il ritratto di Napoleone e Niccolò Acciaioli con tutta la sua famiglia. C'è un'altra famiglia con la quale (=della quale) non ricordo il nome. Dopo si passò in un giardino con il pozzo, quel pozzo era antico. In questo giardino c'era una caverna con la quale (=nella quale) stavano prima i frati nascosti* (Galluzzo);

б) контаминация между формами неотмеченными и формами отмеченными (их совместное употребление): *Un corpo ha molte proprietà e le quali sono: la grandezza, vedere quando è grande, il peso che il quale non si vede con gli occhi, ma con la mano si sente* (Galluzzo).

Существование в литературной норме специализированного знака *il quale*, который относит придаточное предложение к определенному антецеденту и точно отмечает его функцию в придаточном предложении, способствует семантико-формальному преобразованию знака *che*, который, включаясь в дифференцированную парадигму *il quale*, *al quale*, *del quale* и т. п. как частичный синоним первой формы, становится относительным местоимением, четко отличающимся от союза *che* по своей системой значимости, и, следовательно, по форме.

Включение *che* в систему относительных местоимений не есть единственное проявление ограничения его функций. Тот же самый процесс наблюдается и в синтагматическом плане, где различия между литературными и разговорными фразами обнаруживаются прежде всего в том, что для разговорного языка (и его письменного воспроизведения) характерно употребление открытых цепочек следующих друг за другом предложений, соединенных обобщенным знаком *et* или *che*, причем число таких предложений практически бесконечно. Например: *Sei un dottore, una personalità e ti vuoi buttare con una cafona. Che non potrai far ricevere dove ti inviteranno, che ti farà vergogna. Poverina sì, senza colpa e va bene, ma che ti è troppo indietro, che non potrà servirti in niente* (Arpino 27).

Такое построение фразы, возможное в литературном произве-

дении как сознательная имитация эмоциональной речи, чуждо самой литературной норме, где при одном antecedente может стоять только одно относительное предложение (или два, соединенные союзом *et*). Как было уже сказано, это формальное ограничение имеет функциональное происхождение в ограничительных конструкциях и представляет собой одно из проявлений их «закрытого» характера. Однако литературная норма распространяет этот формальный признак также и на изъяснительные конструкции, которые по самой природе отношений, связывающих antecedent и придаточное, могли бы допускать (и допускают в разговорном языке) любое количество относительных предложений.

Другим важным формальным признаком, отличающим ограничительную модель, является контактное положение относительного предложения и antecedenta, которое естественно вытекает из семантической неполноты последнего. Изъяснительные предложения менее связанные с antecedентом, теоретически должны были бы иметь большую свободу перемещения во фразе. Действительно, в разговорном языке между antecedентом (потенциальным) и изъяснительным предложением, вводимым союзом *che*, могут помещаться любые члены предложения, в том числе и сказуемое: *Tutti questi condannati ed altri che non ricordo furono condannati col vecchio codice... ai lavori forzati che portavano la catena alla cinta con la balla di ferro ai piedi* (Autobiografie, 334); *I tedeschi approfittarono il momento opportuno e disarmarono molti soldati italiani e poi occuparono loro una parte d'Italia che combattevano contro gli americani* (Galluzzo).

Отсутствие точной локализации наряду с функциональной недифференцированностью союза *che* не позволяет рассматривать такого рода предложения как относительные и является лишним доказательством того, что в разговорном языке модель «antecedent + определительное изъяснительное предложение» вообще отсутствует.

В литературной норме, где контактное положение элементов обязательно не только для ограничительного, но и для изъяснительного предложения, оба типа относительных конструкций получают значимость моделей — одна по природе лежащих в ее основе отношений, выраженных дифференцированными грамматическими средствами, другая — в силу организующих свойств общепринятой формы, существующей в готовом виде в сознании говорящих или пишущих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Простое предложение представляет собой, пожалуй, наиболее сложную по своей структуре и наиболее трудную для анализа единицу языка. Предложение по определению предикативно и, следовательно, не мыслится вне его функционирования в конкретном речевом акте, где оно соотносится с «объективной реальностью», т. е. с предметом речи и с самими участниками коммуникации («я» — «ты»). Соотнесенность предложения с неязыковой действительностью делает зачастую излишним эксплицитное выражение некоторых элементов и связей, обязательно присутствующих в смысловой структуре высказывания. Поэтому наиболее распространенное определение предложения, совпадающее с определением высказывания, основано на его просодических и функциональных признаках: «слово или группа слов, служащие для выражения законченной мысли и для ее сообщения», или «слово или группа слов, обладающие дополнительным грамматическим значением предикативности и законченной интонацией». Общие формально-грамматические признаки предложения, отличающие его от форм слова и словосочетания, в грамматиках обычно не указываются. Напротив, при разграничении типов предложений первое, что бросается в глаза и, так сказать, «лежит на поверхности», это различие их формально-грамматических моделей. Поэтому наиболее распространенный принцип классификации предложений основан на чисто формальных дифференциальных признаках. Между тем, двусторонняя природа всех значимых единиц языка и асимметричная связь между означающим и означаемым обязывают нас учитывать параллельно и одновременно обе стороны «синтаксических знаков» при их систематическом описании.

Простое предложение, в его отличии от сложного, с формально-грамматической точки зрения удобно определить как предикативную конструкцию, не содержащую периферийных («факультативных», «слабоуправляемых») членов. В свою очередь формально-грамматические типы простых предикативных конструкций различаются по характеру обязательных именных позиций, заполнение и оформление которых находится в отношении взаимной

обусловленности с валентными свойствами и определенными грамматическими формами сказуемого.

По отношению к частям речи и их сочетаниям члены предложения (позиции) представляются функциями. Вместе с тем, по отношению к содержанию высказывания модель предложения, состоящая из определенной комбинации его членов, выступает как внешняя грамматическая форма.

Содержательная сторона предложения включает понятия частные («конкретные») и понятия категориальные (в том числе и понятия отношений). Последние выступают как внутренняя форма предложения. Определение внутренней синтаксической структуры возможно только через ее формальные проявления. Так, например, выделение семантических компонентов, позволяющих классифицировать предложения или члены предложения «по смыслу», должно обязательно опираться на формально-грамматические изменения в моделях предложения, иначе область синтаксической семантики окажется во власти надязыковой абстрактной логики или более или менее произвольных аналогий с «реальным положением вещей».

Зависимость внутренней формы предложения от его внешней («грамматической») формы ставит под вопрос универсальный характер некоторых семантических категорий (например «субъекта» или «объекта»), которые, несмотря на их соотнесенность с одним и тем же элементом объективной неязыковой ситуации, могут иметь в разных языковых системах различную значимость.

Внутренняя и внешняя формы предложения неотделимы друг от друга, хотя связь между ними подвижна. В этом, как известно, находит свое проявление принцип экономии выразительных средств языка: различие между предложениями, очевидное из их смысловой структуры, не обязательно отмечается грамматически. Однако смысловая дифференциация, существенная для синтаксического плана и затрагивающая внутреннюю форму предложения, всегда имеет в системе языка то или иное формально-грамматическое проявление. Поэтому для выделения синтаксически релевантных смыслов необходимо учитывать всю совокупность форм их выражения. (Так, внутри общей категории субъекта мы имеем право выделить в итальянском языке шесть смысловых типов именно потому, что каждый из них имеет собственный «набор» форм выражения).

Смысловая структура всякого высказывания (предложения) «двухъярусна», т. е. основана на переплетении модальных и диктальных субъектно-предикатных отношений. Поэтому синтаксически релевантные смысловые компоненты, на основании которых выделяются различные типы предложений, принадлежат к двум различным рядам: к ряду понятийных категорий, соотнесенных с денотатом (диктумом), и к ряду понятийных категорий, соотнесенных с субъектом акта коммуникации и его отношением к денотату и к собеседнику.

На основании первого («семантического») принципа классификации выделяются такие типы простых предложений (простых «предикатов»), как нерасчлененные субъекто-предикаты, абсолютные предикаты, относительные предикаты и их подтипы (локальные — нелокальные, статические — динамические, неактивные — активные).

На основании второго («модального») принципа классификации выделяются: 1) субъективно-оценочные синтаксические наклонения, или типы предложений (синтаксический индикатив, оптатив, гипотетическое наклонение, синтаксический кондиционал) и 2) коммуникативные синтаксические наклонения или типы предложений (повествовательное, вопросительное, побудительное), присоединяющие к субъективно-оценочным смыслам компонент целенаправленного воздействия на слушателя.

«Семантический» и «модальный» принципы классификации предложений не зависят друг от друга, так как семантическое (денотативное) содержание не предопределяет модального смысла предложения, и наоборот. Исключением из этого правила является так называемая «конструкция эксплицитной модальности» («Я хочу, чтобы он замолчал», «Он приказал мне молчать»), где конкретный модальный смысл предложения включается в его денотативное содержание (т. е. выражается лексически) и тем самым предопределяет модальную «нейтральность» грамматической формы (все варианты конструкции эксплицитной модальности, в том числе и косвенной речи, относятся к повествовательному синтаксическому наклонению, допускающему любые модальные смыслы, кроме прямого вопроса и прямого побуждения).

За исключением повествовательного типа предложения, грамматическая форма всех прочих модальных типов предложений («синтаксических наклонений») однозначно связана с модальным смыслом. Это объясняется, по-видимому, тем, что в определении модальной формы предложения большую роль играет интонация.

Иначе обстоит дело с семантическими типами простых предложений и соответствующими им грамматическими моделями. Здесь полисемия форм и полиморфия смыслов, т. е. асимметрия языкового знака, проявляются во всем своем многообразии. При этом можно заметить, по крайней мере на материале итальянского языка, следующую закономерность: предложения («предикаты»), семантическая структура которых содержит наименьшее количество элементарных (основных) семантических компонентов, имеют наибольшее количество формальных вариантов (частичных синонимов), тогда как их собственная первичная грамматическая модель не способна или почти не способна оформлять «чужие» семантические структуры. И наоборот, первичные грамматические модели семантически сложных предложений, содержащих максимальное количество элементарных смысловых ком-

понентов, способны оформлять самые разнообразные семантические структуры, тогда как их собственная первичная семантическая структура не имеет или почти не имеет других форм выражения.

Грамматические модели предложения и их формальные элементы четко противопоставлены друг другу только в своих первичных функциях, т. е. при таких смыслах, которые наиболее обычны и частотны для данной грамматической формы. Смыслы форм складываются как из семантических (понятийных), так и из коммуникативных признаков. Так, например, форма подлежащего отличается от дополнения не только тем, что она оформляет понятие, обозначающее производителя действия, носителя неактивных отношений обладания и восприятия и т. п., но и тем, что обычно соответствует понятию, выступающему как тема сообщения, тогда как дополнение чаще входит в состав ремы. При совмещении семантических признаков, свойственных подлежащему, с коммуникативной функцией, свойственной дополнению, возникает смешанная смысловая структура или смысловой «контекст нейтрализации», в котором форма подлежащего, т. е. актанта, согласованного в числе и лице со сказуемым, может свободно чередоваться в одной и той же позиции с формой «дополнения», т. е. актанта, не согласованного в числе и лице со сказуемым (ср. «Пришли три-четыре студента» = «Пришло три-четыре студента», но только «Все четыре студента пришли»).

Почти все изменения внешней формы предложения обусловлены сдвигами в его смысловой структуре. Первичная грамматическая модель, соответствующая данной внутренней форме, меняется, если к основным (элементарным) семантическим составляющим добавляется какая-либо классема другой семантической структуры или какой-либо видовой или модальный оттенок; если устраняется конкретное (индивидуальное) семантическое содержание субъекта или объекта; если объект действия оказывается темой высказывания и т. п. Во всех этих случаях мы говорили о семантически или коммуникативно обусловленных трансформациях.

Существует, однако, и другой источник колебаний внешней формы предложения — это постоянно действующие и противоположно направленные тенденции к экономии языковых средств выражения смысла и к их избыточному применению. Обе эти тенденции по-разному проявляются в разных стилях и сферах употребления языка. Отказ от формальных «излишеств» наиболее типичен для разговорной речи и просторечия, откуда через язык писателей упрощенные формы проникают и в литературную норму, образуя в ней в свою очередь излишнюю синонимию. Но так как в языке ничто не пропадает даром, само существование определенного «набора» синонимов используется как средство дифференциации семантических структур (например, возможность свободного чередования индикатива и конъюнктива в до-

полнительном придаточном после глаголов «мнения» и невозможность такого чередования после глаголов «уверенного знания» в итальянском языке).

Норма литературного языка обновляется за счет того, что находится за ее пределами. Однако вероятность проникновения в литературный язык тех или иных форм, бытующих в просторечии, не одинакова и зависит не только от их социальной или диалектальной окраски, но и от их структурных особенностей: рыхлые синтаксические построения разговорной речи и некоторые модели, не соответствующие синтаксической системе современного литературного языка, часто оказываются реликтами предыдущих эпох, устраненными из литературного языка в процессе совершенствования и шлифовки его норм.

Отсутствие в системе современного литературного итальянского языка некоторых форм, свойственных староитальянскому и продолжающих существовать в разговорной речи (или в просторечии), не всегда легко объяснить структурными внутриязыковыми причинами. Так, несогласование со сказуемым постпозиционного субъекта — ремы, распространившееся во флорентинском диалекте XV—XVI вв., не было воспринято литературной традицией, ориентировавшейся на язык флорентинских писателей XIV в. Между тем сама по себе форма типа «пришло три-четыре студента» не содержит в себе ничего специфически «разговорного» и существует, как известно, в современной литературной норме французского языка.

Все же, как ни важна роль историко-культурных («внешнелингвистических») факторов в развитии языка, своеобразие его грамматической системы связано прежде всего с определенной тенденцией отбора форм, регулирующей единую направленность языковых изменений и согласованность элементов системы в синхронном плане.

Эта взаимная обусловленность форм, относящихся к различным участкам системы, не всегда очевидна при анализе одного языка, выясняется из сравнения языков, особенно близкородственных, образовавшихся в результате разной трактовки общего языкового фонда. Так, установленные путем сравнения переводов расхождения между синтаксическими системами итальянского и французского языков оказываются не случайными и изолированными друг от друга фактами, а представляют собой в каждом языке серию закономерно связанных между собой явлений.

Во французском в отличие от итальянского можно отметить: преобладание прямого порядка слов и редкость инверсии подлежащего; регулярное замещение позиции подлежащего местоимениями (или существительными), обозначающими лицо; наличие в системе неопределенно-личного субъектного местоимения; редкость пассивной и возвратной форм как средства устранения конкретной информации о субъекте; немногочисленность и слабая

продуктивность одноличных моделей; высокая частотность прямо-переходных моделей с глаголами восприятия.

В итальянском обнаруживается ряд прямо противоположных фактов: свободный порядок слов; высокая частотность инверсии подлежащего; высокая продуктивность одноличной модели в сфере «непроизвольных действий и реакций»; закрепление за возвратной и пассивной формами неопределенно-субъектной функции, тенденция к устранению лица — субъекта из сообщения, высокая частотность непереходных моделей с глаголами движения.

Все эти особенности итальянского языка, составляющие его специфику по сравнению с французским, могут рассматриваться также как часть общей типологической характеристики синтаксической системы итальянского языка (имеющей много общих черт с русской синтаксической системой).

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

Литературные тексты (*художественная проза, в том числе и переводы, литературная критика, публицистика, историко-филологические исследования, учебник по физике*):

- Agno F. Prefazione a Guido da Pisa. «Fatti d'Enea». Firenze, 1957 — (Agno).
Arpino G. Un delitto d'onore. Milano, 1962 — (Arpino).
Bellini Q., Ronchi V. L'evoluzione della fisica. Firenze, 1961 — (Fisica).
Bertelli L. Il giornalino di Gian Burrasca. Firenze, 1937 — (Gian).
Calvino I. Racconti. Torino, 1958 — (Calvino).
Cassola C. Il soldato. Milano, 1958 — (Cassola).
Cassola C. La ragazza di Bube. Torino, 1960 — (Cassola, Bube).
Cechov A. Racconti e teatro. Firenze, 1966 — (Cechov).
Chiesa F. Villadorna. Milano, 1928 — (Chiesa).
Collodi. Le Avventure di Pinocchio. Milano, 1955 — (Pin.).
Devoto G. Storia della lingua di Roma. Bologna, 1944 — (Devoto).
Dostoevskij F. Les frères Karamasov. Paris, 1952 — (Dost.).
Dostoevskij F. I fratelli Karamasov. Milano, 1960.
Dostoevskij F. I fratelli Karamasov. Torino, 1958.
Fiabe italiane. A cura di Italo Calvino. Torino, 1956 — (Fiabe).
Flaubert G. Madame Bovary. Moscou, 1956 — (Bov.).
Flaubert G. Madame Bovary. Milano, 1965.
Fubini M. Studi sulla letteratura del Rinascimento. Firenze, 1947 — (Fubini).
Garin E. L'umanesimo italiano. Bari, 1954 — (Garin, L'Um.).
Garin E. Medioevo e Rinascimento. Bari, 1961 — (Garin, Medioevo).
Gide A. Les caves du Vatican. Paris, 1962 — (Gide).
Gide A. Le segrete del Vaticano. Milano, 1955.
Ginsburg N. Lessico familiare. Torino, 1963 — (Ginsb. Lessico).
Ginsburg N. Tutti i nostri ieri. Torino, 1952 — (Ginsb. Tutti).
Jovine F. Le Terre del Sacramento. Torino, 1950 — (Jovine).
Levi C. Le parole sono pietre. Torino, 1955 — (Levi, Le parole).
Levi C. Cristo si è fermato a Eboli. Torino, 1948 — (Levi, Cristo).
Levi C. Le Crist s'est arrêté à Eboli. Paris, 1948.
Malaparte C. La pelle. Firenze, 1963 — (Malap.).
Malaparte C. La peau. Paris, 1959.
Micheli S. Tutta la verità. Torino, 1950 — (Micheli).
Migliorini B. Storia della lingua italiana. Firenze, 1960 — (Migliorini).
Don Milani. L'obbedienza non è più una virtù. Documenti del processo di Don Milani. Firenze, 1966 — (Don Milani).
Montale E. Lettere a Italo Svevo. Bari, 1966 — (Montale).
Moravia A. Racconti romani. Mosca, 1969 — (Moravia, Racc.).
Moravia A. L'Uomo come fine e altri saggi. Milano, 1964 — (Moravia, L'Uomo).
Pavese C. Novelle. Torino, 1960 — (Pavese, Nov.).
Pavese C. La luna e i falò. Torino, 1960 — (Pavese, Luna).
Pirandello L. Sei personaggi in cerca d'autore. Enrico IV. Milano, 1948 — (Pirand.).
Pirandello L. Seis personajes en busca de un autor. Enrique IV. La Habana, 1964.

Rea D. La signora scende a Pompei. Quel che vide Cummeo. Milano, 1955 — (Rea).

Sciascia L. Il giorno della civetta. Torino, 1961 — (Sciascia).

Stendhal. Le rouge et le noir. Paris, 1883 — (Stendh.).

Stendhal. Il rosso e il nero. Torino, 1963.

Tomasi di Lampedusa G. Il Gattopardo. Milano, 1963 — (Gattop.).

Tomasi di Lampedusa G. Le Guépard. Paris, 1959.

Нелитературные тексты:

Montaldi D. Autobiografie della Leggera. Torino, 1961 — (Autobiogr.).

I Quaderni di San Gersolè. Torino, 1963 — (San.).

I Quaderni di allievi delle scuole elementari e serali:

Scuola elementare N. Sauro, Galluzzo, Firenze — (Galluzzo).

Scuola serale G. Capponi, Firenze — (sc. Capponi).

Scuola serale G. Villani, Firenze — (sc. Villani).

Scuola elementare a Pomarance, prov. di Pisa — (Pomarance).

Scuola elementare a Castagno d'Andrea, Mugello — (Castagno d'Andrea).

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ РАБОТ

- Абрамов Б. А. Синтаксические потенции глагола. «Филологические науки», 1966, № 3.
- Абрамов Б. А. О понятии семантической избирательности слов. В сб.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., «Наука», 1969.
- Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля. «Лексикографический сборник», 1962, № 5.
- Апресян Ю. Д. О сильном и слабом управлении. ВЯ, 1964, № 3.
- Арутюнова Н. Д. О синтаксической сочетаемости слов в испанском языке. «Филологические науки», 1962, № 2.
- Арутюнова Н. Д. О значимых единицах языка. В сб.: «Исследования по общей теории грамматики». М., «Наука», 1968.
- Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему» — реплики в русском языке. «Филологические науки», 1970, № 3.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., ИЛ, 1955.
- Блумфилд Л. Язык. М., «Прогресс», 1968.
- Будагов Р. А. Сравнительно-семаснологические исследования. Изд-во МГУ, 1963.
- Будагов Р. А. Этюды по синтаксису румынского языка. М., Изд-во АН СССР, 1958.
- Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения. В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., Изд-во АН СССР, 1955.
- Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. «Труды Ин-та русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1950.
- Виноградов В. В. Русский язык. М., Учпедгиз, 1947.
- Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929.
- Вольф Е. М. О синонимии глаголов и устойчивых сочетаний. «Иностранные языки в школе», 1957, № 3.
- Гак В. Г. Беседы о французском слове. М., «Международные отношения», 1966.
- Гак В. Г. Категории процесса. В кн.: Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., «Высшая школа», 1965.
- Гак В. Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения. Докт. дисс. М., 1967.
- Гак В. Г. К проблеме синтаксической семантики. В сб.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., «Наука», 1969.
- Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. Изд-во МГУ, 1958.
- «Грамматика русского языка», т. II, ч. I. М., Изд-во АН СССР, 1954.
- Гухман М. М. Конструкции с дательным—винительным лица и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков. В сб.: «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов». Л., «Наука», 1967.
- Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., «Наука», 1964.
- Есперсен О. Философия грамматики. М., ИЛ, 1958.
- Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях. В кн.: «Аналитические конструкции в языках различных типов». М.—Л., «Наука», 1965.

Жолковский А. К., Мельчук И. А. О семантическом синтезе. «Проблемы кибернетики», 1967, вып. XIX.

Каролак С. Проблема синтагматической позиции элементов языка. «Филологические науки», 1962, № 2.

Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., ИЛ, 1962.

Ломтев Т. П. Природа синтаксических явлений. «Филологические науки», 1961, № 3.

Ломтев Т. П. Описание структуры предложения на основе его функционального представления. «Slavia», 1965, № 3.

Ломтев Т. П. Основы синтаксиса современного русского языка. М., Учпедгиз, 1958.

Ломтев Т. П. Парадигматика предложения на основе конвертируемости отношений. В сб.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., «Наука», 1969.

Мартине А. Основы общей лингвистики. В сб.: «Новое в лингвистике», т. III. М., ИЛ, 1963.

Матеиус В. О так называемом актуальном членении предложения. В сб.: «Пражский лингвистический кружок». М., «Прогресс», 1967.

Мещанинов И. И. Глагол. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.

Мордвилко А. П. Глагольно-именные описательные выражения как особый тип устойчивых сочетаний. «РЯ в школе», 1961, № 4.

Мразек Р. Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы. ВЯ, 1964, № 3.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., Учпедгиз, 1938.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. т. III. М., «Просвещение», 1968.

Реферовская Е. А. Развитие предложных конструкций в латинском языке позднего периода. М.—Л., «Наука», 1964.

Реферовская Е. А. Разрушение конструкции «аккузатив с инфинитивом» в ранне-средневековой латыни. В сб.: «Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков». М., «Наука», 1966.

Реферовская Е. А. Синтаксис современного французского языка (Сложное предложение). Л., «Наука», 1969.

Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., ИЛ, 1957.

Степанов Ю. С. Французская стилистика. М., «Высшая школа», 1965.

Степанов Ю. С. Структура французского языка. М., «Высшая школа», 1965.

«Типология каузативных конструкций». Л., «Наука», 1969.

Успенский Б. А. Принципы структурной типологии. Изд-во МГУ, 1962.

Фриз Ч. Значение и лингвистический анализ. В сб.: «Новое в лингвистике», т. II. М., ИЛ, 1962.

Холодович А. А. Залог. Определение и исчисление. В сб.: «Категория залога» (материалы конференции). Ротопринт, АН СССР. Л., 1970.

Холодович А. А. Опыт теории подклассов слов. ВЯ, 1960, № 1.

Хомский Н. Синтаксические структуры. В сб.: «Новое в лингвистике», т. II. М., ИЛ, 1962.

Чешко Е. В. К вопросу о падежных корреляциях. ВЯ, 1960, № 2.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., Учпедгиз, 1941.

Шведова Н. Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи. ВЯ, 1958, № 2.

Шведова Н. Ю. Проблема лексических ограничений как одна из проблем изучения истории синтаксиса. ВЯ, 1960, № 6.

Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. ВЯ, 1964, № 6.

Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке. В сб.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., «Наука», 1967.

Якубинский Л. П. О диалогической речи. «Русская речь», т. I. Петроград, 1923.

Ярцева В. Н. Исторический синтаксис английского языка. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961.

*
*
*

Agno F. Il verbo nell'italiano antico. Napoli, 1964.

Bally Ch. Syntaxe de la modalité explicite. CFS, 1942, n° 2.

Bally Ch. Intonation et syntaxe. CFS, 1941, n° 1.

Battaglia S., Pernicone V. La grammatica italiana. Torino, 1960.

Bazell C. E. Syntactic relations and linguistic typology. CFS, 1949, No. 8.

Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966.

Blinkenberg A. Le problème de la transitivité en français moderne. København, 1960.

Blinkenberg A. L'ordre des mots en français moderne. København, 1933, vol. II.

Brøndal V. Essai de linguistique générale. Copenhagen, 1943.

Brunot F. La pensée et la langue. Paris, 1922 (1936).

Cappuccini G., Migliorini B. Vocabolario della lingua italiana. Torino, 1961.

Cohen M. Le subjonctif en français contemporain. Paris, 1964.

Contreras L. Significados y funciones del «se». Zfr Ph., 1966, Bd. 82, Hft. 3—4.

Coseriu E. Determinación y entorno. Dos problemas de una lingüística del hablar. «Romanistisches Jahrbuch». Hamburg, 1955—56, Bd. VII.

Costabile N. Le strutture della lingua italiana. Grammatica generativo-trasformativa. Bologna, 1967.

Cuendet G. Sur l'expansion de la particule relative. «Mélange Bally». Genève, 1939.

De Felice E. La preposizione «a». «Studi di filologia italiana», 1958, vol. XVI.

De Felice E. Contributo alla storia della preposizione «da». «Studi di filologia italiana», vol. XII (Estratto).

Delbrück B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, t. 2. Strassburg, 1897.

Dubois J. Grammaire structurale du français. Le verbe. Paris, 1968.

Dubois J. Essai sur certaines propriétés des phrases non achevées en français. «Bulletin de la société de linguistique de Paris», 1966, t. LXI, fasc. 1.

Dubois J. et Irigaray L. Approche expérimentale des problèmes intéressants la production de la phrase noyau et ses constituants immédiats. «Langages», 1966, n° 3.

Ernout A. et Thomas F. Syntaxe latine. Paris, 1964.

Fahlin C. Etude sur l'emploi des prépositions *en, à, dans* au sens local. Uppsala, 1942.

Fochi F. Congiuntivo manomesso. «Lingua Nostra», 1957, vol. 18, fasc. 2.

Frei H. Caractérisation, indication, spécification. «For Roman Jakobson». The Hague, 1956.

Frei H. Zéro, vide, intermittent. «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 1950, Hft 1—2.

Frei H. Désaccords. CFS, 1961, n° 18.

Frei H. La grammaire des fautes. Paris, 1929.

Frei H. Langue, parole, différenciation. «Journal de psychologie», 1952, n° 2.

Frei H. L'unité linguistique complexe. «Lingua», 1962, n° III.

Gili y Gaya S. Curso superior de sintaxis española. México, 1943.

Gossen C. T. Studien zur syntaktischen und stilistischen Hervorhebung im modernen Italienisch. Berlin, 1954.

Gougenheim G. Verbes déterminés et verbes indéterminés en français. «Le français moderne», 1961, n° 3.

Gougenheim G. Ya-t-il des prépositions vides en français? «Le français moderne», 1959, n° 1.

- Gougenheim G. Recherches sur la fréquence et la disponibilité. «Statistique et analyse linguistique». Paris, 1966.
- Gougenheim G., Sauvageot A. L'élaboration du français fondamental. Paris, 1964.
- Greimas A. Les topologiques: essai de définition d'une classe de lexèmes. «Cahiers de lexicologie», 1964, vol. IV, fasc. 1.
- Greimas A. Sémantique structurale. Paris, 1966.
- Gross M. Remarques sur la notion d'objet direct en français. «Langue française», 1969, n° 1.
- Guiraud P. La syntaxe du français. Paris, 1963.
- Guiraud P. Le français populaire. Paris, 1965.
- Herczeg G. La locuzione perifrastica andare + participio passato. «Lingua Nostra», 1966, t. XXVII.
- Herczeg G. La costruzione avere + sostantivo astratto in sostituzione di un verbo. «Lingua Nostra», 1960, vol. 21, fasc. 1.
- Herczeg G. Lo stile nominale in italiano. Firenze, 1967.
- Herczeg G. Lo stile indiretto libero in italiano. Firenze, 1963.
- Herczeg G. Sintassi delle proposizioni subordinate nella lingua italiana. Budapest, 1959.
- Jakobson R. Essais de linguistique générale. Paris, 1963.
- Karcevski S. Sur la parataxe et la syntaxe en russe. CFS, 1948, n° 7.
- Karcevski S. Sur la phonologie de la phrase. TCLP, 1931, n° 4.
- Karcevski S. L'idée du procès dans la langue russe. CFS, 1956, n° 14.
- Kurylowicz J. La notion de l'isomorphisme. TCLC, 1949, vol. V.
- Lagane R. Les verbes symétriques: économie morpho-syntaxique et différenciation sémantique. «Cahiers de lexicologie», 1967, vol. X, n° 1.
- Lagane R. Problème de définition. Le sujet. «Langue française», 1969, n° 1.
- Le Bidois R. L'inversion du sujet dans la prose contemporaine (1900—1950). Ed. D'Artrey, Paris.
- Le Bidois G. et R. Syntaxe du français moderne, t. I. Paris, 1967.
- Leone A. Ancora su andare + participio passato. «Lingua e Stile», 1968, n° 3.
- Leone A. Proposizioni condizionali oggettive. «Lingua Nostra», 1958, vol. 19, fasc. 1.
- Malblanc A. Stylistique comparée du français et de l'allemand. Paris, 1961.
- Martinet A. Structures élémentaires de l'énoncé. La linguistique synchronique. Paris, 1965.
- Meriggi P. La ripresa dell'oggetto in italiano. «Volkstum und Kultur der Romanen», 1938, Bd. II.
- Michéa R. Les structures. «Études de linguistique appliquée», 1963, n° 2.
- Migliorini B. Lingua e cultura. Roma, 1948.
- Migliorini B. Note sugli aggettivi derivati da sostantivi. «Mélanges Bally». Genève, 1939.
- Migliorini B. La lingua nazionale. Firenze, 1943.
- Migliorini B. Saggi linguistici. Firenze, 1957.
- Migliorini B. Saggi sulla lingua del Novecento. Firenze, 1963.
- Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle, 1880.
- Ribeiro Peral. Essere, sedere e stare nas linguas românicas. «Bol. de filologia». Lisboa, 1958, t. 17, fasc. 1—2.
- Pontoppidan-Sjövall K. Categories of content and form in language. Uppsala, 1968.
- Poppe E. Studi sui significati di «da». «Studi di filologia italiana», 1963, vol. XXI.
- Regula M., Jernej J. Grammatica italiana descrittiva. Bern und München, 1965.
- Saronne E. T. Per un'analisi semantico-strutturale dell'italiano. «Lingua e stile», 1968, n° 3.
- Sechehaye A. Essai sur la structure logique de la phrase. Paris, 1950.
- Segre C. Lingua, stile e società. Milano, 1963.
- Seiler H. Relativsatz, Attribut und Apposition. Wiesbaden, 1960.
- Slama-Cazacu T. Langage et contexte. Mouton, 's-Gravenhage, 1961.

- Spitzer L. Italienische Umgangssprache. Marburg, 1918.
- Stepanov J. S. L'article français: structure d'éléments différentiels. «Beiträge zur rom. Phil.», 1964, Hft 1.
- Terracini B. Lingua libera e libertà linguistica. Torino, 1963.
- Tesnière L. Éléments de syntaxe structurale. Paris, 1959.
- Todorov T. Recherches sémantiques. «Langages», 1966, No. 1.
- Trnka B. Bemerkungen zur Homonymie. TCLP, 1931, n° 4.
- Veyrenc J. Mouvement de déplacement et mouvement de fonction. «Bulletin de la société de linguistique de Paris», 1966, t. 61, fasc. 1.
- Vinay J.—P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris, 1958.
- Wartburg W. La posizione della lingua italiana. Firenze, 1940.
- Wartburg W., Zumthor P. Précis de syntaxe du français contemporain. Bern, 1947.
- Wydler K. Zur Stellung des attributiven Adjektivs vom Latein bis zum Neufranzösischen. Bern, 1956.